

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ВСЕРОССИЙСКИЙ
КОНКУРС СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

СБОРНИК РАБОТ ФИНАЛИСТОВ

**ЦЕНТР РЕАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ И ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

Москва
2020

УДК 371
ББК 74.200.58
С232

Учредитель Всероссийского конкурса сочинений –
Министерство просвещения Российской Федерации

Оператор Всероссийского конкурса сочинений –
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение дополнительного профессионального образования
«Центр реализации государственной образовательной политики
и информационных технологий»
(ФГАОУ ДПО ЦРГОП и ИТ)

**С232 Сборник работ финалистов Всероссийского конкурса со-
чинений «Без срока давности». – М.: ФГАОУ ДПО ЦРГОП и ИТ,
2020. – 306 с.**

ISBN 987-5-8429-1388-6

УДК 371
ББК 74.200.58

ISBN 987-5-8429-1388-6

© ФГАОУ ДПО ЦРГОП и ИТ, 2020

«В Год памяти и славы Министерство просвещения с особым вниманием относится к патриотическому воспитанию школьников. Это очень близкая, проникновенная, родная тема для нашей страны, где след Великой Отечественной войны есть в каждой семье. Важно, чтобы и новые поколения с уважением и признательностью относились к воинам, которые защищали Родину, любя её всем сердцем, чувствуя глубокую личную ответственность за то, чтобы сберечь её. Подобные конкурсы – одна из важных частей национального проекта «Образование». И каждый ребёнок, написавший сочинение, обдумавший тему, проживший какую-то историю, ставшую его текстом, – участник большого важного пути, цель которого – сохранение знаний о героях, выигравших войну, укрепление современного мира, в котором войн быть не должно».

Министр просвещения Сергей Кравцов

О КОНКУРСЕ

Указом Президента Российской Федерации 2020 год объявлен Годом памяти и славы в целях сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

В 1945 году наша страна одержала Великую Победу над гитлеровской Германией, освободив весь мир от фашизма. Победа над германским нацизмом и его союзниками досталась советскому народу дорогой ценой.

По прошествии 75 лет некоторые западные политики пытаются переписать события Великой Отечественной войны, сознательно искажая историю и оскверняя память наших предков. Но память о войне жива и будет жить дальше в сердцах нашего и всех будущих поколений российских патриотов. Мы никогда не забудем своих героев, наши неудачи и наши великие победы. Но мы также не забудем тех злодеяний, страдания и горя, которые принесли враги на нашу землю.

Преступления против человечности не имеют срока давности – это одна из основ международного права. Каждый военный преступник знает о неотвратимости кары. Правосудие совершается не только в залах судов и трибуналов. Народная память – это тоже суд. Подлинный суд истории! Мы помним и хотим, чтобы все наши потомки знали и помнили, что кровопролитная война советского народа с фашистской агрессией была выражением извечной борьбы Добра со Злом. Зло, воплотившееся в преступлениях нацизма, не может никогда получить шанса на оправдание.

Всероссийский конкурс сочинений «Без срока давности» проведён Министерством просвещения Российской Федерации в рамках реализуемого Общероссийским общественным движением «Поисковое движение России» проекта, целью которого является противодействие забвению преступлений нацизма в период Второй мировой войны и умалению значения Нюрнбергского международного трибунала как важнейшей основы послевоенной системы международного гуманитарного права. Партнёрами конкурса выступили Российское историческое общество, Российское военно-историческое общество, ведущие гуманитарные университеты страны.

«Без срока давности» – это проект и о военных преступлениях, и о том, что мы не должны забывать о трагедии гражданского населения», – сказала инициатор проекта, руководитель Поискового движения России, председатель Комиссии ОП РФ по делам молодёжи, развитию добровольчества и патриотическому воспитанию Елена Цунаева.

В конкурсе приняли участие 133 600 обучающихся 5–11-х классов общеобразовательных организаций из 85 субъектов Российской Федерации, в том числе обучающиеся 5–11-х классов 37 общеобразовательных организаций при посольствах России за рубежом.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вы держите в руках не просто книгу, сборник школьных сочинений, а книгу Памяти – памяти о Великой Отечественной войне. Книга написана внуками и правнуками участников тех далёких событий, детьми, живущими в мирное время, но понимающими жестокость и трагичность военного лихолетья, ужас событий Великой Отечественной войны.

Эта книга – удивительное проявление детских талантов. Читая работы, понимаешь, насколько богата Россия замечательными людьми, насколько жива память в сердцах благодарных потомков.

В конкурсных работах нашли отражение события Великой Отечественной войны в преломлении истории регионов, городов и деревень, семейных историй, творчества писателей и поэтов, драматургов и композиторов; деятельность молодёжных, волонтёрских, поисковых организаций по сохранению и увековечению памяти о Великой Отечественной войне; истории создания мемориалов Великой Отечественной войны.

Будущего не бывает без осознания прошлого своей страны. Поколение Великой Отечественной войны оставило незримый, но прочный след в наших душах, в славной истории нашей страны, что подтверждают авторы этой книги. Время успело скрыть на полях следы былых сражений, заросли травой окопы и траншеи, восстановлены разрушенные города и сёла. Однако оно бессильно ослабить память о нестигаемой стойкости и героизме миллионов советских людей. Нет ей предела! Будто нитью времён скрепила память поколения ушедшие, уходящие и живущие.

Эта книга написана сердцем, каждая история неповторима и оригинальна. За строками каждой работы угадывается её автор: его характер, его мировоззрение, умение не просто интересно, красивым литературным языком пересказать услышанную историю, а прочувствовать, пропустить её через себя, через свою душу, высказать своё отношение. В этом конкурсе проявился не только литературный талант, но и творческая и социальная активность подрастающего поколения, активного гражданина России.

Нет семей в России, которых бы не затронула война, и, наверное, мало семей, которые были бы равнодушны к этой теме. История каждой семьи есть достояние страны.

В сочинениях читается не только грусть от потери родных и близких, но и одновременно гордость за их беспримерное мужество и героизм. Все сочинения пронизаны глубоким убеждением, что войн больше быть не должно, что память о Великой Отечественной войне навечно сохранится в сердце каждого россиянина. Поэтому и пишут дети о том, что память о миллионах погибших не имеет срока давности, память сильнее времени.

Хочется поблагодарить не только авторов лучших сочинений, вошедших в этот сборник, но и родителей, бабушек и дедушек, передающих детям память о своих предках, любовь к истории нашей Родины. Особая благодарность учителям, под руководством которых ребята готовились к конкурсу, ведь за каждой работой незримо стоит многолетний труд педагогов.

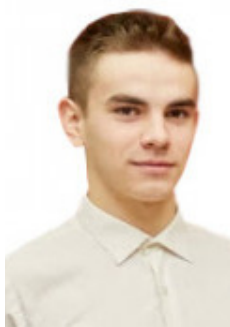

ПОБЕДИТЕЛИ

**Всероссийского конкурса сочинений
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

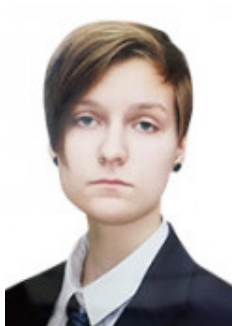
Томаровская
Екатерина

Шульга
Рувим

Соколова
Елена

Рыжкова
Дарья

Сырокваша
Даниил

Павлова
Виктория

Матвеева
Ксения

Эмирбеков
Расул

Сыромятников
Константин

Можяев
Борис

Томаровская Екатерина, 8-й класс

Белгородская область, г. Шебекино
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 5
с углубленным изучением отдельных предметов»

А был ли мальчик?

— **П**одумайте об этом, – сказала учительница, – можно ли менять историю в угоду политике? Всё, что вы узнали сегодня, о чём читали и смотрели фильмы, о чём рассказывали вам родные – хотят перечеркнуть, переосмыслить. Правильно ли это, на ваш взгляд?

И я подумала...

Митя проснулся рано. Не потому, что больше не хотелось спать – нет, очень хотелось! За окном ещё темно, холодно, а на печи с бабушкой тепло и уютно. Кошка свернулась клубочком прямо под боком у Мити. Хорошо, что бабушка спит и не видит, а то сразу прогонит Муську. Кошки чувствуют доброту: сколько себя помнит Митя – всегда рядом кошка. Но сегодня некогда нежиться – нужно сразу после того, как мама подоит корову, утреннее молоко нести в город, чтобы получить какую-никакую еду: немного муки, гречки, пшеницы, даже иногда хлеб или шоколадку можно получить. Недавно Мите исполнилось тринадцать, и теперь он чувствует себя взрослым и самостоятельным, пора уже быть кормильцем в семье.

Звякнула щеколда на двери, потянуло холодом, мама вошла с ведрами, тяжело поставила их на лавку и взяла с полки большие полторалитровые бутылки. Митя проворно слез с печи, на ходу натягивая широкие отцовские штаны, и босиком подбежал к маме – дело привычное: сейчас они разольют молоко по бутылкам и можно нести их в город. Вот только с пробками всегда беда: чем же заткнуть бутылки, чтобы молоко не расплескалось по дороге?

– Ночью, видать, самолёт снова рассыпал эти бумажки – хорошо. Смотри, сколько насобирала, – мама улыбается и показывает с десяток белых листовок.

У неё платок повязан назад, несколько прядей выбились и красиво обрамляют белое лицо. Митя любит, когда мама вот так завязывает платок: она сразу становится молодой, весёлой, совсем как тогда, до войны, когда отец был дома. Довоенное время Митя старается не вспоминать: сразу накатывает к горлу ком и мешает глотать, какая-то сила выдавливает слезу из глаз, а плакать Мите нельзя – ему тринадцать, он мужчина уже. Часто во сне видит он, как отец садится на коня, как подхватывает его, малого, и сажает перед собой на седло. Они скачут по степи, ветер в лицо, Мите немного страшно, но отцовская рука держит его, а сам отец наклоняется к нему

и целует в затылок. И такое счастье, такой восторг охватывают Митю! ...И он просыпается в слезах. Нет! Не думать об этом. Пусть лучше мама подвязывает платок под подбородок, как все бабы на селе, пусть лучше выгладит постаревшей и забитой – меньше ранящих воспоминаний и меньше взглядов недобрых чужаков.

Мама скручивает листовки и затыкает ими бутылки с молоком. Несколько остаётся дома – до следующего раза. Можно будет потом прочесть, что там написано. Митя читает медленно, по слогам – до войны успел окончить только три класса.

Митя вышел из дома ещё до рассвета: путь длинный до города и идти нужно осторожно, чтобы не разбились и не расплескались бутылки с молоком. Отцовские сапоги великоваты, и мама дала толстые портянки, чтобы не натёр ноги по дороге, но всё равно идти тяжело. К обеду стал виднеться город. Мимо стали проезжать подводы.

– Эй, паренёк! Садись, в ногах правды нет, – крикнул Мите седой мужик на одной из подвод.

– Спасибо Вам! – Митя осторожно поставил котомку с бутылками на солому, потом сам запрыгнул и разместился удобно на краю подводы, свесив ноги. Бутылки звякнули, и Митя развязал узел, чтобы посмотреть, не треснуло ли стекло.

– Ух ты! – у мужика загорелись глаза. – Пацан, а чем это у тебя бутылки заткнуты? Давай я тебе пеньки дам вместо затычек, а ты мне бумагу. Табачок есть – бумаги нет! Идёт?

– Идёт! – и Митя заткнул бутылки пенькой, а листовки, сжатые и закрученные, отдал мужику.

– А ну, погодь! – с другой стороны подводы поднялся ещё один мужик, и Митя увидел, что одет он в чёрную форму полица. – Дай сюда! Что там написано?

Полицай взял мамины пробки для молока, развернул их и начал читать:

– «За наши слёзы, за кровь детей отомстим врагу! Смерть фашистским оккупантам!» Так ты агитатор?! А ну, вставай!

Он ударом приклада в спину столкнул Митю на дорогу. От неожиданности Митя задохнулся, пыль попала в рот, слёзы брызнули из глаз.

– Дяденька, я не знаю, что там написано, я несу молоко в город.

Но полицай уже вязал ему руки. Утром Митя был расстрелян в числе других подозреваемых в связях с партизанами. Мама так и не узнала, куда пропал её сын.

...Сегодня учительница показала нашему классу презентацию под названием «Без срока давности». И попросила подумать над тем, что мы узнали.

Перед моими глазами стоит фотография, на ней запечатлён человеческий череп с пулевым отверстием. Страшно. Ещё страшнее, если престу-

пленя, совершённые во время войны по отношению к мирным жителям, будут забыты. Ещё страшнее, если результаты той войны будут пересмотрены современным обществом и идеология фашизма будет иметь право на существование.

Этот череп, много лет пролежавший под землёй, принадлежал человеку, у которого были мечты, были воспоминания, была любовь и дружба. Была жизнь. Прерванная чьей-то безжалостной рукой. Прерваны многие жизни детей и внуков, которые могли быть у Мити. Убита целая вселенная жизней.

Жил на свете мальчик. И не стало мальчика. Кто помнит о нём? Был ли он?

Так разве имеет право кто-нибудь запретить называть преступлением убийство?

Шульга Рувим, 10-й класс

Брянская область, Трубчевский район, пгт Белая Берёзка
МБОУ Белоберёзковская средняя общеобразовательная школа № 1

Совість заржавела

– **М**акс, иди сюда! Здесь, кажись, что-то есть.
Худощавый пожилой мужчина отложил запипикавший металлоискатель, взялся за длинный щуп и воткнул его в землю.

– Эге, да тут кости!

К нему энергичным шагом подошёл излишне полноватый человек в очках лет сорока. Он развернул пожелтевшую от времени, всю в отметках карту и многозначительно кивнул:

– Да, Серёга! Похоже, нашли то, что мы ищем.

Прямо перед ними был небольшой холмик.

– Эй, мужики! Давайте копать. Сегодня надо проверить эту точку. Разбирайте лопаты, – скомандовал Максим остальным участникам группы – трём парням, неспешно курившим в сторонке.

Лица всех мужчин приняли сосредоточенное выражение, и они взялись за однообразную, монотонную работу. Шаг за шагом они приближались к цели, проверяя каждый сантиметр почвы. Командир отряда Максим, глядя на молодых парней, с энтузиазмом вонзающих свои лопаты в грунт, невольно вспоминал свою молодость. Он видел себя на могиле без вести пропавшего деда, останки которого нашли поисковики. Именно тогда он дал себе обещание стать поисковиком. Потом – первый поход, невероятный труд...

– Есть! – мысли Максима прервал внезапный возглас.

Он подошёл. На дне ямы виднелась едва показавшаяся кость.

– Так, парни, отлично. Аккуратно копаем дальше.

Через некоторое время стали отчётливо видны очертания скелета. Опытный глаз поисковика сразу определил, что кости женские. Наверное, медицинская сестричка. В черепе зияло круглое отверстие, от которого в противоположные стороны расходились две трещины, а рядом, целёхонькие, задорно торчали тоненькие косички. Все мужики замолчали. Первым тишину нарушил Сергей:

– Неужели она одна здесь? Надо проверить!

– Давай, – согласился Максим.

Они бережно, буквально по косточке, вытащили останки на поверхность и разложили их в правильном порядке на подстилке. Повисла тишина. Вокруг простиралось поле, поросшее высокой травой. Над головой, в вышине, успокоительно и миролюбиво пели жаворонки. Но никто из стоявших не замечал их.

– Пора копать, – сказал Максим, чтобы разрядить обстановку. – Не будем терять времени.

Он посмотрел вдаль: пастух гнал домой стадо коров. Солнце уже давно прошло свой зенит и двигалось к горизонту. Вечерело. Внимание Максима привлёк тяжёлый, вздымающий за собой клубы пыли «Урал», медленно двигавшийся по грунтовой дороге, пролегающей рядом. Водитель повернул голову и внимательно смотрел в их сторону. Затем он переключил передачу и с ветерком помчался дальше. Максим пожал плечами и вернулся к работе.

Через пять минут мотоциклист уже ехал по окраине деревни. Это был Митька, водитель директора, всё всегда знающий и во всё сующий свой нос молодой парень. Он лихо подрулил к воротам крайнего дома и посигналил. Из сарая вышел крепко сбитый коренастый мужичок. В бороде торчали стебельки сена. Видно, он был занят работой. Мужика звали в деревне Петровичем. Он не любил болтунов, презирал бездельников. Поэтому Петрович искоса взглянул на непрошеного гостя и сквозь зубы выдавил:

– Чего тебе?

– Поговорить хотел. Или... предупредить, – мотоциклист держал паузу.

– Ну? – хозяин сердился, он явно не был заинтересован в продолжении разговора.

– Я смотрю, сено тебе без надобности, Петрович?

– Как это без надобности! С чего ты взял? – рассердился бородач. – Я как раз завтра косить собирался.

– Косить-то нечего. Городские всю твою делянку разворотили. Наверное, клад ищут, – язвительно ухмыльнулся Митька. – Так что сена тебе, Петрович, в этом году не видать!

Довольный собой, он лихо завёл «Урал», надел шлем и на прощание крикнул: «Не воронь! Может, и тебе клад достанется?!» Петрович подскочил как ошпаренный. Он быстро выдернул из загородки кол и помчался на луг.

Вскоре размеренную работу отряда нарушил громкий вопль. Поисковики в недоумении подняли головы. Дюжий мужик свирепого вида с палкой в руке и возгласом «Убью!» нёсся на них. В яме они были как в капкане: что хочешь, то и делай. Подбегая к ним, Петрович занёс кол над головой, чтобы со всей мочи обрушить свой карающий меч на головы хватчиков, но вдруг его нога зацепилась за что-то, и он, недоумевая, перекувыркнулся в воздухе и плашмя упал в яму. Падая, Петрович зацепил ногами бровку и камнем обрушился вниз вместе с пластом земли. Поднявшаяся пыль скрыла его из виду.

Через минуту поисковики смогли различить силуэт нападавшего. Он стоял на четвереньках и мотал головой: глаза запорошило землёй. Когда он их раскрыл – остолбенел: в лицо ему глядели чёрные провалы человеческого черепа.

– Бог ты мой! – застонал бородач, совсем позабыв, зачем он здесь.

Мужики бросились к нему. Прямо перед ними на земле вырисовывался скелет человека. Маленькое круглое отверстие в заржавевшей каске аккуратно на затылке молчаливо кричало о свершившейся трагедии. Челюсти были сведены в нечеловеческой судороге. На ногах – чудом уцелевшие тяжёлые кожаные сапоги. Рядом – металлический остов ППШ.

Петрович неуклюже стал подниматься, дрожащей рукой задев ногу солдата. Из голенища сапога показался какой-то предмет.

– Что ты делаешь, медведь! Эй! Осторожнее! – со всех сторон закричали поисковики.

Бородач повернулся к ним, чтобы ответить, – земля посыпалась, и из солдатского сапога прямо на землю упала небольшая походная ложка. Максим бережно взял её, отряхнул и внимательно осмотрел.

– Неужели? – он пристально вглядывался в поблекший со временем металл. – Да здесь надпись, мужики! Так... Ну-ка, дайте сюда лупу и фонарь захватите!

Петрович первым сорвался с места, отыскал и принёс нужные вещи. Затаив дыхание, он внимательно следил за шевелящимися губами командира.

– Та-а-к.., – наконец-то Максим заговорил. – К...вещьрий ...опович. Уже что-то! Думаю, порывшись в архивах, мы обязательно найдём его. Нам очень повезло. Это всё благодаря тебе, мужик!

Он поднял глаза на Петровича. Вся группа обернулась к бородачу. Он покраснел, улыбнулся и уже открыл рот, чтобы ответить, но тут он вспомнил, зачем сюда прибежал, – и на его лице появилось выражение смутения, беспокойства и вины. Несколько минут он стоял какой-то потерянный.

– Мужики! Простите! Я, правда, не знал! – неожиданно образовавшийся ком в горле мешал ему говорить. – Можете копать, сколько нужно копать!

– Да мы зла не держим, – улыбнувшись, искренне и просто сказал Максим.

Поисковики помогли Петровичу выбраться наверх, он попрощался и, как незрячий, медленно пошёл домой.

Максим пристально глядел ему вслед. Он уже насмотрелся на подобных мужиков, а ребятам всё это было в новинку.

– Парни, давайте работать, – скомандовал Максим. – Надо поднимать останки.

В дом бородач зашёл не сразу. Он долго сидел на лавочке у ворот и усиленно прокручивал в памяти прошлое. Петрович вспоминал рассказы своей бабушки и отца. И все они – о войне. О голоде и бомбёжках, о тех страхах и ужасах, которые им пришлось пережить. А вот деда Петрович не знал. Его мобилизовали в начале войны, и больше о нём никто ничего не слышал.

В голове то и дело всплывали события сегодняшнего дня. «К...вец ... рий... опович... Хм! Интересно, поможет ли имя найти героя?» – эта мысль не давала Петровичу покоя.

И тут его осенило: а если это дед? Он судорожно вспоминал его имя-отчество. Фамилия, как и у него, – Конавец, имя – Григорий (отец-то Григорьевич!), а вот отчество? Петрович побежал в дом. Не разуваясь, он метнулся к шкафу, достал шкатулку. Надел на нос очки и стал искать...

– Так... Вот! Григорий Про-ко-пович...

Хорошо, что он сидел: иначе пришлось бы туго. Петрович ухватился за сердце. А мысли неслись и неслись. Выходит, он деда своего нашёл. Деда!

А бежал-то он на луг не за тем. Его, видите ли, сена лишают! Всё ему мало и мало! Нужно, чтобы не хуже, чем у людей! Так и жил... А зачем жил? Чтобы лишний кусок был? Чтоб не отстать? Головы не поднимал, неба не видел... Деда забыл! Де-да! И не искал! А он-то совсем рядышком был. Может, смотрел и думал: «Совсем-то у тебя, внучок, совесть заржавела! А мы ведь мечтали, что внуки наши будут лучше нас».

Так и просидел Петрович всю ночь на диване. А утром, не обращая внимания на крики жены, что корову кормить пора, что сено заготавливать нужно, да и на базар сходить не мешало бы, опять побрёл на луг. Ему предстоял о-о-очень длинный путь. Он возвращался к своему деду.

Соколова Елена, 11-й класс

Краснодарский край, г. Краснодар

МБОУ Средняя общеобразовательная школа № 2

Все они живы

*Посвящается моему прадеду А.Х. Айдиняну
и его боевым товарищам*

Осень 1943 года. Ростов-на-Дону. На тёмном небе, у самого горизонта, заалела огненная полоска света. Но это было не зарево бушующего пожара и не кровавый отблеск летящих снарядов. Постепенно багровые и золотые всполохи расходились по всему небосклону, вставало солнце. Его лучи, подобно прожекторам, светлыми пятнами выхватывали из темноты руины домов, остатки дорог, чёрную землю свежих могил.

По улицам, которые ещё совсем недавно были залиты кровью, танцую, двигалась женщина. Уже немолодая, но всё ещё статная и красивая, она глядела своими пронзительными тёмными глазами на мелькающие мимо обломки знакомых зданий, уцелевшие после бомбёжек деревья, сгорбленные фигуры людей.

– Андрюша, – прошептала вдова, – живой...

По её сияющему от счастья лицу одна за другой катились быстрые слёзы.

– Мой сын жив! – воскликнула женщина, грациозно ступая по вывороченным камням разбитой дороги, скользкой то ли от прошедшего ночью дождя, то ли от крови, пролитой за время фашистской оккупации. Мать держала маленький треугольничек, от которого пахло табаком, порохом и самым родным и любимым для неё человеком. Её руки взмывали ввысь, и почерневшие от тяжёлой работы пальцы словно перебирали струны невидимой арфы.

Это была моя прапрабабушка Манушак, которая дала обет, что если получит письмо от сына с фронта, то с этой радостной вестью, танцую, пройдёт по улицам города от своего дома до дома, где Андрея ждали жена Аркназан и маленький сын Володя.

Но как долог был путь этого письма...

Шёл ливень. Очередями бьющие с неба капли снижали видимость, потоки воды заливали окопы. Техника застревала в размытом грунте, было душно, было нечем дышать от почти невыносимого жара июльского дня, дыма горящих орудий. 16 июля 1941 года к городу Фастов, где служил Андрей, подошли фашистские танки.

Спустя пять дней кровопролитных боёв немцы взяли наши войска в окружение. Кольцо противника сжималось всё уже, и положение советских солдат становилось критическим. Но они не сложили оружие: воины понимали, что сдача Фастова откроет немцам большой железнодорожный узел, и до последнего сражались против всё нарастающей мощи противника. Андрей, тяжело раненный в ногу осколком снаряда, продолжал вести огонь по фашистам. Только когда был получен приказ командования оставить город, советские солдаты прорвали вражеское кольцо и начали отступление. Под прикрытием двух отрядов, понимавших, что их ждёт верная гибель, и добровольно оставшихся в самом центре котла, войска покинули позиции.

Небольшой группой солдаты двигались к городу Белая Церковь. На краю села, мимо которого проходила дорога, стояла полузаброшенная пасека. Бойцы решили сделать привал: многие были ранены, все устали, хотели пить. Их встретил старый пасечник с седой нечёсаной головой, одетый в грязную льняную рубаху. На вопрос окруженцев о том, есть ли рядом немцы, он торопливо пробормотал:

– Ни-ни, хлопчики, нимцев тут немає! Йдите прямо. Швидко, швидко!

Старик указал рукой в сторону города, и бойцы продолжили путь. Кто-то затянул походную песню, несколько голосов подхватили её. Раскинувшиеся вдоль дороги поля напомнили Андрею просторы его малой родины. Сердце солдата сжалось от щемящей тоски по родному дому, жене, матери, сыну.

– Скорее бы соединиться с частями нашей армии... – с чувством проговорил Андрей, обращаясь к идущему рядом безусому рядовому, – отомстить за наших погибших товарищей!

Внезапно, когда бойцы проходили мимо густой лесополосы, раздались выстрелы. Молоденький рядовой упал в придорожную пыль, и изо рта его струйкой потекла кровь. Послышались крики немцев:

– Halt! Halt! Hände hoch!

После короткой, но жестокой схватки Андрей с оставшимися в живых товарищами был взят в плен.

Немцы погнали группу военнопленных через Украину и Польшу до Восточной Пруссии. Идти приходилось пешком, преодолевая за день огромные расстояния. Бойцы шли вдоль скошенных, опустевших полей, вдыхая сухой, знойный воздух и острый запах полыни. Над дорогой неподвижно стояло густое марево.

Андрей шёл, преодолевая боль от полученной раны. Наконец, впереди показались смутные очертания каких-то бараков, стоящих за высоким ограждением из колючей проволоки.

– Schneller! – закричал немецкий офицер, и советских солдат загнали в ворота пересылочного лагеря.

Под спальным бараком, в который попал Андрей, фашисты устроили пороховой склад. Всю ночь бойцы не могли сомкнуть глаз от повисшего в воздухе чувства тревоги. Сквозь щели в дощатой стене они смотрели, как ходят вражеские патрули и скользят по земле холодные пальцы прожекторов.

Наутро советских солдат посадили в грузовики, обтянутые снаружи плотным брезентом. В раскалявшейся от солнца машине с каждым часом было всё труднее дышать, люди стояли плечом к плечу, держась друг за друга, чтобы не упасть. Куда их везут, не знал никто из бойцов: может быть, в следующий лагерь, а может, на расстрел...

Конечным пунктом этого долгого и изнурительного пути оказался лагерь для советских военнопленных Нойхаммер. Андрея поразили этот полигон, окружённый колючей проволокой, на котором не было даже барачков. Людей содержали подобно скоту в загоне.

Новоприбывших выстроили в шеренгу и приказали евреям выйти из строя. Голодные и полуживые узники Нойхаммера с сочувствием смотрели на несчастных: они знали, что этих людей поведут на расстрел. К стоявшему возле Андрея армянину подошёл немецкий офицер и вытолкнул его вперёд из строя:

– Jude?

– Нет! – испуганно закричал пленный. – Я не еврей! Я армянин!

Немец смерил говорившего недоверчивым взглядом: боец был худой, невысокого роста с чёрными кучерявыми волосами.

– Jude!

Пленный указал пальцем на Андрея:

– Это тоже армянин!

Офицер перевёл взгляд на солдата. В строю стоял высокий, широкоплечий мужчина лет двадцати шести с правильными чертами лица, левым подбородком, чуть вьющимися тёмно-русыми волосами. Холодные голубые глаза военнопленного с ненавистью смотрели в лицо врага.

Подошедший переводчик крикнул: «Молчать!» – и начал о чём-то докладывать офицеру по-немецки. Пока они говорили, в сознании Андрея мелькали картины его довоенной жизни: лицо матери, запах тёплого хлеба в родительском доме, красавица-жена, держащая на руках их новорождённого сына...

Неожиданно прозвучал выстрел, и Андрей увидел, как худой армянин со стоном повалился на землю, а офицер, усмехнувшись, убрал пистолет в кобуру и презрительно процедил:

– Jude...

Конвоиры увели евреев, оставив остальных военнопленных посреди полигона. Уже потом от узников Нойхаммера Андрей узнал, что этих несчастных, как и всех, попадавших в лагерь до них, сотнями увозили на расстрел. Истребляли целую нацию.

Это событие предопределило побег из лагеря. Однако действовать надо было осторожно. Другие заключённые не раз предпринимали попытки к бегству, рыли подкопы под колючей проволокой – там, где к забору вплотную подходил лес. Но когда фашисты замечали рыхлую землю у ограждений, они сотнями расстреливали узников лагеря, которым не повезло в этот момент оказаться рядом с лазом.

Андрей с тремя товарищами начал разрабатывать план действий. Дважды они пытались бежать, но их останавливали показательные расстрелы. Наконец, холодной сентябрьской ночью им удалось прорваться через ограждение и уйти в лес.

Солдаты шли на Родину, на восток. Днём прятались в хлебах, ночью ориентировались по звёздам. Когда шёл дождь, определяли направление по нему: дождь приносило западным ветром, и, если струи воды били в затылок, воины знали, что движутся на восток. Еду добывали по ночам, забираясь в немецкие дома, которые были без замков. На территории Польши с едой стало хуже, дворы были заперты и охранялись собаками. Беглецы голодали.

По дороге нарвались на немцев и потеряли одного товарища. В ноябре прошли Краков, добрались до лесов Святого Креста. Там беглецы встретили лесничего, который предложил познакомить их с вооружёнными людьми. Бойцы поверили ему, потому что незнакомец привёл их к себе в дом, к семье, накормил. Вооружёнными людьми оказались скрывающиеся в лесах поляки и евреи, но отряда как такового ещё не было. Андрея и его товарищей одели, потому что их форма за время плена и побега превратилась в лохмотья. Беглецам дали оружие. Андрею, как самому старшему, предложили быть командиром, а его другу Анатолию – политруком. Бойцы торжественно дали присягу. Сформированный отряд начал двигаться к частям Красной армии.

Жизнь в лесу была непростая. Землянок не рыли, потому что часто приходилось переходить с места на место, выбивая врага из окрестных деревьев. С приходом зимы партизаны разводили большой костёр, вокруг которого стелили лапник. Ложились ногами к огню, укрывались шинелями и засыпали в обнимку с оружием. Острый запах еловых веток и искры костра возвращали Андрея к счастливым воспоминаниям детских лет. И на мгновение ему казалось, что он не в холодном враждебном лесу, а у домашнего очага в новогоднюю ночь... Одного человека оставляли следить, чтобы спящие не подожгли сапоги, во сне придвигая ноги поближе к теплу. Если часовой засыпал, то вставать приходилось от резкого запаха палёной подошвы.

Поставок с Большой земли не было, поэтому партизаны самостоятельно обеспечивали себя едой и оружием. По оккупированной гитлеровскими войсками территории двигаться приходилось ночью. Польские помещики

держали у себя на постое раненых немцев, чтобы в их дома не заглядывали партизаны и не просили еду.

В одну из вылазок за провизией пан, к которому пришли бойцы, с оружием спрятался на чердаке. Андрей услышал щелчок взведённого курка и скрип открывающейся ставни. Опередив поляка, командир отряда выстрелил на звук. Раздались женские крики и плач:

– Янека убили!

Поднявшийся шум разбудил фашистов, и они открыли огонь из окон по партизанам. Пришлось отступить. Тяжело раненного Анатолия Андрей вынес на своих плечах. Врачом в отряде был Мишка Левин, едва успевший окончить до войны три курса медицинского института. Рана была тяжёлая, но он выходил политрука.

За умение метко стрелять в темноте товарищи прозвали Андрея Чёрным Капитаном. Но ласково бойцы обращались к командиру Батя. Он по-отечески заботился о них, благодаря своему мужеству и уму сохранил многим жизни.

Отряд постепенно рос и двигался на восток. В нём насчитывалось уже 120 человек. Бойцы перешли через реку Вислу и в Яновских лесах соединились с польско-украинским партизанским отрядом имени Г.И. Котовского под командованием Фролова. До лета 1943 года Андрей воевал там в должности командира 2-го взвода.

В июле партизаны форсировали Буг и соединились с 5-м батальоном имени С.М. Кирова под командованием Николая Михайловича Николенко из Черниговско-Волынского соединения Алексея Фёдоровича Фёдорова. Партизаны боролись с оккупантами в городах Любешов, Маневичи, Ковель, сёлах Старые и Новые Червища, Ставки, вели рельсовую войну на Ковельском железнодорожном узле. Андрей со своими бойцами участвовал в разгроме немецкой жандармерии, польской полиции. В июле под его командованием партизаны сожгли пять лесопильных заводов, пустили под откос четыре воинских эшелона противника, при этом захватив семь ручных пулемётов и пятьдесят винтовок.

Отряду Чёрного Капитана пришлось выполнять самые рискованные задания – вести разведывательную и подрывную деятельность, выбивать из леса украинских националистов. В июле 1943 года партизаны попали в засаду в селе Ставки. В схватке Андрей убил пятнадцать бандеровцев, сдерживая натиск превосходящих сил противника, и обеспечил отход своим товарищам. Будучи тяжело раненным, он с боем вернулся к отряду.

– Что ж ты, Батя, не бережёшь себя? – причитал Мишка, перевязывая раны командиру. Андрей улыбнулся на ворчание Левина и произнёс:

– Лучше дай мне бумагу: письмо писать буду.

К ним подошёл политрук и протянул другу самокрутку. Партизаны отдыхали после боя, гармонист Яшка наигрывал весёлую мелодию, а бойцы пели по-польски:

– My młodzi, my młodzi,
Nam bimber nie zaszkodzi...

Зажав в зубах самокрутку, Андрей писал матери, и его голубые глаза были полны сыновьей любви и нежности.

...Я часто вижу эти глаза, когда смотрю на своего старшего брата Андрея, названного так в честь прадеда и удивительно похожего на него. Мы идём в строю «Бессмертного полка», и я знаю, мама, что все они живы. Все живы...

Рыжкова Дарья, 8-й класс

Липецкая область, г. Липецк

МБОУ экологический лицей № 66

имени героя Советского Союза С.П. Меркулова

Искусство слова – самая честная народная исповедь о войне

Огарок медленно тлел, оставляя молодому солдату всего несколько десятков минут. Шелест пожелтевшей бумаги, чирканье уголька по ней, мерное насвистывание – это было всё, что наполняло шаткую землянку в тот момент. Несмотря на высокую скорость письма и весьма неудобное положение, особо ворочаться не приходилось: малейшее движение – и комья грязи падают за шиворот.

– Слав, а зачем оно?

Мальчишка рядом придвинулся ближе, поправляя грязную шинель на плечах. Взъерошенный и худощавый, он внимательно следил за руками, пересчитывающими оставшиеся клочки блеклых газет, так экономно использованных для очерков. Потянувшись за кипой уже исписанных, он привстал, чтобы достать несколько выпавших. Чёрный след смазывался от трения, но слова по-прежнему оставались разборчивы, позволяя ему жадно запоминать странноватые фразы, немного ломаный слог и до смешного запутанные рифмы.

Ответа не последовало. Огонь стремительно гас, намереваясь оставить их в полной темноте. Отложив рукописи в сторону, Слава поспешил схватить свечу и высунулся наружу, чтобы выкинуть ещё тёплый парафин (даже небольшой коптящий фитиль мог запросто удушить их ночью). Тёмное, холодное небо снова оказалось закрыто тряпьем, затыкающим вход в жилище. Он аккуратно забрал свои записи из худощавых пальцев, укрывая бумагу тёплой меховой шапкой, не дававшей ей разлететься.

– Что ты чувствуешь, когда слышишь песни о добре? – вопросом на вопрос ответил солдат.

Ребёнок замялся. Не то чтобы он не знал, что сказать, но его ответ казался слишком глупым и очевидным, чтобы произносить его вслух. Собеседник терпеливо ждал, параллельно готовясь ко сну, расстилая суконный плащ на ещё сырой земле. Чуть пригнувшись, он принялся выковыривать камни под «постелью», которые, очевидно, выпастись не дали бы.

– Ну, мне... тепло... радостно... Но ведь война – это больно. Зачем же о ней писать и тем более петь?

Яшка потёр болевшую шею, размышляя о том, чего же от него ждали. К какому выводу он должен был прийти? Солдат явно хотел натолкнуть

его на какую-то, похоже, очень важную мысль, но именно этого у него сделать не получилось. Задумавшись, он обхватил руками колени, уткнувшись в них носом, прямо как тогда, пару лет назад, когда выйти из дома можно было без страха смерти. Он одновременно любил и ненавидел вспоминать о своей мирной жизни и был крайне рад, когда из тягостных размышлений его вытащил чуть хрипловатый голос справа.

– «Споёмте, друзья, ведь завтра в поход. Уйдём в предрассветный туман», – протянул Слава. – Знаешь, в чём разница между грустной песней в мирное и военное время? В первом случае она заставляет думать, во втором – делать.

Произнеся последнюю фразу, он протяжно зевнул и, насколько это было возможно, удобно устроился на грубой ткани, оставив мальчишку наедине со своими мыслями. Любитель красивых недосказанностей, он не хотел изменять своим привычкам, убеждая самого себя в том, что времена меняются, а люди остаются прежними в любых обстоятельствах. Ещё пару минут можно было слышать, как Яшка сердито ворочается и укладывается на жёсткой земле, пока сам солдат не провалился в сон.

– Яков Андреевич! Ещё привезли!

Шустрый стажёр забежал в помещение с большой картонной коробкой в руках и, видимо, был не один. Ещё несколько человек по очереди заходили и оставляли такие же. Хлипкие и наскоро обмотанные бечёвкой, они так и грозились развалиться и дать содержимому разлететься по полу. Высокий, уставшего вида мужчина в жилетке подошёл ближе и присел, осторожно разматывая одну из принесённых коробок.

– Откуда хоть?

Выталкивая остальных в дверной проём, стажёр обернулся и пожал плечами, упомянув «некомпетентных сотрудников, сортировавших по приятности почерка». Яков Андреевич печально вздохнул, откладывая оторвавшийся кусок картона и бегло осматривая листы внутри. Грязные и мятые бумажки представляли собой одновременно головную боль и настоящее сокровище. Их библиотека хоть и находилась на краю города, куда обычно никто не заглядывал, но разрешение на работу с оригиналами фронтовых документов было получено достаточно неожиданно, и популярность небольшого здания кратно возросла, равно как и требования к сотрудникам. Плотными пачками каждую неделю свозили кипы разного рода записей, собранных по домам, окопам и временным квартирам. Письма домой, признания в любви, исповеди и разоблачения уже мёртвых солдат-дезертиров – всё это приходилось тщательно фильтровать, прежде чем перепечатать и издать в виде отдельного сборника.

Библиотекарь подхватил одну из коробок и переложил её на свой стол, дабы начать читать. Дело это долгое и кропотливое, одно слово приходи-

лось разбирать пару-тройку, а то и десяток минут. Нельзя было сказать, что у него не было желания убрать несколько особо неразборчивых работ куда подальше, но он сам говорил, что чувствует какой-то особый моральный долг перед их авторами, имена которых почти никогда не удавалось узнать. Вдруг на глаза ему попала ровная стопка бережно обёрнутых бинтом-марлей листов, выбивавшаяся из общего ряда. Видимо, кто-то ими или очень дорожил, или хотел оставить целыми как можно дольше. Такая тщательная упаковка обещала лёгкость чтения, и Яков Андреевич, усевшись поудобнее, принялся развязывать плотный узел ткани.

С первых слов текст показался ему до боли знакомым, но, объяснив это сонливостью и сотней прочитанных до этого рукописей, он продолжил скользить взглядом по буквам, размазывающимся при любом неловком движении. Среди очерков нашлись и короткие стихи, и лёгкая проза, откровенно непрофессиональная, но очень чувственная. Было видно, что писал не мастер своего дела, работающий по определённым правилам, а простой человек, описывающий то, что он чувствует, в самых лёгких, душевных и трепетных формах, иногда корявых, но таких до безумия родных.

Некто писал о своём доме, похоже, что у озера, сослуживцах, железнодорожных войсках и странно растущих против солнца подсолнухах. Рядом с откровенными строчками, посвящёнными матери, можно было увидеть схемы наступления и простые зарисовки деревень, в которых бойцы останавливались.

На середине ощущение дежавю отступило, давая возможность спокойно откладывать бумагу за бумагой. Видимо, они лежали в правильном порядке, и даты на уголках некоторых из них шли в порядке возрастания. Иногда Якову Андреевичу казалось, что он касается слишком личных вещей и ему стоило бы свернуть часть листов пополам и отложить в отдельную коробку, но, оправдываясь должностью, он продолжал внимать каждой строчке, не пропуская ни одной мысли человека, написавшего их. Этот некто был довольно многословен для солдата, воевавшего на передовой. Некоторые цитаты оказывались полнейшей бессмыслицей, будто сочинённой специально для запутывания нежелательных зрителей. Хмурясь и нервно почёсывая подбородок, Яков Андреевич от бессилия лез в словарь и, не находя объяснения чужаковатым оборотам, отодвигал от себя очередную страницу этого откровения. Чудилось, что он стоит прямо возле стола, опираясь о край и насмешливо наблюдая за стараниями библиотекаря. Солдат, который должен был оказаться сломленным ужасами войны, буквально смеялся, рассыпаясь в нелепых сравнениях пулемётных патронов с вишнёвыми косточками.

Разумеется, такие отступления были небольшими и нечастыми, они быстро сменялись нагнетающими описаниями выжженных пустошей, но

само их наличие говорило о жажде автора писем жить в родном ему безмятежном мире под мирным небом над головой. Он убеждал не читателя, а самого себя в великолепии этого отвратительно жестокого и фантастично прекрасного мира. Будто бы каждая буква должна была снова зажечь огонь в людях, давно потерявших надежду на счастливый финал непонятных скитаний по фронтам. Выведенные маленьким угловатым почерком слова, где-то с ошибками, иногда недописанные, оказывали почти аномальное влияние на того, кто был должен не просто прочесть, а выслушать того, кто выменял у войны несколько бесконечно долгих минут ради их написания.

Библиотекарь вытянул последний лист, смахнув волосы с вспотевшего лба. Возможно, продолжение можно будет найти в других коробках, принесённых вместе. Не могли же стажёры собирать материалы далеко друг от друга? Эта последняя в стопке часть оказалась подобием дневника. Такие уже встречались ранее, и содержали они большей частью пространные бессмысленные рассуждения о соседях, с которыми приходилось делить кров. На этот раз ком в горле встал выше прежнего, уже затрудняя дыхание от необъяснимой тревоги. Пыль с углов листа сыпалась на пол, оставляя тёмные следы на бумаге и мешая разбирать предложения.

«...он спрашивает меня о моих записях. Странный малый. Кажется, ему интересно. Нужно отложить подальше. ...Мне стоит что-то ответить».

Яков Андреевич с трепетом перевернул лист.

«Вчера тот парнишка, кажется, Яшка, которого я вытащил из-под обвала, спрашивал о войне. Похоже, он ещё не дорос. ...Надеюсь, в будущем он поймёт меня. Наверное. Если доживёт... Нужно выбирать. Боюсь, придётся оставить листы здесь: я не смогу их унести целыми».

Очерки кончились. Неясное опустошение заменило эйфорию от размышлений над мыслями другого человека. Будто бы чья-то жизнь закончилась в руках одного бледного работника. Фронтные откровения должны были увидеть свет в скором времени, пройдя тщательную проверку и цензуру. Возможно, часть вырежут, другую перевернут, но образ простого солдата, являвшегося лицом всего народа в непомерно тяжёлое для него время, останется жить в памяти чувствительного читателя, напоминая обо всём, что пережили эти люди, не сломавшись.

Библиотекарь сухо откашлялся, и, вытирая слёзы и не давая им марасть текст, завернул прочитанное в матовую бумагу, и вывел на своеобразной обложке только одно-единственное имя – Слава.

Сырокваша Даниил, 5-й класс

Мурманская область, г. Мурманск

МБОУ «Мурманский международный лицей»

Несгибаемый цветок Ленинграда

Летом 2016 года в Санкт-Петербурге на здании Военной академии была установлена мемориальная доска Карлу Маннергейму, главнокомандующему армии Финляндии, которая участвовала в блокаде Ленинграда. Жители Петербурга по-разному отнеслись к произошедшему. Были те, кто присутствовал на торжественном открытии, были равнодушные, были и те, кто пытался облить доску краской, кто бил по ней топором, и даже те, кто стрелял в неё, были и те, кто обратился в суд с требованием её снять. Первые судебные процессы оказались проиграны. Наша семья внимательно следила за этими событиями. И меня поразили слова судьи, обращённые к тем равнодушным людям: «Как эта доска оскорбляет Ваши чувства?» Судьёй, как гласит закон, должен быть человек не только с хорошим образованием, но и с высокими моральными принципами. Мемориальная доска по-прежнему оставалась на здании Военной академии...

И вот в этой ситуации в дело вмешалась маленькая пожилая женщина, родившаяся в Ленинграде, пережившая блокаду, но ко времени описываемых событий уже мурманчанка – моя бабушка, Геращенко Флора Зиновьевна. Дома мы её называем просто – наш Цветочек, потому что имя, данное ей счастливыми родителями, означает именно это – «цветочный, цветущий». Бабушка не только обратилась с новым иском в суд, она участвовала в одиночном пикете у здания Военной академии, развернула активную кампанию в социальных сетях, в средствах массовой информации. Доску сняли, хотя под другим предлогом.

Почему же наш Цветочек с таким жаром бросилась «воевать с памятником»? Её ответ прост: «Мне стыдно перед теми, кто лежит на Пискарьевском кладбище и не может защитить память о военных событиях; перед теми, кто помог мне выжить в блокаду!»

У Флоры Зиновьевны своя история, связанная со страшной войной. Когда началась блокада, бабушка была совсем маленькой девочкой, поэтому сама помнит лишь ощущения и события, о которых ей рассказывали. В её воспоминаниях самыми яркими являются три эпизода.

Эпизод первый. 1941 год. Начало блокады, когда маленькая Флора перестала ходить и почти – говорить, в словарном запасе осталось только слово «дай». У её мамы была редкая группа крови, и она ради лишнего кусочка хлеба для семьи старалась сдавать кровь чаще, чем это разрешено, и, конечно, была очень слаба. Однажды зимой, когда умер дедушка, Флори-

на мама повезла его тело на пункт приёма умерших и, возвращаясь, упала без сознания прямо на улице. Она могла остаться там уже навсегда, но две девушки подняли её, привели в чувство, дали маленький сухарик и проводили домой. Девушки фактически спасли и маму, и дочь, которая иначе бы просто замёрзла одна. А крошки от того сухарика достались и малышке. У бабушки, кстати, до сих пор сохранилась привычка собирать на палец крошки со стола.

Эпизод второй. Эту историю бабушке рассказала её соседка по коммунальной квартире тётя Женя. Вернувшись с работы, тётя Женя увидела, как моя прабабушка что-то размешивает в кастрюльке и говорит, что будет «печь блины». Оказалось, что это была масса для травли крыс. Соседка всё поняла и выбросила смертельное тесто. С прабабушкой случилась истерика. Она бросилась в драку с криком: «Чем я буду кормить ребёнка?!»... и впала в беспамятство. Так соседка спасла жизнь нашего Цветочка.

Эпизод третий. Весна – начало лета 1942 года. Бабушку вместе с её мамой эвакуировали по Ладого в Калининскую область, из которой только недавно изгнали немцев. Флора была в крайне тяжёлом состоянии: сыпь по всему телу, кровавый понос. Всю дорогу в поезде она страшно кричала. Их с мамой даже хотели высадить, но сжалились, и часть пути они ехали в помещении туалета. В городе Кашине умирающую девочку спасли военные врачи, поместив её в госпиталь, где лежали раненые солдаты.

Эти три эпизода являются ярким примером милосердия, не публично, о котором мы знаем из СМИ, а будничного, даже бытового. Но это примеры человечности со стороны людей, оказавшихся в невыносимых условиях, по отношению к более слабому и нуждающемуся в их помощи. Что мешало тем девушкам не делиться сухариком, который, возможно, у них был последним? Что мешало соседке, тёте Жене, не связываться с «сумасшедшей», позволить ей приготовить и съесть свои «блины»? Что мешало военным медикам оставить без внимания безнадёжного ребёнка и лечить только лежавших в госпитале солдат? Я думаю, что они руководствовались человеколюбием и осознанием общей для нашей Родины беды.

...Это от их имени наш Цветочек, чудом выжившая женщина, вышла в одиночку против властей, установивших мемориальную доску, против решения суда, против фельдмаршала со всей его многочисленной армией, против равнодушных жителей города, пережившего блокаду. Она твёрдо и решительно встала за свой город-герой Ленинград так же, как много лет назад этот город защитил её маленькую жизнь!

Нам всем нельзя забывать о том, как жестока война, какие лишения и горе она приносит простым людям, какой ценой досталась жизнь и Победа. Проходят годы, острота чувств сглаживается, и люди постепенно забывают о событиях прошлого. Этим пользуются недобросовестные политики, журналисты, которые пытаются исказить историю. Этого допускать

нельзя! Как нельзя устанавливать памятники союзникам нацистов! Я безмерно уважаю свою бабушку за то, что её усилия не позволили свершиться несправедливости в 2016 году, за её активную деятельность по сохранению и защите памяти о событиях, у которых нет срока давности.

Павлова Виктория, 8-й класс

Новосибирская область, Искитимский район, п. Александровский
МКОУ «Основная общеобразовательная школа п. Александровский»

Не забывается такое никогда

– Валентина Павловна! Ты дома? – кричит соседка через забор моей бабушке.

– Где же мне быть-то? Дома, конечно, – отвечает бабуля сама себе и, прихрамывая, выходит на крыльцо.

– Чего тебе?

– Да вот щепотку соли хотела занять. Не дашь? Надо бы суп сварить, а хватилась – соли-то нет. А ведь давеча в магазин ходила. Всё взяла, а про соль эту совсем забыла.

– Заходи уж в хату. Не дело – через ограду разговаривать. Да и зябко с утра-то сегодня, а ты, как всегда, простоволосая, – и добавляет укоризненно, – не забывай, не семнадцать годков тебе.

– Я же на минуточку хотела заскочить.

Бабе Зине за семьдесят. И каждый раз она находит какой-нибудь предлог, чтобы не коротать время в одиночестве. А поговорить любит и за словом в карман не лезет! «Балаболка, одним словом, – наречёт её бабушка, – болтает почём зря».

Они совсем разные – и по возрасту, и по характеру. Моя Валентина Павловна – молчунья, ей восемьдесят восемь. Она больше слушает. Иногда соглашается, а чаще возражает. Родились женщины, прожили трудную жизнь и состарились в Новососедово. Много лет они живут по соседству.

– Галоши свои не оставляй в сенях, совсем застынут. А фуфайку вот сюда, на гвоздик, повесь. Вот табуретка. Садись.

Присаживаясь, Ивановна как ни в чём не бывало продолжает:

– Цены-то в магазине – дух захватывает: сахар почти 40 рублей, хлеб серый (второй сорт, значит) за 30, а о мясе и фруктах – и говорить нечего, – тяжело вздыхает. – Никакой пенсии не хватит! В молодость-то нашу всё это копейки стоило, кроме мяса и фруктов, конечно.

И, помолчав, добавляет:

– Хотя фрукты мы и тогда не ели – не на что было. По два яблочка и по мандаринке получали на Новый год от Деда Мороза. А какой был аромат от этих фруктов! До сих пор помню!

– Что и говорить! После войны всем трудно было, – вздыхая, соглашается бабушка. – Ни поесть путём, ни одеться толком... Перебивались с копейки на копейку. Жили вечно в долг.

– А ты знаешь, что я по телевизору недавно услышала? Не поверишь – чуть с ума не сошла! На Западе говорят, будто не германцы на нас напали в 41-м году, а мы на них и они одержали победу!

– Да как же это можно! Да чтоб их разорвало! – бабушке не хватает слов для возмущения. – Неужели нам нужно было, чтобы дети без отцов росли, а матери вечно о погибших сыновьях плакали!

Женщины замолчали на какое-то мгновение, каждая думала о своём, вспоминала...

И я, невольно вслушиваясь в разговор пожилых женщин, конечно, была на их стороне. Слава Богу, что моё поколение такой долгой и страшной войны не знает и, надеюсь, не узнает никогда. Ужасно то, что в войне, связанной гитлеровской Германией, погибали не только военные – умирали ни в чём не повинные мирные жители! Страшно подумать!

Об этом периоде нашей истории написаны книги, сняты фильмы, художественные и документальные, рассказывающие о зверствах фашистов и их пособников. Факты, фиксирующие злодеяния нацистов, говорят сами за себя. Их нельзя опровергнуть, как бы на Западе злопыхатели ни старались! Нюрнбергский процесс стал справедливым возмездием фашистским преступникам. А уроки по истории Великой Отечественной войны в наших школах стали Уроками Памяти.

Война давно в прошлом. Людей, переживших этот ад, сейчас можно по пальцам перечесть. Зинаида Ивановна стала рассказывать...

– Моей тёте, Антонине Григорьевне Хоревой, исполнилось недавно 94 года. Слава Богу, жива ещё! Она хорошо помнит то далёкое страшное время. Бывает, когда к ней приезжаю (она сейчас живёт с дочерью под Новосибирском, в Мочище), рассказывает:

«Как сейчас помню воскресенье 22 июня 41-го года. У всех жителей нашей деревни Вассино в выходной свои заботы: кому-то надо срочно прополоть грядки, кому-то съездить в Тогучин на рынок... А мне с мамой рано утром нужно было прополоскать бельё на речке. И вдруг прибегают мальчишки, дети старшего брата Филиппа, орут: «Баба Саша! Война!» Нас с мамой будто кипятком ошпарили! Руки затряслись. Тут уж не до белья было! Побежали к сельсовету, а там вся деревня! Кто плачет, а кто стоит в растерянности, не знает, торопиться ли домой или ждать новостей. Может, что-то изменится... Так и стояли у столба с репродуктором, поражённые этим известием. У мамы три сына... «Значит, на войну отправят всех!» – как обожгло Антонину. Она тогда плохо соображала, что вокруг происходит... Провожали новобранцев рано утром всей деревней. Запрягли лошадей, посадили парней на телеги, и покатали они в Тогучин. Бабы голосили!.. Уже на следующий день деревня словно вымерла, оцепенела. Даже собаки брехать перестали – не на кого было! Остались одни старики, бабки да дети малые... А жить-то надо было! Зима была не за горами. Вся тяжёлая

мужская работа легла на плечи женщин и подростков двенадцати-пятнадцати лет. Мне в ноябре 1941 года исполнилось пятнадцать лет, надо было кому-то дрова и сено заготавливать. Дед Семён учил меня, как траву косить литовкой. Не каждый сможет. У меня никак не получалось: всё кончик лезвия косы в землю упирался. “Ну и бестолковая же ты, – говорил дед. – Вот мне годков бы десять сбросить, за мной бы никто не угнался”».

Помолчав, баба Зина продолжила рассказывать о тяготах жизни Антонины Григорьевны:

– А вот на быках пахать землю и боронить получалось, – вспоминала тётя Тоня. – Но они, быки эти, тоже с характером! Иной раз не знаешь, как подойти. Могут развернуться и рогами боднуть или лягнуть копытом. Однажды так и произошло. Бык попался непослушный, вредный. Только приготовила оглобли, а он на меня! Как не раздавил – ума не приложу! Но плечу досталось! Шишка огромная на всю жизнь. В 1944 году вернулся с фронта раненый Алексей Евсеев. Потянулись друг к другу, но родне его, видимо, не по вкусу пришлось. А ведь я тогда уже тяжёлая была. Расстались. Но Нину я родила. Трудно было: от работы никто не освобождал. Так за день устанешь, что не знаешь, донесут ли ноги до дома. А там тоже не легче: отец мой, Григорий Семёнович, тяжело умирал, у него рак желудка. До победы не дотянул.

– Надо же, и у меня отец тоже был больной и не дожил до окончания войны, – не вытерпела моя бабуля. – Жалко было: так мучился, но ему уже ничем не могли помочь!

Чувствуя, что Зинаида Ивановна надолго, бабушка села у окна с веретеном. Лево́й рукой потягивает пряжу, а право́й веретено крутит. Шерстяная ниточка бежит ровная, как фабричная.

– И как это у тебя получается? – спрашиваю.

– Поживёшь с моё – получится, если захочешь. Да теперича и не надо учиться: в магазине есть всё. Руки вот только болят. Ночью ноют, спасу нет, – и добавляет, вздохнув, – а раньше много пряла, особенно в войну. Вязала, как все женщины-односельчане вязали тёплые вещи: варежки, носки, шарфы – всё для фронта, всё для Победы.

Руки у моей труженицы тёплые-тёплые, а по ним синие жилочки бегут. Мне нравится, когда она перед сном осторожно расчёсывает мои волосы и говорит тихонько: «Расти, коса, до пят – женихи торопят!»

Да, самое страшное в жизни человека – смерть. Тяжело, когда уходят родные и близкие. Ужасно, когда умирают отцы и матери, их не вернёшь! Но когда погибают их дети – ещё страшнее! Уходили на фронт здоровые парни, а возвращались калеки – в лучшем случае, а чаще приходили похоронки...

А баба Зина продолжает свой неторопливый рассказ...

– Первая похоронка пришла на младшего брата Тони, Алексея. До войны он учился в лётной школе, но заболел малярией и был комиссован.

А на фронт взяли танкистом. Сгорел в танке! А было ему всего девятнадцать! В песне (не знаю, как она называется) есть слова, которые берут за душу: «Алексей, Алёшенька, сынок!» Мне кажется, эта песня про него, – рассказывала мне тётя Тоня. – Когда её слышу, не могу сдержать слёз! Это такое горе! Мама рвала на себе волосы, совсем перестала есть и спать. Мы очень боялись потерять её. Вернулся только Ваня, живой и невредимый. Он на Дальнем Востоке служил, охранял границу от самураев».

– А нас в семье до войны пятеро было: три сестры и два брата. Не вернулись мальчишки! Приходили только похоронки, одна за другой, – утирала бабушка слёзы кончиком платка, – сердце разрывается, как вспомню.

И, всхлипывая, добавила:

– Разве это можно забыть?! Никогда! А мама? А мама всё равно ждала своих сыночков всю жизнь, до самой своей смерти! Все деревенские ребята, родившиеся в 1921 году, погибли!

– «Пришла беда – отворяй ворота», – говорят у нас в народе. Вот она к нам ещё раз и вернулась, – с горечью произнесла Зинаида Ивановна.

Она задумалась, а потом продолжила рассказывать историю тёти Тони: «Филипп, старший мой брат, был контужен и ранен в правую руку. В 1942 году вернулся домой. Хоть больной, но живой! А семья-то большая: самому старшему сыну двенадцать лет, а младшему Володе – полтора годика. Брата сразу поставили бригадиром в колхозе. Была осень. Готовились к зиме. Убрали урожай. Поля были уже голые. И как-то подошли к нему женщины и попросили разрешения колоски пособирать. Голодали тогда страшно! Он долго колебался, потому что за это по головке не погладят, но разрешил. А кто-то из деревенских донёс. Посадили на три года! А колоски на полях через неделю снегом замело... Анна – бедная наша сноха – на части разрывалась: и на работу без опоздания в колхоз надо, и дома дел по горло. А тут ещё Маруся в 1943 году родилась! Сноха покормит дочку грудью, сцедит молочко в бутылку, перепеленает мало-мало крохотульку и оставит на мальчишек, отварив им картошку в мундире. Когда спала, что ела – это Богу только известно! Никому ничего не рассказывала. У каждого было своё горе!»

Как-то тётя Тоня вспоминала о своих подружках, которых отправляли на торфоразработки:

«У нас в Новосибирской области много торфа. В войну он был особенно нужен. Девчонки в любое время года работали, не ныли: бомбы им на головы не падали, никто не стрелял в них, поэтому комары и гнус – летом, ранней весной и осенью – непролазная грязь и топи, зимой – холод, пробирающий до костей, – были такой мелочью! Хотя от мороза не спрячешься, если у тебя нет валенок или они дырявые: либо пятка сверкает чаще всего, либо большой палец из носка выглядывает! Тонкие фуфайки и платки в чёрно-белую клетку тоже не спасали! Часто девчата простывали и боле-

ли, а лечить особенно нечем было... Питались плохо: корочка хлеба, жмых, картошка мёрзлая в мороз... и кипяток! У многих был туберкулёз. Умирали, не дождавшись Победы».

– Да, особенно тяжело было зимой, а весной, ближе к лету, жилось легче, – вмешалась в разговор бабушка. Она уже давно отложила прялку и плакала, утирая слёзы платком. – Лебеда, крапива и картошка гнилая – суп из них – жить можно! Ребятишки, как только снег растает и появится первая зелень, босиком в лес. Здесь тебе и медунки, и щавель кисленький, и горьковатый лук-слизун, а позже саранки – ешь – не хочу!

Все замолчали, только слышно было, как ходики на стене отстукивали: «Тик-так, тик-так...»

– Я у тебя что-то, Павловна, засиделась, – всполошилась соседка. – А ведь пришла на минуточку...

И, заглядывая в глаза бабуле, продолжила:

– Незваный гость – хуже татарина. Да?

Бабушка молчала, изредка всхлипывая:

– Соль-то заberi. Я в стакан её насыпала да на лавочку поставила. Соль в войну на вес золота была. Так-то вот.

И, прихрамывая, направилась к дверям провожать гостью:

– Платок-то накинь на голову. Разбредила душу, окаянная.

Чуть позже, возвращаясь к разговору, бабушка сказала мне:

– Война – это страшно! Твой дед дошёл до Берлина. Вернулся – вся грудь в орденах. Но недолго пожил: контуженый был... Ты должна обо всём этом помнить. А потом детям своим рассказывать! Не дай Бог пережить такое!

Матвеева Ксения, 10-й класс

Пензенская область, г. Сердобск

МОУ Средняя общеобразовательная школа № 4

О чём поют курские соловьи

«**П**амять о войне приходит неожиданно...» – где-то я слышала эти слова или они родились в моей голове? Я говорю о той памяти, которая вызывается не усилием воли, а движением сердца. Именно так – без слов «надо» и «должен» – пришла ко мне прошлым летом память о Великой Отечественной.

Мы отдыхали в Крыму. Жаркое солнце, синее море – праздник души! Я, накупавшись, прибежала к маме в тенистую прохладу под тентом. Она разговаривала с мужчиной из Запорожья, с которым мы познакомились накануне. «В чём причина конфликта с «западными» на Украине? Когда он возник?» – спросила мама. «Во время войны мой отец сражался с фашистами, а их отцы стреляли ему в спину. Разве это можно забыть?» – проговорил он.

«Разве это можно забыть?» – вопрос, произнесённый взрослым мужчиной с неподдельной болью в голосе, с повлажневшими от слёз глазами, не даёт мне покоя и сейчас, спустя полгода после памятного разговора. Мой прадед тоже воевал с фашистами, может быть, плечом к плечу с отцом того запорожца...

Утром мы отправились в обратный путь. От Крыма до нашего дома около полутора тысяч километров на машине – времени подумать, побыть наедине со своими мыслями предостаточно. Уже затемно остановились где-то в Курской области. Свежескошенное поле. Высокие валки молодого овса – перина для усталого путника! Не имея сил даже поесть, мы повалились на овес и сразу же заснули.

Проснулась я чуть раньше мамы – проснулась от пения соловьёв! Вот где довелось мне услышать знаменитое пение «голосистого курского скромника» – маленькой буренькой пташки с оранжевым хвостиком! Соловьиные трели, необычайно громкие и удивительно мелодичные, то затихая, то возникая вновь, разносились по всей округе. Где взять слова, чтобы передать это пение – чистейшие звуки флейты, щёлканье, клёкот, посвист и множество других вариаций? «Курские соловьи поют как никакие другие. У них свои трели, особенные колена, среди которых наиболее редким, своеобразным считается «кукушкин перелёт» – это я у Тургенева читала...

Светало. Кажется, не было и четырёх утра. Осторожно, чтобы не разбудить родных, я встала, да так и замерла на месте... Красота-то какая! Поля,

перелески – родная земля! Русь! Россия! В воздухе стоит терпкий, волнуемый запах свежескошенной травы: угадывается запах чабреца, настойчиво пахнет полынью. Солнце вот-вот покажется над горизонтом, а тающий месяц всё никак не уходит с неба. Босые ноги щекошет ещё нежная овсяная стерня, на ней, как бисер, рассыпана утренняя роса. И – вот он! – символ Курского края: сидя на деревянном указателе, маленькая неприметная пташка поет так, что замирает сердце. «Соловей!» – невольно вырывается у меня, и... я спугиваю ночного солиста. Он срывается с места и исчезает в зарослях. Перевожу взгляд на табличку, немного покосившуюся от времени – «Прохоровка – 1,5 км». Неужто та самая Прохоровка из школьного учебника истории? Тут ровно семьдесят шесть лет назад началась одна из важнейших битв Великой Отечественной войны, определившая её коренной перелом. В этой битве участвовал и мой прадед...

Прадед... Как мало я знаю о нём! Я не застала его в живых, но, по воспоминаниям родственников, он был светлым и добрым человеком. На войну ушёл совсем молодым – в девятнадцать лет. Каково это – оказаться на Курской дуге, в танковом сражении под Прохоровкой? А ведь ему тогда было почти столько, сколько мне сейчас... Может, и тогда ему пели эти курские соловьи, приободряя перед боем? И так же, как сейчас, стерня щекотала усталые ноги, и месяц не хотел покидать небосвод, и всё вокруг пахло свежескошенной травой...

Приехав домой, я принялась искать информацию о Курской битве и, главное, о прадеде. Вот что мне удалось узнать: «Суслов Фёдор Тимофеевич. Родился в 1922 году. Старший сержант. Служил в 39-м отдельном батальоне связи. Награждён медалью «За боевые заслуги». Участник битвы на Курской дуге». И всё. В две строчки умещена вся память о трудном пути длиной в несколько лет – и каких лет! Нет! Нам никак нельзя забывать этот путь, пройденный нашими дедами. Пусть мне никто уже не расскажет о нём, но есть же учебники – бесстрастные свидетели истории. Открою и выучу этот параграф, выучу так, чтобы никогда не забыть: он ведь вписан кровью в историю нашей страны, кровью её защитников, среди которых был и мой прадед.

«Курская дуга – стратегический выступ линии фронта в районе города Курска, образованный весной 1943 года. Курская дуга стала местом ожесточённых боёв между Красной армией и германским вермахтом, после чего получила название Огненная дуга», – читаю и уношусь мыслями в далёкое прошлое. Огненная дуга... Наша соседка, Валентина Петровна Кабасина, ребёнком оказалась в районе этой дуги: уходили от войны и остановились ночевать в каком-то подполе – домов-то во всей округе почти не осталось. Она, восьмилетняя девочка, проснулась от страшного грома. Его раскаты не прекращались ни на минуту. По железной крышке погреба стучал сильный град, а в щёлочки пробивалось яркое солнце.

– Как это? – спросила девочка. – Солнце, и град, и гром – разве так бывает?

Мама прижала её к себе, а сама тряслась всем телом.

– Это было двенадцатое июля сорок третьего года – Петров день, самый страшный день в моей жизни... Мы ещё дня два не выходили из этого погреба – последнего, как нам казалось, убежища на этой земле. Вокруг нас был огненный ад, и наше убежище в любую секунду могло стать нам могилой, но, кажется, сама земля спасала нас от неминуемой смерти, от которой мы были на волосок, ведь этот железный град был осколками снарядов, прилетавших как с вражеской, так и с нашей стороны во время танкового сражения, вошедшего потом во все учебники истории».

Учебники истории... Вот один из них открыт передо мной. Читаю: «После Курской битвы соотношение сил на фронте резко изменилось в пользу Красной армии, что обеспечило ей благоприятные условия для развёртывания общего стратегического наступления».

Да-да, так и было! Мой прадед Фёдор Тимофеевич после Курской битвы принимал участие в боевых действиях в Варшаве, Победу встретил в Румынии.

И оживают страницы учебника, и исторические даты становятся вехами судеб людей, и сухие строчки параграфов наполняются их болью: оборванной юностью прадеда, несостоявшимся детством соседки, чьей-то непрожитой жизнью...

...И снова в памяти всплывает предрассветная тишина на овсяном поле под Прохоровкой. Курские соловьи... Они ведь и тогда, в сорок третьем, прилетели в сады и перелески под Прохоровкой, и, наверное, к их пению прислушивался не один солдат перед боем, в редкие минуты предрассветного затишья. И малые птахи на своём соловьином языке пели солдату о главном – о Родине, которая дороже жизни, которая одна на всю жизнь, которой верны они генетически – «без срока давности»...

Эмирбеков Расул, 11-й класс

Республика Дагестан, г. Дербент

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 12»

Живая память

После работы папа забрал меня из школы. Едем на выходные в село Испик. Смотрю в окно: пусть и вечер, но город всё такой же живой, как и днём. Кто-то торопится домой после работы, а кто-то просто гуляет. Обычная городская суета, шум...

– В селе завтра праздник – открытие стелы в честь участников войны, – сказал отец.

Мы не пропускаем ни одного события в нашем селе: нельзя стоять в стороне от жизни родных людей. И я уже мысленно улетаю туда, где тихо, спокойно, где так легко и просто, в дом уюта и радости... В горы? Да, да, именно в горы... Горы – земля моих предков, мой дом, мой очаг, мой уют.

Дорога немного утомляет, но я ведь еду на родную землю, разве такие мелочи могут испортить мне настроение? Пару часов спустя выходишь из машины. Лёгкие наполняются свежим воздухом, чувствуешь запах травы, запах земли.

Именно здесь, в горах, зарождалась жизнь Дагестана. Когда-то в этих горах воевал Шарвили, здесь Етим Эмин и Стал-Сулейман пели песни о тяжёлой доле своего народа. А сегодня здесь благодарные потомки вспоминают подвиги своих предков, сражавшихся с фашистами.

Село – это место, где всегда тебе рады, где по поводу твоего приезда на стол накрывают не хуже, чем на самые пышные торжества. Здесь живут мои прародители.

На пороге стоит мой поседевший дед, но огонь мужества и отваги в нём всё тот же, что и в молодости. Чуть дальше стоит моя прабабушка и её невестка – моя бабушка. А их окружили сыновья, молодые невестки, внуки. Объятия, радостные улыбки, восхваления Аллаху, что смогли ещё раз все вместе собраться. Проходим в дом. Нас щедро кормят неповторимыми чуду, айраном и всякими другими вкусоностями. Под вечер, конечно же, начинаются разговоры.

Моя мудрая прабабушка Афисат, так много повидавшая в этой жизни, начинает свои рассказы: «Эх, в ваши молодые годы, – обращается она к нам, правнукам, – наша жизнь была совсем другая. Мы ни минуты не сидели без дела. Когда я была ещё маленькой, я просила, чтобы мать брала меня с собой в ковровую артель. Без отца мы быстро выросли. В 13 я уже была серьёзной помощницей маме в хозяйстве.

Жизнь шла своим чередом: планы, мечты. Всё оборвала война, начавшаяся в мои 16 лет. Изменилась жизнь каждого сельчанина. Старший брат, как

настоящий горец, ушёл защищать Отчизну. Я, мама и ещё трое детей остались одни. Теперь мы с мамой стали работать не только для того, чтобы самим выжить, но и чтобы помочь семьям смельчаков, ушедших на войну.

Помню, как летом 1942 года правление колхоза собрало всех жителей села в клубе и председатель прочёл в газете обращение дагестанских старейшин. После этого обращения мать и ещё шесть женщин из нашего села записались копать оборонительные сооружения, чтобы защитить Кавказ от немцев. Я осталась с детьми одна», – прабабушка замолчала.

После я нашёл обращение старейшин к жителям Дагестана. В нём говорилось: «Люди, рождённые в горах, не умеют стоять на коленях. Мы привыкли дышать воздухом боя. Так в бою же постоим за свою честь, за гордость, за вольность!» Конечно, после такого призыва люди с ещё большими силами встали на борьбу.

Перелистывая сайты с архивными материалами, я наткнулся ещё на один документ. Это гитлеровские планы, опубликованные после войны: «Когда Грозный, Малгобек и другие районы будут в наших руках, мы сможем захватить Баку и установить на Кавказе оккупационный режим, ввести в горы необходимые гарнизоны и, когда в горах наступит относительное спокойствие, всех горцев уничтожить. Для этой акции в Чечено-Ингушетии много ущелий, и не будет надобности сооружать лагеря». Так планировали фашистские генералы. Но они не знали, с кем связываются. Они не знали мою прабабушку, её сельчан, всего советского народа, который готов был зубами грызть врагов родной земли.

– Баде, время намаза, – невестка зовёт прабабушку на намаз.

– Да, в самом деле, пора.

Баде вышла из комнаты, а мы сидим и не можем оторвать взгляда от старых пожелтевших фотографий. На них незнакомые юноши и девушки, сидящие большой группой. А на этой фотографии две девушки в белых шалях, а вокруг них малыши в смешных шортах и шапках. Я ищу какие-либо знакомые черты лица, но безрезультатно: никого не узнаю.

Вернувшись, прабабушка объясняет, что это дети-сироты, жившие в Касумкенте. А она с подругой часто ходила к ним с продуктами, которые собирали всем селом.

– Дети были из разных городов России, – рассказывает баде. – Худые, напуганные, не понимающие нас. А мы не знали русского языка и не могли с ними поговорить. Но эти бедные дети оживали, когда мы приходили к ним. Невозможно было без слёз слушать истории о каждом из них. Некоторые женщины после войны усыновили нескольких детей из этого детдома. Не смогли наши горянки остаться равнодушными к судьбе ребят, чьих родителей забрала проклятая война.

– Баде, а что самое страшное было тогда? – спрашиваю я, листая альбом.

– Почтальон, тяжело шагающий от дома к дому, – неожиданно отвечает прабабушка. – Если он медленно шёл вдоль забора, если он не поднимал глаз, здороваясь со встречным, то всё село знало, что в чьём-то доме раздастся крик матери или жены. Сколько раз я слышала этот крик! Он и теперь иногда раздаётся в моей памяти. Нет ничего безысходнее этого крика. Не дай Аллах услышать его кому-либо.

Прабабушка замолчала. Я знаю, о чём она думает сейчас: её брат – один из тех смельчаков, которые ушли на фронт в первые дни войны. Почтальон принёс от него всего два «треугольничка», а потом было письмо о том, что Абубукар пропал без вести. Официальные ледяные слова о том, что человек был, а теперь он пропал.

Эти жёлтые листочки лежат в старой железной коробке из-под конфет. Их никогда не разрешали нам, детям, трогать. Но сегодня особый случай. Баде просит невестку принести коробочку. Достав дрожащими руками письма, она протягивает их мне. Я впервые держу реликвию, оставшуюся с войны. Никогда раньше не был я так близок к прошлому своего рода. Осознание этого так сильно меня взволновало, что я прослезился.

– Не плачь, внучок, – сказала баде и своей шершавой морщинистой рукой провела по моей щеке. – Все слёзы по нему выплакали я и моя мать. А вы должны помнить своего предка и гордиться им. Мой брат Абубукар погиб за правое дело.

И баде в очередной раз рассказывает нам историю о том, как красноармеец Абубукар вместе со своим товарищем, сражаясь на Юго-Западном фронте, пленил обычными палками двух «языков» и привёл их к командиру. Весь полк приходил смотреть на чабана, поймавшего «матёрых волков». А через некоторое время, в феврале 1942 года, он пропал без вести под Харьковом.

Все в нашей семье знают эту историю наизусть, но никто не перебивает прабабушку. Закончив рассказ, она произносит многочисленные молитвы по умершим и живым.

Утром следующего дня все заняты приготовлением к празднику. Бабушка командует на кухне, девочки срывают ветки сирени, а мальчикам поручили отнести скамейки в центр села, к месту сбора гостей. Баде, надев свои трудовые медали, сидит во дворе дома и принимает поздравления сельчан.

Я иду на сельский майдан, где красуется белая стела с пятиконечной красной звездой наверху. Вокруг посажены цветы. Дорожка, ведущая к памятнику, посыпана песком. Подхожу ближе и вижу мраморные плиты, на которых высечены имена испикцев, погибших в Великой Отечественной войне. Их 50. Подумать только: из нашего маленького Испика погибло 50 человек! Из 78, ушедших на фронт, не вернулось 50! В 50 домах раздался страшный крик матери или жены!

Я представил маленькие и большие сёла в Дагестане, в России. Я представил города по всем республикам СССР. Сколько же людей ушло на фронт из этих сёл и городов! А в скольких домах раздался тот страшный крик, который до сих пор слышит моя баде! В глазах моих потемнело...

Мы воспеваем Шарвили, мы гордимся защитниками Дагестана, давшими отпор войску Надир-Шаха, мы славим Шамиля. Все они герои, о которых легко говорить, потому что они отдалены от нас столетиями. А говорить о героях, чьи имена высечены на новенькой, блестящей плите, не так просто, потому что они так близки к нам, что протяни руку – дотронешься до них, как это случилось со мной, когда я взял в руки письма, ещё пахнущие порохом прошедшей войны.

Вот почему выступающие на открытии этой стелы не могли сдержать слёз, рассказывая о своих предках-фронтовиках. Сельчане – военные, учителя, врачи, бизнесмены, чиновники – понимали, какую цену пришлось заплатить их отцам и дедам за возможность сегодня просто жить.

Я знал о цене, которая заплатила моя семья за Победу. Знал и о цифре 27 миллионов. Но я только теперь, стоя на переполненном майдане маленького горного села, осознал, как велика эта цена.

И кто-то мне скажет, что всё это неправда? Что эта Победа не наша?

Тогда пусть он приедет в Испик и прочитает имена горцев на стеле, построенной на деньги благодарных сельчан. Пусть он посмотрит на руки моей баде, день и ночь работавшей в тылу для фронта. Пусть прочитает извещения о смерти или о пропаже без вести, полученные в годы войны матерями и жёнами.

И если после этого всё же кто-то посягнёт на память о прошлом моего рода, моей страны, то пусть знает: в Дагестане много чабанов с палками. А у нас иногда и палки стреляют, как говорит моя прабабушка.

Сыромятников Константин, 11-й класс

Республика Саха (Якутия), г. Якутск
МБОУ «Национальная политехническая средняя
общеобразовательная школа № 2»
(с углубленным изучением отдельных предметов)

Гвардии рядовой Гаврил Сыромятников – мой герой

Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой.
И глаза молодых солдат
С фотографий увядших глядят..
Этот взгляд – словно высший суд
Для ребят, что сейчас растут,
И мальчишкам нельзя ни солгать, ни обмануть,
Ни с пути свернуть.

Е.Д. Агранович

Незабываемый 2015 год. Вся Россия готовилась праздновать 70-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Наш класс работал над созданием рукописной книги о родных и близких, воевавших на полях Отечественной войны. С благодарной памятью мы назвали свою книгу «Свет Победы, отражённый в потомках». Она дань нашего глубокого уважения к творцам Великой Победы. Мы составили её, помня о своей неразрывной кровной связи с поколением сороковых годов XX столетия, ибо у каждого ученика, кто причастен к созданию книги, свои счёты с той страшной войной: у одних – прадедушка-фронтовик, у других – прабабушки, близкие и родные в тылу возложили на плечи тяжкое бремя войны, как в стихотворении Николая Дмитриева:

Войны не знали мы, и всё же
В какой-то мере все мы тоже
Вернувшиеся с той войны...

Нам хотелось под руководством классного руководителя Денисовой Маргариты Егоровны составить такую книгу, чтобы не терялась историческая память, не разрушалась естественная связь времён, чтобы мы, дети уже далёкого от тех страшных времён войны XXI века, знали и помнили тех, кому мы обязаны жизнью, чтобы любили их и гордились ими.

Я сразу решил, что буду участвовать в создании этой книги. Почему принял это решение? Всё очень просто. Я не хочу войны, как не хотят её

все мои ровесники, мои друзья, родные, близкие, знакомые. Но ведь её не хотели и те, кто погибал, не думая о смерти и о том, что не увидят больше ни солнца, ни травы, ни детей. Среди них был мой прадед Сыромятников Гаврил Николаевич.

О минувшей войне можно говорить по-разному: скорбно и торжественно. Но тема Великой Отечественной войны вызывает однозначные чувства: острую душевную боль и горечь. Читая о войне, приходишь к пониманию: этого не должно быть! Ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем!

Помню, с каким волнением я, тогда ещё шестиклассник, работал над сочинением на заданную тему: написать письмо из прошлого в будущее от имени своего прадедушки, который героически погиб в марте 1944 года. Вот письмо, которое я хотел бы от него получить, слова, которые хотел бы я услышать: «Мой внучек, любимый мой! Живите счастливо, берегите родную землю, мир! Знаю, чувствую, что моя родная Якутия стала ещё краше и благодатнее, что вы живёте в цветущем крае и строите новый мир без войны, ведь люди рождаются не для крови и страданий. Тебе суждено продолжить род человеческий. Я очень хочу, чтобы у тебя, дорогой внучек, были дети и внуки, чтобы они носили нашу фамилию, чтобы я смог когда-нибудь вернуться на землю через много лет в наших детях и внуках». Наверное, так написал бы мой прадедушка Гаврил. Читаю.., и слёзы застилают глаза.

После смерти дедушки нам достался семейный архив, где мы обнаружили похоронку и выцветшую старую военную фотографию прадедушки, с которой на нас смотрели до боли знакомые и такие родные глаза. И я тогда впервые мысленно обратился к моему далёкому, но такому близкому человеку: «Дорогой мой прадедушка, в твоих чертах я узнаю себя, как же я похож на тебя...»

В извещении говорилось о том, что гвардии рядовой 117-го гвардейского стрелкового полка 39-го гвардейской стрелковой дивизии Сыромятников Гаврил Николаевич, уроженец Якутской АССР, Таттинского района, с. Крест-Хальджай, 3-го Баягантинского наслега, в боях за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, погиб 4 марта 1944 года, похоронен на юго-западной окраине 1 Николаевска Широковского района Николаевской области.

Думаю, Гаврил в молодости был, как все его ровесники, трудолюбивым, смелым. Он умел дружить, много мечтал, радовался жизни, любил, ещё был творческим человеком. Его умелым рукам подчинялись краски и карандаши. О таланте сельского парнишки узнали в районном центре, и только ему стали доверять портреты великого вождя. Об этом мы узнали из воспоминаний старожилков в книге об истории села Крест-Хальджай. У Гаврила в жизни было много планов: со своей любимой женой мечтал построить дом, народить детей.

Грянула война. Гаврил со своим лучшим другом, Фёдором Охлопковым, впоследствии ставшим знаменитым снайпером, Героем Советского Союза, вместе ушли на фронт, оставив родной очаг. О чём тогда они могли думать? Что вернутся домой с победой, обнимут родных... Они, конечно, понимали, что война – это не на один день и даже не на один год.

Не осталось людей, которые помнили бы о нём, но я решил, исполняя свой долг перед поколением победителей, восстановить для родных и близких фронтовой путь моего прадеда, его последнюю весну 1944 года.

Для того чтобы узнать, в каких сражениях участвовал прадед, я изучил боевой путь 117-го гвардейского стрелкового полка. Узнал, что полк участвовал в Сталинградской битве, в освобождении Левобережной и Правобережной Украины, в Изюм-Барвенковской, в Люблин-Брестской, Варшавско-Познанской и Берлинской наступательных операциях.

Стояли знойные дни, непривычные для августа. Пожары деревень добавляли ещё жары. Гаврил в редкие минуты затишья смотрел на небо и, отгоняя беспокойные мысли о семье, думал о далёком своём родном аласе, видел свою любимую Аннушку среди полевых цветов, счастливую, похожую на красивую сардану (саранку), которая бежит навстречу ему с туюском с оладушками и земляникой. Вспоминал запах её рук, милые глаза.

И Гаврил только одно понимал: он должен выжить во что бы то ни стало! Выжить ради малыша, которого ещё не видел! Выжить ради любимой и родных!

К весне 1944 года они были уже на украинской земле. В марте начались жестокие, кровопролитные бои на реке Ингулец на Правобережье Украины. Если бы мой прадед знал, что это его последняя весна. Как несправедливо и страшно – погибать молодым...

А в это время в далёкой Якутии, покрытой белыми снегами, ждал отца с войны маленький мальчик, которому исполнилось три годика, который уже смело бегал по тем же тропинкам, где когда-то бегал его отец. До весны было ещё далеко. Маленький Володя ладошкой протирал заиндевелое окно: ему хотелось первым увидеть, как возвращается домой его отец.

...Затишье перед боем. Одежда вся промокла, тяжело было в такую погоду таскать шинель, но и оставлять нельзя. Гаврил привык к таким условиям. Он решил сегодня написать письмо своей любимой Аннушке: не верил, что жена умерла после тяжёлых родов, и о судьбе ребёнка ничего не знал. Ему никто не писал, а узнал случайно, когда встретил земляка ещё в прошлом году. Да и тот рассказал смутную историю. Не поверил он тогда, что семья могла погибнуть. Письмо своё Гаврил начал словами: «Дорогие, любимые мои». Светлые и добрые воспоминания на какой-то миг вернули его в родной алас, и глаза бойца стали глубокими, как два бездонных озера, где в яркий летний день играют солнечные лучи. На лице появилась улыбка...

И как раз в этот момент взлетела красная ракета. Это была команда к наступлению. Гаврил аккуратно сложил в карман шинели клочок бумаги и карандаш, подумал, что после взятия Николаевска обязательно закончит письмо и отправит. В этот раз обязательно. Сегодня он ясно понял, что сын жив, что он обязательно вернётся к нему. Ему даже привиделась на какой-то момент их встреча. Тёплые детские ладошки, розовые щёки, лёгкие, как пух, волосы, пропахшие материнским молоком.

Но вдруг он ощутил боль, резкую боль в груди. Гаврил упал на землю. Он лежал без стога, без крика. Кровь сочилась из-под мокрой шинели. Эх, шинель-подруга, куда ты смотрела, не уберегла же ведь, а сколько прошли вместе дорог военных с Якутии до Украины?! Стиснув зубы, невзирая на адскую боль, приподнял голову Гаврил. Рядом лежали друзья, головы были пробиты, только волосы то ли от ветра, то ли от скорости пули, пролетавших мимо, шевелились и вздрагивали. Слышна стрельба, нелегко сейчас товарищам. Что делать? Чем помочь? Из последних сил Гаврил взял свою винтовку и стал стрелять в фашистов, прикрывая своих боевых друзей. Кровь сильнее сочилась, где-то уже гремело «УРА!», и где-то далеко детский голос звал: «Папа! Отец!» Но Гаврил уже их не слышал... Его мысли были спокойны, ведь он исполнил свой солдатский долг перед человечеством, перед Отчиной, родными и сыном.

Так закончил свой боевой путь мой прадед, мой герой – гвардии рядовой Сыромятников Гаврил Николаевич. А я, похожий на моего героя, напоминающий родным прадеда, всегда готов встать на защиту мира, готов чтить память об этой Великой войне, жить достойно и продолжать род Сыромятниковых на этой земле.

В 2012 году Николаевск снесли, нет и братской могилы, где захоронен мой дед со своими боевыми друзьями. Николаевск был снесён полностью в связи с расширением отвала Ингулецкого ГОКа. «Стали просто землёй, травой...» И от этого на душе становится больно. Судьба оказалась ещё раз несправедливой.

Сегодня Красное знамя 117-го гвардейского стрелкового полка, дошедшего до Берлина, находится на хранении в Центральном музее Вооружённых сил Российской Федерации в Москве. Дедушка, я обязательно преклонюсь перед ним, перед тобой, перед твоими боевыми братьями. На земле не должно быть безымянных памятников, как и не должно быть бессмысленных войн!

Дорогой прадедушка Гаврил! Ты живёшь в моём сердце. Ты живёшь в каждом сердце русского народа! Простой солдат, без которого не было бы этой Победы, 75 лет мирного неба!

Скоро наступит победный май 2020 года, и я пройду торжественным маршем в колонне «Бессмертного полка», гордо держа фотографию своего прадедушки Сыромятникова Гаврила Николаевича, гвардии рядового Великой Отечественной войны.

...И вновь наступает Девятое мая, на календаре 2045 год. В зале большого дома накрыт праздничный стол, белая скатерть, салфетки, ветки сирени и ландыши наполнили светлую комнату майскими ароматами. В зал вбегают дети, их много. Стоит весёлый гул, детский смех. И на них смотрит добрыми глазами солдат, оставшийся вечно молодым. Жизнь продолжается...

Можаев Борис, 6-й класс

Свердловская область, г. Екатеринбург
МАОУ Гимназия № 9

Два времени в узел свяжу...

В России много городов, больших и маленьких, молодых и древних, у них разная история, разные судьбы, различные имена. Но есть у них общая боль – Великая Отечественная война.

Война до моего города не докатилась, не было его героической обороны, и славы города-героя он не удостоен. Но для меня наш город – герой. Это город, на заводах которого создавалось оружие, принёсшее победу нашей стране, в госпиталях которого спасали от смерти раненых. Это город, на земле которого тысячи эвакуированных нашли приют. Город, сохранивший в годы войны культуру России.

Я знаю о подвиге нашего народа на фронтах Великой Отечественной войны, но очень хочется рассказать о тех, кто жил в глубоком тылу. И не совершал подвигов. Просто жил.

Ноябрь, 2019 год

...Встаёт
внезапно
домами Свердловска
новый город:
работник и воин.

В. Маяковский

В классе шумно и весело. Все рады, что отменили урок истории и вместо него мы идём в школьный музей Великой Отечественной войны. Можно будет походить, посмотреть экспонаты, фотографии, а не сидеть в душном классе.

Экскурсовод рассказывает о жизни Екатеринбурга и нашей гимназии в годы войны, о том, что в Свердловской области был развёрнут 161 госпиталь, что сюда были эвакуированы более 700 предприятий, фонд Государственного Эрмитажа, МХАТ имени А.П. Чехова и Центральный театр Красной армии, говорит о том, как был создан Уральский добровольческий танковый корпус.

Я отстаю немного от класса, рассматриваю чёрно-белые снимки. Вот площадь 1905 года 22 июня 1941 года. Люди стоят, подняв головы, слушают обращение Молотова. Догадываются ли они, что их ждёт впереди?

Вот фотографии рабочих Уралмашзавода: рядом со взрослыми совсем юные мальчики и девочки.

А это раненные солдаты в Свердловском госпитале: лица серьёзные, напряжённые.

На некоторых фотографиях улицы военного Свердловска: такие далёкие, но в то же время очень родные и знакомые.

Я не выдерживаю – провожу пальцами по одной фотографии. Как вы жили, как работали, о чём думали, дорогие мои свердловчане?

Декабрь, 1942 год
...Да разве об этом расскажешь,
В какие ты годы жила!

М. Исаковский

Промёрзшие половицы скрипят под ногами. От этого скрипа за занавеской просыпается мама, стонет, зовёт её. Но сначала нужно согреть воду. Нина прислоняется к стене, ждёт. Потом берёт таз с тёплой водой, ставит его на пол и устало садится на стул.

Корчась от боли, она стягивает обувь, ватные штаны, зажимает зубами полотенце, чтобы не кричать и не беспокоить маму, медленно опускает ноги в воду. Смотреть на них страшно: ноги чёрные, опухшие, со вздутыми венами.

– Сейчас, мамочка, сейчас... Уже иду...

Завтра снова на завод, вечером нужно хоть немного позаниматься. Она обещала отцу, что обязательно окончит школу и поступит в институт. Отца не стало в самом начале войны, тогда же заболела мама.

Нине 15 лет, и она ещё не знает, что через два с половиной года война закончится, но к концу войны уже не будет мамы и любимой сестры Оленьки, а брат Володя вернётся с фронта больной, израненный. Не знает, что её обмороженные на заводе ноги будут болеть всю жизнь и будет три операции, но будут и красивые платья, и капроновые чулки, и туфельки на каблучках. И в институт Нина обязательно поступит, выйдет замуж, родятся две дочери, пять внуков и девять правнуков. И одним из них буду я.

А сейчас 1942 год и Нине очень холодно, больно и страшно. Но она встанет утром и пойдёт на завод, а потом ночью будет заниматься. Потому что это всё, что она может сделать для Родины, для фронта, для своего брата-солдата. Потому что это её вклад в Победу. И она будет снова и снова на холоде, забывая про боль обмороженных ног, проверять и укладывать детали №... Она знает, что чем больше сделает, тем легче будет там, на фронте, тем быстрее закончится война, вернётся брат Володя, выздоровеет мама, тем меньше придётся работать любимой старшей сестре Оленьке.

Девочка Нина подвигов не совершала, она о них даже не думала, просто жила и работала.

Не совершала?
Декабрь, 1941 год
Тяжела эта сумка слишком,
Если там от беды привет.
Т. Черновская

Снега было так много, что сугробы иногда доходили Зое до пояса. Люди протоптали в них дорожки. Зоя очень спешила. Тяжёлая сумка почтальона перевешивала и норовила опрокинуть её в сугроб. Девочка была маленькой и худенькой, а сумка – большая и тяжёлая. Сегодня почта запоздала... Зоя хотела побыстрее принести письма адресатам.

Вместе с бабулей и маленькой сестрёнкой их эвакуировали в Свердловск, следом должна была вместе с предприятием приехать мама, но поезд разбомбили по дороге. Мама не приехала, но бабуля и Зоя не теряли надежды и ждали. Она и на почту-то пошла работать из-за этого: вдруг весть от мамы будет. Не пропустить бы.

Ей дали участок – госпиталь. Зоя была так рада: она увидит героев. Действительность оказалась страшной. Девочка первые недели постоянно плакала. Но работу не бросила: носила письма, писала за тех, кто сам не мог, помогала сочинять, «чтобы красиво было».

Мудрая бабуля посоветовала Зое: «Ты, внучка, сначала письма сама читай. Вдруг что дурное написано. Зачем солдата мучить, ему поправиться надо, а для этого силы нужны и желание».

Зоя забежала в коридор госпиталя, бросилась сразу к печке, стянула зубами варежки, приложила ладошки к её горячему боку. Минута тепла. Очнулась, сбросила сумку с плеча и спешно стала разворачивать треугольники. Развернёт, пробежит глазами, завернёт – и в сумку. На одном задержалась, ещё раз пробежала глазами – и слёзы сами покатались по замёрзшим щекам. Она медленно свернула треугольник и убрала его в карман. Не сегодня, потом. Она его отдаст позже, когда Семён Аркадьевич полностью поправится. У него была старенькая мама, как Зоина бабуля, жена и две дочки, как Зоя и её сестрёнка. Были...

Зоя вытерла слёзы и пошла к раненым. Они так её ждут, ждут вестей из дома! А их письма просто необходимы родным.

Зое 14 лет, и она ещё не знает, что через месяц вернётся мама, которая выжила в бомбёжке и долго лежала в госпитале. Не знает, что через три с половиной года закончится война, а папа так и не вернётся. Не знает, что она и её будущие дети останутся жить в этом суровом, но гостеприимном городе, что по проектам её сына построят в Свердловске двенадцать зданий.

Двое из её правнуков – мои лучшие друзья. Это они рассказали мне о дорогом для них человеке, человеку, не совершавшем подвигов.

Не совершавшем?

А пока идёт 1941 год и Зое тяжело, голодно, и её сердце разрывается каждый день. Но всю войну она будет носить тяжёлую сумку с письмами, потому что знает, что чем больше она сможет согреть своим повзрослевшим сердцем солдат, тем быстрее они выздоровеют, тем скорее закончится война, найдётся мама, вернётся папа.

Ноябрь, 1941 год

Свердловск, глубокий тыл. Надёжное место для того, чтобы спрятать самое ценное – машиностроительные заводы, картины из Эрмитажа, диктора Левитана, прославленных теноров, баритонов...

А. Матвеева «Горожане»

Утром показали, где я буду работать. Красивое старое здание. Но моё рабочее место – в подвале. Небольшая комната, окошек нет, стол, стул, койка. Дверь в комнату отдельная, со двора, чтобы не ходить по коридорам, а сразу же попадать в кабинет. На столе два микрофона, репродуктор, звуковоспроизводящая аппаратура для грампластинок, телефон, телеграф – в общем, всё необходимое. Я остался доволен.

Жду, когда застучит телеграф или зазвонит телефон, получаю сводку, прочитываю несколько раз, проговариваю. Загорается красным глазом плафон над дверью – начинаю работать.

Работаю сутками, иногда не ухожу к себе даже ночью. Ложусь на кровать прямо здесь и дремлю.

Молодые ребята, приставленные ко мне, как-то разговорились, рассказали, что в соседних комнатах работают Агния Барто, Лев Кассиль. Записываются. Читают свои произведения. А мне общаться ни с кем не разрешено. Даже города-то толком не видел. Что за Свердловск? Какой он, этот город, так секретно приютивший и оберегающий меня?

Придвигаю ближе микрофон: «Говорит Москва! От Советского информбюро!»

Юрию Борисовичу Левитану 27 лет, ему трудно, одиноко, и он ещё не знает, что через два года его также секретно перевезут в другой советский город, в Куйбышев, через три года и шесть месяцев закончится война и он вернётся в Москву, а через двадцать лет он сообщит всей стране о первом полёте человека в космос.

А сейчас 1941 год, и он точно знает, что в каждом городе, в каждом доме, в каждом госпитале, на каждом заводе ждут его слова: «Внимание! Говорит Москва!» И пока Москва говорит (пусть даже из маленькой комнаты в подвале здания города Свердловска), работает вся страна. И пока говорит Москва, люди живы и негибаемы. И если говорит Москва, то победа обязательно будет за нами!

Мой город не совершал подвигов, он только приютил и сберёг великих учёных, талантливых актёров, знаменитых писателей.

Не совершал?

Январь, 2020 год

И свяжется разорванное время...

М. Никулина

Вода уже давно замёрзла. Река укутана рождественским мягким пледом, а с боков зажата каменными плитами. Красивые старинные здания смотрят на неё, улыбаются. Вдалеке блестят зеркальные стены небоскрёба «Высоцкий» и мерцает морозная дымка заводов.

Моя гимназия в самом сердце Екатеринбурга. В годы войны здесь располагался госпиталь № 1326. Сюда ежедневно спешила девочка Зоя, несла долгожданные весточки для раненых солдат.

Я иду по улице Радищева. Небольшое двухэтажное здание с белыми колоннами и коричневыми куполами. Где-то здесь, в одной из комнат подвала, жил и работал Юрий Борисович Левитан. Отсюда звучал на всю страну его голос.

А за этим домом уходит в небо современное здание, построенное сыном Зои. Недалеко от Уральского университета, за прекрасным дендропарком, в окружении жилых пятиэтажек стоит институт, в котором работает дочь девочки Нины.

На улице Розы Люксембург, напротив усадьбы Железнова, есть дом, в котором в годы войны жила маленькая девочка Майя. Её бабушка, спасая от голода своих и соседских ребятишек, варила похлёбку из крапивы, корней лопуха и липовых почек, собранных детьми в парке, и, когда разливала по мискам («поварёшкой почёрпывала»), глаза закрывала, «чтоб Господь упас: своему не дал зачерпнуть погуще». Сейчас Майя Никулина – замечательный поэт, учёный и публицист. Строкой её стихотворения я начал своё сочинение.

Мой красивый, гостеприимный и мужественный город связал в один узел такие разные судьбы, эпохи... Я иду по его улицам, вдыхаю морозный воздух и точно знаю, о чём думали люди с тех военных фотографий: о том, что надо жить, о том, что должны жить их близкие и родные, их город, их любимая страна!

ФИНАЛИСТЫ

**Всероссийского конкурса сочинений
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Зубкова
Диана

Зошук
Тимофей

Климентьев
Кирилл

Санжиев
Бата

Буданова
Дарья

Пазников
Александр

Устинова
Виктория

Мингазова
Анастасия

Головачёва
Светлана

Гезер
Лана

Зубкова Диана, 9-й класс

Амурская область, г. Благовещенск
МАОУ «Гимназия № 25»

Неизвестный герой

Недавно мы с бабушкой смотрели фильм «Неизвестная война» Романа Кармена. Там был эпизод – крупным планом снимали лица ленинградцев, добровольно записавшихся на фронт. Это были люди разных возрастов, в том числе и женщины, и девушки. Запомнились слова диктора: «Вглядитесь в эти лица. Запомните их. Никто из этих людей не вернётся живым». На уроках истории нам рассказывали, что Великая Отечественная война унесла миллионы жизней, сотни тысяч пропали без вести. Некоторые, правда, вернулись, но были не известны. Мы долго сидели с бабушкой молча. А потом она поведала мне историю, которую ей рассказал её отец, мой прадед.

В селе, где жила бабушка, жил мужичок, по прозвищу Шипилёнок. Он был маленького роста, черноволосый, худощавый, всегда ходил в одном и том же потёртом пиджаке, хромал на левую ногу, не имел глаза и правой руки. Откуда он приехал с женой Марфой и тремя детьми, никто не знал. Добрый, непьющий, особенно любили его дети. Остановится возле играющих, подмигнёт одним глазом, одарит конфетками и пойдёт по своим делам. Летом его не видели: пас колхозных коров. Зимой – подшивал валенки. Да как подшивал! И как он умудрялся это мастерски делать одной рукой?

Шипилёнок никогда о себе особо не рассказывал, даже моему прадедушке, которого очень уважал. Они были одного возраста, оба воевали. Если встречались, то подолгу беседовали. Была у Шипилёнка одна странность: никакие праздники не праздновал, кроме Дня Победы. 9 Мая он надевал свой единственный пиджак, менял чёрную повязку на глазу и шёл на «площадь» – пустое место около клуба, где стояла покрашенная синей краской трибуна. Разумеется, рано утром никого ещё там не было, но для моей прабабушки, увидевшей идущего Шипилёнка, это был сигнал: «Собирайся, отец, надо идти, Шипилёнок уже пошёл на парад». Народ постепенно заполнял «площадь», а Шипилёнок уже стоял слева от трибуны и ждал. Сельчане смеялись: «Шипилёнок уже на месте!» А он внимательно слушал поздравления, в которых о нём никогда не упоминалось. Шли годы. Старел Шипилёнок, но ритуалу своему не изменял. Марфа, женщина добрая и скромная, всё время ворчала: «Да надень ты свои награды! Смотри, какие все красивые с медалями да орденами!» Но Шипилёнок терялся: «Ну тебя, стыдно, скажут, вырядился». На том дело и заканчивалось. Однажды

не выдержала Марфа, пристегнула награды, надела на мужа пиджак и сказала: «Красавец! А теперь иди». Пошёл несчастный, нагнув голову. Долго стоял за трибуной, а потом бочком вышел из-за неё. Все разом ахнули: «А наш-то Шипилёнок – герой!» Поздравлять стали, обнимать. Смахнул он слезу и пошёл в сельпо. Потом в газете написали про его геройство. Глаз он потерял до войны, поэтому, когда пошёл в сельсовет записаться добровольцем на фронт, ему отказали. Тогда он спрятался в теплушке и уехал на фронт, там примкнул к какой-то военной медицинской части. С поля боя ему удалось вынести 23 раненых солдат. Один из боёв в 1944-м был последним: вместе с молоденькой медсестрой тащили раненого бойца. Разорвался снаряд. Девушка и солдат погибли на месте, а Шипилёнку оторвало руку и осколком пробило ногу. С тех пор он и прихрамывает на неё. После госпиталей вернулся домой, на Дальний Восток, поселился в нашей Ивановке.

Весной мы с бабушкой поехали на сельское кладбище. Решили поискать могилу нашего героя. И нашли. Она была заросшей, табличка покосилась и выцвела, только красная звёздочка говорила о том, что здесь покоится герой. На ней, правда с трудом, я прочитала: «Шипилов Иван 1919–1996».

Никого не щадит время, всё уходит в небытие, но остаётся главное – память! Её нужно оберегать и хранить!

Память о войне не должна уйти в прошлое, иначе война вернётся! Препоклоняю колени перед всеми известными и неизвестными героями, кто подарил нам жизнь, свободу, мир! А могилку нужно поправить... Чтобы помнили!

Зошук Тимофей, 5-й класс

Еврейская автономная область, Облученский район, п. Теплоозерск
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №18»

Шоколадка

Шоколад – любимое лакомство всех детей. Но маленький Генка никогда в жизни не пробовал эту сладость. В семье было двое детей, отец в первые дни войны ушёл на фронт, мать осталась в Брянске и целый год, как могла, прятала детей от немцев.

Август 1942 года – начало страшных испытаний для семьи Будейкиных. Кто-то донёс немцам о семье офицера-коммуниста, и вот старший – Сергей, мама и четырёхлетний Генка стоят на краю рва смерти в парке Октября. Гена плохо понимал, что происходит, но чувствовал: что-то страшное, ужасное и непоправимое. И хотя мать и старший брат всеми силами старались его отвлечь и заговорить, тревога в сердце и глазах малыша не проходила.

И... о чудо! Родной брат матери (он, оказалось, служил у немцев) заметил родственников среди смертников и «выговорил» им жизнь.

Можно ли назвать жизнью пребывание в концентрационном лагере?

Семью разделили. Жили порознь. Мать работала на заводе, детей видела строго по расписанию – после работы, и то не более одного часа в день. Таков немецкий порядок. Сыновья, старший Сергей и маленький Генка, «работали» донорами. Да-да, донорами. Ведь дети в лагере были основными поставщиками крови – ее брали еженедельно у всех, невзирая на возраст. Большинство восстановиться к следующей сдаче крови не успевало, тогда, нет крови – нет человека.

Генка видел, как некоторым в лагере давали шоколад, и страшно завидовал им. Он дёргал старшего брата за рукав и настойчиво вопрошал:

– Есека, а когда нам дадут шоколадку? Я тоже хочу...

Маленькая коричневая плитка была вожаделенной мечтой, предметом детских снов. Серёжа молча и испуганно закрывал ладошкой братишке рот и только ещё крепче прижимал его к себе:

– Будет тебе шоколадка, только потерпи до победы...

Откуда же было знать четырёхлетнему Генке, что шоколад давали тем, у кого крови уже не было. И был он не обычным вкусным лакомством, а со смертельной начинкой.

И несколько раз он тоже чуть не отведал вожаделенное лакомство, если бы не старший брат. После одной из процедур малой так ослабел, что даже не мог встать с нар. Во время переключки вместо него вышел Серёжа, бледный, едва державшийся на ногах, свою порцию он сдал буквально дня два назад. Так продолжалось несколько раз.

Мать, как могла, подкармливала сыновей. Однажды военнопленные перебросили через колючую проволоку на территорию завода мешок сахара. Женщины его в воде растворили, платки да косынки в нём намочили, высушили, так и пронесли. А другой раз мать кусочки лягушки утаила, так её чуть до смерти не забили на виду у всех, чтоб другим неповадно было.

Так и тянулись долгие страшные дни в концлагере. И вот пришёл победный май. Лагерь в Маутхаузене освободили американцы. Наконец-то наелись досыта, до отвала, до смерти. Мать не давала своим сыновьям целые сутки еды, несмотря на слёзы и мольбы детей. Так и просидели они со связанными руками, получая половинку галеты и глоток воды или кофе. Зато выжили!

Прошло много лет. Никогда, до самой смерти, Геннадий не ел шоколад. Лакомство или кусочек, несущий смерть?!

Эта история о мальчишке, никогда не пробовавшем шоколадку, произошла с моим дедом, Будейкиным Геннадием Дмитриевичем, узником фашистского концлагеря.

Климентьев Кирилл, 9-й класс

Забайкальский край, г. Чита

ФГКОУ «Читинское суворовское военное училище МВД России»

Пятьдесят восемь дней

Далеко не каждый осознаёт, насколько ценна и удивительна жизнь. На своём веку я повидал многое: и амбициозное советское строительство, и общество элиты Сталинграда, и пыл жарких сражений, и гибель своих товарищей.

Это может показаться странным, но я – здание. Дом. Меня спроектировали и построили в середине 1930-х годов. Своим появлением я обязан Сергею Волошинову, пожалуй, лучшему архитектору нашего города. Он создал и моего брата-близнеца (сейчас его называют Домом Заболотного). Нас разделяла только ветка железной дороги, а вокруг нас стояло ещё много таких же крепких, надёжных красавцев-новостроек.

Это было славное время, полное радостных надежд! Всюду детские возгласы и смех, мужчины в солидных костюмах и женщины в лёгких платьях, солнце, жизнь, Волга!

А потом – война... Ох, я помню тот день, когда в город вошли вражеские войска. Нас бомбили самолёты и расстреливала артиллерия. Я видел немецкие танки и солдат, занимавших улицы родного мне Сталинграда, а за несколько дней до этого – испуганные лица уезжавших горожан. Что сказать? Хоть я и дом, мне было страшно. Очень страшно.

Помню я и тот день, когда штурмовая группа лейтенанта Заболотного взяла под защиту моего брата, а бойцы сержанта Павлова встали на мою защиту. Мы держались пятьдесят восемь дней. Страх пробирал меня до подвалов, в которых прятались не успевшие эвакуироваться мирные жители, но храбрые солдаты отбивали атаку за атакой. И знаете, я раньше думал, что люди – очень хрупкие и слабые создания, но, как я ни пытался укрыть их от пуль, они яростно бросались в бой, сколько ни трескались мои стены, бойцы были несокрушимы. Мой брат погиб в битве. А мы выстояли. Так я стал Домом Павлова.

Теперь во мне трудно было узнать элитную довоенную постройку: слепые оконные проёмы и обрушенные стены, кругом руины. Но люди снова пришли на помощь. Заботливые женские руки разгребали завалы, выхаживали меня, возвращали к жизни.

И жизнь вернулась!

Об ужасах яростных уличных боёв ныне напоминают лишь старые шрамы: на торцевой стороне здания остался фрагмент стены из красного кирпича с обещаниями отстоять и восстановить город. А о подвиге сдержавших обещание рассказывает надпись на мемориальном обелиске с другой стороны дома. Этот памятник увековечивает храбрость и отвагу тех, кто оказался крепче камня и возвратил городу жизнь.

Санжиев Бата, 10-й класс

Камчатский край, Соболевский муниципальный район,
пос. Крутогоровский
МОКУ «Крутогоровская средняя школа»

Я помню, я горжусь!

Всё дальше и дальше в историю уходит героическая эпопея Великой Отечественной войны – самой жестокой из всех войн, которые пережила наша страна. Почти семьдесят пять лет назад завершилась она Победой нашего народа, отгремели последние залпы орудий. Семьдесят пять лет мы живём в мире, семьдесят пять лет не слышим свиста пуль, взрывов снарядов, не знаем боли от тяжёлых ран... Но семьдесят пять лет мы помним о битвах Великой Отечественной и о тех солдатах, кто жизнь свою отдавал за Победу.

Я считаю, что память о самой жестокой из всех войн, которые пережила наша страна, должна быть без срока давности. Я считаю, что память о миллионах погибших не имеет срока давности. Ведь Великая Отечественная война коснулась каждой семьи. На фронт ушли сыновья, мужья, дочери, жены.

Эта война не обошла стороной и мою семью. Из нашей семьи ушли на фронт четыре прадеда, вернулся домой живым только один – мой прадедушка, Насонов Босхомджи Илькуевич, капитан, кавалер орденов Красной Звезды и Боевого Красного Знамени, Отечественной войны II степени.

Мой прадед, Насонов Босхомджи Илькуевич, в 1941 году после краткосрочных курсов «Выстрел» под Ленинградом сразу попал на фронт. В звании младшего лейтенанта воевал в составе II Украинского фронта, сражался на Кавказе, участвовал в форсировании Днестра, освобождал Румынию от немецко-фашистских захватчиков. Сейчас, спустя больше половины века, я с гордостью рассказываю о том, что мой прадедушка был командиром пулемётной роты. Он был награждён многими орденами и медалями, которые мы бережно храним у нас дома как память, как семейную реликвию. Моя бабушка Нина рассказывала, что однажды дедушка спас от смерти своего земляка-калмыка, как они форсировали Днестр, как попали в окружение, но не сдались и прорвались с боем к своим. На войне прадед был несколько раз ранен. Последнее ранение получил в 1944 году во время боя за молдавский город Яссы. Вследствие тяжёлого ранения был направлен в Бакинский, а затем в Астраханский военный госпиталь. Здесь он познакомился с юной девушкой-зенитчицей, моей прабабушкой Альман, которая в составе 1569-го зенитно-артиллерийского полка защищала г. Гомель.

Мне очень повезло, что застал мою прабабушку живой, она ушла из жизни на 85-м году. Я помню тепло рук моей прабабушки, помню её грустное лицо и слёзы в День Победы, когда приходили все посельчане её поздравлять с этим великим праздником.

«Мы круглосуточно дежурили у пулемётов, стреляли, когда появлялись немецкие самолёты. Нам, юным девушкам, было очень трудно, так как отдача от пулемёта тяжёлая», – вспоминала прабабушка.

В истории нашей семьи из уст в уста передаются те редкие, горькие воспоминания моего прадеда и прабабушки. В детстве меня интересовало: почему так мало историй о войне осталось после их смерти. Мне хотелось больше знать о реальных событиях, как проходили атаки, как жили и как умирали.... Но сейчас, повзрослев, увлекаясь и изучая историю моей Родины, я стал понимать: настолько это было им тяжело, настолько война им врезалась в душу, что им не хотелось беречь те именно внутренние душевные раны.

Как жаль, что мне не суждено было увидеть прадедушку Босхомджи живым, он умер в далёком 1985 году от последствий ранений, полученных на войне. Я бы обязательно попросил прощения у моего прадеда и прабабушки за моё детское жестокое желание «знать подробности войны» и сказал бы слова благодарности за то, что они защищали нашу Родину, проявляли смелость и стойкость.

В моей семье всегда обсуждалось значение Победы над фашизмом. Мы знаем, кто победил в этой войне и какую цену за это заплатил. Однако мир как будто начал сходить с ума. То тут, то там по телевидению и в социальных интернет-сетях слышим реплики, подвергающие сомнению нашу Великую Победу. И что больше всего удивляет: эти заявления звучат из уст представителей тех народов, которые сами страшно пострадали во Второй мировой войне.

Считаю, что мы – современное поколение – просто не имеем морального права сомневаться в подвиге нашего народа. Мы должны и обязаны помнить, кто умирал за то, чтобы на Земле был мир, чтобы люди жили в согласии друг с другом. Мы должны научиться ценить мирную жизнь, ведь именно за неё бились на войне наши деды и прадеды.

Никогда Великая Победа и её значение не должны быть забыты! Я помню, я горжусь!

Буданова Дарья, 10-й класс

Магаданская область, г. Магадан

МАОУ «Гимназия (английская)»

Тимофеевна

В семье нашей живёт память о прабабушке моей мамы. Её фотографию в отдельной рамочке я помню с самого раннего детства. Возле фикуса на резном деревянном диванчике сидит почти древняя старуха с молодыми глазами, в шерстяной под поясочек кофточке, с короной из туго сплетённых в косу седых волос, а сама такая вся чистенькая, светлая, и глаза у неё молодые. Сидит прямо, немного неестественно, а на коленях – том из собрания сочинений Ленина. И год поставлен фотографом – 1968, а рядом чьей-то рукой (как потом я узнала, написал это мой прадед, который относился к матери своей жены как-то по-особенному, трепетно) надпись: «Тимофеевне 80 лет». Я однажды спросила бабушку: «А разве Тимофеевна была революционеркой?» Та засмеялась: «Да нет. Она читала по слогам, и то в основном Библию. А на фотографии книга – так, для красоты...»

Мне казалось, что я знаю о своей прапрабабушке почти всё. О ней часто говорили в семье: и какая рукодельница была, и красавица-певунья, и что наполовину она цыганка, а встретил её прапрадед в Маньчжурии, когда она служила горничной в семье русского офицера. И прожили они вместе больше шестидесяти лет душа в душу, вырастили двенадцать детей, своих и чужих, дожили до внуков и правнуков, которых было у них бессчётное количество, и я тоже одна из них...

Как-то раз я попросила своего прадеда (мы получили задание написать сочинение) рассказать мне о том, как и где он воевал: он был кадровым офицером-артиллеристом, попал на фронт в первый же военный год, а война для него закончилась на Дальнем Востоке, недалеко от родного дома, когда был подписан мирный договор с Японией. От деда я услышала странную фразу: «Почему обо мне? А ты напиши об Анне Тимофеевне». Я тогда очень удивилась: бабушка не была на фронте. Она жила в Забайкалье, на прииске, где добывали золото. «Вы, молодые, – продолжал дед, – думаете, что война была там, где рвались снаряды и гибли люди, где бесчинствовал враг и где совершались подвиги... Нет, война была везде, и то место, где жила семья твоей бабушки, она тоже не обошла стороной...»

Анна Тимофеевна (обычно он называл свою тёщу полным именем) проводила на фронт четверых сыновей и мужа, которому было уже под пятьдесят. Настоящие красавцы, богатыри, были её мужчины: больше двух метров каждый, двое пошли в мать-цыганку: черноглазые, с кудрявыми волосами, а двое – в отца: голубоглазые, светло-русые. Убивалась

Анюта (так её звали близкие) долго. До войны она не работала, занималась детьми. Муж жалел её, зарабатывал он хорошо: служил боцманом на пароходе, да и сыновья уже выросли, стали помогать семье. А теперь остались на руках матери трое малышей да две дочери-подростки. Статная была Анюта, красивая. Всякая работа горела в её руках. Никогда она не унывала. А тут будто подменили её: глаза потухли, исчезла улыбка. По ночам она молилась перед иконой Божьей Матери, прося у неё лишь одного: чтобы вернулись её мужчины в родной дом. Хранила Анна Тимофеевна в доме эту икону, которой родители благословили её брак с Николаем Николаевичем Столовым. Молилась она вечером, когда уже все спали. Веры своей не показывала – время было такое, но богохульствовать детям своим никогда не позволяла. Её они побаивались. Умела быть суровой.

И вот однажды (об этом тоже рассказала она моему прадедушке, на что он тогда, по его словам, недоверчиво усмехнулся – был человеком неверующим) произошло чудо: во сне к ней явился Человек и сказал: «Сама ты хозяйка судьбы своей, что отдашь – то и получишь». Ничего не поняла Анюта, но утром рано встала, умылась из речки, подоила корову, сделала наказ старшим девочкам и пошла на работу в забой. Приходила она поздно, встречали её дети. Как она рассказывала, сама не понимала, откуда брала силы: стряпала, стирала, мыла, работала на огороде, обшивала пол-округи, перед сном крестила детей... А через год перестали приходить письма сначала от мужа, потом от старшего сына. Средние – Василий и Константин – были танкистами, а младший, Иван, после окончания лётного училища бил врага в небе под Ленинградом. Письма от них шли долго. Читали их по очереди девчонки. Мать давно разучилась плакать. Она словно окаменела и по несколько раз просила перечитывать каждую строчку. Она знала их наизусть и по ночам повторяла каждое словечко. «Вот так из трёх танкистов остался я один, – писал Василий. – В сумерках въехал я в лес. Сегодня освободили от врагов ещё одну русскую деревню. Mamочka, какое счастье, что вы живёте далеко от фронта. Знаешь, мама, только сейчас я понимаю, как много ты для нас всех значишь. Береги себя. Мы обязательно вернёмся, и вся наша большая и дружная семья соберётся за столом». «Mamочka моя, – вспоминала она слова младшего, Ивана, – как ты там одна? В Москве я встретил Зину. Она тебе понравится. Жди нас домой...» «Mamочka, всё у меня хорошо. Жив, здоров, воюю», – сообщал Костя. Для своих сыновей она всегда была только «mamочкой». Так и муж называл её.

А вдали от фронта было совсем непросто. Дочка Валя пошла работать в магазин. Приходила уставшая, с красными от недосыпания глазами. Приносила хлеб, положенный каждому члену семьи небольшой кусочек, и мгновенно засыпала. А старшая поступила на курсы медсестёр и, когда ей исполнилось восемнадцать, тайком от матери попросилась на фронт.

«Матушка, родная, – написала она, – прости меня, но иначе я не могла. Ты же знаешь, Витька погиб. Всего на два года он был старше меня...»

Голодно было на прииске. Люди умирали от недоедания и почти непосильной работы. Приходили похоронки. Оставались сиротами дети. Однажды возвращалась Анюта с работы домой и у ворот увидела двух малышей. Откуда они появились, так и не узнала. По их словам, тётя привела... А потом подбросили под двери грудную девочку. Назвали ребятишки её Наденькой, Надеждой. Вот тогда-то и стала Анюта Столова Тимофеевной. Большой огород был у неё, корову держала. Дети подрастали, на их плечи многое ложилось. Петька уже в семь лет пастушком работал, а Тамарка по дому хозяйничала. Не терпела Тимофеевна грязи и беспорядка. Чистота была везде удивительная для того времени: лавки и полы с дресвой (мелкими камешками) промыты, кастрюли речным песком начищены, на окнах занавески ситцевые накрахмалены... Приходили к ней разные люди. Помощи просили. Взаимы не давала. И в суму попрошайкам не накладывала. Но привечала всех: наварит картошки, луку нарвёт, киселя заварит и за стол усадит. Накормит, иногда и баню вытопит, там и ночуют «ходоки», как она их называла. Говорили в округе, что многих людей от голодной смерти спасла Тимофеевна. Так и повелось: с ней и радостью люди делились, и горе переживали вместе. Что-то было в ней особенное, чего не было в других, и зависть, и дурная молва не приставали к ней; жила она с ребятишками тихо и «в глаза никому не лезла». А знали её в окрестных посёлках все, приветы передавали и о здоровье справлялись.

Окончилась война. Два сына домой вернулись только после победы над Японией. Иван в Москве остался, женился, в академию поступил. Дочка в Красноярске обосновалась, врачом решила стать – там сестра Николая Николаевича жила, в военном госпитале работала. Только муж и старший сын Дмитрий не вернулись с войны. Не было о них ни слуху ни духу, без вести пропали. А потом приехал какой-то военный и сказал, что были они в плену и неизвестно, когда домой вернутся. И вот тогда Тимофеевна-то и продала свой дом, построенный ещё отцом Николая, большой, высокий, с резными ставнями... Самый красивый дом был на прииске... Поселилась с семьёй в избушке на курьих ножках, где прожила почти до самой смерти, вырастив всех остальных детей. А тогда отправилась она в сопровождении сыновей правду искать... Долгая эта история, но правду она нашла... Вернулись скоро в родные края и муж, и сын. Измождённые, больные, но, главное, живые. Награды даже им вернули. Приехали в тот год к матери Иван с Зиной и дочка... Впервые за много лет расплакалась Тимофеевна и призналась в том, что не понимает она, чем заслужила такую милость у Бога: все живы и здоровы, почти все с войны вернулись...

Дед долго молчал, а потом сказал: «Вот такая была твоя прапрабабка. Не было на прииске человека, который не знал бы её... Когда она умерла,

на улицу вышли и старые, и малые, знакомые и незнакомые, чтобы проводить Тимофеевну в последний путь... А ведь совсем простая была женщина...»

Он снял со стены её фотографию, долго о чём-то думал и, наконец, произнёс: «Да, война... Да разве мы без вас, таких, как ты, Анна Тимофеевна, смогли бы там, на фронте?.. Вечная вам память...»

Пазников Александр, 5-й класс

Приморский край, Пожарский район, пгт Лучегорск
МОБУ «Средняя общеобразовательная школа № 2»

На крыше

Воскресенье. Лето!!! Мама ещё нежится в постели. Серафима встала пораньше, чтобы успеть купить свежих булочек. Сегодня она встречается с друзьями на их «секретном» месте. Это крыша дома, где живут Серафима и Валя. Так здорово, когда вы видите всех, а вас никто не видит.

Серафима уже представляла себе, как они, собравшись все впятером, будут дочитывать «Трёх мушкетёров», которых раздобыл Вова у своей тётки-библиотекарши. Потом они распределят роли и будут играть. Она мечтала о роли Миледи...

Громкий голос из репродуктора заставил Серафиму вздрогнуть... Булочки рассыпались по асфальту, а бумажный кулёк так и остался в руках ошеломлённой девочки... Война!..

Серафима забыла о «Трёх мушкетёрах», о булочках, о крыше. Когда она ворвалась в квартиру, мама с потерянными глазами сидела у радиоприёмника. Увидев дочку, она восторженно вскрикнула и ласково произнесла: «Не переживай, Серафимушка, не доберётся до нас немец».

С каждым днём всё больше тревожных вестей приходило с фронта. И вот пришёл день, когда родной для Серафимы город Мичуринск начали бомбить. Всё чаще бомбы фашистов падали на продовольственные склады. Всё меньше продуктов выдавали по карточкам.

Но жители города не отчаивались. Серафима с мамой вязали из кроличьего пуха варежки и шарфы. Большую часть отправляли на фронт, немного оставляли себе и продавали на рынке, чтобы хоть чуть-чуть заработать на хлеб. Отключили отопление, свет. В городе была разруха, голод, холод. Школы были закрыты. Все парты, стулья и даже учебники сожгли. Школьная библиотека стояла пустой. Так хотелось согреться! Чтобы не умереть с голоду, варили ремни, столярный клей из мастерских школы тоже был съеден. Когда совсем не было еды, Серафима с мамой ночью тихонечко бежали в соседнее село Старокоробеево и собирали гнилую картошку с полей. Страшно было! За это могли расстрелять.

Мальчики как-то быстро повзрослели. Они работали на заводе. Уставали, конечно. Но гордились тем, что работают на победу. Сейчас это самое важное.

Другие жители Мичуринска тоже не сдавались. Они организовывались в отряды. Кто-то ходил по ночному городу и проверял светомаскировку.

Все горожане завешивали толстыми одеялами окна, чтобы ночью немец не увидел света и не разбомбил дом.

Днём Серафима с подругами ходила в госпиталь. Бои шли где-то совсем близко, из-под Москвы привозили раненых. Девочки под диктовку раненых красноармейцев писали письма, шли на почту, чтобы отправить поскорее весточку о том, что чей-то сын, муж, отец жив.

А ночью Серафима с Галей и Вале́й посменно дежурили на крышах. Девочки тушили зажигательные бомбы, бросая их в бочки с водой. Как-то Серафима сильно разбежалась, чтобы поймать зажигалку, и чуть не слетела с крыши, со «своей» крыши. В глазах потемнело. Чудом удержала она равновесие. Голова ещё долго кружилась, подступала тошнота, но зажигалки всё летели и летели. Нельзя расслабляться. С тех пор Серафима старалась одна не ходить на крышу.

Однажды они с Вале́й сидели на своём «секретном» месте во время затишья, вспоминали лето, «Трёх мушкетёров», девичьи «секретики». Валя, тяжело вздохнув, сказала:

– Ничего, вот война кончится, и всё будет по-старому...

Серафима немного помолчала:

– Нет, не будет уже по-старому. Вова погиб при бомбёжке, некому доставать хорошие книги, книги-то почти все сожжены. Да и какое нам теперь дело до мушкетёров, до Миледи...

Начинался 1942 год.

Рассказ написан по воспоминаниям Гречишкиной Серафимы Ивановны, которые записаны со слов её дочери Пазниковой Ольги Ивановны.

Устинова Виктория, 7-й класс

Республика Бурятия, Бичурский район, с. Петропавловка
МБОУ «Гочитская средняя общеобразовательная школа»

Письмо миссис Грин

Великая Отечественная война... У нас в школе хранится немало воспоминаний земляков об этом страшном времени. Их невозможно читать спокойно. Каждая новая строчка заставляет сердце сжиматься, сильнее биться, страдать.

Труженица тыла Ткачева Марья Кондратьевна в своих воспоминаниях рассказывала о том, как пришлось им работать, когда все мужчины ушли на фронт и в деревне остались только старики, женщины и дети: «В первый год войны весь покос на Усть-Хайцыгыре бабы руками косили. На второй год дали нам конную сенокосилку. Я на ней работала, а остальные бабы опять косами весь покос отмахали. По пятьдесят назмьянок навозу в день вывозили. Вручную заготовливали силос. Перед ямой доски клали, топоры в руки, на коленки садимся и пошёл. Ямы по две заготовливали».

Когда предстаёт передо мной эта картина, как наши деревенские женщины, подоткнув подолы, сидя на коленках перед огромными ямами, рубят топорами кукурузу, я вспоминаю книгу Бориса Стрельникова «Тысяча миль в поисках души». Об этой книге я узнала на классном часе, посвящённом труженикам тыла. В одной из глав автор беседует о Великой Отечественной войне с некоей миссис Грин, которая предаётся воспоминаниям о своих трудностях в период военного времени: «Да-а, война – это ужасно. Мы здесь тоже переживали лишения. ...У меня во время войны заболела кошка. Врач сказал, что ей каждый день нужна куриная печёнка. Но где её было взять каждый день? Вы не представляете, Борис, как я страдала, глядя на мою бедную Пуси».

Да разве понять этой миссис Грин, какой была война для нашей страны? Разве может она представить, какие страдания вынес за эту войну наш народ? Негде достать печёнку для бедной Пуси...

С этого момента в моей голове постоянно сочинялось письмо этой самой миссис Грин. Конечно, я понимала, что её, наверное, уже и на свете нет, но хотелось, обращаясь к ней, докричаться до других, кто совершенно не знает, что пришлось пережить в эти годы людям моей страны, до всех, кто и сегодня хочет разжечь огонь войны. «Дорогая миссис Грин», – складывала я в голове первую фразу. Но тут же возражала самой себе: «Никакая она не дорогая!» «Уважаемая миссис Грин» ...Это тем более не подходит, понимала я. Отбросив вопрос с обращением, я, сбиваясь, вспоминала всё, что хочу рассказать этой не дорогой и не уважаемой миссис Грин.

Напишу, как недавно, готовясь к школьной краеведческой конференции, я встречалась с жительницей нашего села Петровой Екатериной Олимпьевной. Не скрывая слёз, она рассказывала о своей жизни в военное время: «У нас была большая семья, девять детей. Мама умерла. Мы жили трудно, голодно. Ходили по задмам домов, где какая кочерыжка, очистки попадутся, мы их мыли и ели. А весной, как только появятся проталинки, мы ходили собирать колосточки. Радовались каждому зёрнышку». И с такой нежностью, с такой лаской произнесла Екатерина Олимпьевна это слово «колосточки», что у меня у самой на глаза навернулись слёзы. Голодные дети. Что может быть страшнее, миссис Грин?

Расскажу в своём письме, как пришлось работать на лесосплаве Ткачевой Февронье Григорьевне и её подружкам, девчонкам семнадцати-восемнадцати лет. Одно бревно сразу скатится в воду, поплывёт, а другие где-нибудь застрянут, в кучу собьются. Приходилось забредать, отталкивать, расправлять брёвна багром. «Холодно. Забереги, а мы по пояс в воде!» – вспоминала Февронья Григорьевна.

Не забыть написать о том, что рассказывала Куприянова Прасковья Трифоновна: «Одежонка худая у всех. Сарафаны были, но в них работать не будешь. Нюра, сестра, сшила мне юбку из куля, покрасила в зелёный. Так я и ходила на работу. Да ещё и гордилась, что юбка у меня как будто не просто из мешковины». Могут ли подружки миссис Грин вообразить себя в таких «нарядах»? Могут ли они представить, как наши деревенские женщины управляют во время пахоты с быками, как мешки с зерном поднимают, как, стоя по пояс в холодной воде, ворочают баграми брёвна?

Надо рассказать этой английской миссис, что война – это трагедия для миллионов наших семей. Рассказать, как уходил на войну Акатов Андрей Васильевич. Он не мог тогда сказать: «Ну, сынок, остаёшься за старшего». Потому что в семье у него были одни девочки. Как Фекла Меркурьевна складывала в мешок кое-какие вещички и никак не думала в тот момент, что видит своего Андрея в последний раз. Как помахала рукой вслед уходящим подводам и с этой же минутки стала ждать вестей от своего дорогого супруга, но вместо долгожданного приветов получила извещение от командования. Как буквы расплывались от застилавших глаза слёз. Как бумажка выпала из рук и сердце горестно стукнуло и зануло. Как склонились к мамочке четыре девчачьи головушки и как в голове в этот страшный момент стучал один вопрос: «Как жить дальше?»

Поймёт ли миссис Грин, что такое на самом деле война, когда на мемориальной доске прочитает такое:

«40. Куприянов Григорий Егорович. 1920 г. р. Пропал без вести в июле 1942 г.

41. Куприянов Федот Егорович. 1921 г. р. Погиб в июле 1943 г.

42. Куприянов Кирилл Егорович. 1914 г. р. Умер от ран 22.12.1943 г.

43. Куприянов Елисей Егорович. 1905 г. р. Пропал без вести 28.01.1945 г.».

Знает ли миссис Грин, сколько раз спрашивал Егор Елисеевич: «Скажи, земля, где мои сыночки?»

Война – это боль, кровь, потери, слёзы, голод, страдания. Всё это с избытком довелось испытать моим землякам.

Письмо миссис Грин я не написала. Не могу стройно, хорошо, не сбиваясь, рассказывать о том, что меня очень волнует. И всё-таки мне казалось, что вся планета слышала, о чём кричало моё сердце: война – это страшно!

Вечером на столе я увидела рисунок моей сестрёнки. Цветными карандашами она нарисовала наш дом и солнышко над ним. Я взяла листок и написала внизу крупными буквами: «Пусть никогда не будет войны! Пусть всегда будет солнце!»

Мингазова Анастасия, 9-й класс

Сахалинская область, Долинский район, с. Углезаводск
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа»

В вечность

Жизнь её была – врагу не пожелаешь. Рассказывала она нехотя и коротко, а я всё упрасивала:

– Ну расскажи! Про всё расскажи!

– Про всё... Ишь что придумала! Мала ещё, чтоб про всё тебе, – ворчала бабушка.

А я не понимала, как тяжело ей было вспоминать свою жизнь.

«Я счастливая была. У меня сын, моя защита, опора, гордость... А тут... Война... Она наступила неожиданно и пугающе быстро. На второй день – повестка, на третий – пожалуйста в эшелон. Мой родной мальчик, ещё совсем молодой, только-только восемнадцать. Всю ночь не сомкнула глаз, плакала и молилась: «Лишь бы вернулся, лишь бы вернулся...»

Помню, приехали на вокзал. Много людей, все плачут и виснут друг на друге. На улице жара, а мне зябко, охватывает озноб. Я крепко держу его за руку, боюсь отпустить даже на минуту. Всё как в тумане, помню только, как хваталась за рукав новенькой гимнастёрки, целовала, обнимала и плакала. Он, сынок, гладит меня по голове и приговаривает:

– Мамочка моя, родная, я буду скучать.

В горле ком, ничего сказать не могу, слёзы рекой льются, а я – ни слова. Только смотрю ему в лицо: глаза, брови, чёрные и густые, тёмной стеной ресницы. Прижимаюсь к щеке. Шальная мысль мелькает в голове: «А может, домой?»

Вдруг раздался женский голос, усиленный громкоговорителем: «Внимание: всем по вагонам!» В эти страшные вагоны с окнами-дырами входили мужчины, оставляя своих родных и близких на перроне в истерике и крике. Он, мой сын, уходил медленно, с низко опущенной головой и слезами на глазах. Уходил в вечность...

Как жила дальше – не помню. Ждала писем, а их не было. Через полгода – извещение: пропал без вести. Долго не могла поверить, что это происходит со мной, только повторяла про себя: «Это ошибка, он жив».

Всю жизнь жила надеждой и молитвами: «Лишь бы вернулся, лишь бы вернулся...»

Семейные истории. Сколько таких историй в нашей стране? Сколько их, не вернувшихся с войны, ушедших в вечность?..

Головачёва Светлана, 11-й класс

Хабаровский край, Солнечный район, с. Эворон
МБОУ Средняя общеобразовательная школа

История моей прабабушки

Эта история – реликвия моей семьи. Она хранится так бережно, так трепетно, словно из рук в руки передаётся старинный, рассыпающийся от времени пергамент. Когда мне пришлось жить у бабушки целое лето, я просила её каждый вечер рассказывать историю прабабушки Шуры. И моя бабушка, такая суровая и немногословная, никогда не отговаривалась. Мне нравилось слушать её неспешный рассказ с закрытыми глазами: её голос то взбирался вверх до вдохновенного дрожания, то опускался вниз и прерывался еле сдерживаемыми всхлипами. В такие минуты я открывала глаза и вглядывалась в тёмное бабушкино лицо: слёзы растекались по глубоким морщинам в разных направлениях, как ручейки по высохшим трещинам земли, отчего всё лицо казалось мокрым. И удивительным образом сияли распахнутые молодые глаза...

Шура тоже решила идти на фронт. Мама плакала и даже на колени становилась:

– Санюша, никого у меня нет, кроме тебя! Ты ещё маленькая, у тебя вся жизнь впереди! Да и не возьмут тебя в четырнадцать...

– Возьмут, куда денутся! – решительно отвечала девчонка, убирая непослушные рыжие кудряшки под косынку. Они делали курносое и конопатое лицо совсем детским, а этого допустить никак нельзя. Шууре нужно было выглядеть на все снадцать, потому что подружки из медучилища призывались на фронт по спискам, и самым загадочным способом в списке в конце страницы была вписана Александра Коваленко якобы 1925 года рождения. Характеристику, подделав подписи, написали тоже девчонки и сунули её, без печати, в середину пачки, авось не заметят. И действительно, не заметили...

Александра с мамой жили в Мене, небольшом райцентре под Черниговом. Папа умер задолго до войны от астматического удушья, и эта гадкая болезнь на пятом году жизни объявилась и у маленькой Шуры. А мама была инвалидом по зрению.

– А вот я пойду в военкомат и разберусь! Это где видано, детей призывать!.. Да и не переживёшь ты... – запричитала мама, закрыв лицо дрожащими руками и раскачиваясь, словно в транс. Она понимала, что упрямая дочь сделала выбор и ни за что не свернёт.

– Переживу! – Шуре нужно было быть твёрдой, нужно было показать матери, что решение принято окончательно и бесповоротно. – Мамочка, от каждой семьи кто-нибудь должен пойти на фронт. Нас двое. И пойду я!

Наутро мама бежала за бортовым грузовиком и вместо прощальных слов кричала: «Я тебя никогда не увижу!»

Шура попала в палаточный госпиталь под Харьковом. Строгая тётка-хирург взглянула из-под круглых очков, тщательно намыливая руки под походным умывальником:

– Ассистировать учили?

– Учили, – несмело соврала Шура. Враньё быстро обнаружилось в виде обморока в операционной. Никто не пожалел. Велено было убираться домой к маме. Приходя в себя, Шура поняла, что её тормозат и спрашивают фамилию.

– Александра Петровна Коваленко, – пробормотала она.

– А-а-а, ну тогда к папе!

Позже Шура спряталась в угол палатки за кучей смердящего гноем и кровью тряпья и не могла поднять зарёванных глаз, пока вечером молодой солдатик не нашёл её и не велел собираться.

– Эх ты, – сказал он, – такого отца позоришь!

Шура ничего не поняла, но решила не вступать в разговор, и так от стыда хотелось сквозь землю провалиться.

Вместе с солдатами Шура ехала по узкой лесной дороге и ничего не понимала. Отчаянно хотелось к маме, от переживаний становилось трудно дышать, и это было страшным предвестником наступающего приступа удушья. Уже почти посинелую со свистящими хрипами выгрузили в крошечной темноте обессиленную Шуру. Упав на колени, девчонка раздирала на себе гимнастёрку...

Очнулась Александра на рассвете. Лежала она в палатке на деревянном топчане совершенно мокрая, гимнастёрка и рубаха под ней были изодраны. Видимо, услышав неловкую возню, вошёл темноволосый мужчина лет тридцати пяти, подал сухую и чистую гимнастёрку и сурово спросил:

– Это кто ж тебя научил моей дочерью называться?

Не придумав, что ответить, Шура представилась:

– Александра Петровна Коваленко...

– Вот оно что... Александра Петровна, говоришь...

– Дяденька, не отправляйте меня домой, – запричитала Шура, прикрывая руками голое тело, – мне уже скоро восемнадцать, я всё-всё умею делать! Я могу раны зашивать, перевязывать, из боя раненых вытаскивать, я сильная, я...

– Видели мы вчера, какая ты сильная. Хватит скулить! Готовить умеешь? И не дяденька, а товарищ командир!.. Пётр Николаевич Коваленко, – хмыкнув, дёрнул себя за ус, резко повернулся и вышел.

Так Александра осталась в батарее Коваленко отдельного самоходного артиллерийского дивизиона 28-й стрелковой дивизии. Изюм всех сил она старалась быть полезной: работала на полевой кухне с отцом Николаем (когда-то священнослужителем, а сейчас рядовым Дьяченко), штопала и стирала солдатам одежду, помогала писать и читать письма, перевязывала раны. А ещё по вечерам тоненько и трогательно пела старинные русские романсы, которые когда-то, в какой-то другой жизни, когда она была маленькой, пела ей мама. Шура с детской непосредственностью воспринимала разговоры о наступлениях и отступлениях, приказах командования как что-то совершенно не относящееся ни к её миру, ни к её жизни. Однако она уже не могла представить свою жизнь без громкого и уверенного голоса её командира.

За два месяца Александра повзрослела, вернее, повзрослели её чувства. Душа её мучилась от первой любви, ни высказать которую, ни показать было невозможно. Горячим взглядом провожала она товарища командира, быстрым шагом передвигавшегося по батарее и деловито отдававшего приказы. Немое чувство было хуже удушья, которым она худо-бедно научилась управлять с помощью хвойного пара. Отец Николай всё это видел и однажды сказал: «Мала ты ещё для него, забудь и не мучайся!»

– Не забуду! Никогда не забуду! – отец Николай не знал, что упрямая Шура сделала свой выбор и ни за что не свернёт.

В начале мая приказано было наступать. Батарея к тому времени передвинулась к окрестностям городка Изюм. Бои стали частыми и кровопролитными. Силы врага превосходили наши, и слышно было, что с запада оборона прорвана. Однако приказа отступить не поступало. Батарее Коваленко необходимо было обойти наступающие немецкие полки лесом и замкнуть окружение. При обходе остатки батареи приняли жестокий бой. Позже сражение на этой территории назовут Харьковским котлом или Харьковской катастрофой.

Александра всё время боялась приступа: в воздухе стояла пыль и гарь от взрывов. Она давала себе чёткие указания, копируя интонацию командира: «быстро», «слева», «ниже», «хватай», «тащи», «дыши». Свистели пули, но они её совершенно не пугали. Она вытаскивала бойцов из-под огня и боялась только одного – потерять из виду Петра Николаевича. И совершенно не поняла, почему упала.

Очнулась от ужасной боли в руке. Что-то взорвалось, разметав тела, а сама она, видимо, ранена осколком. Бой уже грохотал где-то позади. Александра переползала от одного бойца к другому, кричала и плакала – живых нет, а главное – нигде нет его. Шура выла, вжавшись лицом в землю, выла от ужаса и безысходности. Вдруг ей показалось, что танки возвращаются и слышна немецкая речь. Страшная мысль полоснула сознание: вернуться и добьют. И тут предательски перехватило дыхание. «Вот и вся любовь», –

подумала Шура, из последних сил всё же пытаюсь поползти до ближайших кустов, но силы предательски покидали её, а лёгкие рвались на части от невозможности выдохнуть. Вдруг она почувствовала, как кто-то ухватил её за шиворот и тащит. В следующую минуту прояснения сознания Шура поняла, что этот кто-то накрывает её еловыми ветками, и услышала автоматную очередь. Спасавший её человек замер, придавив тяжёлым телом.

От хвойной свежести стало немного легче дышать. Окончательно придя в себя, Шура выбралась из своего укрытия и увидела, кто спас её. Это был её командир, Пётр Николаевич Коваленко. Александра, рыдая, бросилась целовать его окровавленное лицо, с какой-то остервенелостью тянуть за волосы, трести голову. И командир застонал.

Пётр Николаевич был жив, но Шура понимала, что эта бесценная жизнь утекает с каждой секундой. Взвалив на себя бесчувственное тело, Шура поползла, давая себе чёткие команды: «быстрее», «прямо», «тащи», «дыши».

Шура тащила командира почти двое суток. Оба они потеряли много крови, а командир не приходил в сознание. Советские войска были разгромлены, и Шура не понимала, куда двигаться. Будучи уже уверенной, что тащит мёртвое тело, она решила похоронить командира и свернула в лес. Там-то и пришла помощь.

Через полгода Шура отыскала своего любимого в госпитале под Киевом, лысого, без усов и без ног. А через год после войны родилась моя бабушка.

Наверное, это странно для семнадцатилетней девушки, но, когда я думаю о любви, всегда представляю себе кадры старой киноплёнки времён Великой Отечественной войны. Такова ли сейчас любовь? Способны ли сейчас отдать жизнь за любимого? Знаю одно: историю моей прабабушки я обязательно расскажу своей внучке.

Гезер Лана, 8-й класс

Чукотский автономный округ, г. Анадырь
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №1»

Миша

Тик. Так. Тик. Так. Стрелка метронома размеренно двигалась из стороны в сторону. Этот звук был единственным напоминанием о том, что город живёт. В холодной комнате, едва прогретой, раздавалось лишь тиканье да слабое, прерывистое дыхание матери с Лёлей. Они забылись беспокойным сном, а Миша никак не мог заставить себя прикрыть глаза. Казалось, стоит сейчас уснуть, и он уже никогда не проснётся... Хотя, наверное, здесь такая смерть самая милосердная.

Сколько месяцев длится блокада? Пятнадцать? Или уже больше? Миша не знал точно: он уже давно перестал считать дни. Он вообще многое научился не замечать: «пеленашки» – трупы, завёрнутые в тряпки, на улицах, падающих от голода людей, вкус клея – сваренного матерью «студня». Это ничего, вот прорвут блокаду, вернётся с фронта отец... Если только... если только... Не надо об этом думать.

Страшно хотелось есть. При мысли о горячем наваристом борще с кусочками мяса живот скрутило, и Миша скрючился, содрогаясь в пустых рвотных позывах. Койка, на которой спали сестра с матерью, закрипела, и женская фигура привсталала, опираясь о стену рукой.

– Алёша?.. – голос у матери был осипший и сонный, глаза подёрнулись мутной дымкой, но губы растянулись в болезненной улыбке.

Миша вздрогнул, стоило имени брата слететь с её губ. Он ненавидел это. Ненавидел, когда она называла его Алёшей, словно... Словно Миша для неё исчезал, растворялся в погибшем на Ижоре брате-комсомольце.

– Нет, мам, – он сглотнул, стараясь держать себя в руках. – Это я, Миша... помнишь?

– Миша... – взгляд у неё прояснился, и улыбка медленно исчезла с осунувшегося бескровного лица. Она слабо кивнула, оживление в глазах потухло, и мать тихо шепнула: – Ну конечно, Миша...

Она замолчала и легла обратно, а Миша откинулся назад, прижимаясь спиной к стене. До утра было ещё несколько голодных часов. Обрывки мыслей роились в его голове, словно осы. Что если мать не вспомнит его однажды? Что если она умрёт? Или... Или если умрёт он, то что будет с Лёлей?

Во всём этом клубке мыслей рождалась ненависть. Ненависть к войне и тому, что она принесла в их семью, ненависть к фашистам, ненависть к своему бессилию... Ненависть к Алёше. За то, что бросил их одних в про-

мёрзшем, пропахшем смертью Ленинграде. И всё же как сильно хочется есть. Может быть, заснуть и уже не проснуться не так уж и плохо? Миша устало сомкнул веки под тихое тиканье метронома.

Следующие две недели прошли, словно во сне. Он вставал, шёл в школу, где за партами сидели ослабшие, полуживые дети, горстка тех, кто раньше учился с ним. Миша точно знал, что боевая Ленка Дегтярева погибла во время бомбёжки, а белокурая Танечка Воловик с мучениями умерла в заваленном рухнувшим домом подвале со своей семьёй. Остальные: Лёва Малютин с весёлыми голубыми глазами, Погребняк Катя с самыми длинными в школе косами, задиристый Петя Обломов и много других детей – вероятно, умерли от голода. После школы, если не нужно было идти в госпиталь, на завод или разбирать завалы, оставшиеся после бомбёжек, Миша помогал матери и пытался найти топливо для железной печки-временки, испепелившей всю мебель и даже книги. Миша помнил, как он в последний раз держал в руках «Записки охотника».

С соседским Тёмой Миша ходил за водой. У него почти вся семья погибла, и теперь о нём и его младшем брате заботилась тётя Галя. Тёма сжимал в руках чайник и держался за перила, осторожно шагая по ступенькам, как это обычно делают немощные старики. Он сильно исхудал, а ещё взгляд у него застекленел. Это было самое худшее. Миша знал, что если взгляд у человека стеклянный, то он уже мёртв, просто тело ещё не поняло этого. Они дошли до реки за час, к этому времени оба мальчика утомились.

– Знаешь, когда блокаду снимут, я тут же объежусь яблок, – слабая мечтательная улыбка тронула губы Тёмы, пока тот набирал воду в свой чайник. – Таких сладких, с Кубани...

Миша знал, что с голода наедаться было нельзя, но пофантазировать можно, правда? Он почувствовал вдруг вкус этих самых яблок на языке. Свежий, сладкий, совершенно непохожий на пресный хлеб, который выдают по талонам. Сейчас бы хоть одно яблочко сюда... Мальчик зачерпнул воду из раскола в Неве. Закоченевшие пальцы не чувствовали холода.

Ведро оказалось тяжёлым для ослабшего организма, и потому они часто останавливались. Путь домой, казалось, растянулся на часы. Миша повернулся к Тёме, чтобы спросить, не видел ли он где-нибудь лишних дровишек, когда тот остановился. Невысокая фигура, закутанная в отцовское пальто, вдруг повалилась в снег. Вода из его чайника разлилась, образуя рыхлые лужи, а Тёма больше не поднялся из снега. До кубанских яблок он не дожил.

Миша заковылял домой, сдерживая комок душивших его слёз. Тётя Галя на известие о смерти Тёмы лишь кивнула, но Миша услышал, стояло закрыться двери, как квартиру сотрясли горестные женские рыдания, а потом и слабый детский плач.

Мать выстояла долгую очередь за хлебом, и, придя домой, он сразу же взялся за свой кусок. Всего лишь 125 грамм безвкусной массы, но уже лучше, чем ничего. Миша за дни блокады чего только ни попробовал: студень из клея, варёные ремни, землю со сгоревших складов, вазелин. Голод толкал людей на всевозможные ухищрения. И на зверства. Вскоре они узнали это на собственной шкуре...

Мать зашлась в новом приступе кашля, и Миша поднёс к её губам ковш с нагретой на песке водой:

– Пей, мам.

Она благодарно сжала его плечо, жадно глотая питьё, а потом отстранилась, без сил падая на спину.

– Кхм... Миша, – то и дело откашливаясь, позвала женщина. – Сегодня тебе придётся забрать хлеб, ладно?..

– А можно мне с тобой, Миш? – подала голос Лёлька. Она сидела на его кровати и играла с безрукой куклой.

И он уступил сестре. Люди, как могли, спешили к очередям. Честно говоря, едва ковыляли, но на большее сил не оставалось. Лёля держала его за руку и рассказывала ему о жизни своих игрушек:

– ...И у них – представляешь? – каждый день на обед дают кисель! А на полдник у них сладкие коврижки... – её вдруг заглушила сирена и грозный голос диктора, объявляющего об артиллеристском налёте.

Люди бежали, чтобы укрыться от снарядов, толкались и падали.

– Миша, я не могу!.. Миша!

В какой-то момент он выпустил руку сестры, и она потерялась в толпе.

– Лёля! – отчаянно звал Миша.

Обстрел закончился, оставив после себя разрушения. Куски зданий валялись на земле вместе с не успевшими спрятаться людьми. Лёльки нигде не было. А на пустыре Миша увидел брызги крови и обрывок Лёлькиной шали. Слёзы замерзали на ресницах, и Миша взвыл. Кто смог тронуть Лёльку с её доверчивым, грустным взглядом?.. Кто?..

Двигаться не было ни сил, ни желания. Но Миша вспомнил про мать и заставил себя подняться. Он брёл по улице, глотая слёзы, и вдруг увидел, что дом номер двенадцать по Базальтовой улице рухнул, погребя под собой его мать и его тягу к жизни.

Миша опустился в сугроб, больше не нужно было заботиться ни о Лёльке, ни о матери. В снегу было тепло и приятно...

– Ну же! Ну же, голубчик!.. – кто-то хлопал Мишу по щеке. – Жить надо!..

Эти слова возвращали к жизни, а вместе с ней боль и надежду. Миша вдруг подумал, что ещё не ел борща, о котором так мечтал.

– Борись, слышишь?.. Не сдавайся.

Он доживёт.

ФИНАЛИСТЫ

**Всероссийского конкурса сочинений
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Ворончихина
Марина

Смирнова
Софья

Щенов
Пётр

Богатырёв
Алексей

Данилова
Арина

Петухов
Егор

Чигаева
Ирина

Гурина
Мария

Поварницына
Валерия

Шаповалова
Полина

Кононова
Яна

Крупнова
Дарья

Васильев
Станислав

Ворончихина Марина, 11-й класс

Кировская область, г. Киров

МОАУ «Средняя общеобразовательная школа

с углубленным изучением отдельных предметов № 37»

Жди меня, и я вернусь...

Он ухмыльнулся и поправил пилотку: «Жив Николай твой, жив. Нас же в одну часть определили-то. Мне когда ногу-то оторвало, он меня к нашим и оттащил. Говорил, мол, коли комиссуют, браток, передай моим привет. Вот, передаю!» С самого начала войны я впервые вдохнула и выдохнула полной грудью. С моих плеч упала наконец эта тяжёлая ноша беспокойства и нескончаемой тревоги. Так, весь день улыбка не покидала моих губ. Вечером прибежал Алёшка, сын вернувшегося соседа, шепнул: «Мамка зовёт». Накинув платок, я бросилась к их избе. Изба полна народу, и пьяненький сосед тихим голосом рассказывал о том, что пришлось ему пережить. Не слышно было ни одного звука, только хриплый голос соседа:

– Нас перебросили на Западный фронт. Задача проста. Смоленск должен быть нашим. Много нас тогда нагнали. Мы с Николаем старались держаться неподалёку. Пятого ноября 1942-го началось наступление, мы не имели права больше отступать. Мы шаг за шагом отбивали у немца русскую землю. Так прошло три месяца. Зима, надо вам сказать, бабоньки, суровая. В феврале 1942-го оказались на подступах к деревеньке Захаровке, впереди мост, на первый взгляд оставленный немцами, а за мостом можно было закрепиться на новых рубежах. Нас пятерых (мы были покрепче и поздоровее) отправили вперёд на разведку. Как стемнело, мы выступили. Мелкими перебежками мы продвигались к дальнему берегу, и вдруг... Выстрелы! Один, второй, третий... Двое наших упали. Мы бросились к ним. Николай тихо шепнул: «Мы их заберём на обратном пути, надо идти». А фрицы, забыв о страхе, вышли впятером навстречу с автоматами наперевес. Я глянул на Николая, он сложил оружие, кивнул и стал подниматься во весь рост. Немцы подходили к нам, абсолютно уверенные, что схватили трёх партизан, ухмыляясь, но ближе метра подойти не решились даже с оружием. Мы с Николаем вместе в кузнице работали, знали и понимали любое движение друг друга, что уж говорить, сподручно нам вместе, я уловил его взгляд и кивок. Не буду хвастать, как мы, три двухметровых мужика, влёгкую уложили пятерых растерявшихся немцев без единого выстрела, но им на подмогу спешили новые фашисты. Мы, собрав все автоматы, стали отступать. По нам открыли огонь, да ещё какой! Третьего нашего, Серёгу из Твери, мы не уберегли. Видел, что Николай как-то неловко отшатнулся, я и не понял, что произошло, и в эту минуту страшная боль

обожгла ногу, я вскрикнул, Николай одной рукой поволок меня к нашим, периодически отстреливаясь. Добравшись, он снова вернулся на мост и через 40 минут дотащил оставленных убитых солдат, позднее оказалось, что Николаю перебило левую руку...

В эту секунду земля уходила из-под моих ног. Но я держалась, я должна знать всё!

– Нас переправили в госпиталь. А мост наши взяли, конечно же, взяли! А Николаю я слово дал: ни слова никому ни о бое, ни о ранении – но вы, бабы, и мёртвого разговорите! Я ещё лежал в госпитале, когда Николаю после шумных «уговоров» всё-таки разрешили вернуться на передовую.

Это был единственный рассказ о войне и Николае, больше я ни разу ничего не слышала. Каждый новый день был горше прежнего, но эта маленькая весточка вдохнула в меня новую силу. Да и работать стало как-то полегче. А когда от Николая пришло первое письмо...

Я лежала на мягкой траве, раскинув руки. Словно маленькое растеньице, я поглощала солнечный свет, жмурясь от яркого солнца. Ветер нашёптывал мне какую-то нежную песенку, а колосья ржи ласкали мои плечи, наклоняясь в ритм ветру. Я приехала сюда снова, на родину к моей прабабушке, в деревню Кленовицу в Орловском районе. Это была давно уже заброшенная деревня со своей великой историей. Но это место было будто заколдовано. Приезжая сюда, каждый раз, как по приказу неведомой силы, я выпускала из рук телефон, выдыхала городской быт и вдыхала лесную сказку. Только здесь я чувствовала себя по-особенному уютно, защищённо. Вокруг шумели деревья-великаны, бархатная трава окутывала ноги, солнце освещало лесную тропинку. Лес, так долго ждавший гостей, угощал спелыми ягодами и грибами. Даже небо было особенным в этом месте. Каким-то тёплым и родным. Я лежала на мягкой траве и смотрела на небосвод. По нему скользили белые облака, исчезая за верхушками деревьев. Куда они так торопятся? Зачем бегут прочь, если здесь так хорошо? Но так было не всегда...

Сколько криков заглушили эти деревья! Сколько слёз впитала эта земля! Сколько молитв слышало это небо! Мысли о войне роем ворвались в голову, и я закрыла глаза, чтобы не слышать этой боли. Жаль, что Они не могли спрятаться от войны также... Потому что Они не имели права прятаться. Потому что Они тоже хотели защитить это место и подарить его своим детям, внукам, правнукам. «Бабушка! Ты права! Это сказочное, волшебное место!» Наверное, бабушка улыбнулась с небес моим словам. Теперь она всегда может любоваться своей маленькой родиной, местом, где она стала Героем, моим Героем. Я закрыла глаза.

ОНА. Открывши глаза, я увидела небо. Боже, за что мне такое наказание! Завтра я стану женой человека, которого не люблю. Которого ненавижу! Как жить мне без моего ненаглядного? Как жить дальше? Тогда я ещё

не знала, что скоро будет война. В то время я лишь мечтала выйти замуж за гармониста, первого парня на деревне, которого я любила всей душой! Но судьба-злодейка, видно, этого не желала. Слезинки скатились одна за другой на траву. Этот мужчина никогда не будет мною любим!

ОН. Я увидел её на вечёрке. В тот вечер она пришла с подругами. И почему раньше не встречал её? Улыбка озаряла её лицо, стоило кому-нибудь что-нибудь сказать, как она тут же заливалась звонким смехом, словно колокольчик. Румянец не сходил с её щёк, а русые волосы, слегка растрёпанные, были заплетены в густую косу. И тогда, в тот самый миг, я понял, что это моя судьба... Я женюсь на этой девушке!

ОНА. Свадьбы редко бывали в деревне, но когда бывали, то собирались все. Народ вокруг веселился, танцевал, пел песни... Но никто не замечал моего горя – горя невесты: как слезинка вдруг одиноко заблестит в глазах, как лицо искривится, когда в очередной раз гости закричат: «Горько!» Мой жених, как назло, улыбался, принимал поздравления. Это он просил моей руки у отца, отдавшего родную дочь в брак без любви! Он лишил меня счастья любить! Его никогда не прощу!

ОН. На нашу свадьбу заявился её гармонист. Да ещё и с ружьём! Говорил, что не уйдёт без неё, что любит. Я вскочил с места. Я вовсе не боялся за себя, я волновался за неё. Что скажет? Как поступит?

ОНА. «Уходи. Убирайся прочь!» – прокричала я сорвавшимся голосом. Не было даже сил заглянуть в любимые глаза. О, как хотелось прижаться к нему, ощутить тепло родного человека! Но я не имела права повести себя как слабая женщина. Я прогнала его. Уходя, он не обернулся.

Так я стала женой Николая Ивановича Рогожникова. Но наша супружеская жизнь была недолгой. Спустя время на нашу страну свалилось неслыханное прежде горе! Проклятая война! 22 июня 1941 года. Всю ночь я не спала: «Что будет дальше?» Не уснул и Николай. Утром он выдавил только два слова: «Проводи меня...» Говорить было нечего, я просто заглянула в его глаза и прочитала в них досаду, боль и холодную решимость. Мы пришли к сельсовету, а там уже почти все мужики деревни, тишина, лёгкие всхлипы, мужчины курят. Впервые за эти два года семейной жизни я сама припала к его груди. Каждый человек на деревне знал, что война – доселе редко встречаемое слово – означает что-то страшное, жестокое. Но деревенские люди не меньше того понимали, что нужны Родине, как никогда прежде. Сердце моё вдруг оттаяло, и я сказала: «Да надолго ли это? Скоро вернёшься! Да тебя, такого здорового, любой фашист испугается!» Господи! Как я тогда ошибалась!

ОН. Вся деревня провожала нас в дорогу. Мужики улыбались, не давали слабины, а женщины рыдали. Все до одной. Сколько боли познали наши матери! А как кричали они, когда приходили похоронок! Но разве ж кто знал наперёд, что так будет? Моя стояла в стороне, белая. Холодным

взором она сверлила меня, но я знал, что ей тоже больно. Как не хотелось её оставлять! Мы ведь даже толком не попрощались! Она собрала меня в дорогу и всю ночь всхлипывала. Думала, я не слышу, а я всё слышал. Валентина редко улыбалась мне, всегда была холодной, отстранённой. А теперь и вовсе забудет! И тогда я сказал себе, что не позволю ей забыть себя! Я постараюсь вернуться! В этот миг все мужчины подумали то же самое...

ОНА. Деревня опустела, будто завяла. Не слышно теперь было мужского раскатистого смеха и грубоватых шуточек, никто не играл на гармонии возле домов, замер в мастерских мужской инструмент... Колхоз и вовсе застыл. Нас захлестнула волна людского горя, пока однажды жена председателя не созвала всех женщин, стариков и детей к сельсовету. Тогда она кричала с лицом, полным боли, о солдатах, о войне, о победе: «Всё для фронта! Всё для победы! Мы нужны своим мужьям, отцам, сыновьям! Всё для фронта! Бабоньки, давайте поможем! Давайте победим войну! Давайте вернём их домой! Всё для победы! Всё для фронта!» Почему за ней так хотелось идти? С виду слабая, худая женщина, но у неё хватило сил занять место мужа. Хватило сил сдержать слезу и взять в руки всю деревню.

В этот же день нас охватило непреодолимое желание: если не оказаться на передовой линии, если не взять в руки винтовку, то хотя бы взяться за плуг, за топор, за молот, встать за наковальню, выйти в поле, в лес – и работать, работать, работать! У нас, у молодых девчонок, забурлила, вскипела кровь, загорелись глаза. Всё для победы! Что мы могли? У нас есть лес, который очень нужен фронту, у нас есть поля, на которых растёт хлеб, и в нём тоже больше нуждается фронт, чем мы. А ещё мы – женщины, мы можем обшивать и обвязывать солдат. Мы таскали мешки с зерном, мукой по пятьдесят-семьдесят килограмм, работали в лесу, да ещё как работали, но при этом оставались молодыми девчонками и пели песни, которые лишь раззадоривали нас. Всё для фронта!

В августе 1941-го в Котельнич пришёл первый эшелон с ранеными... От колхоза нас отправили на помощь котельничанам в разгрузке и распределении по госпиталям раненых. Моё представление о войне перевернулось. Мы смотрели на них, перевязанных, без рук, без ног, с забинтованными головами. Глаза девчат округлялись от страха и ужаса. «Николай, – молниеносно пронеслось в голове, – жив ли ты? Здоров?» Тогда весь наш женский коллектив осознал наконец, что происходит на фронте. Позднее мы стали ездить в госпиталь Котельнича, желая узнать что-то о родных. Раненые ничего не рассказывали, молчали и кричали по ночам. Иногда ни с того ни с сего начинали плакать. Я наблюдала за взрослым мужчиной, кричавшим во сне: «Мама!» Невыносимо слышать такое! Женщин окутывало новое чувство – беспокойства, страха, горя за своих мужчин.

Труд становился всё более тяжёлым, руки стали чёрными и грубыми от вечной работы и больше походили на подошву старого сапога. Совсем не

хватало сна. С наступлением зимы перестало хватать и еды. Только забота о раненых напоминала о том, что я – женщина. Днями напролёт я вязала варежки да шапки. Старалась делать как можно больше, поэтому красотой варежки не отличались, но грели. Грели руки солдата, и моё сердце тоже. Зимними вечерами в избе меня иногда охватывал страх за Николая. А вдруг? Я отгоняла дурные мысли, стараясь нагрузить себя большей работой.

Вскоре начали приходиться первые похоронки... Когда женским криком взрывался очередной дом, мы понимали, что в него никто не вернётся; война словно ставила кровью кресты на этих домах. К лету невосполнимую боль утраты узнала половина нашей деревни. Мы ничего не говорили этим женщинам, потому что иногда одного взгляда достаточно, чтобы выразить всю свою боль и сочувствие. Каждое утро, убитые, мы шли на поле, работали до самой ночи, возвращались, садились за вязку. Многие падали от усталости прямо на поле, некоторые – замертво. Но за год я повидала столько покойников, что это уже не пугало, коленки не подкашивались, только женское сердце сжималось от горя и жалости. Проклятая война! Ну как можно навести оружие на живого человека?! Как можно убивать невинных людей?! Горячие слёзы полились из моих глаз, я быстро смахнула их платком: «Возвращайся, Николай! Возвращайся!»

Когда случалось, что освобождались рано, с девочками летели в лес за грибами, за ягодами. Лес всегда был другом деревенского человека, но во время войны он стал нашим воздухом. Всё, что мы собирали, увозили на фронт. А потом девчонки наши додумались лепить пироги из травы! Вкус, конечно, не тот, но брезговать не приходилось. Ели всё, что съедобно, да и несъедобное ели. Мужики всё шутили: «У тебя, Валентина, щёки румяные, хоть прикуривай!» А красными щеками я в маму пошла...

К осени сорок второго привезли раненого соседа. Без ноги. Я сломя голову помчалась к нему. «Может, слышно что о моём окаянном?» – стараясь не выдавать тревоги, нетерпеливо спросила я. Он ухмыльнулся и поправил пилотку: «Жив Николай твой, жив. Нас же в одну часть определили-то. Мне когда ногу-то оторвало, он меня к нашим и оттащил. Говорил, мол, коли комиссуют, браток, передай моим привет. Вот, передаю!» С самого начала войны я впервые вдохнула и выдохнула полной грудью. С моих плеч упала наконец эта тяжёлая ноша беспокойства и нескончаемой тревоги. Так, весь день улыбка не покидала моих губ. Вечером прибежал Алёшка, сын вернувшегося соседа, шепнул: «Мамка зовёт». Накинув платок, я бросилась к их избе. Изба полна народу, и пьяненький сосед тихим голосом рассказывал о том, что пришлось ему пережить. Не слышно было ни одного звука, только хриплый голос соседа:

– Нас перебросили на Западный фронт. Задача проста. Смоленск должен быть нашим. Много нас тогда нагнали. Мы с Николаем старались дер-

жаться неподалёку. Пятого ноября 1942-го началось наступление, мы не имели права больше отступать. Мы шаг за шагом отбивали у немца русскую землю. Так прошло три месяца. Зима, надо вам сказать, бабоньки, суровая. В феврале 1942-го оказались на подступах к деревеньке Захаровке, впереди мост, на первый взгляд оставленный немцами, а за мостом можно было закрепиться на новых рубежах. Нас пятерых (мы были покрепче и поздоровее) отправили вперёд на разведку. Как стемнело, мы выступили. Мелкими перебежками мы продвигались к дальнему берегу, и вдруг... Выстрелы! Один, второй, третий... Двое наших упали. Мы бросились к ним. Николай тихо шепнул: «Мы их заберём на обратном пути, надо идти». А фрицы, забыв о страхе, вышли впятером навстречу с автоматами наперевес. Я глянул на Николая, он сложил оружие, кивнул и стал подниматься во весь рост. Немцы подходили к нам, абсолютно уверенные, что схватили трёх партизан, ухмыляясь, но ближе метра подойти не решились даже с оружием. Мы с Николаем вместе в кузнице работали, знали и понимали любое движение друг друга, что уж говорить, сподручно нам вместе, я уловил его взгляд и кивок. Не буду хвастать, как мы, три двухметровых мужика, влёгкую уложили пятерых растерявшихся немцев без единого выстрела, но им на подмогу спешили новые фашисты. Мы, собрав все автоматы, стали отступать. По нам открыли огонь, да ещё какой! Третьего нашего, Серёгу из Твери, мы не уберегли. Видел, что Николай как-то неловко отшатнулся, я и не понял, что произошло, и в эту минуту страшная боль обожгла ногу, я вскрикнул, Николай одной рукой поволок меня к нашим, периодически отстреливаясь. Добравшись, он снова вернулся на мост и через 40 минут дотащил оставленных убитых солдат, позднее оказалось, что Николаю перебило левую руку...

В эту секунду земля уходила из-под моих ног. Но я держалась, я должна знать всё!

– Нас переправили в госпиталь. А мост наши взяли, конечно же, взяли! А Николаю я слово дал: ни слова никому ни о бое, ни о ранении – но вы, бабы, и мёртвого разговорите! Я ещё лежал в госпитале, когда Николаю после шумных «уговоров» всё-таки разрешили вернуться на передовую.

Это был единственный рассказ о войне и Николае, больше я ни разу ничего не слышала. Каждый новый день был горше прежнего, но эта маленькая весточка вдохнула в меня новую силу. Да и работать стало как-то полегче. А когда от Николая пришло первое письмо... Ох, что со мною было! Как ликовало моё сердце! Я перечитывала его каждое утро и каждое утро бранила его за то, что он такой немногословный. Пару слов о войне, пару слов о товарищах, пару слов о боях, а о себе ни-че-го! А мне – беспокойся за его кудрявую голову! В своих письмах говорила ему о деревне, как живём-работаем, кто живой, кто – нет... А о себе ни слова, пусть помучается! Никогда бы я не подумала, что буду жить от письма до письма.

Приходилось трудиться за троих да ещё, кто послабее, тем помогать. Я перестала чувствовать боль от вечной работы. Руки привыкли к тяжёлому труду, а сердце – к волнениям и тревогам. Я плакала с женщинами, потерявшими детей, мужей, отцов, пела перед больными и ранеными и бегала в лес с девочками, а по ночам, как и все люди нашей безграничной страны, я молилась за победу. За тех, кто на фронте, за тех, кто в тылу, за тех, кого забрала война...

Всё вокруг будто помогало нам жить. Никогда ещё лето не радовало нас стольким количеством грибов и ягод, осень не была прежде столь плодородной, а зима не была такой мягкой, как во время войны. Будто всё живое, вся мощь русской земли, вся её сила хотели нашей победы! И это случилось! Босые чумазые мальчишки бежали по траве и разносили самую счастливую весть за всю мою жизнь! ПОБЕДА! Люди бросали молоты, топоры, мешки и кричали, плакали! Это был не тот крик, который железной болью разливался над деревней, и не те слёзы, которые вызывали невыносимое желание скорби и печали. Это было великое счастье всей страны, всей моей Родины, всего моего мира! Но... Николай... Не вернулся...

ОН. «По домам, мужики», – сказал ротный. «Так точно!» – ответил я, опустил голову и невольно улыбнулся. Сколько я ждал, когда мне скажут это! Сколько мне уже снится она... Валентина... Как хочется увидеть её, обнять! Ни слова о себе не написала в письмах, жестокая женщина! Последний год только мысли о ней согревали моё сердце, потому что именно последний год был самым страшным, самым жестоким.

Я начинал свой боевой путь с Ленинградского фронта, пока в бою под Смоленском, уже будучи на Западном фронте, не был тяжело ранен в феврале 1942 года. Она никогда не узнает об этом. Меня хотели комиссовать как ограниченно годного, но это не моя история, я ни за какие коврижки не вернусь к Ней без Победы. И меня перевели в 249-й отдельный ремонтно-восстановительный батальон слесарем. Я ещё послужу фронту!

Потом были отремонтированные мосты и восстановленная техника. Я не боялся фашистов, в силу физических данных я был выше многих из них почти на голову. Не думал, что настоящий ад начнётся уже после объявления победы. Мы шли по полю, по колена в крови и останках убитых, искали жетоны, военные билеты или любые другие предметы, по которым можно определить личность солдата. Их тела изуродованы, глаза пусты, на лицах многих застыла гримаса ужаса. Как сказать матери этого солдата, что он, заваленный другими безжизненными телами, не вернётся? Он не поднимется, не приедет домой, не обнимет седую маму и не улыбнётся ей? Потому что он лежит здесь с простреленным насквозь сердцем, которое он отдал за Родину. Разве смерти ждут от нас женщины? Но как объяснить им, что лучше я, мужчина, лягу здесь железной стеной, чтобы враг не смог дойти до нашего дома и обидеть её? Какой силы должна быть любовь че-

ловека, чтобы он совершал такие подвиги! Только русский мужчина может так любить! Какой силы должна быть любовь женщины, чтобы ждать бесконечно долго, чтобы не спать днями напролёт и работать без усталости! Это любовь, невиданная больше нигде на всём белом свете! Но любит ли меня она? Та, что стала моей женой поневоле...

Он зашёл в знакомую до боли избу. Только ступив на порог, почувствовал запах свежего хлеба и только истопленной печки. Он так торопился домой, к ней, что теперь, в полушаге от неё, захотелось растянуть это удовольствие. Мягкий свет, проходящий сквозь резные оконца, касался деревянного пола, в комнате было, как всегда, чисто и свежо. На печи, на противне, лежали сухари, издававшие такой запах, за который можно продать душу. За печкой была крохотная кухонька, где он нашёл её, Валентину. Она стояла спиной в простеньком ситцевом платице, и толстая русая коса, которая стала ещё длиннее за пять лет, лежала на её спине. Она стряпала постные ватрушки. О, её ватрушки были самыми вкусными во всём свете! Как хотелось ему навсегда запечатлеть её именно такой и именно в этот момент! Под его ногой предательски скрипнула половица, и она обернулась. Лицо её, запачканное мукой, вытянулось от удивления: она раскрыла глаза и высоко подняла брови, закрывши рот руками. За всё это время он видел её только во сне, а сейчас, когда видит наяву, его сердце разрывается от долгожданного счастья.

– Здравствуй! Валенти...

Девушка бросилась на шею солдату и начала целовать его лицо: губы, глаза, брови, нос, подбородок... «Вернулся! Какое счастье! Мой Герой вернулся!» – вились мысли вокруг неё. «Любит! Она меня любит!» – пронеслось в его голове, и это была правда. Ах, сколько вопросов они хотели друг другу задать, но всё это ушло на второй план. Он крепко-крепко прижал её маленькое хрупкое тело, которое в его руках, казалось, стало только уже, и пообещал себе, что больше её не отпустит.

Она лежала на мягкой траве и слушала лес. Она улыбалась, потому что знала один секрет, знала, что такое счастье. Она была простой деревенской девушкой, телятницей в колхозе, её муж был достойным человеком и героем для своих детей, они воспитывают их как сильных и достойных людей. Она обязательно научит их по-настоящему любить, чтобы они тоже узнали этот секрет. Всех восьмерых! А как же! Облака убаюкивали своими плавными линиями, а она ведь сегодня весь день на ногах! Глаза медленно слипались, и она провалилась в сон.

Мамин голос вернул меня в реальность. Я открыла глаза, наполненные слезами. Лицо, горячее от солнца и слёз, исказилось от всего приснившегося. Я осмотрелась, и снова меня окружал сказочный пейзаж. Я почув-

ствовала небывалый прилив сил и энергии, которые могли дать, наверное, только эта земля и только это место. Теперь я уже не сомневалась в том, что мои прабабушка и прадедушка – герои. Не знаю, кто из них больший герой войны: хрупкая 19-летняя девчушка, работавшая, как 10 мужчин всю войну, или он – настоящий русский богатырь, Мужчина с большой буквы, который так и не расскажет внукам ни одной истории о войне за 80 лет своей жизни... Они – мои Герои, оба! Они внесли свой непоколебимый вклад в Победу в Великой Отечественной войне.

Уверенно я направилась в сторону дома. Теперь мне известен один секрет. О нём шумят в лесу деревья, и о нём шепчет ветер. Его я расскажу маме, а она посмеётся и скажет, что это вовсе не секрет: войну победила Любовь!!! Любовь к Родине, к женщине, к жизни, к свободе! И пока я буду жить, пока буду счастлива, в моём сердце всегда будет место для памяти моим героям. Моей семье.

Смирнова София, 7-й класс

Нижегородская область, г. Саров
МБОУ «Гимназия № 2»

Беречь мечту – и жить

У каждого человека есть мечта. Маленький Ваня тоже мечтал о том, как он когда-нибудь вырастит огромный сад, где будут цвести каждую весну яблони и вишни. Его мечта сбылась не сразу...

Мой дедушка, Новиков Иван Тимофеевич, в 1941 году был маленьким: было ему неполных восемь лет. Ваня жил под Великими Луками, в деревне с красивым названием Каменная Вешня, и мечтал об одном – быстрее пойти в школу. Но 23 июня 1941 года счастливое детство мечтателя закончилось. Сегодня нам трудно представить, что в довоенной деревне не было радио. О начале Великой Отечественной войны жители Каменной Вешни узнали лишь спустя сутки.

Фашисты хозяйничали в захваченных сёлах, обрекая население на голодную смерть. Они забирали у мирных жителей всё: зерно, яйца, картошку, скот. Летом 1942 года в Каменной Вешне расквартировалась немецкая артиллерийская часть. Почти все жители деревни оказались на улице. Искать крышу над головой пришлось и семье маленького Вани, потому что в их родном доме поселились немецкие офицеры. Новиковых приютили соседи несмотря на то, что в их доме уже жили шесть семей. Говорят, в тесноте, да не в обиде...

Однажды жителей деревни собрали на площади и зачитали приказ об отправке мальчиков школьного возраста в Германию. Матери плакали, собирая детей в дальний путь, а немцы заверяли, что дети получат университетское образование и вернуться. Через несколько дней всех ребят высадили на границе с Латвией и разместили в бараках концентрационного лагеря временного содержания.

Зима 1943-го... Детей не кормили. О них никто не заботился. От голода, болезней, нечеловеческих условий многие умирали. Но даже здесь, в этом аду, леденящем сердце, мальчик Ваня продолжал мечтать о большом красивом саде, который он вырастит после войны. Там, за колючей проволокой, под охраной полицаев, но со светлой мечтой Иван дожил до весны... Растаял снег, детей заставили работать. Они заготавливали дрова, потом сено... Полтора года провёл мальчик в концлагере. А в марте 1944 года наступающие части Красной армии освободили измождённых детей, и Ваня вернулся домой.

Что мог запомнить ребёнок из жизни лагеря? Окрики полицаев? Мучительное чувство голода? Щемящее чувство тоски по дому? Бессилие в кон-

це каждого рабочего дня? Отнюдь. Детская память имеет особое свойство – стирать всё плохое и оставлять только хорошее. А счастьем была мечта!

От деревни почти ничего не осталось, разве что выжженная земля. Но и здесь, в Каменной Вешне, в старом разбитом блиндаже, рядом с мамой, которая каждый день, глядя на сына, плакала от счастья, на осиротевшей Псковской земле продолжала жить мечта: здесь будет сад!

Война уходила на запад. Жизнь под Великими Луками постепенно налаживалась. Осенью 1944 года одиннадцатилетний Иван пошёл в школу. Мальчик хорошо читал и писал, поэтому его определили во второй класс. В первом ему учиться так и не довелось...

Давно закончилась война. Маленький Ваня повзрослел, окончил школу, потом институт. На Нижегородской земле, в Арзамасе, он нашёл свою любовь – и жизнь казалась сказочно счастливой. Но детская мечта продолжала жить в сердце.

Видимо, не зря говорят: нужно верить в мечту – она обязательно сбывается!

...Ранним утром, опьянённый ароматом весны, Иван Тимофеевич вышел на крыльцо и увидел цветущий сад. Вишня впервые примерила свой подвенечный наряд. А там и яблони подросли: антоновка, анис, белый налив... Ивану Тимофеевичу уже почти семьдесят, а он, как ребёнок, ждёт встречи с чудом: каждую весну приезжает в свой сад и остаётся здесь до глубокой осени. Он любит цветущими деревьями, проходя мимо них, бережно поправляет каждую веточку, радуется каждому созревшему яблочку. Не для себя старался, а для детей и внуков! Так, через много лет исполнилась детская мечта псковского мальчишки, чьё детство опалила война.

Дедушки Вани сегодня с нами нет. Он прожил честную трудовую жизнь, казалось бы, совсем обычную и ничем не примечательную, но он оставил нам в наследство свет любви, ароматную солнечную антоновку и безграничную любовь к жизни. А у любви и мечты нет срока давности. Согласитесь, истинное величие человека – в скромной, но очень достойной жизни, озарённой мечтой.

Наверное, не случайно мы с мамой вспоминаем дедушку каждый день. С гордостью и грустью. Это он помогает нам беречь мечту – и жить.

Щенов Пётр, 8-й класс

Оренбургская область, Тюльганский район, с. Алмала
МБОУ «Алмалинская средняя общеобразовательная школа»

Мой прадед

Я хочу вам рассказать о моем прапрадеде, Митрофане Никифоровиче Сараеве, о котором мне рассказала моя бабушка, Щенова Лидия Митрофановна. Родился он в 1918 году в Воронежской области. Осенью 1939 года был призван в армию, в пограничные войска, на польскую границу, в город Перемышль. Граница проходила по реке Сан. Здесь и стояла восьмая застава под командованием старшего лейтенанта Нечаева и старшины роты Шавало.

Места там живописные. Река Сан, с крутыми и обрывистыми берегами, очень быстроходная. Многие утверждают, что именно здесь родилась знаменитая песня «Катюша». Через реку был перекинут мост, который в основном охраняла восьмая застава. Мост имел стратегическое значение. На вооружении заставы были два дота, три пушки 45 мм и автомобиль ЗИС-5, которым управлял мой прапрадед Митрофан Никифорович. В его обязанность входило подвозить со складов питание, обмундирование и боеприпасы.

О войне разговоров тогда было много. О том, что немцы подтягивают войска, предупреждали и поляки. Но из штаба поступали приказы: «Не паниковать!» Несмотря на это, командир заставы Нечаев приказал вырыть окопы и траншеи – для второй линии обороны.

Когда немцы начали бомбить восьмую заставу, из штаба поступил приказ: «Мост не взрывать, удерживать его любой ценой до наступления наших войск». Но наступления бойцы заставы не дождались.

Серьёзным препятствием для немцев стала река Сан. Её крутые берега не позволяли немцам перейти вброд, а мост был закупорен, поскольку наши артиллеристы подбили два танка: один – на середине моста, а второй – в его начале. Как ни пытались немцы освободить мост, всё было напрасно. На том берегу горели бронемашины, тягач, два танка. Две недели восьмая застава удерживала мост. Как хорошо, что Нечаев позаботился о второй линии обороны: первая была полностью распахана снарядами и бомбами. Но к концу второй недели войны бойцов почти не осталось.

В полдень 4 июля, возвращаясь с боеприпасами на ЗИС-5, Митрофан Никифорович попал под бомбовый удар от юнкерса. Взрывной волной машину перевернуло, а его самого выбросило из кабины. Очнулся он ближе к вечеру, хотелось пить, голова гудела, из ушей текла кровь. Над ним стояли два солдата в немецкой форме с автоматами, но говорили они на западно-

украинском языке. Один спрашивал другого: «Добивать?» Второй отвечал: «Ни! Такой бычара вин шо для Германии поробит».

Ростом Митрофан Никифорович был под два метра, широк в плечах и веса немало. Повели его, подталкивая прикладами, через тот же мост на польскую сторону. Там, километров через 18–20, немцы оборудовали временный концлагерь: гектара два обнесены колючей проволокой, по углам – сторожевые вышки. Согнали сюда несколько тысяч солдат. Каждый день пригоняли всё новые и новые партии пленных. Кормили, как свиней: завозили повозками свёклу, брюкву, морковь прямо с ботвой. Воду из бочек наливали в ржавые корыта. Через час она становилась тёплой, ржавой. Через две недели началась дизентерия. Тогда немцы стали добавлять в воду хлор, отчего пить её было совсем невыносимо.

В середине августа приехал немецкий фермер, стал выбирать себе рабочую силу для фермы. Набрал десять человек, среди которых был и мой прапрадед, посадил в машину и привёз в Германию, граничащую с Польшей. Выдал добротную одежду с белой нашивкой. Кормил отменно, четыре раза в день, в обед – по бутылке пива. Работа обыкновенная, крестьянская: ухаживать за скотом, косить сено, копать корнеплоды. А Митрофану Никифоровичу было дано особое поручение: каждое утро на паре лошадей, запряжённых в бричку, возить на трассу, расположенную в пяти километрах от фермы, молоко, сметану, творог, яйца. Всё привезённое необходимо было поставить в будку, положить сопроводительные документы в коробочку, забрать ранее привезённую тару и документы, потом отдать хозяину. Будка эта никем не охранялась, не запиралась, и за три месяца его работы не было ни одной кражи.

Работа несложная. Но с тоской смотрели пленные на вражеские самолёты, летящие на восток. А по автотрассе бесконечной вереницей шли войска, машины, танки, броневики. Как хотелось знать: «Где наши? Как они обороняются?» Немцы хвастались, что Красная армия разгромлена, Москву скоро возьмут. Но ходили и другие слухи: Красная армия упорно сражается, и в Германию бесконечным потоком идут гробы и похоронки. Получил похоронку на сына и хозяин фермы. Соседний фермер оплакивал племянника. В декабре хозяйская повариха, знавшая русский язык, сообщила им, что немцев под Москвой разбили и гонят назад. Как они радовались этой вести! «Что же мы здесь жируем, давайте убежим, будем пробираться к своим!» – предложил Митрофан Никифорович.

Из десяти четверо решились бежать. Они знали, что до нашей границы через Польшу около 300 километров. Собрав немного продуктов, вчетвером ушли. Шли в основном ночью – лесами, болотами. Ночевали в стогах сена, в заброшенных сторожках. Продукты скоро закончились, они стали заходить в маленькие хутора просить хлеб. Иногда поляки давали им булку хлеба, но большинство прогоняли. 20 декабря польские егеря

с собаками догнали беглецов. Избитых, изодранных собаками пленных сдали в другой немецкий концлагерь. Лагерь был стационарный: обнесён проволокой под электронапряжением, на территории лагеря были дощатые бараки, токарные мастерские, столярка для изготовления гробов для фронта. Кормили плохо: в сутки полагался один литр баланды из брюквы и 200 граммов хлеба пополам с опилками.

К концу 1943 года пленных стали всё чаще выпускать под конвоем, выводить на работы: строить дороги, оборонительные рубежи. Наши самолёты стали бомбить станции, и нередко можно было наблюдать воздушные бои наших истребителей. Однажды, отобрав шесть человек крепких пленных, под охраной трёх немцев погнали на заготовку леса. Был конец декабря 1943 года, стояли 40-градусные морозы. Охрана развела костёр, фашисты грелись и зорко наблюдали за пленными. Один из шестерых пленных был потомственным лесорубом из Сибири. Звали его Ефим. Спилив громадную сосну, он точно рассчитал, чтобы она упала на костёр охранников, хоть они и были в стороне от повала. Дерево, действительно, точно упало на костёр. Но одному из охранников удалось отскочить в сторону, и он открыл огонь по пленным из карабина. Четверых застрелил, а Ефим с прапрадедом сумели обойти фашиста сзади и прибить дубиной. Теперь у них было оружие: карабин и четыре патрона.

И снова – к своим! На Родину! Глухими лесами, голодные, полураздетые... На пятый день побега их снова настигли польские егеря. Они отстреливались, но силы были не равны. Снова их, избитых, изгрызенных собаками, отправили в концлагерь. Это был лагерь смертников Дахау. Лагерь был разделен на три секции: в одной содержались красноармейцы, в другой – гражданские мужчины, в третьей – женщины и дети. Кормили один раз в день: сто граммов хлеба и пол-литра баланды. День и ночь дымил крематорий, пожирая всё новые жертвы. Убежать отсюда можно было только через трубу крематория. В мае 1945 года в Дахау осталось человек двести. Охрана сама их бросила.

Шатаясь от голода, поздно вечером вышли бывшие заключённые из лагеря и набрали на заброшенный склад с рожью. Набрав ржи, кто в котелок, кто в жестяную банку, кучками по пять-шесть человек стали варить эту рожь. В той группке, где был мой прапрадед, не успели люди и по горсти распаренной ржи съесть, как один из них поднялся и перевернул котелок на землю. Все накинулись на него с криком и возмущением. А он сказал: «Нельзя есть рожь на голодный желудок – порвёт кишечник». И действительно, через полтора часа все, кто съел рожь, стали корчиться от боли и умирать.

А Митрофан Никифорович, опять чудом избежав смерти, рано утром добрёл до какого-то дома. Сел на лавочку. Грело майское солнышко. Он потерял сознание. Очнулся от толчков. Какая-то женщина трясла его за

плечо и что-то говорила на непонятном языке. Но он снова потерял сознание. Второй раз очнулся, когда два солдата в американской форме тащили его под руки. Так Митрофан Никифорович оказался в американском госпитале. Здесь его встретили радушно. Солдаты хлопали по плечу, совали в руки шоколад, сигареты. Военврач быстро пресёк это. И бывшего пленного, вес которого составлял в то время 32 килограмма, стали откармливать медленно. Судьба опять хранила его.

В американском госпитале наших было много. За сорок дней Митрофан Никифорович набрался сил, поправился. Но по госпиталю стали ходить агитаторы, уговаривали ехать в Европу, Аргентину, Канаду. Показывали фотографии, фильмы, рассказывали, какая там прекрасная жизнь. Пугали ГУЛАГом и тем, что коммунисты загонят всех пленных в лагерь. Были такие, кто соглашался. Им давали деньги, проездные. А тех, кто не соглашался, передавали советским войскам.

В России никаким допросам и фильтрациям Митрофан Никифорович не подвергался. Все, кто находился в лагере смерти Дахау, оставались чистыми. Он прошёл медкомиссию, ему выдали новый военный билет и отправили служить в воинскую часть тем же водителем. Только без прав ветерана войны. Как будто он и не воевал на границе за стратегический мост на реке Сан. Но мой прапрадед остался солдатом своей Родины. Пусть без званий и наград, он тем не менее свой долг выполнил с честью.

Таких историй тысячи. В то время они никого и не удивляли. А ведь если наше поколение – через 75 лет после Победы – даже мысленно попытается пережить эти события... Смог бы я поступить так же? Иметь силы выживать даже тогда, когда выжить невозможно. Не предать своей Родины. Не польститься на блага. Не замечать своего личного духовного подвига... Сколько же силы заложено в людях нашей страны! Благодаря таким людям наша Россия – по-настоящему великая. Мы не имеем права её потерять!

Богатырёв Алексей, 10-й класс

Пермский край, г. Соликамск
МАОУ «Гимназия № 2»

Город – труженик, город – герой!

Летнее июньское утро. 4 часа. Только вчера прошли выпускные. Впереди столько интересного! И вдруг... война! Жестокая, страшная... Соликамск находился далеко от фронта, в глубоком тылу. Но разве можно быть в стороне от беды, охватившей всю страну?

Как только началась война, уже в августе 1941 года, к нам были эвакуированы заводы из Запорожья, Луганской области, Донбасса. Всё оборудование нужно было в кратчайшие сроки привести в действие, заново наладить производство на новом месте. Выпуск продукции увеличился в 4 раза. А ведь трудиться на предприятиях города пришлось женщинам, старикам и подросткам, которые заменили ушедших на фронт мужчин.

На калийном предприятии выпускали нашатырный спирт, который нужен не только в медицине, но и для дымовых завес во время наступления. Там же в срочном порядке начали добывать обогащённый карналлит, необходимый для производства магния, «крылатого металла», который шёл на изготовление самолётов. Магниевый завод был единственным в стране, где выпускали магний, и рабочие понимали это. Они работали, не щадя своих сил.

Соликамский целлюлозно-бумажный комбинат выпускал бумагу, спирт, прокладочный картон для противогазов. А ещё на комбинате наладили выпуск миллиметровой бумаги, именно на ней командиры чертили планы боевых операций. Рабочие Соликамского целлюлозно-бумажного комбината не только своим трудом приближали Победу, они стали образцом единения и солидарности с жителями оккупированных городов. Жертвуя последним, рабочие перечислили для обороны города Сталинграда 267 840 рублей, за что получили благодарность от самого И.В. Сталина – великая в то время награда.

Военных заводов в стране было мало, а фронту очень были нужны снаряды. И по решению правительства уже в октябре 1941 года в Соликамске началось строительство военного завода № 577. Не было никакой техники, кроме одного экскаватора. Всё приходилось делать при помощи лопат, вручную. В декабре из Луганской области в город прибыли эшелоны с оборудованием и людьми. Монтаж оборудования вёлся днём и ночью. Всего за 10 месяцев военный завод был построен, и с 1942 по 1945 год он поставил на фронт более 2,5 миллиона комплектов к зарядам «Катюша» и более 13 миллионов миномётных и артиллерийских снарядов. Самоотвержен-

но, не щадя себя, трудились жители нашего города, помня лозунг «Всё для фронта! Всё для Победы!». Смена длилась более 11 часов. Особенно трудно было подросткам. Чтобы не уснуть, многие просили обливаться холодной водой или совать снег за шиворот. Все они мечтали выспаться вдоволь и вволю поесть чёрного хлеба с солью.

Жители города понимали, что на фронте ещё тяжелее. Чтобы не замерзали солдаты, соликамцы собрали и отправили на фронт 13 вагонов с тёплыми вещами. Кроме этого, они сдавали золотые и серебряные украшения, ценные бумаги (облигации), деньги. На них были построены танки и противотанковые ружья, самолёты.

Суровые испытания с честью вынесли и школьники. Учились в три смены. Сразу после уроков ребята шли в госпиталь и помогали ухаживать за ранеными. Многие старшеклассники пошли работать на завод. А младшие помогали заготавливать дрова, летом выращивали овощи, чтобы прокормить раненых, собирали травы для госпиталя, грибы и ягоды – для фронта.

Поражает чуткость моих земляков. На улице был лютый мороз, а на станцию пришёл эшелон с детьми из блокадного Ленинграда. 600 ребятшек привезли в товарных вагонах. Какие они были худые, грязные, больные! Многие сами даже выйти из вагонов не могли, их выносили на руках. Для детей-беженцев освободили школу № 4, всех накормили, обогрели, всех осмотрели врачи, а потом отправили по интернатам или в ближайшие деревни: Половодово, Касиб, Лысьва, Вильва. Там дети жили и учились.

Из Ленинградской области и других районов России к нам в город эвакуировали музейные ценности и картины, которые были уложены в ящики. Их складировали в помещения Троицкого собора. Чтобы всё сохранить, нужна была определённая температура, и работникам музея пришлось сутками топить железные печки-буржуйки для поддержания тепла. После войны все ценности вернули в музеи разных городов страны.

Уже в августе 1941 года в Соликамск прибыли первые раненые. Всего в Соликамске было сформировано 5 эвакуогоспиталей. Они расположились в санатории «Лесное», в здании школы № 1, где сейчас находится моя гимназия, в педучилище, в городской больнице и в Боровске. В госпиталях самоотверженно, без выходных трудились врачи и медицинские сёстры. Многие из них получили награды за самоотверженный труд наравне с теми, кто сражался на фронте. Врач Пospelова Л.Н. была награждена самой высокой наградой того времени – орденом Ленина. А бывшие школьницы стали санитарками. Всего за годы войны в Соликамске было пролечено более 26 000 человек.

В августе 1941 года совершенно секретно в город были переданы 200 аэросаней. Аэросани – это русское изобретение. Их называли «снежная кавалерия». Вместе с лыжниками они провели сотни успешных опе-

раций на разных фронтах, наводили ужас на врага своим внезапным нападением.

15 сентября 1941-го был получен приказ подготовить 2000 специалистов: командиров, помощников командиров, механиков-водителей. И всё это сделать в самый короткий срок. Но просуществовало аэросанное училище совсем недолго. Приказом от 6 мая 1943 года Соликамское аэросанное училище было переведено в штат танковых училищ, где готовили уже танкистов-механиков и водителей самых лучших в то время танков Т-34.

Уральцы решили создать свой танковый корпус. В 1943 году танковый корпус отправили на фронт. Прямо с марша танкисты вступили в бой. За освобождение города Орла Уральскому добровольческому корпусу было присвоено почётное звание гвардейского. Многие танкисты дошли с боями до Берлина. Среди них и наш земляк Александр Александрович Фомин.

Нет семьи в Соликамске, которой бы ни коснулась война. Мой прадедушка Богатырёв Василий Кононович как член партии добровольцем ушёл на фронт в первые дни войны. Он был тяжело ранен и попал в плен, дважды совершал побег. Из плена был освобождён американским воинским соединением и передан советской стороне. Лишь в августе 1945 года после проверки в фильтрационном лагере и демобилизации из армии он смог вернуться к семье. Прадедушка награждён медалями «За отвагу» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а также многими юбилейными наградами. К сожалению, я не застал его живым, но видел его награды, рассматривал фотографии и много слышал о нём от своего папы и бабушки – его сына. И с какой же гордостью они говорят о нём!

Слушая их, я всё больше осознаю, что память о героях фронта и тыла должна жить не только в календарных датах и музейных экспозициях, но и в сердце каждого человека, должна передаваться от поколения к поколению, от отца к сыну, от деда к внуку. Нам есть чем гордиться! И я поддерживаю инициативу Президента В.В. Путина о присвоении звания «город трудовой доблести» тем городам, жители которых внесли значительный вклад в достижение Победы в Великой Отечественной войне. Очень хочется, чтобы наш Соликамск получил это высокое звание!

Данилова Арина, 9-й класс

Республика Башкортостан, г. Октябрьский
МБОУ «Гимназия № 2»

Музыкой смерть поправ

И музыка встала над мраком развалин,
Крушила безмолвие тёмных квартир...

Ю. Воронов. Баллада о музыке

...Тишина и пустота... Мертвяще-тревожное завывание сирен. Умирающий, безжизненный, словно застывший в каком-то страшном анабиозе Ленинград.

Танюшка лежала на железной кровати, укрытая старой шалью. То ли спала, то ли просто дремала, проваливаясь в тёмное густое забытьё... Время от времени она размыкала тяжёлые веки и сквозь сетку ресниц видела бледное, безжизненное небо, крест-накрест перечёркнутое полосами на окнах.

Мама на заводе. Она каждое утро уходила туда, оставив Танюшке большую часть пайка – кусок чёрного липкого хлеба (запах его девочка с недавних пор перестала чувствовать) – и чайник кипятка. Мать что-то говорила, заботливо смотрела на неё огромными, тревожными глазами, трогала бескровными губами лоб и уходила тихо, словно растворяясь в темноте прихожей.

Стоял август, но в комнате было холодно. Казалось, квартира так вымерзла за зиму, что летняя ленинградская блокадная духота не в состоянии была её прогреть.

Танюшка совсем ослабла, даже чувство голода пропало. Просто ничего не хотелось: лежать бы, укрывшись с головой, и не шевелиться. Иногда сквозь тёмный обморочный туман яркими вспышками возникали в сознании картины: Крым, море, тёплая галька, весёлая красивая мама, загорелый смеющийся папа... Или – дача на берегу Финского залива, кусты смородины, душистый чай в самоваре на клетчатой скатерти, баранки, музыка из патефона...

...Музыка? Танюшка вдруг явно услышала мелодию. Сначала она отнеслась к ней как к части своего бреда. Но звуки всё яснее, отчётливее вторгались в её сознание, вытаскивали из глубин сна, пробуждали ощущения, заставляли прислушиваться к мелодии, так неожиданно и неправдоподобно звучащей за окном.

Прекрасные, возвышенные звуки вливались в комнату, заполняя её голосами флейт и скрипок. Сильная и нежная мелодия уносила куда-то

из этой мрачной комнаты, звала, подхватывала, поднимала! Поддавшись этому волшебству, Танюшка скинула шаль, медленно села на кровати. В комнате словно стало светлее. На бледном небе показался мутный глаз солнца, оно сквозь пелену серых облаков смотрело на землю, будто удивляясь: откуда в умирающем городе эти прекрасные звуки? Танюшка закрыла глаза. Мелодия то качала её на волнах, то уносила в бескрайние просторы. Вот музыка почти затихла, и девочка испугалась: вдруг это всё исчезнет? А где-то вдалеке уже возникали другие звуки: то ли марш, то ли примитивные куплеты. Флейта зазвучала как-то глупо бравурно: та-рам-та-рам-там. Эти однообразные звуки повторялись, усиливались, вбиваясь в мозг сначала тихо и трусливо, затем всё громче, назойливее и нахальнее. Громче, громче... Страшно! Безобразная какофония словно заполнила всё пространство, она убыстрялась, набирала силу, превращалась в страшный скрежет. Танюшка закрыла уши ладонями.

Сколько она так просидела? Пять минут? Полчаса? Когда она с опаской отняла руки, то услышала, что волшебство вернулось. Величественные звуки свободно и победно лились в комнату. Это была победа красоты, добра и гармонии!

Танюшка неожиданно почувствовала, впервые за последнее время почувствовала, как откуда-то из глубины, из живота, проходя потоком через сердце, застревая комком в горле, наполняя слезами глаза, в ней пробуждается страстное желание жить, вера в то, что она обязательно будет жить. Это удивительное чувство подняло её с кровати. Она, шатаясь и опираясь дрожащими руками о спинку кровати, подошла к окну. В доме напротив, в таком же перечерченном крестом окне, она увидела лицо, тонкое, бледное, с огромными тёмными тенями вместо глаз... Должно быть, ещё одна душа встрепенулась и поднялась навстречу музыке.

Светлая и величественная, торжественная и всепобеждающая мелодия лилась из репродуктора. Это было 9 августа 1942 года. В Ленинграде состоялась премьера Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича.

Каждый год 9 августа мы поздравляем нашу прабабушку, Татьяну Ильичну. Этот день она считает вторым днём рождения. Бабушка пережила и блокаду, и войну, потом встретила моего прадедушку и вышла замуж. Значит, если бы не эта симфония, не было бы моей бабушки, моего папы, а значит, и меня? А сколько ещё жизней спасло это великое произведение великого композитора! Сколько молодых людей, моих ровесников, живут сегодня благодаря подвигу композитора и музыкантов блокадного Ленинграда!

Да, верно говорят: «Не хлебом единым жив человек». Символом победы Человека, победы Духа стал концерт симфонического оркестра в блокадном Ленинграде.

Петухов Егор, 8-й класс

Республика Марий Эл, Куженерский район, пгт Куженер
МБОУ «Куженерская средняя общеобразовательная школа № 2»

Кружится жизнь в альбоме старом

Сначала о фотографии. Вам не кажется, что из чуда она превратилась в обыденность? Лёгкое прикосновение к экрану телефона, и всё – готово! Нет, ошибаюсь, не всё: вот тут убрать, там обрезать, здесь приукрасить, и в великую Сеть – любуйтесь нами, качественно обработанными фотошопом. На это уходят секунды. Круто? Может быть. Но ведь фотография в переводе с греческого – это «пишу светом». Слов этих наши электронные версии недостойны. Они – фотки, поэтому и являются хотя и усовершенствованным, но всё-таки жалким подобием того великого изобретения, которое очень долго называли чудом.

А теперь о том, почему я рассуждаю об этом. Всё очень просто: передо мной наша реликвия, наш старый семейный альбом, который начала собирать ещё моя бабушка. Вот они – настоящие фотографии. Именно с них смотрят на меня люди, которых я никогда не видел, но эффект старых изображений, написанных светом, таков, что кажется, ты знаком со всеми. Именно они – твои самые знакомые и родные. И именно у них – светлые лица, светлые взгляды, светлые мысли. Они написаны светом. Это можно объяснить только так. Я листаю страницы, и в старом альбоме начинает кружиться жизнь.

Густые усы, мохнатые брови, взгляд строгий, но одновременно лукавый. Будем знакомы, прадед Перминов Александр Михайлович. На «вы», конечно, нужно обращаться к человеку, который родился в 1903 году, а к началу Великой Отечественной у него всё было как у всех: и жена Дарья Никифоровна, и дети – Пётр, Василий, Зинушка да годовалая Татьяна. А в 1941-м под «Священную войну» ушёл рядовой Перминов Родину защищать и ...вернулся в сорок третьем. Правда, без ступни, израненный, но живой. Про войну вспоминать не любил. Ребятишки знали, что тятя воевал на Курской дуге, и этого было для них достаточно. Прадед в колхозе из-за ранения работать уже не мог, взяли его сторожем в лесничество. Но и этому семья радовалась, ведь пенсию начали платить только после войны. Семь рублей получал фронтовик за спасённую Родину.

А вот фотография 1968 года. Постаревший прадед (ему год остался жить) и прабабушка. Она была из тех женщин, что коня остановит и в горящую избу не побоится войти. Жизнь заставляла быть сильной, особенно в войну, потому что осталась Дарья Никифоровна с четырьмя детьми, старшему из которых было всего одиннадцать лет. Я думаю, что, когда мы жа-

луемся, что плохо живём, мы не до конца понимаем значение этого слова. Плохо – это детей нечем кормить. Плохо – это от мужа вестей нет. Плохо – это когда спишь по четыре часа, потому что днём в колхозе работаешь, а вечером со старшим Петькой идёшь сено для своей коровы косить и возить. Но и хорошее во время войны было: в 1943-м муж живой вернулся, а в 1944-м сын Вовка родился – пятый, последний. А за все страдания и редкие радости в 1948 году прабабушке вручили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

И вот она – самая интересная для меня фотография 1952 года. На ней «великолепная пятёрка» Перминовых, в том числе и моя двенадцатилетняя бабушка. Дети войны – так их принято сейчас называть. Они не слышали разрывов бомб и не ходили в атаку. Они не видели живых фашистов и не знали ужаса концлагерей. Но они тоже победители, потому что остались живы, потому что пересилили многое. Голод. Именно его одолеть было труднее всего. Зерна на трудодни давали мало. Хлеб пекли из лебеды и замёрзшей гнилой картошки. Поэтому ребятишкам есть хотелось постоянно. Они ждали весну, чтобы траву жевать можно было, а потом легче: грибы, ягоды пойдут. Иногда и в чужие огороды лазили, за это получали от строгой матери пастушеской плёткой. А всё, что было в хозяйстве: молоко, мясо, шерсть, – сдавалось государству, потому что слова «Всё для фронта, всё для Победы!» не были для людей пустым звуком. На том самом фронте воевали мужья, братья, сыновья. Кстати, лакомством для ребятишек военного времени был фруктовый чай в брикетах, на который отец выделял деньги из той самой семирублевой пенсии. Его не заваривали, а просто жевали, на всю жизнь запомнив вкус военного лакомства. Полуголодные, плохо одетые (у моей бабушки с сестрой была одна шубейка на двоих) дети трудились, не требуя ничего взамен. Братья Перминовы в 10–12 лет работали в лесу за трудодни. Старшая сестра ходила с матерью на колхозные работы. А ей было восемь. Моя четырёхлетняя бабушка после рождения брата стала его нянькой. Вот что значит трудиться и понимать необходимость этого труда. Это и есть то детское мужество, которое хочется назвать патриотизмом.

Листаю альбом, останавливаюсь, вглядываюсь в лица. Они взрослеют, мудреют, стареют, но остаются такими же светлыми. Это мои родные, пережившие самое страшное, что может случиться на земле, – войну. И пусть сегодня их уже нет с нами, но я верю, что, пока мы помним о них, их жизнь не закончится. Она будет кружиться. Хотя бы в старом альбоме.

Чигаева Ирина, 11-й класс

Республика Мордовия, г. Саранск

МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 8»

Не оборачивается тот, кто устремлён к звёздам

— **П**ф-ф, да ты не сможешь, у тебя ничего не получится! – сказал Сеня, с вызовом посмотрев на Асю.

Он всегда так делал, проверял её на прочность. Брал её «на слабо». Малышка каждый раз надувала щёчки, со злостью смотрела на брата, а потом собирала в свой крошечный кулак огромную волю и... делала то, что ещё какой-то час назад казалось невозможным.

Он учил её верить в себя, ставить высокие цели и идти к ним с гордо поднятой головой, несмотря ни на что...

Он был старше её на 12 лет. Высокий, красивый, голубоглазый блондин каждый день вёл шестилетний «метр с кепкой» из детского сада. Они всегда выбирали самую длинную дорогу, чтобы подольше побыть вместе. Вдоволь наговориться и насмеяться. Ася жаловалась ему на глупых мальчишек, которые вечно дергали её за косички и иногда даже обзывали. Он хмурил брови и обещал: «Ух, вот я им покажу!» А сам давился от смеха, глядя в эти несчастные глаза, искренне не понимающие, почему мальчишки так к ней относятся. Сеня же в свою очередь всегда делился с сестрой весёлыми историями из университета. Она мало что понимала, но всегда внимательно его слушала и смеялась, даже не зная над чем, просто потому, что он смеялся и заражал её своим хохотом. Родители не могли нарадоваться, наблюдая за тёплыми отношениями детей. Сын и удивлял, и поражал. Далекое не в каждой семье старший брат так заботился о сестрёнке. Он учил её всему, что умел сам. Втайне покупал конфеты, когда родители наказывали малышку за плохое поведение и лишали её сладостей. Он словно знал, что должен успеть...

Вечером в субботу, 21 июня, вся семья, как обычно, собралась за ужином. Родители в сотый раз рассказывали, как они познакомились. Ася размазывала по тарелке картофельное пюре, а Сеня думал о девушке, с которой недавно познакомился. Ася, чутким взором окинув брата, мимолётно сделала заявление: «Ну всё, влюбился! Приехали...» Мама с папой расхохотались, а Сеня, смущённо покраснев, рявнул: «Аська, как ты это всё время делаешь?» Этот ужин стал последним беззаботно счастливым, когда были уместны разговоры о любви и искренний, беспричинный смех. В дверь постучалась война... Даже не постучалась, а выбила её ногой...

Молодой крепкий Сеня со всеми своими однокурсниками добровольцем ушёл на фронт. На вокзале все молчали. И даже никогда не замолкаю-

щая Ася не проронила ни слова. Она смотрела на брата, но не видела его: глаза наполнены слезами. Она не должна показать ему, что плачет! Он всегда ругал её за это. А сейчас она должна показать всю свою силу! Она будет ждать его, она в него верит... Тут мама не выдержала и вслух начала рыдать, папа безуспешно пытался её успокоить. А у самого глаза красные, губы дрожат... Только Ася стоит и пристально смотрит на своего любимого Сеню, как будто пытается его запомнить... Такая маленькая, но такая умная и понятливая. Она чувствовала, что больше никогда его не увидит...

Сенька стоял и недоумевал. Его сильные руки сцепили маму в объятия:

– Мамочка! Ну чего же ты?! Ты неужели думаешь, что я насовсем ухажу? На кого я вас оставлю? А этот «метр с кепкой», – сказал Сеня, ласково посмотрев на Асю, – вообще без меня не сможет!

Мама пыталась сдержать слёзы, но они не слушались и всё лились и лились. Папа обнял сына и стоял с ним так несколько минут, не говоря ни слова. Потом крепко пожав сыну руку, сказал:

– Я горжусь тобой, сын. Пожалуйста, береги себя.

Пришла пора Асе попрощаться с братом. Малышка подняла голову, Сенька схватил её, поднял на руки и закружил, как делал это каждый день. Казалось, он вовсе не осознаёт, куда через несколько секунд повезёт их этот товарный состав, к чему они должны быть готовы... Как будто просто снова забирает сестричку из садика и предвкушает долгую, весёлую прогулку. Поставив на землю, шепчет ей на ухо: «Запомни, не оборачивается тот, кто устремлён к звёздам». Ещё раз поцеловав и крепко обняв всех, он влетает на ступеньку вагона. Долго ещё они машут вслед составу, увозящему в Бессмертие сотни мальчишек, которые успеют только одно – отдать жизнь за Родину.

Ася запомнит брата. Запомнит таким, каким видела его в последний раз ярким августовским утром: красивым, мужественным, сильным и молодым. Навеки девятнадцатилетним.

Похоронка пришла в 1943-м. Сеня подорвался на mine в битве за Кавказ. Не стоит говорить о том, что происходило в этот день дома у Павловых... Слёзы и стоны, крики: «Сынок! Почему же ты так? Ты же обещал! Фашисты – не люди, будьте прокляты!» Подростая Ася сжимала в руках медвежонка, подаренного братом на день её пятилетия. Бледная, как полотно, она, забившись в угол, просидела весь день, не пролив ни слезинки. Она так пыталась не плакать, ведь она обещала... брату.

1960 год. К 25 годам Ася достигла многого. Окончила медицинский университет, начала работать в районной больнице врачом. Золотая медаль, красный диплом, бронзовая медаль по фигурному катанию на чемпионате России. Гордость и самая большая радость родителей!

1961 год. Голубоглазая блондинка надевает своё самое красивое платье, допивает свой любимый чай с тремя ложками сахара – та ещё слад-

коежка! Несётся в прихожую, наспех обувается и вылетает из квартиры. Сегодня важный день. Её любимый возвращается из армии. На вокзале осуществляется её заветная мечта. Боря дарит ей огромный букет любимых пионов и говорит слова, которые Ася слышала в своих самых сладких снах:

– Ты будешь моей женой?

– Да, да, да, конечно, да!

Последние приготовления к свадьбе. Белокурая красавица заплетает красивые волосы в густую косу. Мама помогает надеть своей принцессе платье:

– Дочка, если бы тебя видел Сеня, наверное, он гордился бы тобой. Какая ты у нас красавица!

– Мамочка, он и так меня видит, посмотри, какое яркое солнце за окном, это он мне улыбается, я знаю это! – с детской наивностью произнесла Ася и расплылась в улыбке, только в уголках глаз появились слезинки.

– Асенька, у меня для тебя кое-что есть... – сказала мама и полезла на антресоль. Оттуда она достала запылившийся конверт со множеством разных марок. – Доченька, всё твоё детство брат не отходил от тебя. Мы с папой никогда не понимали родителей, чьи дети ссорятся и не дружат друг с другом. Брат был твоей самой крепкой стеной, твоей защитой и опорой. Он, наверное, уже в проклятом 41-м чувствовал, что не вернётся... – мама уже не может сдержать слёзы. – В тот день, когда мы провожали его, он проснулся раньше всех. Я услышала, как он пошёл на кухню, там долго что-то писал, тихонько посмеиваясь. Я не хотела мешать, хотя сердце разрывалось от страха за него. Я понимала, что он уже не маленький мальчик, которого я каждое утро будила поцелуем в щёчку. Там настоящий мужчина. Мужчина, который навсегда остался молодым... Потом он пришёл будить нас с папой. Поцеловал меня, не зная, что я уже не сплю, и сказал шёпотом:

– Мамочка, будь сильной. Ты всё понимаешь, пожалуйста, только не плачь. Береги себя, папу и Аську. Я не знаю, как сложится моя... наша судьба... Пожалуйста, только не плачь! Возьми это письмо, отдашь его Асе, когда будешь наряжать в белое платье... Я люблю вас. Только не плачь... Пожалуйста...Пора собираться.

– Крошка моя, – подавая письмо дрожащими руками, промолвила мама, – прочти.

Тихо захлопнув дверь, мама вышла и разрыдалась так же, как в тот самый день...

Трясущимися руками высокая красавица в пышном платье открывает старенький конверт. Горько усмехается: обещание брату снова не сдержано – слёзы капают на желтоватую выцветшую бумагу. До боли знакомый почерк. «Метр с кепкой! Моя хорошая, любимая сестричка, сегодня ты стала совсем взрослой. Вот пишу и вспоминаю, как ты, только что привезённая

из роддома, крепко-крепко сжимала мой указательный палец. Как сделала первые шаги, а на следующий день отобрала у меня все мои машинки, отшвырнув куклы в угол. Детский сад, прогулки, твои вечно надутые шикарные щёки. Голубые глаза, в которые я смотрел, как в собственное отражение. Если это письмо у тебя в руках, значит, меня уже нет. Прости. Война... Но я уверен, я знаю, ты сегодня самая красивая. Надеюсь и верю, что ты выбрала того самого, настоящего, своего мужчину. Ведь по-другому не может быть. Ты же моя сестрёнка. Так, мне кажется, ты плачешь... Перестань! Ты же обещала, помнишь?

Метр с кепкой, я хочу сказать, что ты – самая любимая и прекрасная сестра на свете! Будь, пожалуйста, счастлива! И за себя, и за меня... Никогда не унывай, не живи прошлым, смейся и почаще улыбайся! Жизнь очень долгая, любая война когда-нибудь заканчивается, нашей победой завершится и эта. Какой ценой? Наверное, многие из нас не вернуться, но мне совсем не страшно. А у родителей остаёшься ты. И не забывай, что «не оборачивается тот, кто устремлён к звёздам». Хочу, чтобы жизнь твоя была высокой и гордой. Целую тебя и обнимаю.

Твой брат Семён. Август 1941».

Прижав к сердцу письмо, Ася чувствовала, что брат рядом. Он всегда был и будет около неё. Всё той же стеной и опорой. Её гордостью и идеалом.

9 мая 2019 года. Моя бабушка, заслуженный врач республики, достаёт из шкатулки письмо, то самое, которое знает наизусть, просит меня вслух прочитать. Я читаю хорошо знакомые строки, читаю как в первый раз. И вновь в горле ком, и вновь не могу сдержать слёз. А у бабушки глаза светятся каким-то особенным светом. Она уже не плачет. Брат всегда был рядом... всю жизнь. А его завет стал девизом нашей семьи: «Не оборачивается тот, кто устремлён к звёздам!»

Гурина Мария, 5-й класс

Республика Татарстан, Пестречинский район, д. Надеждино
МБОУ «Надеждинская основная общеобразовательная школа»

Боевой путь моего прадеда

Ночь. За окном сыплет пушистый снежок. Луна яркими оранжевыми глазками смотрит на нас с бабушкой.

– Бабуль, что-то мне не спится, расскажи что-нибудь.

– Сижу, Машуня, и радуюсь, как хорошо и спокойно сейчас. А ведь были зимы суровые, голодные, холодные, особенно в войну. Какое это страшное слово – война. Мой отец, а твой прадед, ушёл на войну совсем молодым. Мне было 6 лет. Осталось нас у матери четверо, мал мала меньше. Трудно ей, бедной, приходилось. Мама с утра на ферму убегала, а мы оставались дома, сами хозяйничали: печь топили, воду в вёдрах на коромысле носили. Помню, мама прибегает с работы раньше обычного, а в руках у неё конвертик. Плачет, руки трясутся, читает нам письмо из части, где служил отец. Командование сообщает, что Макаров Андрей Алексеевич проявил себя как мужественный и храбрый воин Красной армии в боях за Ленинград. Бабуля глядит на шкаф, показывая на железный сундучок:

– Возьми, Машуня, поищи-ка там жёлтенькие документы. Это твоего прадеда награды.

Я читаю: «За оборону Ленинграда». Рядом маленькая книжечка, где вся история артиллерийского стрелка Макарова Андрея Алексеевича. Я дотронулась до страничек и будто попала в военное время, представляя высокого прадеда в солдатской шинели, валенках и военной шапке-ушанке.

Достала фотографию, где прадед смотрит на меня, будто говоря: «Живите, детишки, радуйте своих родителей».

А бабуля продолжает:

– Прошёл он три войны: финскую, Великую Отечественную, японскую. В 1941 году принял военную присягу, воевал в 565-м артиллерийском полку, а потом был переведён в 817-й строевой полк 67-й армии, которая воевала на Западном фронте. Наш отец охранял Дорогу жизни, позже стал связистом. Зима, по его рассказам, была жестокой, будто тоже боролась с фашистом. Но так случилось, что твоего прадеда контузило. Он не мог понять, что с ним: всё видит, но ничего не слышит. Глухота осталась на всю жизнь.

Пришёл мой прадед с войны в 1945 году только в октябре. Прожил до 1968 года. Фронтовые болячки сказались на здоровье.

Я смотрю на бабушку и вижу, что слёзы текут по её морщинистым щекам.

– Бабуль, не плачь. Прадедушка Андрей, наверное, смотрит на нас и радуется, что мы с тобой живём в счастливое время и вспоминаем его. Ведь это его заслуга.

Луна переместилась в другое окно, а мы с бабушкой всё сидели и вспоминали прошлое.

Поварницына Валерия, 9-й класс

Самарская область, г. Сызрань

ГБОУ Средняя общеобразовательная школа № 29

И это всё о них...

В 1941 году я, семиклассник, учился в школе № 1 города Сызрани. Когда началась война, нам, мальчишкам, казалось, что мы за неделю разгромим фашистов. Осознание, что происходит страшное, пришло с первыми похоронками, с рёвом баб, с небывалым голодом и холодом.

Нашим классным руководителем была Ева Петровна. Она приносила сушёные листья ягод, заваривала их в кипятке, и мы пили этот душистый чай. В школе было организовано бесплатное питание: каждому ученику раздавали по кусочку хлеба.

Зимой Ева Петровна нам сказала:

– Ребята, в наш класс зачислены новенькие: три мальчика из Ленинграда. Прошу им во всём помогать.

Учительница ввела ребят. Мы вмиг замолкли. Сказать, что это были худые дети, – ничего не сказать. Двоих новеньких посадили за первую парту, а рядом со мной – третьего, Владлена.

– Знакомьтесь, Владлен Соколов... Сиди, сиди! (Владлен попытался встать.) Иван Батурин. Костя Чижов. Ребята сегодня выписались из госпиталя. Ещё не совсем окрепли. Через несколько дней, думаю, будете работать в полную силу, – обратилась учительница к ленинградцам.

Позже мы узнали, что лечение ребят заключалось в питании. Но откуда его было взять, это питание?

Через две недели Ева Петровна меня попросила помочь по арифметике Владу. Я с радостью из школы поспешил к нему, только и успел дома оставить сумку да сказать маме, куда иду.

– погоди, сынок, на-ка, возьми им, – остановила меня в дверях мама.

Я схватил сваренный картофель, который мама завернула в газету, и побежал к другу. Каким счастьем засветились глаза Влада, когда он увидел мамин кулёк! Объяснять, что там, не надо было. Картофельный запах исходил с невероятной силой.

– Это нам?! За что?! – спросил Влад.

– Ты извини, понимаешь, это картошка, только она мёрзлая...

– И очень вкусная! – услышал за спиной я голос маленькой девочки. Это была Алёнка, сестра Влада. – Вот это подарок! У меня же сегодня день рождения. Мне семь лет!

– Поздравляю! – ответил я и подумал, глядя на малышку: – Эх! Тоже доходяга!

– А мамочка наша в госпитале работает, она у нас хирург. И папочка был хирург. Только он умер... в Ленинграде, – вздохнула Алёнка.

– Давай-ка за арифметику приниматься! – предложил Влад.

Так начались наши занятия.

Ольга Павловна, мама Влада и Алёнки, подружилась с моей мамой, и мы ходили на поля за город, разгребали снег в поисках мёрзлой картошки. Её кожуру откладывали на посадку весной.

Беда пришла неожиданно. Мама узнала, что Ольга Павловна во время операции заразилась тифом. Несколько дней уже лечится в Куйбышеве. Чтобы Алёнка и Влад не попали в детдом, мама забрала детей жить к нам. Как-то мама разбудила меня в школу и прошептала, глядя на спящих Влада и Алёнку:

– Пусть у них детство продлится хоть на часок! Не буди их, сынок, не тревожь. Тихо собирайся в школу и иди. Один иди.

– Ты чего это, мам?

– Иди, Серёженька, иди.

С предчувствием чего-то нехорошего я пошёл в школу. После второго урока к нам вошла Ева Петровна. Она посмотрела на меня и сказала прерывающимся голосом:

– Ребята, сегодня у Владлена Соколова умерла мама.

Наступила звенящая тишина. В это время в класс вошёл сторож, дядя Миша, и стал раздавать каждому по кусочку хлеба. Когда он вышел, Костя и Ваня, наши ленинградцы, встали и положили на учительский стол свои кусочки хлеба.

– Это что такое? – спросила Ева Петровна.

– Это Владу и Алёнке, – сказал Ваня.

Мы, одноклассники, не сговариваясь, по одному стали подходить к столу и класть на него кусочки хлеба...

Вечером учительница с Ваней и Костей пришли к нам домой с завёрнутым в чистую тряпочку хлебушком. Мама наотрез отказывалась его принимать. Ваня молча положил хлеб на стол и вышел. Мама пригласила соседей помянуть тётю Олю. Разлила по кружкам взвар из ягодных листьев, положила каждому по кусочку хлеба. Соседи выпили взвар, а хлебушек, никем не тронутый, так и остался лежать на столе...

После окончания седьмого класса мы с Владом устроились на завод токарями. Мама нас называла «кормильцами». До самой победы мы с Владом работали на заводе. Все считали нас братьями, удивлялись, что фамилии и отчества разные.

...Через пятнадцать лет герой этого рассказа, Владлен Соколов, станет ведущим инженером на заводе в Ленинграде. А Сергей, мастер завода «СТЗ», женится на той самой девочке Алёнке, выпускнице Сызранского медучилища. Алёна Ивановна Соколова-Юрасова – моя прабабушка. Сергей Леонидович Юрасов – мой прадедушка. Это его рассказ. Всё это было, всё это правда, всё это – про них.

Шаповалова Полина, 7-й класс

Саратовская область, г. Петровск

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 8»

Дети Сталинграда

О Сталинграде в нашей семье вспоминают часто, несмотря на то что города с таким названием на карте современной России нет. На карте нет, а в памяти людей есть. И эта память живёт в моей семье.

Мне 13 лет, но я не только видела людей – своих прапрабабушек, прадедушек и прабабушек – переживших войну, но и общалась с ними, запомнила, что мне рассказали, а теперь хочу рассказать и вам.

Мои прабабушки и прадедушки – дети Сталинграда. Кто знает историю Великой Отечественной войны, тот понимает, как трагично это словосочетание – «дети Сталинграда». И никто лучше них, детей Сталинграда, не сможет передать историю их военного детства. Я записала всё, что запомнила из их рассказов, поэтому слово им, детям Сталинграда.

Сергиенко Борис Николаевич, брат моего прадеда. Когда фашисты подошли к Сталинграду, ему было 4 года 8 месяцев.

«Когда начали бомбить, было страшно, а потом мы с мальчишками радовались, что по улицам текли сладости из разгромленных цехов кондитерской. Но бомбёжки практически не прекращались, так что полакомиться не удалось. Началась эвакуация, мы эвакуировались одними из последних. Поезд только отошёл от города, как попал под бомбёжку. Мы остались живы, но попали в плен к немцам. Нас пешком гнали на запад. Голодные, раздетые. Очень хотелось есть, мне иногда совали кусочки местные жители. Мама делила их с Юркой, которому не было ещё и двух лет. Мне было так жалко отдавать эти крохи. Теперь стыдно, а тогда очень хотелось кушать. Иногда немцы подходили и осматривали нас. Мать говорила, что нас спасли болячки, которые покрывали наши с Юрой тела сплошной коркой, поэтому нас не трогали, боялись. А потом началось неожиданное наступление, помню наших танкистов, радость, что нас есть кому защитить и, главное, как мне тогда казалось, накормить. Нас посадили в поезд и через несколько месяцев мы были в Саратовской области. Сейчас этот путь на поезде составляет 8 часов. А ещё помню рухнувший мост через Дон. Только наш поезд (это уже после немцев!) проехал – и его взорвали. В поезде все начали молиться...»

Сергиенко Юрий Николаевич, мой прадед. В 1942 году ему было 1 год 8 месяцев.

«Ничего не помню из происходившего в самом Сталинграде, но мама и бабушка, которая с нами была в плену, всё время вспоминали какие-то

эпизоды, и теперь мне кажется, что и я помню эти события. Самое страшное – берег Волги после бомбёжки нашего поезда. Волга горит, а песок на берегу шевелится. И рука из песка тоже шевелится. А ещё под Калачом девушка, повешенная на столбе. Живой крючки в глаза, а на грудь табличку: «Я – комсомолка». У столба – сошедшая с ума мать...»

Воловатов Валентин Петрович, брат моей прабабушки. Когда фашисты подошли к Сталинграду, ему было 7 лет 9 месяцев.

«Отца на фронт взяли, когда немцы были уже у Сталинграда. И отступал он со своей частью через наш хутор. Тогда же я его видел последний раз, он отдал мне свою шапку, будёновку, в которой я проходил до 17 лет. Это единственная память об отце. А потом пришли немцы. Из дома выгнали, жили в сараюшке. Там свиньи, объявили какую-то болезнь, и их не трогали, и нас от них не убирала. Около скотины было теплее. Взрослых женщин, и нашу маму тоже, немцы гоняли на окопы. Сестре год, совсем кроха, однажды заползла к свинье поближе, чуть она её и не съела. Скотина тоже голодная была. Как я вовремя заметил! Больше её из рук не выпускал. Да она и тихая была. Как выжила, не знаю, но пережитое сделало нас ещё более близкими. Сад у нас был огромный, яблони отборные, немцы всё вырубали, только пеньки остались. Они, пеньки, долгое время напоминали нам о тех страшных событиях, ничего там не росло, а сажать на том месте ни у кого рука не поднималась».

Сергиенко (Воловатова) Лилия Петровна, моя прабабушка. Немцев «встретила» в годовалом возрасте.

«Я ничего не помню, маленькая была. Но послевоенные годы тоже были тяжёлыми. Мама всё время на работе, я с Валентином. Он в школу, а я в няньки к соседям. У них хорошо, отец покалеченный с войны пришёл. И за хозяйством было кому смотреть – бабушки у них были. Они мне иногда давали прозрачный, тонюсенький кусочек солёного сала. Я его долго во рту держала, растягивала удовольствие. Ничего вкуснее я в своей жизни не ела...»

Вот из таких историй складывается наше прошлое, которое нельзя забывать, чтобы ужас войны никогда не повторился!

Кононова Яна, 7-й класс

Удмуртская Республика, Увинский район, пос. Ува
МОУ «Увинская средняя общеобразовательная школа № 4»

Ночь перед боем

Не спится. Завтра бой. Для меня решающий. Да и не только для меня. Нам, штрафникам, только в бою можно доказать свою невиновность перед государством и получить свободу. Мне, может, это всё и не надо! Я уж пожил, хоть что-то знаю, повидал жизнь, а вот пацанам-то надо вернуться в семьи.

Спят все. Молодые, они и есть молодые! И вины-то у многих нет! В чём она у этих восемнадцатилетних пацанов, которые спят крепким сном, не подозревая, что завтра, может, последний день будет? Больше всех любился мне Пашка Зинин. Справа от меня спит. Парень деревенский, как и я. Больно ростиком маленький только. А так ничего – жилистый. У нас и статья одна – «за хищение государственного и общественного имущества». Только сроки разные: у Павла – два года, а у меня – три. В чём я виноват? Уснул, а мужики из сарая зерно семенное вынесли. Подрыли с другой стороны. Ничего не помогло. Сам же в сельсовете в 20-е годы столько лет писарем служил. Да что ж, виноват. Но насиделся вдоволь. Как узнал о приказе № 227, сразу попросился на передовую. Лучше в бою умереть.

Встретились с Пашкой 21 сентября 1943 года в Ленинском районном комиссариате Куйбышева. День точно запомнил. У Паши именины были. С той поры вместе. Он как сын мне. А дома-то своих четверо. Каково им там? Старшие Илья да Иван, наверное, за плуг встали, в колхозе работают, а младшие Пётр и Миша по хозяйству помогают. Лиц не вижу, не вспоминаются. Наверное, выросли. А тут после второй атаки немца молоденького с открытыми глазами увидел. Аж дух перехватило: глаза-то Толины, сына моего старшенького. Весточку из дома получил перед отправлением на фронт, что умер сын. На строительстве железной дороги работал, надорвался. В голос хотелось кричать. Как так? Он один в мою породу был, на отца моего похожий: мозговитый, соображалистый. Перегорело что-то внутри у меня, домой даже не хочу возвращаться, хотя больше всего по матери соскучился. Глаза закрываю и вижу её руки сильные, как хлеб из печи достаёт, маслом смазывает. Даже запах чувствую. Аж под ложечкой сосёт. Это мать за меня молится. Я ведь как заговорённый. Два раза в бой ходил, и ничего. Пули мимо свищут. Паша говорит, что в рубашке я родился. Вот это неверно. Просто сын я вымоленный у Бога. Мать пешком из Мултана в Екатеринбург ходила в собор какой-то, выпросила меня, единственного сына, у Бога. Её молитвами и пуля меня не берёт.

Слева Иван Сидоров постанывает. Не повезло ему. В первый раз испугался грохота танков, побежал с поля. Его дезертиром сразу объявили. Дали срок. Так в штрафниках оказался. А страх-то у него прошёл. Говорит, героем домой хочет вернуться, орден получить, чтобы отца с матерью порадовать, за сестру и брата отомстить, погибших под Ленинградом. У каждого бойца своя история. Жалко их. Молоденькие ещё.

Гоним мы немцев куда подальше от нас. До Десны уже дошли. Но фашистам-то тоже жить хочется. И они бьются, себя не жалея. Приказ, должно быть, такой же, как у нас: стоять насмерть. Гады они, конечно. Жизнь и так несладкая была, а тут ещё война эта. Всё разрушено, разбито. Немцы целые деревни с людьми сжигали. Гнать их надо с нашей земли. Бить беспощадно. Бить, бить, бить! За матерей наших, за жён, за детей. За землю пожжённую, исковерканную.

Вернусь домой. А я обязательно вернусь, чувствую это. Пойду с сыновьями на пруд. Искупаюсь. Всю грязь мою вода заберёт. Сяду с ними на бережку и расскажу обо всём: о ребятах, с которыми служил, о себе, что делал в жизни не так, о фашистах проклятых. Пусть знают правду.

Светает уже. Спать не хочу. Как дома побывал. Столько всего вспомнилось. Впереди бой. Решающий.

Документальная справка

Глазин Егор Ильич

Выписка из приказа: «Приказ по 512-му стрелковому полку 143-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии от 14.12.1943 года № 039/н действующей армии. От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР награждаю медалью «За отвагу» командира расчета 1-й стрелковой роты 1-го стрелкового батальона, красноармейца Глазина Егора Ильича, за то, что он, участвуя в бою за деревню Замошье Пустошинского района 25.11.1943 года, действовал смело и решительно, умело руководя своим пулеметным расчетом, непрерывно прикрывал своим пулемётным огнём продвижение пехоты, тем самым дал возможность в скором овладении деревней. Им лично убито 40 немецких солдат».

Крупнова Дарья, 8-й класс

Ульяновская область, Цильнинский район, с. Большое Нагаткино
МОУ Большенагаткинская средняя школа

Строки, опалённые войной

Я порою себя ощущаю связанной
Между теми, кто жив
И кто отнят войной.

Юлия Друнина

Здравствуй, мой незнакомый ровесник! К тебе обращается... Впрочем, моё имя тебе ничего не скажет: я обычная школьница, живущая в одном из сёл Ульяновской области. Спросишь, зачем пишу тебе? Ответить и легко, и трудно одновременно. Легко потому, что очень хочется поделиться своим открытием, а трудно потому, что не знаю, поймёшь ли ты меня, мою тревогу...

Уже несколько дней мы живём в 2020 году. Это год особенный для нашей страны, для нашей истории – 75-й год Великой Победы. Мы с тобой родились уже в XXI веке, наверное, поэтому те драматические события уже становятся для нас лишь частью общей истории, утрачивают остроту личных переживаний. Ведь даже наши деды – это уже потомки поколения победителей, чей голос почти замолк среди живущих: так мало их осталось. Ты скажешь, что мы вместе со всеми каждый год в День Победы, 9 Мая, идём в составе «Бессмертного полка» (надо отметить, что в нашем селе эта традиция насчитывает уже три десятилетия), возлагаем цветы к обелискам, радуемся многоцветью праздничного салюта, то есть отдаём дань памяти тем, кто выстоял в те судьбоносные годы. Да, всё так, но мне хочется, чтобы вместе с этим в душе каждого моего современника жило и не гасло осознанное понимание той цены, что заплатили наши прадеды в далёкие сороковые, жила величайшая благодарность им всем – известным и безымянным солдатам.

Как это сделать? Надо найти своего «связного» из военного поколения, того, чей голос проникнет в твоё сердце и донесёт настоящую, сущую правду о Великой Отечественной войне.

Для меня таким «связным» стала Юлия Друнина и её поэзия – строчки, опалённые войной. Это и есть моё открытие, о котором я говорила в начале письма. Спросишь, почему именно она? Да, ты прав, мой ровесник, выбор у каждого из нас огромен: от рядового до маршала! И у каждого своя правда, до которой нам нужно дорасти, дотянуться. Я сейчас вижу войну такой, какой её прожила московская школьница Юля Друнина, почти моя

ровесница – она всего старше меня лишь на три года. Ей тогда было семнадцать, а мне сейчас четырнадцать.

Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!

Это строчки из стихотворения Давида Самойлова, тоже поэта военного поколения, приложимы к судьбам тысяч мальчишек и девчонок, которые уходили добровольцами буквально на другой день после выпускного бала. Как им завидовала Юля: ей тогда не исполнилось ещё заветных восемнадцать лет, чтобы пойти на фронт. Но скоро всё свершится, и время спустя поэтесса напишет:

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод...

В этих строчках вся военная биография Друниной: санитарка, медсестра то в пехотном взводе, то в госпитале. Сказано скупое, почти без эмоций. Но за этими словами скрывается тяжелейшая доля женщины на войне: постоянная близость смерти – и чужой, и своей, непосильное физическое напряжение, кровь, страдание и отчаянная беспомощность, когда жизнь раненого ускользала вопреки всем твоим усилиям.

Ты, мой ровесник, не хочешь задаться вопросом: «Откуда брались силы у этих людей?» Юля тоже задавала себе этот вопрос в стихах не раз. Ответ всегда был связан с Отчиной, с Россией:

Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать.

Романтичная девочка, выросшая в интеллигентной семье, в мире книг, тетра, музыки, писавшая стихи и мечтавшая стать поэтом, даже не подозревала, что в жизни существует жестокость, грубость, грязь... И всего этого ей пришлось хлебнуть с лихвою. Она сказала о себе: «Я родом не из детства, из войны...» И это казалось правдой. Будто не было детства. Будто сразу – война, первое и самое яркое впечатление жизни. Поэтому так тяжело героине стихов Друниной, практически неотделимой от неё самой, выполнять каждодневную работу:

Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напружиненный и белый,
А я должна приросшие бинты
С него сорвать одним движеньем смелым.

Понимает юная санитарка, что это «смелое движенье» резанёт нестерпимой болью солдата, вот и льёт без меры перекись на рану, чтобы отмотать бинты, чтобы смягчить неизбежное.

Большинство из нас в силу возраста ещё не знает боли личных безвозвратных потерь. На войне же смерть становится частью повседневной жизни и приходится «снова рыть в безмолвии могилу, комьями замёрзшими звеня...».

Связистка Маша («Ты вернёшься»), восемнадцатилетняя санитарка («На носилках, около сарая...»), Зинка, погибшая под Оршей («Зинка»), школьницы-десантницы («Баллада о десанте») – все они могли бы с горечью прошептать последнюю фразу: «Я ещё, ребята, не жила...»

Теперь ты понимаешь, мой безымянный собеседник, что стоит за сухими цифрами жертв войны? Я очень хочу, чтобы ты это понял.

Повседневная военная ноша, готовность умереть ради общей цели далеко не всем были по силам. Выжить любой ценой! Это стремление, а порой и минутная слабость рождали в человеке трусость, желание спрятаться за спинами своих однополчан. Эту непростую для осознания правду мы тоже найдём в стихах Друниной. Вчитаемся в строчки стихотворения «Комбат». В нём описывается дезертирство с поля боя: два молодых солдата бросились бежать, не выдержав смертельных пулемётных очередей. Увидев это, комбат делает два выстрела, и «догнали их две маленькие пули, всегда стрелял без промаха комбат». Таков долг командира, его тяжёлая ноша. Но нельзя обвинять комбата в жестокости, помня о реалиях военного времени. Юлия Друнина показывает, что этот поступок подкосил и комбата: «А он, шатаясь, побежал вперёд...» От матерей же тех парней командир скрыл истинную правду о гибели их сыновей, чтобы она не раздавила и без того несчастных женщин, чтобы они смогли жить дальше:

Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.

Жизнь на войне разнолика, в ней совмещается, на первый взгляд, несовместимое. Ты, мой ровесник, не раз с трепетом ждал новогоднего праздника, связанного с ним чуда, ощущения сказки. А можешь ты представить этот день в землянке, недалеко от сожжённых дотла белорусских деревень? Ведь праздника и чуда хочется всегда, а особенно, когда ты так молод! И даже когда вокруг война! Прочти стихотворение «Ёлка», и тогда ты

поймёшь, почему героиня не смогла забыть именно ту ёлку, горделивую и скромную красавицу, освещённую пожарами:

Не игрушки на ней, а натёртые гильзы блестели,
Между банок с тушёнойкой трофейный висел шоколад...

Это они, «д`Артаньяны из ротной разведки», сотворили настоящее чудо и на миг позволили загрустившей сестричке окунуться в пахнущие детством и миром еловые ветки. Это мгновение счастья прервал арналёт, но пережитые чувства восторга, любви и благодарности остались на всю жизнь в юном девичьем сердце:

Сколько было потом новогодних сверкающих ёлок!
Их забыла, а эту забыть не могу...

«Девочка в заштопанной шинели», московская школьница, выпускница 1941 года, рассказала мне о своей войне, которую она прожила однажды в реальности, а потом много раз во сне и стихах, потому что эта тема не отпускала Юлию Друнину до конца её жизни. Нести правду о Великой войне, о Великой Победе, невзирая на сроки давности, – в этом поэтесса видела свой долг перед теми, кто не вернулся с фронта, не дожил в госпитале до Победного мая 1945-го, и перед теми, кто, как мы с тобой, мой ровесник, пришли через поколения. Она, её поэзия, рождённая в окопах, – мои «связные» с тем временем. Кто станет твоим «связным»?

Васильев Станислав, 6-й класс

Чувашская Республика, Козловский район, с. Карамышево
МБОУ «Карамышевская средняя общеобразовательная школа»

Живой памятник моему прадеду!

Каждый год мы с семьёй ездим купаться и отдыхать на Волгу. Удивительной красоты речная долина открывается всем, кто попадает в эти края. Здесь река Аниш впадает в Волгу-матушку. То там, то сям виднеются лесные островки, среди заливных лугов петляет речка, но всё-таки красивее всего – остров с соснами. На этот раз мы разбили лагерь именно на этом острове.

...Я застал маму за очень интересным занятием: она ходила между соснами, гладила их и о чём-то с ними беседовала. Моё появление её несколько не смутило:

– Эти сосны посадил твой прадед, Смирнов Николай Степанович. Их здесь двести тридцать четыре тысячи.

– Ого! А кем был мой прадед?

– Лесником. Раньше этот остров назывался Вязовой горой, но со временем ни одного стоящего дерева не осталось – вырубил. Стал расти только тальник. И название «гора» превратилось в горькую иронию. Беспокоило это деда, и решил он насадить здесь сосны.

– А почему сосны?

– А как же! – тут присоединился к нашему разговору дядя Сергей. – Почва-то здесь песчаная. А лучше сосны для закрепления песков ничего нет. Эту прописную истину приходилось настойчиво доказывать нашему деду. Но всё-таки убедил.

– Я помню рассказ отца, – поддержал беседу дядя Саша, – как дед объявил «семейную мобилизацию»: жена и дети переселились на остров, и десять дней шла горячая работа.

Пятьдесят два гектара земли засажены были соснами-двухлетками.

– Ну и характер! – удивился я.

– Люди старой закалки. Участник войны. Морской пехотинец. Всю ленинградскую блокаду провёл на героическом Невском пятачке. Всё выстоял! – с гордостью сказала мама.

– Но и будучи лесником, приходилось ему применять хитрость, смелость, храбрость, подобную тем, которых в досталь было на фронте. Помните, какие истории рассказывала бабушка? – спросил дядя Сергей.

– Помним, – ответила мама. – Бабушка часто сетовала, что одно мучение это его дело – лесничество. И приколошить могут. Он лес воровать не давал, ночами сторожил и в дождь, и в снег, как говорится. Шутка ли? Один раз она его уже теряла.

– Это как? – удивился я.

– В сорок третьем. Нужно было взять высоту на правом берегу Невы, левый – пологий, простреливался. Прятаться было негде, скрывались за телами погибших товарищей. Крепко царапнула злая вражеская пуля балтийского моряка. Госпиталь... а семья получила похоронку... – и глаза мамы прослезились.

– Да, Бог его сберёг, – успокаивая маму, продолжил рассказ дядя Сергей. – Он не имел права умирать: дома ждал сын, твой дед, который родился в январе 1942 года. Прадед видел его только на фотографии, прабабушка специально для него сфотографировалась с сыном и отправила на фронт. Долго прадедушка Николай Степанович пролежал в госпитале, но выздоровел. Правда, документы его в госпитале затеряли. И твой прадед, бывший до этого младшим сержантом, стал рядовым запасного полка. Блокада Ленинграда к тому времени была снята. Его отпустили на побывку домой, в Чувашию.

– А дома знали, что он жив? – спросил я.

– Да, к тому времени прадед из госпиталя сообщил родным о том, что остался жив, – продолжила мама. – Дома его, кроме жены и сына, ждали мать, сестрёнки Нина и Мария, а братья все были на войне. Семья-то была крестьянской, детей было шестеро, это немного по тем меркам.

– А братья все вернулись с войны? – опять спросил я.

– Вернулся один брат твоего прадеда, – ответил дядя Саша, – Смирнов Пётр Степанович, а вот Александр Степанович, которому было 22 года, погиб в 1944 году, Тимофей Степанович пропал без вести где-то на Украине.

– Хорошо, что мой прадед вернулся домой, нам очень повезло. А на фронт после побывки дедушка Николай Степанович вернулся? – любопытствовал я.

– Нет, твой прадед Николай Степанович встретил победу в запасном полку в Ленинграде, больше он на фронт не попал, – продолжил дядя Саша. – И о войне он не любил рассказывать. Нам, мальчишкам, казалось, что, наоборот, надо хвастаться подвигами, победой над врагом. Мы хотели всё знать из первых уст, но твой прадед был суров, немногословен, не делился с нами воспоминаниями. Только как-то раз обмолвился, что война – это не интересно, это больно, грязно, страшно... Дай Бог, больше войны не будет.

Я подумал: «Человек, побывавший на войне, – герой! Благодаря их самоотверженности остановили фашистов, выстроили заново разрушенные города и сёла. Они продолжали верить в свою страну, в свой народ. А ведь и в мирной жизни эти герои совершали свои маленькие или большие подвиги. Мой прадед сохранил лес, остров. Живой памятник моему прадеду! Даже если люди не знают, кто посадил эти сосны на острове, они, думаю, благодарны за грибы и земляничные поляны. Теперь я знаю, на кого хочу равняться – на прадеда Николая Степановича Смирнова, морского пехотинца, рядового, лесника...»

ФИНАЛИСТЫ

**Всероссийского конкурса сочинений
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Берденникова
Дария

Бартинова
Екатерина

Табаков
Вячеслав

Суфиев
Марсель

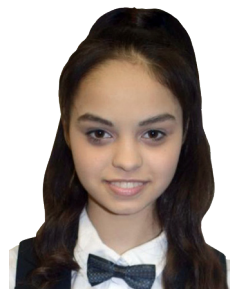
Савкина
Александра

Кожина
Людмила

Коршанова
Валерия

Максимова
Татьяна

Васильчук
Арина

Гараева
Анна

Костенко
Алина

Берденникова Дария, 6-й класс

Архангельская область, г. Новодвинск
МОУ «Новодвинская гимназия»

Письмо в прошлое

Здравствуй, дед!

Ты меня совсем не знаешь, а я о тебе знаю очень многое. Я пишу тебе из будущего. Сейчас за окном идёт 2020 год, и в мае этого года вся наша страна будет отмечать 75-летие со Дня Великой Победы. Победы, которую ты, дед, подарил мне и всему русскому народу, отстояв землю от фашистских захватчиков. Дед, ты настоящий герой! Ты победитель!

Я знаю, какой нелёгкой была твоя жизнь. Мама рассказывала, что ты родился в большой семье, у тебя было 10 братьев и 3 сестры! Знаю, что мама твоя умерла, родив последнего ребёнка, и отец остался с 14 детьми один. Трудно ему было, но не опустил он руки, приучал вас всех с малолетства к труду. Ещё мама поведала мне о том, что твоего отца и старшего брата раскулачили и сослали в Сибирь. Как вы пережили это горе? Как оно вас не сломило? Наверное, некогда было отчаиваться, плакать, надо было продолжать жить во что бы то ни стало.

А что ты чувствовал, когда уходил на войну вслед за братьями? Не боялся умереть? Да, я знаю, что такие понятия, как честь, совесть, солдатский долг, были для вашего поколения превыше всего. Дед, иногда я вижу такую картину: Саша, мой старший брат, твой правнук, который сейчас служит в армии, собирает свой вещмешок, прощается с нами, и мне становится страшно, что я его больше не увижу. Я не хочу его потерять, я не хочу, чтобы война повторилась, но тебе, дед, выбирать не приходилось.

Когда началась война, тебе было 35 лет, и столько планов впереди: обзавестись хозяйством, построить дом, жениться, воспитать детей. И все эти планы перечеркнула проклятая война. В первый год войны ты был призван в ряды Советской армии, и до Победы, до 1945 года, продолжался твой нелёгкий боевой путь. Мама рассказывала мне, что ты воевал на Карельском фронте, сначала охраняя северные рубежи нашей Родины, но потом дошёл почти до Берлина!

История о том, как ты спас своего родного брата, наверное, станет сюжетом нового рассказа, который я напишу. Да, дед, удивительна и непредсказуема бывает жизнь. В тот момент, когда ты услышал из глубокой воронки слова: «Браток, помоги!» – ты и подумать не мог, что это на помощь тебя зовёт твой родной брат. Яков и Семён встретились там, где встретиться не должны были. Семён ведь не мог оказаться там, да? А оказался. Счастливый случай! Дед, ты спас жизнь своему брату. Замерзающий, он и не надеялся на

помощь. А тут такое чудо! Раненый, ты, услышав зов о помощи, не побоялся за свою жизнь, подполз к воронке и, укрываясь от вражеских пуль, долго помогал своему брату выбраться из ямы. А потом ты тащил брата на себе, пока вы не добрались до своих. Дед, ты не струсил, потому что ты герой. Твои слова о том, что ты жить бы не смог дальше, спать бы не смог спокойно, если бы тогда не отозвался на призыв о помощи, для меня очень важны. Я стараюсь быть похожей в этом на тебя. За геройские поступки ты награждён тремя медалями «За отвагу» и орденом Красной Звезды. Теперь они наша семейная реликвия, и мы будем их бережно хранить.

А случай с макаронами... Дед, это на самом деле правда? Правда, что однажды, во время наступления частей, в которых ты воевал, фашисты уничтожили полевую кухню? Надо идти в бой, а пехотинцы голодные. Новая полевая кухня где-то далеко позади, а солдаты не ели 3 дня... Ты рассказывал моей маме, как живот резало от голода, но с криками «Ура!» пехотинцы бежали вперёд и вдруг увидели под ногами макароны. Многие останавливались, стали подбирать с земли еду, кто-то хватал в горсть на бегу. А ты не ел эти немецкие макароны, хотя изнывал от голода, потому что они вражеские. «Чтобы я ел немецкие макароны? Даже бы со стола не взял! Лучше бы умер, но у врага не взял!» – так ты отвечал? Но почему другие солдаты в твоём полку ели? Я бы, наверное, не смогла удержаться и съела. Твоей силе воли и характеру можно только позавидовать. А ведь чувство собственного достоинства спасло тебе жизнь. Макароны же оказались отравленными? Да, фашисты придумали хитрый ход: уничтожив полевую кухню, они отравили макароны в надежде сорвать наступление вашей части. Те, кто оказался слаб, умерли. Но ведь таких было немного? В вашем полку было много земляков, а поморы не способны унижаться!

Много историй я знаю о тебе, дед. О твоей жизни можно книгу написать. Интересная получится книга, ведь непростой оказалась жизнь твоего поколения, много трудностей выпало на вашу долю, и мы никогда не забудем ваших подвигов.

Каждый год 9 Мая я с гордостью несу твой портрет в рядах «Бессмертного полка». Вас так много, дед, целое поколение героев! 10 человек только из твоей родной семьи! С фотографий вы смотрите на нас совсем молодыми, и время как будто не в силах разделить нас. Память о тебе, дедушка, будет жить в моём сердце всегда. Мои дети и дети моих детей обязательно узнают о тебе то, что знаю я. Может, они тоже будут писать тебе письма? Ведь ты меня слышишь, дед? Я знаю, слышишь. Мне так хочется сказать тебе спасибо за всё, что есть у меня сейчас. Мир. Семья. Тепло. Счастье. Четыре главных слова, а подарил их ты, мой Герой, мой Победитель.

С уважением, Берденникова Дария, твоя правнучка.

9 января 2020 года

Бартинова Екатерина, Табаков Вячеслав, 7-й класс

Вологодская область, Вожегодский район, пос. Пролетарский
МБОУ «Явенгская школа»

Письма из прошлого

Мы любим бывать в нашем школьном музее. Здесь пахнет стариной в этнографическом отделе, где собраны предметы быта XIX–XX веков. Здесь словно ведут диалог суровые экспонаты истории Явенги 30-х годов, говорящие о жертвах репрессий и лишениях, и яркие, звонкие предметы школьной жизни – свидетельства истории нашей Явенгской школы. Они говорят, что в жизни посёлка было и мрачное, и светлое.

Здесь строго и требовательно смотрят на нас глаза героев «Бессмертного полка», словно спрашивают: «А вы помните? Вы достойны?» В этом разделе много интересного: подлинные фронтовые письма, фронтовой дневник, осколок снаряда, горсть земли с Мамаева кургана, награды явенжан – участников Великой Отечественной войны, офицерский планшет и... обычная школьная тетрабочка в линейку. От корки до корки она исписана красивым аккуратным почерком. Это воспоминания о военных годах Екатерины Александровны Карпуничевой.

Знакомая фамилия. Устремляемся в школьную рекреацию. Здесь развернута музейная экспозиция «Зал учительской славы», подходим к стенду «Они руководили нашей школой». Вот она, знакомая фамилия:

1940–1941 гг. – директор школы Карпуничев Сергей Константинович;

1941–1945 гг. – директор школы Карпуничева Екатерина Александровна;

1945–1951 гг. – директор школы Карпуничев Сергей Константинович.

Как эстафету передавали супруги Карпуничевы руководство Явенгской школой, потому что Сергей Константинович был призван на фронт, защищал Родину и нашу Явенгу с оружием в руках.

Вчитываемся в строки воспоминаний Екатерины Александровны, оставленные в тоненькой школьной тетрабочке, перечитываем статью Сергея Константиновича, помещённую в альманахе «Ветераны», его награжденные документы...

Нам захотелось представить, как они прожили эти годы вдалеке друг от друга, каждый на своём посту, что могли они писать друг другу в эти суровые дни, недели, месяцы.

Итак, история в письмах, какими они могли быть.

Она:

«Здравствуй, дорогой Сергей! Как круто всё изменилось в нашей жизни. Помнишь день 22 июня? Воскресенье. Мы все на нашем школьном стадио-

не. Идут соревнования, а в стороне на импровизированной сцене – номера художественной самодеятельности. У всех такое приподнятое настроение! И вдруг голос диктора по радио... Война! И вот тебя уже нет рядом с нами, а мне пришлось взять на себя нелёгкие обязанности директора школы. Как я справлюсь со всеми заботами, не представляю. Но самое главное, как ты там?...»

Он:

«Здравствуй, Катюша! Расскажу о последних событиях. Из Вожеги нас довели до Вологды. Там формировался особый Вологодский ударный батальон, куда мы и были зачислены. Из Вологды повезли на Тихвин. Сначала поезд домчал нас до станции Ефимовская. Дальше к Тихвину, захваченному фашистами, ехать было невозможно, железнодорожное полотно было разрушено, в воздухе то и дело появлялись фашистские стервятники. Наш батальон сразу же совершил семидесятикилометровый переход в сторону Тихвина и остановился на короткий отдых в одном из населённых пунктов.

Мы чувствовали приближение поля битвы: автомашины везли боеприпасы, продовольствие, военное снаряжение, всюду соблюдалась светомаскировка, часто и очень громко слышались выстрелы, разрывы мин. А в декабре, совсем недавно, мы были впервые обстреляны, но шальная пуля меня не задела. Начались каждодневные упорные бои. Наш батальон помогал частям Ленинградского фронта теснить фашистов к Тихвину. Отступая, немцы поджигали все дома, посёлки на своём пути. На многие километры виднелось багровое пламя, и от этого чувствовалось, что фашистов нужно остановить как можно скорее.

Наконец, 9 декабря ночным штурмом наши войска освободили Тихвин. В боях за овладение городом хорошо и смело действовал и наш коммунистический батальон. Эти бои были очень тяжёлыми, в них мы потеряли много боевых друзей».

Она:

«Война, конечно, от нас далеко, но отголоски её доходят и к нам. Здесь ведь проходит важная железная дорога, поэтому и сюда забрасывали немецкий десант. Их сбросили с самолёта в стороне Турово – Тюриково, раменские женщины рассказывали, что видели двоих в лесу, они у женщин еду отобрали. Потом их выследили и поймали. Но всё равно тревожно.

В школе в 7-м классе введён урок военного дела, изучают строевую подготовку, виды оружия. Выкопали во дворе траншею в полный рост для укрытия на случай тревоги. Ребятам интересно, поэтому учителя и в других классах поддерживают их военный настрой: к доске выходят строевым шагом, в начале урока отдают рапорты, несут караульную службу. Так что готовая смена вам растёт, только не дай Бог, если война затянется надолго и будет забирать в свои жернова наших мальчишек».

Он:

«Милая Катюша, письмо твоё получил, извини, что пишу не сразу: как я говорил раньше, были непрерывные бои, в которых мы всё-таки отвоевали Тихвин. Опишу тебе один случай. Когда мы перемещали пулемёт, немцы незамедлительно открыли по нам огонь. Так как местность хорошо просматривалась, нам приходилось перетаскивать пулемёт по частям по глубокому рыхлому снегу. Мои товарищи и я перенесли почти все его части, остался только щит, и я пополз за ним. Трассирующие пули вражеского пулемёта со свистом ложились рядом. Прижимаясь к земле, я тянул за собой щит пулемёта, привязанный ремнём к винтовке. Пострадала только шинель, простреленная в нескольких местах. Я думаю, это ты меня сберегла тем, что любишь и ждёшь».

Она:

«После того, как ты ушёл вместе с учителями-мужчинами, на смену приходят молодые девушки: Галя Белова – учитель немецкого языка, Ирина Бычкова – историк, Воинова Нина Ивановна – литератор, и ещё биолог, математик, географ. А Лыкова Надежда Александровна, учительница физики, сумела выехать из Ленинграда. То, что она рассказывает о блокадном городе, ужасно. Но как держатся там люди!.. Молодёжь к нам приехала замечательная. Все горят желанием передавать свои знания детям. Опыта, конечно, не хватает, но они не стесняются обращаться за помощью к нашим стажистам. Всегда с готовностью помогают им и Людмила Петровна Воинова, и Мария Фёдоровна Ламанская, и Нина Ефремовна Хамалинская, да и все остальные. Война накладывает отпечаток на всё. Я замечаю, как по-матерински все они относятся к детям: встречают утром, смотрят, не обморозились ли, ведь одежонка у большинства такая ветхая, а на обувь и смотреть нельзя без слёз. А ведь и самим учительницам непросто: тетради проверяют и к урокам готовятся при свете коптилок, дрова тоже приходится заготавливать самим».

Он:

«Здравствуй, Катюша! Пишу из Вологды, из госпиталя. Бои под Тихвином оказались очень жестокими. Погибли сотни человек из нашего вологодского батальона. А какие были ребята! Не зря их называли «вологодские гренадёры». И то, что нам удалось отстоять Тихвин, это не случайно, и это здорово, ведь теперь поезда могут доставлять грузы поближе к Ленинграду, который оказался в такой сложной обстановке. А мне ещё повезло: я, хоть и раненый, но живой».

Госпиталь наш пересылочный, и меня, скорее всего, увезут дальше в тыл. Ты не беспокойся, всё будет хорошо. Поцелуй от меня наших детей, пусть помогают тебе по дому».

Она:

«Дорогой Серёжа, ты опять отправляешься на передовую, и я очень за тебя волнуюсь... Здесь, в тылу, тоже стараются помочь фронту, и школа

наша не стоит в стороне. Я уже тебе писала, как бедно одеты ребяташки, но, когда стали собирать тёплые вещи для фронта, принесли, кто что мог: свитера, шарфы, связанные своими руками рукавицы и носки, девочки-старшеклассницы сшили кисеты, вышивали носовые платочки. Всё это упаковывали в посылки и отправляли на фронт. Туда же вкладывали письма бойцам, обещая лучше учиться. А как быстро взрослеют наши мальчишки! Они незаменимые помощники во всех полевых работах у себя дома и в колхозах. Да и школе помогают замечательно. Помнишь нашего школьного коняшку Рыжко? Летом мы ему заготовили сена, а зимой он нас здорово выручает. В Вожегу по делам на нём ездим, дрова на нём для школы заготавливаем, мальчишки тут незаменимы, куда мы, женщины, без них. А ещё ездим по деревням: в Михеевскую, Максимовскую, Павловскую, где есть начальные школы. А люди нас там уже ждут. Рассказываем им о положении на фронтах, потом доклад на политическую или педагогическую тему, а затем художественная часть. Обязательно включаем какую-нибудь пьесу или сцену. Правда, мужские роли, как сам понимаешь, приходится играть женщинам, приклеиваем усы, бороду, только иногда девчата забывают туфли снять, так и ходят по сцене: в мужских брюках и на высоких каблуках. Но зрители всегда очень довольны».

Он:

«Милая Катюша, здравствуй! Какой прекрасный подарок ты мне преподнесла. Это, конечно, твой приезд в Горький, в наше танковое училище. Дни тянулись довольно однообразно. На улице лето, солнечные деньки, а мы целые дни в здании школы, где проходили наши занятия. Здание обнесено железной оградой, на улице у входа стоят часовые. И вдруг один из них крикнул, что жена приехала, мы даже фамилии не разобрали, чья жена. Поэтому на улицу бросилась чуть не вся группа, вероятно, каждый думал: «Не моя ли жена?» Но я оказался самым счастливым – ведь это моя Катечка приехала! Даже жалко было ребят, которые медленно пошли обратно в здание. Спасибо тебе, родная, что не побоялась в такую даль от родного дома приехать. Завтра, досрочно завершив учёбу, мы возвращаемся обратно на фронт».

Она:

«Начался новый учебный год. Технички наши – молодцы, справились с ремонтом в школе, подготовили классы к занятиям. Но в сентябре мы почти не занимались – всей школой ходили помогать колхозу. Даже самые маленькие собирали колоски в поле после жатвы, а старшие помогали в уборке урожая: завязывали в снопы сжатый овёс и ячмень, теребили и вязали лён. Всем дела хватало. С учёбой потом нагоним, успеем, а тут до снега всё во что бы то ни стало убрать надо. Это все понимают.

Как вы там питаетесь? Наверное, соскучился по домашним обедам. У нас хоть и трудно со снабжением, но мы ведь дома. Осенью опять же

Рыжко выручает. Ставим на дрожжи бочки, корзины и едем в лес. Собираем грибы, ягоды, сами солим, сушим. Это большое подспорье к школьным завтракам. Пришкольный участок хорошо помогает. Он наш основной источник питания. Выращиваем там картофель, морковь, капусту, свёклу. Да и повар наш, Надежда Евгеньевна Петропавловская, от души старается из ничего приготовить повкуснее. На большой перемене ребята гурьбой бегут в столовую, а Надежда Евгеньевна наливает из большого котла в детские глиняные чашки горячую похлёбку, сдабривая её не сметаной и маслом, а улыбкой и словами о пользе овощей, и обещает, что после войны приготовит наваристые щи с мясом. Скорей бы уж эта война кончилась, и слова её сбылись».

Он:

«Катюша, ты за меня не беспокойся, у меня всё нормально. А ты, главное, береги Нелю и Володюшку, сохрани их в нынешних суровых условиях. Страшно хочется всех вас увидеть. Нас перебросили на Южный фронт. Наверное, потом, после войны (ведь кончится же она когда-нибудь!), по нашим передвижениям географию в школах можно будет изучать. Как живёт наша Явенга? Как дела в школе?»

Она:

«Война идёт и идёт уже который год. Явенга притихла, словно замерла от тревожных дум: как там, на фронте? Женщины с надеждой и страхом ждут почтальона. Хорошо, если придёт весточка от родных, а если... Во многие семьи пришли похоронки. Из явенгских уже нет в живых Крутковых Василия и Григория, Добрякова Александра Васильевича и сына его, Толи Добрякова. Погибли Саша Кудряшов из Даниловской, Вася Родионов из Падинской. Совсем недавно ещё в школу бегали... Бедные матери, как они это переносят? Сердце разрывается, когда смотришь на детишек из этих семей. Да и все ребята стали другие. Помнишь, какой гомон стоял в школьных коридорах? А сейчас ребята бледные, малоподвижные, на переменах не бегают, а сидят тихо, как на уроках. Мне в РОНО сообщили, что можно наших детишек поддержать – обувь для них достать, и я поехала в Сокол, привезла оттуда мешок детских ботинок из материи на деревянной подошве. В семьях обрадовались такой поддержке, а мы, учителя, подумали: вот будет стучу по школе от этих деревянных подошв! Нет! Дети ходили тихо, и подошвы звучали глухо... Серёжа! Береги себя, ты нам очень нужен!»

Он:

«Ты, Катя, может, удивишься, что я нахожусь сейчас в Румынии. Приехал через Польшу в первых числах сентября, на днях буду в Бухаресте. Живу хорошо, только забота о том, как вы живёте. За это время снова проехал по Украине, Бессарабии. Достаточно воевал на своей советской земле. Пусть убедится Германия, что такое война и Красная армия. Пусть сейчас они за всё рассчитываются. Катюша, ты даже представить не можешь, ка-

кая богатая здесь природа, кругом виноградники, а яблоч, слив, абрикосов, сколько душа желает. Как хочется с вами всеми встретиться, но сначала надо растерзать этого берлинского зверя».

Она:

«А явенжане продолжают уходить на фронт, совсем молодые ребята: Чевский Веня, Коля Митюков, Игорь Тепляков. Недавно ушёл Вася Носков из Михеевской. Может быть, помнишь, он окончил у нас 7 классов перед самой войной и уехал в Кронштадт, учился там в ремесленном училище, рассказывал, что, когда началась война, они с пацанами прятались от бомбёжек, потом Василий перебрался в Ленинград, работал на заводе, где делали снаряды. По льду Ладожского озера в марте 1942 года его вывезли из блокадного города, и он еле живой сумел добраться до Явенги, месяц лежал без памяти. А вот сейчас, едва исполнилось 18 лет, призвали в армию. Не удивляйся, что я так подробно всё знаю: в войну люди стали ближе друг к другу, делятся всем, что на душе».

Он:

«Пишу из Чехословакии. Находимся близ городка Бан-Штявниц. Выполняя боевое задание командования, наш танк, как и другие, продвигаясь, вёл огонь по опорным пунктам противника. Двигались с открытыми люками, чтобы лучше ориентироваться в условиях города. Я всматривался в окружающую меня местность. Вдруг метрах в 70 перед нами оказалась группа немцев, все в белых халатах. Это был оружейный расчёт, который готовился открыть огонь по нашим танкам. Но упреждающим осколочным снарядом нашего танка оружейный расчёт врага был уничтожен.

Предстояло преодолеть крутой подъём, но гусеницы танка начали на середине подъёма буксовать на месте, танк не двигался и задерживал всю колонну. Необходимо было набросать под гусеницы досок, стреляных гильз, лежащих на обочине. Из танка выскочил помощник механика, на помощь ему поспешил я сам, и вдвоём мы быстро справились. Танк по моему сигналу тронулся, и в этот момент снайперская разрывная пуля прошила мне левую ногу выше колена, скорее всего, отправят в тыл, в госпиталь. Как досадно! По всему чувствуется, что идут последние дни войны, что победа не за горами. Как здорово ощущать, что мы выдержали это суровое испытание! Я горжусь тобой, моя милая, ты сумела сохранить наших детей, ты справилась со всеми трудностями в школе. Какая прекрасная стоит весна!..»

Да, это была прекрасная весна 45-го года! Была огромная радость со слезами на глазах, и полная достоинства гордость за тех, кто воевал, за тех, кто выстоял в тылу. Вновь и вновь перебираем экспонаты школьного музея в отделе военных лет. Нет, это не просто экспонаты, это души людей, трепещущие в этих предметах. Это живая память о прошлом. Эта память тревожит нас и сегодня, подсказывает, наставляет, помогает...

Суфиев Марсель, 10-й класс

Калининградская область, г. Черняховск
МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 4»

Шаг в прошлое

— Ганюшка, ну у тебя и меньшенькая, Лёля! И красавица, и рукодельница, и характер ангельский, – говорила соседка Агафье, хозяйке дома, куда забежала просто так, чтобы в очередной раз почувствовать тепло и гостеприимство дома Бреусовых и полюбоваться на самую младшую в семье.

Елена действительно была не только очень пригожа, но и добра. Никому не отказывала в помощи: и огород вскопать могла помочь соседке-вдове, и воды принести из колодца, который был почти в конце огромного села, и пряжу научить подружку прясть. Многие хлопцы заглядывались на шестнадцатилетнюю красулю с золотистой косой до пят. Но ни на ком ещё не задерживала девушка взгляд своих голубых глаз: в строгости воспитывали отец и мать, да к тому же хозяйство большое – только успевай поворачиваться.

Так и жили помаленьку: дружно, ладно. Как вдруг – она, проклятая! Война!

– Есть кто дома? – прозвучал однажды неожиданно голос Фомича, полица, который вместе с двумя немецкими солдатами появился на крыльце дома, который казался теперь каким-то посеревшим, потерявшим свой прежний вид. Даже резные наличники на окнах как будто потухли. Под ногами нежданных гостей протестующе закрипели деревянные ступеньки. – Любка ваша пусть собирается, в Германию поедет. Послезавтра быть в Рыльске: эшелон ждать не будет!

– Так заболела она, тиф, – прозвучал голос Агафьи. – Третьи сутки пошли, как беда эта приключилась.

Фомич стоял, переминаясь с ноги на ногу. Солдаты, услышав слово «тиф», испуганно заозирались по сторонам, боясь пройти дальше в дом. И тут маленькие глазки полица остановились на Лёле, которая застыла за спиной матери:

– Она поедет вместо Любки, поняла?

Страшной и долгой была дорога на чужбину. И вот она, Германия. Сердце сжималось от тоски и тяжёлых предчувствий. Но девушка старалась не показывать страх перед неизвестностью и как могла успокаивала тех, которые стали для неё близкими за время тяжкого пути.

Лёлю и трёх её подруг взял на работу бауэр, суровый, неразговорчивый мужчина, у которого девушки проработали полгода. Кормил неплохо, не

наказывал, потому что русские всю работу по хозяйству и в доме делали хорошо – не придерёшься. Да к тому же Лёля прекрасно готовила, так что хозяин с удовольствием ел и щи, и пышные пироги, и кулебяки, запивая всё это ядрёным квасом.

Но однажды пришли эсэсовцы и забрали Лёлю с собой: каким-то непостижимым образом им стало известно, что её старшие братья – коммунисты, офицеры. Неужели предал кто-то из тех, с кем сроднилась по дороге в Германию? Девушка до самой смерти так и не получила ответ на этот вопрос.

Равенсбрюк – концлагерь. Страшно. Жутко. Ей всего шестнадцать.

Авзерки взвешивали в руках прекрасную косу. Безжалостные ножницы отхватили её почти под корень... Примерно через месяц золотистые парики и накладки украшали головы надзирательниц.

Баракы. Подъём в 5 утра. Работа на заводе дотемна. Скучная еда – лишь бы не умерли от голода. Не встанешь – расстрел. Исчезают куда-то соседки. Недалеко крематорий. Чёрный дым... Страшно. Жутко.

Наступила зима. Ветхая одежда не спасает от холода. На распухших ногах – деревянные, которые почти развалились. Может, украдкой выточить на станке новые? Получилось! Надзирательница Яблочко сделала вид, что ничего не заметила. И вдруг – голос эсэсовца Коха, голос, который перекрыл шум работающих станков! Рядом овчарка, которая по едва уловимому сигналу хозяина мгновенно набрасывалась на человека... Конец. Цех замер в оцепенении.

– Ты зачем тайком? – Хлыст в руке бил по голенищам начищенных до зеркального блеска сапог.

– Герр Кох! Посмотрите на мои ноги... Деревяники... – продолжить не смогла от парализовавшего голос страха.

Что-то дрогнуло в серых стальных глазах палача. Собака вопросительно смотрела на хозяина. Шерсть на загривке встала дыбом. Сигнала не последовало. Села, сразу ставшим равнодушным взглядом посмотрела на несостоявшуюся жертву и отвернулась. Мёртвая тишина. Не верилось, что трагедии не произошло. Герр Кох величественно удалился из цеха. Тогда он ещё не знал, что эта беззащитная юная девушка спасёт ему жизнь в апреле 1945-го, рассказав солдатам-освободителям о том, как палач пощадил её.

Следующее утро Елена встретила в бункере. Она была привязана к столбу. Неожиданно бункер стал наполняться водой. Она поднималась всё выше и выше! Над водой только макушка.

– Не паниковать! Не раз ведь ныряла в родной реке, подолгу разглядывая подводный мир. Спасибо братьям за то, что научили хорошо плавать и не бояться воды!

Она стала постепенно убывать. Какое счастье – дышать полной грудью! Но пытка продолжилась. Нечеловечески долгую неделю.

Вернулась в барак, ещё больше поредевший. Дым валит из труб крематория. Лица узниц измождены до неузнаваемости. Одни глаза в пол-лица, полные отчаяния и безысходности.

Вдруг в дверях появляется Яблочко, что-то пряча под шинелью. Несколько буханок чёрного эрзац-хлеба быстро отданы в протянутые руки – всё в полном молчании. Стремительно вышла. Первый кусочек ей, Лёле, самой младшей. Проглотила, не почувствовав вкуса. Буханки мгновенно исчезли, как будто их и не было. А Яблочко? Больше её не видели. Прошёл слух, что другая авзерка, необыкновенно красивая, но за лютый характер получившая прозвище Чёрный Ворон, донесла на напарницу... Расплата за всё настигла Чёрного Ворона в мае 1945-го.

И вот четыре года позади. Сколько ещё ужасов пережила Лёля – не передать. И вот, наконец, апрель 1945-го. Советские бомбардировщики засыпают снарядами вражескую землю. Ещё немножко потерпеть! Спасение близко!

30 апреля ночью весь концлагерь был выведен на плац. Эсэсовцы суетливо бегали, строя узниц в колонну. Елена уже хорошо знала немецкий язык. Смерть снова за плечами. Их поведут на расстрел. Что делать? Как спастись? Родные самолёты совсем близко. Фашисты в панике гонят людей по дороге, потом через кладбище. Лёле удалось вместе с несколькими подругами укрыться незаметно за высокими надгробиями. Колонну погнали дальше. Через некоторое время раздались автоматные очереди...

Близился рассвет. Девушки ползком выбрались с кладбища. Куда теперь? Вот какой-то сарай. Внутри много сена. Ужас и усталость отняли последние силы. Их хватило только на то, чтобы поглубже зарыться в спасительное тепло. Пришло тяжёлое забытьё.

Вдруг темноту прорезал луч фонарика. Послышалась русская речь. Лёлю как током ударило!

– Свои! Родненькие! – В два прыжка рядом оказался молодой офицер, который прижал её к себе. – Там ещё мои подруги! Помогите им!

Не скоро девушка оправилась от пережитого кошмара. Долго находилась в госпитале и, помня недавний голод, прятала под матрац куски хлеба. Но никто не смел даже улыбнуться – это последствия того, что не просто забыть. Постепенно молодость брала своё. Лёля-скелетик наполнялась жизненными силами, округлялась. Волосы отросли настолько, что можно было уже делать причёску. А однажды нашей героине захотелось стать блондинкой, как Яблочко. Получилось так удачно, что многие думали – настоящая блондинка. Голубые глаза, подкрашенные чёрным карандашом брови, от природы светлые. Немка-парикмахер сама была в восторге от преображения русской.

Потом была Польша. Солдат-освободителей встречали с цветами. Тогда никто даже подумать не мог, что памятники погибшим советским братьям будут уничтожать на земле, политой их кровью.

Зимой 1946-го Лёля вернулась на Родину, не одна, а с мужем, тем самым молодым офицером. 9 мая 1947 года родилась дочь Светланка, а через двенадцать лет, 22 июня 1959 года, появилась на свет дочь Анна. Когда дети выросли, мать часто рассказывала им о событиях далёкого прошлого. Дочери – своим детям и внукам. И этот шаг в прошлое будет повторяться снова и снова с каждым новым поколением двух семей. Это и будет бессмертие.

И ещё. Старшая дочь Елены написала цикл стихов «Мадонны Равенсбрюка». А младшая, Анна, работает над книгой «Жизнь», посвящённой судьбе матери.

Савкина Александра, 9-й класс

Ленинградская область, Гатчинский муниципальный район, п. Кобралово
МБОУ «Кобраловская основная общеобразовательная школа»

Правнук того самого Пушкина

«Дорогая мама! Родина в опасности, и я буду защищать её, как мой отец, не жалея жизни. У нас казарменное положение, и потому я, мама, решил стать партизаном. Предстоит перейти линию фронта...»

*Григорий Григорьевич Пушкин,
правнук А.С. Пушкина (из письма к матери)*

9 мая 2016 года наш тогда ещё 5-й класс впервые участвовал в шествии «Бессмертного полка». Мне выпала честь нести портрет правнука нашего великого поэта. Дело в том, что МБОУ «Кобраловская ООШ» ведёт большую пушкинскую работу, сотрудничает с Царскосельским лицеем. Несколько раз в нашей школе выступала праправнучка А.С. Пушкина, Юлия Григорьевна Пушкина, которая очень интересно рассказывала об истории своих предков, пушкинских традициях, ведущих своё начало от старшего сына поэта, Александра Александровича Пушкина. Будучи пожилым человеком, Ю.Г. Пушкина высказала пожелание, чтобы ребята принесли портрет её отца.

Внимательно всматриваюсь в изображение молодого мужчины в будёновке на фотографии, стараясь увидеть знакомые по пушкинским портретам черты. Читаю: «Г.Г. Пушкин – участник Великой Отечественной войны. Награды: ордена Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медали». Позже мы узнали, что Пушкин освобождал города Калинин, Харьков, форсировал Днепр, сражался на Курской дуге. Но больше всего поразила история, случившаяся с ним в самом начале войны, осенью 1941 года, в тяжёлое и трудное время обороны Москвы.

В 1941 году Григорий Пушкин работал оперуполномоченным уголовного розыска Октябрьского района Москвы. Началась война. Неоднократно Григорий Григорьевич обращался с просьбой отпустить его на фронт. И только в сентябре он ушёл в партизанский отряд.

Тёмной осенней ночью отряд перешёл благополучно линию фронта и углубился в немецкий тыл. Было как-то непривычно считать знакомые подмосковные леса вражеским тылом, но такова была военная реальность. Отряд выполнял задачи фронтовой разведки, то есть был «глазами» и «ушами» передовых частей Красной армии. Когда Пушкин побывал в боевых операциях, стал обстрелянным, опытным разведчиком, его пере-

бросили в тыл врага, в партизанский отряд, действовавший в районе Волоколамска. Именно здесь произошёл тот случай, который не оставил никого равнодушным.

Поздней осенью или ранней зимой, до начала основного наступления наших войск под Москвой, партизаны недалеко от подмосковного лесочка увидели обоз с провиантом. Сверху на возу сидел немец. Охрана была небольшой. Сразу появился соблазн взять провиант. Немец-ефрейтор, как только началась стрельба, бросил свой автомат и залёг на землю. Оказавшийся рядом с ним Пушкин ткнул его в бок стволом ещё горячего от стрельбы ППШ:

– Эй, фриц, хенде хох! Вставай, чего разлэгся?

Вообще-то, партизаны пленных брать не собирались: некуда их девать в тылу врага. Но одно дело – стрелять во врага, когда он при оружии и может убить тебя. Другое – когда на тебя смотрят глаза перепуганного насмерть человека. Немец, видимо, понял по поведению русских, что дело принимает плохой оборот. В самом деле, его уже собирались «шлёпнуть». Тут стал он на плохом русском языке просить не убивать его, так как он воевать не хотел, его заставили, а вообще-то, он студент Берлинского университета, очень любит стихи Александра Пушкина и собирался изучать даже специально его творчество. Недавняя напряжённость сменилась откровенным хохотом. Партизаны смотрели на немца и смеялись в голос. Немец вконец растерялся и не знал, что думать.

– А ты знаешь, кто тебя в плен взял? – сказал ему один из автоматчиков. Тот виновато пожал плечами.

– Правнук этого самого Пушкина. Вот так-то, фриц!..

Ефрейтор вермахта Мюллер долго не мог поверить, что перед ним действительно живой правнук поэта Александра Пушкина. Благодаря любви к стихам русского поэта Вальтер Мюллер всё-таки остался жить. Пожалели немца щедрые славянские души. Через много лет Григория Григорьевича Пушкина пригласили в Союз писателей, и там он встретился с сыном Вальтера Мюллера, приехавшим в СССР с надеждой разыскать спасителя своего отца.

Мы, ребята, узнав эту историю, были потрясены. Что было в душах солдат и офицеров Красной армии, если даже в самое трудное и сложное время войны они находили в себе милосердие к своему врагу. Мы спрашивали об этом нашего учителя, который нам сказал, что об этой удивительной черте русского солдата-воина написал Л.Н. Толстой в романе «Война и мир», показав это в сцене встречи М.И. Кутузова с солдатами-преображенцами на зимней дороге, по которой Русская армия преследовала отступающие части французов: «...А вот что, братцы. Я знаю, трудно вам, да что же делать! Потерпите; недолго осталось. Выпроводим гостей, отдохнём тогда... Вам трудно, да всё же вы дома; а они – видите, до чего они дошли, – сказал он, указы-

вая на пленных. – Хуже нищих последних. Пока они были сильны, мы их не жалели, а теперь и пожалеть можно. Тоже и они люди. Так, ребята?..»

Григорий Григорьевич Пушкин прожил долгую и интересную жизнь (1913–1997), часто встречался с почитателями пушкинского таланта, рассказывал о поэте и о его потомках, и всегда очень скромно о себе. На одной из встреч его спросили (тогда уже появились желающие пересмотреть итоги Второй мировой войны, роль нашего народа в войне), как он к этому относится. Правнук А.С. Пушкина ответил строками стихотворения прадеда:

...Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..
...Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайльский штык?..
...Иль русский от побед отвык?..

Кожина Людмила, 5-й класс

Ненецкий автономный округ, Заполярный район, п. Искателей
ГБОУ НАО «Средняя школа»

Память прошлых лет

История моей семьи,
как память, хранится
в фотографиях и снимках...

Всматриваясь в пожелтевшие фотографии нашей семьи, я с интересом разглядываю лица своих родных. Моё внимание привлекает пожилой человек в костюме и шляпе, на пиджаке которого по обеим сторонам много медалей.

– Кто это? – с интересом спрашиваю я у мамы.

– Это твой прадедушка – Новожилов Дмитрий Александрович.

– А почему так много наград? Это за какие-то подвиги? – опять интересуюсь я, рассматривая чёрно-белую фотографию.

Фотография сделана нечётко, но можно посчитать медали и ордена. Я начинаю считать вслух, загибая поочерёдно пальцы: «Один, два, три, четыре, пять...» – и, спохватившись, вдруг замечаю: «Мамочка, моих пальцев на руках не хватает, чтобы посчитать все награды моего прадедушки. А сколько их всего?» Удивившись такому их количеству (на пиджаке их было больше двадцати), я снова спрашиваю: «А за что прадедушка получил все эти ордена и медали?» Мама с увлечением рассказывает мне о том, что её дед, Дмитрий Александрович Новожилов, воевал с фашистами в годы Великой Отечественной войны, был контужен, но дошёл со своими однополчанами до Берлина, радуясь Дню Победы советского народа.

Ещё мама мне рассказала о том, что каждый год в День Победы пионеры из городской школы дарили дедушке гвоздики, а он пел военные песни весь день и плакал. Свой пиджак с наградами надевал он один раз в году, в этот знаменательный праздник.

Почему он плакал, я так до конца и не поняла. Может, вспоминал своих погибших друзей, а может, думал о тех, кто не дожил до светлых дней, когда ветеранам отдаёт почести младшее поколение.

Весь день я размышляла о том, что рассказала мне мама. Она много говорила о своём дедушке: как трудно ему приходилось жить в конце двадцатого века без слухового аппарата, как сконфуженно и беспомощно он улыбался окружающим, пытаюсь купить в продуктовом магазине что-то без очереди, а толпа покупателей дружно шипела и ругалась на него, как мало всего в своё время при жизни получил мой прадед от государства.

Умер он в 1994 году, на год пережив мою прабабушку, которая в годы войны работала медицинской сестрой в военном госпитале.

Гордость за моих родных, как память прошлых лет, хранится в фотографиях нашего семейного альбома, и я снова и снова перелистываю страницы, восхищаясь тем, что мои родственники были причастны к истории страны, истории моей Родины.

Коршанова Валерия, 8-й класс

Новгородская область, г. Великий Новгород
МАОУ «Гимназия «Гармония»

Память сильнее времени

...Земля моя, скажи мне, что с тобой?
Ты часто горе видела людское,
Ты миллионы лет цвела для нас,
Но испытала ль ты хотя бы раз
Такой позор и варварство такое?

Муса Джалиль. Варварство

Великая Отечественная война – важнейшее событие в истории не только нашей страны, но и всего мира. Победа в этой страшной войне далась ценой великого героизма и огромных жертв. Многие народы внесли свой вклад в победу, но самую дорогую цену заплатил советский народ. Именно поэтому для каждого русского человека нет большей правды о его Родине и о его жизни, чем та, которая скрыта в словах «Великая Отечественная». Война затронула всех и каждого: «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой». Нет такого города, села, где земля не была бы полита кровью солдат, отдавших свои жизни за мир и свободу. Не только за свою землю, но и за весь мир проливал кровь советский солдат. И как больно и страшно, когда через 75 лет после Победы эти события кто-то пытается трактовать иначе. Словно не было жутких планов фашистов уничтожить целые народы, не было газовых камер и печей крематориев, страшных экспериментов над людьми, не было сожжённых деревень, миллионов жертв среди мирных жителей. Но это было! Были и блокада Ленинграда, и сожжённая Хатынь, и убитые пациенты психиатрической клиники Новгорода, и полностью уничтоженные за пособничество партизанам деревни моей области: Холуи (185 домов), Лужа (102 дома), Бор (56 домов). Был и эшелон с 2000 детей, эвакуированных из Ленинграда, разбомблённый на станции Лычково. Чем глубже вникаешь в ужас того, что происходило, тем понятнее становится готовность советских людей умереть, но не позволить осуществиться варварству врагов.

Почему про это стараются умолчать? Может, потому, что почти не осталось живых свидетелей этих событий? Но память сильнее времени. Нужно помнить и героев той войны, и преступников. Есть преступления без срока давности. Страшные деяния фашистов, как и сам фашизм, являются именно такими. Нельзя забыть то, что было, чтобы не повторились траге-

дии прошлого. Нельзя забыть подвиг солдат-освободителей, потому что память – это единственное, чем мы можем отплатить за их подвиг.

Я живу в мирное время, когда не слышны взрывы, не раздаются выстрелы, – это заслуга наших прадедов, которые отстояли Родину в тяжёлые для неё годы. В моей семье тоже свято чтут память своего героя – моего прадеда, Коршанова Ивана Степановича. Он воевал, был призван на фронт в 1942 году, видел и поражения, и победы Красной армии, сражался под Сталинградом, награждён орденом Отечественной войны, медалью «За отвагу». В 1944 году был комиссован по ранению: снарядом ему оторвало ногу. Я не знала героя нашей семьи лично, потому что родилась позже. Но по рассказам отца знаю, что прадед был интересным, активным человеком, играл на аккордеоне, несмотря на увечье, всю жизнь трудился. А вот говорить о войне он не любил, наверное, именно потому, что героем себя не считал, а вспоминать страшные дни, потери, зверства, трудный окопный быт было тяжело. Но некоторые его рассказы через моего отца дошли до меня, я решила их записать, чтобы сохранить память о прадеде как величайшую реликвию моей семьи. Это мой долг, моя благодарность. Вот эти рассказы. Кому-то может показаться, что ничего в них нет особо героического. Да и о зверствах фашистов в них напрямую ничего не говорится. Не знаю... Для меня они свидетельство ежедневного подвига советских солдат и преступлений фашистов одновременно.

Жажда

Стояла июльская жара, я занимался ремонтом военной техники. Пить ужасно хотелось. Вдруг вижу: невдалеке на дереве висит кем-то забытая солдатская фляжка. Потряс её – в ней вода. Обрадовался: «Спасибо, неизвестный мой товарищ!» С жадностью сделал глоток и вдруг чувствую, как страшно обожгло горло. Как потом выяснилось, не вода была в той фляжке, а щёлочь. Я обжёг горло и пищевод, в первые дни не мог не только есть, но и пить, мучился страшно. Но в медсанбат обращаться не стал: побоялся, что примут за «самострела» – так тогда называли тех, кто умышленно наносил себе увечья, чтобы не идти в бой. Стыдно было перед товарищами израненными, что они в бинтах, а я вот так, по глупости. Так и воевал. Да и нельзя было по медсанбатам прохладиться. Такое творилось, что каждый торопился поскорее встать в строй.

Плен

Однажды, когда гитлеровцы сильно наступали, мы попали в окружение, потом в плен. Разоружили нас и погнали в стоящий неподалёку скотный двор. Вот, думаю, и отвоевался... Все знали, что гитлеровцы не соблюдали никаких конвенций и с пленными не церемонились. Загоняли фрицы нас в дверь прикладами, и так получилось, что я был в первых рядах, а за

мною ещё много наших. Двор был довольно длинный и тёмный. Мы проходили дальше вглубь. И вдруг вижу в темноте просвет, я – туда. Это оказалась дыра в дощатой стене, совсем небольшая, потому её и не заметили немцы. Мы бросились туда, стали по одному вылезать, пока фрицы в дверях замешкались. Когда это заметили, стали стрелять, но я и ещё три моих товарища уже добежали до ближайшего леса и укрылись там. Потом добрались до своих. Нам повезло... А что стало с нашими товарищами, которые остались в сарае, лучше не говорить. Мы и не говорили, мы мстили! А сколько их было, замученных и уничтоженных пленных! Вот за всех и мстили.

Нога

В тот день был сильный обстрел. Мы с товарищем сидим в воронке, он просит у меня закурить. Я отстраняюсь от него, вытягиваю ногу, чтобы из кармана достать свой кисет с табаком. И в это время – взрыв! Всё остальное, как во сне: вижу погибшего товарища и свою оторванную ногу. Понимаю, что нужно чем-то перетянуть рану, чтобы кровью не истечь. Беру потрёпанную ленту от планшета, но она рвётся, и я теряю сознание. Через какое-то время прихожу в себя, из последних сил солдатским ремнём перетягиваю ногу и снова теряю сознание.

Очнулся уже в госпитале. Сколько там нас было искалеченных, израненных, без рук, без ног! Долго лечился, потом комиссовали по инвалидности, на фронт вернуться уже не пришлось. Поехал в Вышний Волочёк к сестре, домой решил не возвращаться, там жила моя Наташа. Я написал ей письмо, мол, не жди, устраивай свою жизнь, зачем тебе одноногий инвалид. Какое было счастье, когда Наташа сама приехала ко мне! Там, в Вышнем Волочке, мы и поженились. Через год у нас родилась дочка, но умерла от болезни. Очень мы с Натальей горевали. Через некоторое время меня направили на работу в Новгород. Там мы и жили...

Вот и все сохранившиеся воспоминания участника и очевидца. Что в них? Для кого-то – ничего. Для меня – всё: и боль, и кровь, и смерть товарищей, и расстрел пленных, и суровые будни войны.

Если есть преступления без срока давности, то война – это именно такое преступление против человечества. Именно советские солдаты преградили путь «коричневой чуме», принесли мир; они освободили лагерь смерти Майданек, Освенцим; они, рискуя жизнью, разминировали минные поля вокруг европейских городов; они кормили голодных детей на улицах Берлина солдатской кашей. Солдаты Великой Отечественной. Кто они? Обычные ребята, которые запомнились миру не изяществом мундира и не лихим щегольством. Что было в них такого, что позволило победить? Глядя на фотографии военных лет и вникая в воспоминания мое-

го прадеда, я всегда поражаюсь негероическому быту, внешней простоте этих людей в сравнении с величием их подвига. Каждый из них осознавал, какая миссия возложена на русского солдата – нести спасение от чудовищного зла, и несли они эту миссию с отвагой, добротой и скромностью. Эти качества русских людей, русских солдат мне кажутся важнейшими. Но не только они. Победили в этой войне не только солдаты, победил весь народ. Любовь к Родине, ненависть к врагу была единой на фронте и в тылу. Именно эта способность народа объединиться в трудную для страны минуту определила исход войны. Если анализировать факты и цифры, то немецкая армия была лучше вооружена, лучше готова к войне. Гитлер и его командование были уверены, что победа будет быстрой. Но они не победили! Значит, не только количество танков, самолётов и пушек определило исход войны. Победу принесли терпение, мужество, стойкость простого русского солдата, такого, как мой прадед. Именно эти качества моего народа позволяют мне гордиться, что я его часть. И моя память сильнее времени – я помню, я горжусь!

Максимова Татьяна , 8-й класс

Псковская область, г. Невель

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 5

имени Героя Советского Союза Вячеслава Васильевича Смирнова»

Детство, опалённое войной

Каждые выходные и каникулы я провожу в деревне Дёгтево, где живёт мой прадедушка Слиньков Виктор Васильевич.

Прадедушка, хотя ему уже 86 лет, всегда очень добрый и весёлый. Я редко вижу его в плохом настроении. Он бывает грустным, только если болеет. Но однажды я очень испугалась, когда нечаянно увидела на столе у прадеда коробочку, в которой лежал глаз. Мне стало очень страшно, но прадедушка засмеялся и успокоил меня: «Не волнуйся, внучка, это глаз искусственный!» Он расстроился, что я увидела. Как оказалось, прадед каждый день достаёт глаз, моет его и потом ставит обратно. Я побежала к бабушке узнать, что это такое, но она отправила к прадедушке. «Спрашивай сама! – ответила бабуля. – Он расскажет». Вот с этого и началась наша беседа.

– Дедушка, что с тобой случилось?

– Во всём война виновата.

– А ты воевал?

– В боях я не участвовал, но повидал немало.

– Расскажи мне про войну.

– Я родился в 1933 году в деревне Жидки Невельского района. А перед войной наша семья переехала на родину мамы, в деревню Дёгтево. Здесь и застала нас война. Я был ещё маленьким, но ужасы её помню до сих пор. Летали самолёты, шла постоянная бомбёжка. Когда пришли немцы, то выгнали нас из домов и сами там поселились. Мы стали рыть землянки. Все продукты были изъяты. Немцы заставляли людей работать, кто не хотел – расстреливали. Взрослые копали окопы, строили укрепления. Нас, детей, заставляли собирать ягоды для немецких солдат, а нам очень не хотелось. Но ничего не поделаешь. В лесах жили партизаны. Они иногда навевались в деревню. Но чаще мы встречали их, рассказывали о немцах. Да, маленькие были, но смелые...

– А что ещё ты помнишь?

– Однажды мы с ребятами пошли в лес и на поле, сразу за домами, увидели красивый зелёный предмет. Мне жуть как стало интересно, что это за штука блестит. Взял, повертел в руках и кинул в сторону. А это была граната! Раздался сильный взрыв, даже окна затрещали, но никто не пострадал. Поймали меня немцы, на допрос привели, думали, что я хотел

устроить диверсию. Было очень страшно, но поверили, что я по глупости чуть сам не погиб, и отпустили.

– А немцы к вам в землянки заходили?

– Голодное время было не только для нас, но и для немцев. Недалеко от дома стояла немецкая кухня, там готовили для солдат еду и из мороженой картошки, и из плохих продуктов, поэтому часто немцы ходили по домам и требовали яиц и сала. А откуда их было взять, если самим есть нечего? Да и партизаны в деревню за едой заходили.

– А когда вас освободили?

– Это было в 1943 году. Стал слышен рёв наших «катюш», немцы быстро покинули деревню, и стало тихо. Бросили всё. Кухня дымилась, склады закрытые, но никто ничего не тронул... Все боялись. Хотелось на кухне взять что-нибудь, но страшно. Вернутся немцы – расстрел. Ненадолго захали русские солдаты, отдохнули и уехали. А после немцы вернулись, и началось самое страшное.

– Так это тогда у тебя глаза не стало?

– Нет, не тогда.

– А расскажи, что случилось?

– Немцы сначала уехали, но вернулись быстро. Стали всех людей из деревни собирать. Всех жителей Дёгтево они загнали в дом, а двери закрыли наглухо. Было страшно. Многие молчали, некоторые плакали. Все попытки выбраться сопровождались автоматными очередями. Вот окно открыто – беги, но выстрелы пугают и останавливают. Стали забивать ставни и уже собирались нас поджечь. А вечер это был. И вдруг стало светло, как днём! Раздались пулемётные очереди. «Всё! Нас подожгли!» – подумал я. Но повезло – это были партизаны. Они успели отбить деревню и освободили нас, перепуганных до смерти. Было очень темно и страшно, лил сильный дождь. Партизаны скомандовали: «Уходите!» Куда идти? Кругом темно и сыро. Дождь, холод, страх. Мы с мамой прятались до утра в окопе. И только с рассветом выбрались из него. Оказалось, что деревню освободили от немцев совсем. Здесь остановились советские солдаты, разместился военный госпиталь.

– Ты мне про глаз так и не рассказал!

– А это уже случилось после освобождения деревни. Кругом шли бои, остались воронки, окопы. А нам, мальчишкам, всё интересно было. Лазили везде, где нас не просили, да подбирали всякую ерунду. Вот на снаряд и нарвались. Друга повезли в Невель, в больницу, а меня прямо в деревне, в военном госпитале, лечить стали. Очень устал хирург, пока осколки от снаряда из меня вытаскивал. Долго находился я на лечении, но глаз спасти не удалось.

– Только глаз пострадал?

– Да нет. Могу ногу показать. (Нога у прадеда вся в шрамах, да и на плече огромная шишка, как будто там лежит что-то.)

– А как же ты так жил, без глаза?

– Так и жил. Мы рады были, что живы остались. Что война закончилась. Как и все дети, мы хотели бегать, играть, да вот не получалось. Всё больше работать приходилось. Отец ведь с фронта не вернулся, лишь весточка пришла, что без вести пропал. А глаз, что там... Уже потом мне искусственный сделали, тот, что тебя напугал. Трудно было, но это не помешало мне стать трактористом, колхоз поднимать да в кузнице работать.

Неспешный рассказ закончился, а я всё никак не могла успокоиться. Какие же мы все счастливые! Мы даже представить не можем, что такое война! Дедушка, я так рада, что ты у меня есть! Не болей и живи долго! А мы постараемся, чтобы войны больше никогда не было!

Васильчук Арина, 11-й класс

Республика Карелия, г. Петрозаводск

МБОУ Петрозаводского городского округа «Ломоносовская гимназия»

Другая история

Разговоры о Великой Отечественной давались мне тяжело. Я с детства слышала исполненные гордости военные истории. Чужие. Похожие друг на друга и перемешивающиеся в памяти, они превращали войну во что-то пугающее, гротескное. Моя история о войне другая, поэтому мне понадобилось время, чтобы понять истину. Не важно, что человек делал на войне. Важно то, что война сделала с человеком.

Мария Адамовна – моя прабабушка – впервые столкнулась с войной, как только родилась.

Жизнь её началась в деревушке Низино в Петергофском уезде. Поздней весной 1917 года. Не лучшее время, чтобы быть младенцем. Колыбельную годовалой Мане заменял частый, но робкий топот сапог: в доме останавливались спасающиеся из горящего революцией Петербурга белые.

Один раз вместо белых в деревню пришли матросы Балтийского флота. Они нравились Мане больше, чем интеллигенты со скорбными лицами. Большие, в полосатых тельняшках матросы устраивали шумные посиделки по вечерам. Кидали прямо в колыбель сахарные кубики. Сладкое Мария Адамовна любила всю жизнь.

Вторую войну прабабушка встретила через 23 года. Точнее, встречать её она упорно отказывалась. Да, Мария Адамовна, её старая мать Анна Адамовна и двое маленьких сыновей Гена и Толя прослушали объявление Молотова. Но к нему не отнеслись серьёзно. Это же далеко, на западе. Там же и правое дело совершат, и врага разобьют, и победу одержат...

Через полтора месяца в деревню вошли немецкие танки. Низинцы не понимали лающий и неблагозвучный язык оккупантов. Но те и не стремились вступать с ними в беседы. Только руками указывали на изъеденную танковыми гусеницами дорогу в тыл.

Прабабушка говорила, что ничего страшнее дороги не было. По ней шли в распределительный лагерь под присмотром конвоя, гораздо менее дружелюбного, чем молчаливые немцы из Низино. За незапланированные привалы жестоко наказывали, еду и воду давали редко. Есть удавалось мало, только во время остановок в деревнях. Однажды Анне и Марии даже удалось сварить суп. Из картофельных очистков, оставшихся после ужина немцев. В дороге каждый прожитый день – это выигранное сражение, маленькое, незаметное. Многие проигрывали. Их небрежно присыпали землёй в братских могилах.

Среди погибших оказалась и Анна Адамовна: она до последнего дня отдавала скудные порции внукам. Дочери не сказали, где её похоронили. Похоронили ли?

Марии повезло. Повезло, насколько могло повезти военнопленным, половину из которых ждали концлагеря. Она знала финский, поэтому её выслали в Скандинавию вместе с сыновьями как оstarбайтера. Но избавимся от пафоса иноязычных заимствований. Как рабыню. Дни на финском хуторе, куда Марию Адамовну распределили, сплетались в нечто единое, утомляющее.

В холодные летние месяцы ей приходилось косить траву на полях, уходящих на юго-восток, в горизонт. И каждый день, утром и вечером, она ухаживала за 25 коровами. Коровы на хуторе оказались такими же, как в родном Низино: круглобокими, пятнистыми. Добрыми. Не в пример людям.

Люди в Финляндии были другими. Казалось, их жизнь проходила в мире, в котором оstarбайтерам, как людям с их собственной историей и маленькими трагедиями, едва ли находилось место. Лучше всего это проявлялось в манере обращения к работникам.

Вместе с Марией на сенокосе из месяца в месяц работал пленный советский солдат. Обыкновенный молодой призывник из русской глубинки. Хозяева хутора даже не удосужились узнать его имя. Три года финны упорно звали солдата Иваном. Под этим же именем, не именем собственным, но именем национальным, он лежит в скромной могилке где-то на чужой земле.

Лишили имён и детей Марии. Двухлетнего Толю называли Тоиво, а четырёхлетнего Гену – Хеикки. Оба быстро приспособились к новой жизни и, к ужасу прабабушки, начали говорить на финском языке лучше, чем на родном. Да и то, что мальчишки, светловолосые и голубоглазые, походили на финских детей, заметно упрощало их жизнь. Братья даже играли с хозяйскими сыновьями. Разница между такими похожими малышами была в том, что одежда Гены и Толи, вечно перешиваемая матерью на вырост, едва скрывала их впалые рёбра. Хоть с финскими именами, хоть с русскими они получали по порции овощей и грубых жил только раз в несколько дней. И никакого сахара...

Всё изменилось после Московского перемирия 1944 года. На хутор приехала комиссия, а её глава с очаровательной, любезной улыбкой объявил, что оstarбайтеры могут получить финское гражданство или вернуться в Советский Союз. Прабабушка не задумывалась о выборе, приехавшие финны не спорили. Осенью Мария Адамовна пересекла границу Финляндии и СССР вместе с первым потоком ингерманландских репатриантов. Счастливая и верящая в светлое будущее, она не знала, что дом в Низино уже отдали переселенцам. Что её отправят за 101 километр от Ленинграда. Что её история и маленькие трагедии не найдут отклика и здесь.

Всю боль рабского положения в чужой стране и непринятия в своей же прабабушка скрывала в себе. Иногда её сыновья с досадой отмечали, что было бы лучше остаться в Финляндии. Прабабушка Маня ни с кем не спорила и улыбалась очаровательно. Любезно. В такие моменты она молча качала головой.

Моя история о войне не про героев. Нет. Она про благородную женщину, которая в войну сохранила двух детей и человечность. А вместе с ней – своё кровное родство, свои кровные связи с Отечеством.

Гараева Анна, 7-й класс

Республика Коми, г. Инта
МБОУ «Лицей № 1»

Спасибо деду за Победу!

Здравствуй, дорогой прадедушка Игнат!

Пишет тебе твоя внучка Аня. Я учусь уже в 7-м классе. Живу в Инте, маленьком северном городке. Город ещё совсем молодой, ему только 65 лет. Как бы я хотела, чтобы ты с ним познакомился. Мы бы побродили с тобой по тихим заснеженным улицам, слушая, как скрипит снег под ногами. Я бы задавала тебе разные вопросы, а ты бы на них отвечал. Мне интересно всё: как жили люди раньше, чем занимались, о чём мечтали.

Ты не поверишь, дедушка, мир меняется так стремительно, развиваются новые технологии. Появились специальные устройства, с помощью которых люди из разных точек земного шара могут не только разговаривать друг с другом, но даже видеть собеседника. Для тебя это, может быть, звучит немного неправдоподобно, но звёздное пространство покорено человеком. Сейчас выход в открытый космос – это обычное дело. Человечеству удалось найти лекарства от многих болезней, люди способны передвигаться по воздуху с невероятной скоростью, учёные научились моделировать человеческие органы. То, что раньше казалось недостижимым, сейчас является обыденной частью жизни современного человека.

Прости, ты, наверное, хочешь понять, как я узнала о тебе. Всё очень просто. Однажды летом я гостила у бабушки Люды, и на глаза мне попались старые фотографии, на одной из которых был запечатлён молодой человек в военной форме. На оборотной стороне пожелтевшей от времени карточки я прочитала: «Рякин Игнат, 1942 год». Бабушка сказала, что это ты, мой прапрадедушка, дорогой, родной мне человек – мой дедушка. Мне так больше нравится тебя называть.

Дедушка, теперь я знаю, что ты родился в селе Низево Фаленского района Кировской области. Я прочитала о твоём родном селе всё, что смогла найти в сети Интернет. Ой, прости, ты же не знаешь, что такое Интернет. Попробую объяснить. Это одна большая книга с огромным количеством страниц, но они не бумажные, а другие, необычные, их называют «виртуальные». Думаю, тебя бы это заинтересовало. Именно в Интернете я узнала, что школа, в которую ты ходил в селе, процветает, ей уже более ста лет. Низевский таёжно-болотный комплекс объявлен памятником природы регионального значения. Очень красивые места на твоей малой родине. В селе поставили обелиск Памяти воинам-землякам, павшим в годы Великой Отечественной войны. Более 600 человек бывшего Низевского сель-

совета ушли на фронт, из них свыше 400 погибли. Тебе тоже не суждено было вернуться в родные края, ты пал как герой в смертельной схватке с врагом. Ты погиб в 1942 году под Ленинградом, но о тебе помнят в твоём родном селе, помнят твои дети, твои внуки.

Великая Отечественная война оставила глубокий след в истории нашей страны. Миллионы людей, среди которых был и ты, пролили кровь, чтобы мы жили сейчас спокойно, в мире. До сих пор ведётся подсчёт человеческих жизней, отданных во имя спасения человечества. По инициативе Министерства обороны Российской Федерации в 2007 году был создан банк данных «Мемориал», содержащий информацию о советских воинах, погибших, умерших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны. Мы с бабушкой долго искали здесь информацию о тебе, но, к сожалению, ничего не обнаружили. Приняли решение – съездить в марте 2020 года в Санкт-Петербург. Будем искать место, где ты захоронен вместе с другими солдатами, погибшими при освобождении Ленинграда. Я уверена, мы обязательно тебя отыщем, а если не получится, всё равно низко поклонимся и поблагодарим за стойкость духа, преданность Родине, верность семье всех погибших в годы Великой Отечественной войны, всех, кто отстоял нашу Родину.

Дорогой дедушка! Ты прости меня за то, что я так редко пишу тебе. Обещаю, что никогда не забуду о том, что рядом со мной есть люди, которые были очевидцами тех грозных лет. Пока ещё у нас, молодых, есть возможность взглянуть им в глаза, услышать рассказы о военных событиях. Мы часто с одноклассниками навещаем ветеранов войны и тружеников тыла, поздравляем их с различными праздниками, помогаем по дому, записываем воспоминания о войне. В прошлом году на школьной конференции я рассказывала о нашей интинке Тамаре Игнатьевне Голубевой, малолетней узнице концлагеря в Белоруссии. Какие страшные минуты пережила маленькая девочка, но выжила, встретила Победу и сейчас радуется каждой минуте, прожитой под мирным небом. В этом году, в апреле, когда будет проходить городская научно-практическая конференция «Эврика», я расскажу о тебе, мой дорогой дедушка. Пусть ты и не дожил до Победы 9 мая 1945 года, но ты ценой своей жизни приблизил этот знаменательный день.

Сегодня в нашем городе, как и во всей стране, готовятся к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Я обязательно понесу твой портрет в колонне «Бессмертного полка». Ты спросишь: что это такое? «Бессмертный полк» – это акция в День Победы, участники которой несут по улицам деревень и городов фотографии своих родных, павших на фронтах Великой Отечественной войны, а также выживших и поднявших страну из руин. Вы навсегда с нами в этом «Бессмертном полку»!

Дедушка, хочу тебя обрадовать: у тебя родился ещё один праправнук. Мы назвали его Ваней. Ему недавно исполнилось три года. Он уже счита-

ет себя большим. Мы обязательно возьмём его с собой на митинг, посвящённый Дню Победы. Он будет сидеть на крепких папиных плечах, а в руках у него будут алый воздушный шарик и маленький красный флажок со словами «Спасибо деду за Победу!». А я буду идти с твоей фотографией в «Бессмертном полку».

Спасибо тебе за всё, что ты сделал для нас. Мы помним о тебе, любим и знаем: ты рядом, ты с нами навсегда. Крепко целую.

*Твоя внучка Аня.
Инта, 2020 год*

Костенко Алина, 9-й класс

г. Санкт-Петербург

ГБОУ «Академическая гимназия № 56»

Эх, тачанка-ростовчанка...

Словно огнём, холодная вода обжигала потрескавшуюся от мороза кожу исхудавших жилистых рук, старательно полоскающих в жестяном тазу испачканные запёкшейся кровью марлевые бинты, ситцевые тряпки, пожелтевшую от частых стирок вату. На улице минус двадцать, нужно работать быстрее, пока растопленный для стирки снег не замёрз обратно.

«Ландыш? Или показалось? – дрожащими руками Она взяла обрывок ситцевой ткани и поднесла к лицу, чтобы рассмотреть едва заметный узор. – И вправду, ландыш...» Не веря своим глазам, Она медленно провела ладонью по вышитому поблекшими нитками цветку: «И вправду... ландыш... Неужели это то самое платье, которое шила мама уютными осенними вечерами, сидя в большой гостиной и слушая весёлые Генкины рассказы? На плите остывал вкусный ужин, и вся семья ждала папу с работы, чтобы сесть за стол».

Словно острым ледяным осколком, горячая слеза уколола покрасневшую от мороза щёку, заставив Её очнуться. Всего миг – и перед ней уже не было ни мамы, ни Генки, ни уютной гостиной...

Всего год – и их уже не было в Её жизни... На улице минус двадцать... Нужно работать... Быстрее... Пока снег не замёрз... Обратно...

В коридоре госпиталя раздался громкий голос:

– Лена! Леночка! Вы не видели её?

Екатерина Кузьминична открыла дверь и увидела тринадцатилетнюю девочку, склонившуюся над тазом с водой:

– Опять стираешь?

Девочка подняла голову и посмотрела на пожилую медсестру.

– Ну, ничего, потерпи, – Екатерина Кузьминична положила руку на острое детское плечо, выпирающее из-под толстого слоя одежды. – Завтра тебе из хирургии кого-нибудь в подмогу пришлём. Они там уже оклемались. Ходит уже половина. Ничего, потерпи пока, потерпи.

Девочка снова опустила взгляд и продолжила выжимать марлевый бинт.

– Зачем Вы искали меня, Екатерина Кузьминична? – не поднимая головы, тихо спросила она.

– Тебя, Лена, сегодня некий Александр Ефремович спрашивал. Твоим учителем назвался. Мы его сюда не пустили: вдруг что?

– Александр Ефремович?
– А ты его знаешь?
– Он мой учитель! Зачем он приходил?
– Один Бог его знает. Говорил, что дома искал тебя, а там соседи ваши сказали, что ты здесь.
– И что я теперь должна делать?
– Хочешь, приходи во Дворец. Он там всех ваших собирает.
– Во Дворец? Но это ведь очень далеко..
– Медсестру! Скорее медсестру! – слышалось из палаты, и Екатерина Кузьминична скрылась в тёмном коридоре.
– А если я не дойду?..

«Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна».

Наиболее опасна... Надо перейти на другую сторону... Но поворот на Невский именно с этой стороны дороги. Осталось немного. Надо идти.

Пробираясь через высокие сугробы, Лена шла по заснеженной улице. Шла уже третий час, держа в руках чёрные высокие сапоги на небольшом каблуке. Вот впереди уже видна река Фонтанка, до боли знакомые ворота, очертания Аничкова дворца. От Шлиссельбургского тракта до Невского проспекта 9 километров. Она хотела идти. Она дошла.

Робко постучавшись, Лена приоткрыла дверь танцевального зала. Запах деревянного паркета, большие зеркала... И такая родная, знакомая музыка! «Что это за произведение? «Тачанка!» – Лена стояла у приоткрытой двери и широко улыбалась, сама не замечая этого, крепко сжимая в заледеневших руках те самые чёрные сапоги, в которых она, казалось бы, ещё совсем недавно отстукивала ритмы музыки К.Я. Листова, исполняя «Тачанку». В её сознании постепенно всплывали тёплые воспоминания о каждой репетиции, каждом выходе к зрителю. На миг ей показалось, будто с момента её последнего появления во Дворце ничего не произошло. Она, маленькая девочка, не видевшая ни войны, ни смерти, просто пришла на очередную репетицию после школьных уроков.

Голод и усталость от пройденных километров давали о себе знать. Очертания зала становились всё менее ясными, а музыка – всё более тихой. Темнота...

– Вы-тя-нуть! Вы-тя-нуть! Каждый раз дотягивайте стопы! И раз, и два! И раз, и два! Спины держать! Станок для танцора – лекарство от всех болезней. И раз! И два!

Лена открыла глаза и с удивлением обнаружила, что сидит на скамейке в балетном зале. У станка стояли знакомые ребята, выполняющие упражнения народного экзерсиса. Всё те же комбинации, те же дроби, те же замечания педагога Александра Ефремовича. Можно было подумать, что за долгое время в этом зале совсем ничего не изменилось. Разве что все сто-

ящие у станка были одеты в зимнюю одежду и валенки. И, потом, самих стоящих у станка было всего восемь...

Заметив Александра Ефремовича, Лена встала со скамейки, чтобы сделать поклон, но тот быстро подошёл к ней и едва заметным жестом посадил обратно.

– Посиди пока, отдохни. Сейчас репетировать будем. Молодец, что пришла.

Но Лена не могла сидеть. Больше всего ей хотелось встать и начать танцевать.

Танцевать...

«Балетный станок для танцора – лекарство от всех болезней!»

«И раз! И два! И три! Че-тыре!»

«Эх, тачанка-ростовчанка...»

Снова пройдены километры. Снова яркие костюмы и нарисованный помадой лёгкий румянец на щеках. Школьный актовый зал. Зрители – врачи и сандружинницы, пришедшие на конференцию. Снова те самые знакомые нотки и первый шаг на сцену. Главное – держать спину и улыбаться. Улыбаться, ведь этим зрителям так не хватает улыбок! Улыбаться, потому что танцуешь, потому что можешь танцевать, несмотря ни на что. Потому, что из многих людей именно ты выбрана танцем в эти тяжёлые дни.

«И раз! И два! И три! Че-тыре!»

«Эх, тачанка-ростовчанка...»

Словно огнём, жгучая мазь на повязке обожгла ссадину, полученную во время выступления. В палате госпиталя на Шлиссельбургском тракте девять детей. Девять танцоров. Марля и бинты закончились, вместо них – застиранные ситцевые тряпки.

«Ландыш? Или снова показалось? – дождавшись ухода санитарки из палаты, она сняла повязку и медленно провела ладонью по вышитому поблекшими нитками цветку. – Мама? Мама, я живу! Я могу жить! Я снова могу танцевать...»

ФИНАЛИСТЫ

**Всероссийского конкурса сочинений
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Хашхожева
Дарина

Курто
Татьяна

Ужахова
Фатима

Сипович
София

Бирюков
Максим

Виситаева
Зара

Хашхожева Дарина, 8-й класс

Кабардино-Балкарская Республика,
Зольский муниципальный район, с.п. Приречное
МКОУ «Средняя общеобразовательная школа»

Наши мёртвые нас не оставят в беде, Наши павшие – как часовые...

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче – гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы –
Все судьбы в единую слиты.

В. Высоцкий

Вэтом году исполняется семьдесят пять лет со дня окончания Великой Отечественной войны, оставившей неизгладимый след в истории человечества. Она кровоточащей раной будет тревожить сердце каждого человека, хранящего память о своих предках, сокрушивших жестокого врага.

Родилась я через шестьдесят лет после Победы в сельском поселении Приречное, расположенном на левом берегу реки Малки. Во время войны здесь проходила главная государственная военная дорога, по которой отступали фашисты. Здесь каждый метр земли пропитан кровью защитников Родины и завоевателей.

Мой старый одноногий сосед – подросток шестидесятых годов. Он потерял ногу на минном поле через пятнадцать лет после окончания войны. Мои родители – дети восьмидесятых – часто просыпались от взрывов на старых оружейных складах, схороненных в долине реки Малки. Кровавую жатву прошедшей войны до сих пор собираем все мы, потомки тех, чьи кости разбросаны по всем уголкам Европы и Азии. И я благодарна старшему поколению, которое помогло мне узнать, что среди костей, разбросанных по далёким уголкам, и останки молодых солдат, ушедших на войну из моего родного посёлка.

Их было двенадцать человек, работавших в центральной усадьбе конезавода «Малкинский». Судьбой этих людей заинтересовались юные следопыты нашей школы. А возглавлял работу поиска директор Малкинского конезавода, ветеран войны Шериев Хабас Талович. Именно по его инициативе на территории центральной усадьбы среди могучих лип, стройных берёз и зелёных сосен был воздвигнут памятник ушедшим на войну: воин на великолепном скакуне несётся навстречу врагу, сокрушая все преграды на своём пути. Неиссякаемая любовь к Родине, чувство ответственности

за судьбу своего народа, неистребимое желание прикрыть собой своих детей, защитить близких, отстоять эту пядь земли, на которой сейчас стоит их обелиск, заставили героев сохранить достоинство, мужество, неразрывную духовную связь с родными и отдать жизнь за Родину. Ни один из них не вернулся живым. Все они воплотились в памятнике, на котором золотыми буквами высечены их имена:

1. Титов Василий Александрович
2. Лиходедов Александр Лукъич
3. Ташилов Бетал Асланбекович
4. Слюсарев Григорий Кузьмич
5. Новиков Владимир Андреевич
6. Журавлев Петр Иванович
7. Серёжников Евгений Михайлович
8. Тутарищев Ибрагим Мухаевич
9. Каньшин Петр Федорович
10. Журавлев Иван Петрович
11. Аксаненко Иван Илларионович
12. Новиков Василий Иванович

Этот обелиск зародил в моей душе причастность к истории подвига нашего народа в Великой Отечественной войне, и моё сердце отозвалось на стон и боль умирающих солдат. Когда я стою в почётном карауле, мне кажется, что вижу их спокойные и грустные лица, слышу сквозь тихий шелест густой травы их голоса:

И я уже десятилетия
В земле чужой, я к этому привык.
И слышу: надо мной играют дети,
Но я не понимаю их язык.

В их бессмертных душах боль и печаль. Им горько, что не слышали смех своих детей, не видели, как они растут. А их постаревшие дети тоскуют и ждут своих не вернувшихся с войны отцов. Каждый год они приезжают со своими детьми и внуками со всех концов страны в это для них святое место. В их глазах я вижу отражение горечи и грусти погибших. Но прошлое – не мёртвый отрывок жизни для них, а огромная любовь к своим предкам и радость от встречи с их памятью. Они знают, что вспоминать, разумеется, мучительно, но забыть невозможно, чтобы не допустить новой вспышки войны. Ежегодная встреча с исторической памятью прошлого заставляет меня задуматься о том, как сохранить мир, подаренный нам нашими прадедами.

В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» есть такой эпизод – описание поля боя после Бородинского сражения. Чудеса храбрости проявили солдаты, победившие смерть и страдания, сумевшие сохранить жизнь и по-

дарить её будущему поколению. Но поле Бородинское залито кровью и покрыто телами погибших. И эта бессмысленная жестокость войны заставляет великого Л.Н. Толстого поставить вопрос перед человечеством: «Неужели люди не в силах остановить это кровавое безумие?»

Я думаю, что вопрос знаменитого писателя не был услышан, так как двадцатый век, соревнуясь в жестокости с девятнадцатым, залил кровью планету. На мой взгляд, мир может устоять только на принципах милосердия, гуманизма и доброты. Если каждый человек сохранит память о той великой судьбе, если он может поставить себя на место «одинокого мёртвого и почувствовать пронзительную боль по убитому солдату», тогда люди могут остановить новое кровавое безумие. Без сомнения, для этого любой человек должен воспитать в себе такие качества, как умение любить и творить добро, проявлять милосердие и сострадание, прощение и толерантность, и вопреки всему надеяться и верить, помнить и гордиться подвигом своего народа. И конечно, усвоить смысл бессмертных строк восточного мудреца:

Все люди возникли из капли одной,
Другому я равен, и тот мне подобен.

Мне в этом году исполнилось уже четырнадцать лет, и я получила паспорт. И самой большой победой, завоёванной мною в первом периоде моей жизни, несомненно, является право стоять в почётном карауле у памятника воинам-освободителям. На мой взгляд, это право показывает моё достойное отношение к прошлому своей Родины, моё правильное понимание значения исторической памяти и правды войны. Думаю, что все обелиски во всех уголках земного шара предостерегают нас от ошибок в будущем. Каждый раз, когда я прихожу к памятнику, мне вспоминаются строки Владимира Высоцкого:

Наши мёртвые нас не оставят в беде,
Наши павшие – как часовые...

И эти слова вселяют в меня уверенность в завтрашнем дне.

Курто Татьяна, 9-й класс

Карачаево-Черкесская Республика, Адыге-Хабльский район, х. Дубянск
МКОУ «Основная общеобразовательная школа»

Невыдуманная история бойца

За окном идёт снег. Пушистые снежинки волшебным образом кружатся в воздухе. В классе тишина. Никто из ребят не обращает внимания на первый робкий снег. Даже Сашка Фёдоров, который обычно вертится или считает ворон, притих. Затаив дыхание, все слушают учителя. На экране лица совсем юных парней и девчонок мелькают одно за другим. Вот безусый парнишка в военной шинели, девчонка-санитарка с двумя косичками. На этих снимках кто-то улыбается, а кто-то сосредоточен и задумчив. Но у всех какой-то особенный, глубокий взгляд, ведь знают ребята, что впереди у них фронт, битва за родную землю. Такие фотографии есть почти в каждой семье – фотографии участников Великой Отечественной войны, героев, которые по крупицам ковали Великую Победу.

Тихо льётся рассказ Веры Ивановны о подвигах защитников нашей Родины, а в голове у меня набатом звучат слова песни из кинофильма «Офицеры»:

Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой.
И глаза молодых солдат
С фотографий увядших глядят...
Этот взгляд словно высший суд
Для ребят, что сейчас растут.

У нас в доме на стене висит старая фотография паренька в военной гимнастёрке. Ведь не обошла стороной Великая Отечественная война и мою семью. Есть человек, которого я видела только на этой пожелтевшей от времени фотокарточке, но которым горжусь. Это мой прадед – Курто Николай Трофимович – ветеран войны. Его портрет я с честью несу каждый год в строю односельчан, участвуя в шествии «Бессмертного полка».

Из рассказов моей бабушки я узнала, что родился Николай Трофимович в Красноярском крае, в деревне Александровке, 7 ноября 1918 года. Рос Николай в обычной крестьянской семье. Он был старшим ребёнком, поэтому с ранних лет знал цену хлеба. Чтобы помочь отцу прокормить большую семью, работал в колхозе. От зари до поздней ночи трудился на родной сибирской земле. Пришла пора отдавать долг Родине, и в 1938 году Николай был призван на службу в армию.

1941 год. Несколько месяцев остаётся до счастливого возвращения домой. И тут война! Надежды и мечты оборвались в один миг. Не удалось ему

после трёхлетней разлуки увидеть своих родных. С начала Великой Отечественной войны бойцы батальона, в котором проходил службу Николай Трофимович, были зачислены в действующую армию, отправлены сразу на фронт.

Мой прадедушка был скромным человеком и не любил рассказывать о войне, которую «забыть нельзя и помнить страшно». Осталось лишь несколько семейных преданий – чудом уцелевших осколков невыдуманной истории бойца.

Николай Трофимович был участником тяжёлых боёв под Сталинградом. Когда подошли к городу, то с горячего фронта попали в кромешный ад. Огонь, руины, тысячи орудий и танков... Земля дрожит от непрерывных взрывов. Горит земля, пылает Волга, вздыбленная разрывами бомб; город и окрестности изрыты окопами. Идут бои за каждый дом, за каждый этаж или подвал. Выполнялся только один приказ: «Ни шагу назад!» Дрались отчаянно, насмерть, как богатыри.

Но самое страшное, что перенёс Николай Трофимович, – это немецкий плен. В одном из боёв в городе на Волге их окружили немцы, силы были неравны. Батальон подвергся жесточайшему обстрелу. Много солдат полегло в том бою, а оставшихся в живых, измученных, раненых, взяли в плен.

Всех заключённых загнали в товарные вагоны и повезли вглубь Германии, в концлагерь Бухенвальд. Это был самый жестокий лагерь смерти. По дороге, окружённой охраной с собаками, их пригнали к железным воротам, на которых висела издевательская надпись: «Каждому – своё». С этого времени начались страшные дни плена.

Одна из самых изнурительных работ – работы в каменоломне. Сюда пленные направлялись для «ликвидации». Лом, кирка, тачка... – изо дня в день. После долгого, изнуряющего, голодного рабочего дня с неподъёмным камнем на спине – километровая дорога в лагерь. А там, в тёмном бараке без окон, набитом тысячами полуживых людей, пленных ждали крохи чёрствого хлеба.

Дедушка, как и другие узники концлагеря, не раз подвергался пыткам. При допросах фашисты избивали, бросали в карцер на ледяной пол, обливали водой и снова издевались.

Крематорий – последний этап для полуживых узников. «Не всё ли равно, откуда смерть принять? Чем быть заживо сожжённым, лучше попробовать убежать», – рассуждали так некоторые из пленных. Так думал и мой прадед.

Побег. Они совершили его, когда вечерний сумрак окутал лагерь. Их было трое, худых, как скелеты, слабых, но несломленных бойцов. Их догнали немецкие солдаты с собаками. Снова лагерь, голод, котлован каменоломни... И вера, вера в спасение, вера в победу...

Прадед не отчаивался, вместе с товарищем решился на побег опять. В лагере только что закончилась вечерняя проверка, охранники ушли в казармы. Лишь часовые на вышках у пулемётов и прожекторов беспокойно вглядывались в полумрак, при малейшем подозрительном шорохе готовые открыть огонь. Несколько беззвучных скачков от барачных в спасительную тень вышек. Метнулся луч прожектора, ушёл в сторону. Эти мгновения решили всё: перерезана колючая проволока, и тёмные фигуры скрылись в ночи.

Бежали долго. Казалось, лесу не будет конца, а силы на исходе. Господи, сотвори чудо! Слабый крик петуха возвестил о восходе солнца. Беглецы догадались, что рядом деревня. Но кто там: немцы или свои? Преодолев страх и сомнения, двое измученных, умирающих от голода мужчин подкрались к одному из домов. Жителей в деревне почти не было. Приютил беглецов одинокий старик. Он их накормил, дал другую одежду и показал дорогу через лес к нашим войскам.

Какова же была радость, когда услышали они родную речь, увидели своих советских солдат! Но прадеду и его товарищу предстояли ещё допросы: «Кто они? Откуда? Как удалось бежать?» Ведь документов у них не было.

А вскоре снова на фронт. И так до конца войны: в боях и походах. Храбро сражался воин с сибирской земли. Николай Трофимович был удостоен высоких наград: два ордена Славы, орден Отечественной войны, медаль «За победу над Германией».

Закончились фронтовые дороги. После долгих, полных страданий и лишений лет, «всем смертям назло» Николай Трофимович сумел вернуться домой живым. 10 мая 1946 года для моего прадеда война закончилась. После семилетней разлуки долгожданная встреча с семьёй. Солдата ждала мирная жизнь...

Весёлой трелью прозвенел звонок. Вера Ивановна предложила на следующем уроке составить нашу «Летопись войны». А я уже решила, о ком расскажу ребятам.

Сейчас, когда во многих странах мира пытаются переписать историю, обвинить нашу страну «во всех смертных грехах», особенно важно сохранить и передать каждую частицу правды о той страшной войне. С каждым годом всё меньше становится ветеранов – живых свидетелей бесчинства фашистов. Тем важнее узнать, собрать по крупицам всё о тех трагических, огненных, горьких годах войны... Войны, унёсшей миллионы человеческих жизней.

В этом году 9 Мая, в день 75-летия Победы, я снова гордо, со слезами на глазах возьму портрет своего деда. И снова в одном строю по всей стране зашагают миллионы людей – тех, кто не видел войны, и тех, кто ценой своей жизни освободил мир от фашизма и подарил нам мирное небо.

Ужахова Фатима, 11-й класс

Республика Ингушетия, г. Магас
ГБОУ «Гимназия «Марем»

Творчество писателей и поэтов-фронтовиков Великой Отечественной войны

Если взять войну в качестве термина, то можно сказать, что это навязывание своей воли оппоненту, насильственное изменение поведения другого, намерение заставить противника отказаться от земли, религии, мировоззрения. Но если рассмотреть войну с точки зрения влияния на человеческую личность, то война – это осознанное уничтожение поколения ради блага того или иного государства, которое влечёт за собой грандиозные перемены как в общественном, так и в духовном плане. Правители слепо верят, что жестокостью можно добиться результата, не задумываясь о её влиянии на человеческий разум.

Война, а именно Великая Отечественная, оказала большое влияние на творчество поэтов и писателей русской литературы. Люди, пережившие невыносимую боль от потери близких, крова, от сильного психологического давления, перенесли на бумагу всё увиденное ими, дабы как-то облегчить горькие воспоминания войны. К таким авторам относятся М.А. Шолохов, А.Т. Твардовский, Б.Ш. Окуджава и другие писатели – свидетели ужасов войны.

Каждый человек делает выводы, у каждого свой опыт и свои взгляды. Ярким примером несвойственного поведения является главный герой поэмы А.Т. Твардовского «Василий Тёркин». Поэт писал данное произведение с 1942 по 1945 год. Он сам был фронтовым корреспондентом и непосредственно сталкивался с проявлением жестокости на войне. В поэме Твардовского главный герой Василий Тёркин – это собирательный образ, в котором отражён русский непоколебимый дух и национальный характер. Годы войны наполнены страданиями, трагизмом, смертью, но, несмотря на это, главному герою удаётся выдержать всё со стойкостью и решимостью, поддерживая при этом дух своих товарищей. Василия Тёркина можно назвать истинно народным героем, умеющим отвлечь и повеселить бойцов в походе и на привале, просто-душно посмеивающимся над оплошностями товарищей:

Просто парень сам собой
Он обыкновенный.
Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

Но при этом в каждой шутке героя всегда содержится глубокая философская мысль.

Война всегда оставляла глубокий шрам в жизни писателей и поэтов, но, как говорится, шрамы не болят – они всего лишь напоминают о пережитом.

Сипович София, 10-й класс

Республика Северная Осетия – Алания, Моздокский район,
ст. Павлодольская

МБОУ Средняя общеобразовательная школа
имени Героя Советского Союза И.Я. Филько

Я знаю, что я жив спустя 75 лет

Помните!
Через века, через года, –
Помните!
О тех,
Кто уже не придёт
Никогда, –
Помните!
Роберт Рождественский

Я, гвардии старший лейтенант, командир сабельного эскадрона двенадцатого гвардейского кавалерийского полка третьей гвардейской кавалерийской дивизии Иван Яковлевич Филько, погиб в бою при форсировании канала Одер-Шпрее в Германии. Я не дошёл до Берлина, не видел ликования Победы. Не знал, что тридцать первого мая тысяча девятьсот сорок пятого года Указом Президиума Верховного Совета СССР мне посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Но через семьдесят пять лет я «пришёл» в свою родную станицу Павлодольскую девятого мая. Не узнаю родных мест. Станица изменилась, стала красивее, утопает в цветущей сирени. Её аромат радует, дыхание становится свободным, настроение – праздничным. Сердце замирает от волнения: неужели я дома? Нежные нарциссы, похожие на весеннее солнце, приветствуют меня, кивая своими нежными головками. По улицам неспешно проезжают автомобили с георгиевскими ленточками на лобовых стёклах. Со стороны клуба доносится торжественная песня «Вставай, страна огромная!». Я слышал эту песню в сорок первом, когда началась Великая Отечественная война. У клуба нарядные люди: взрослые, дети. На груди каждого георгиевская ленточка. Вот люди выстроились в колонну и медленно пошли в сторону памятника воинам, погибшим в годы войны. Я читаю высеченные на гранитном камне имена. Как знакомы мне эти фамилии! С кем-то из них я учился в школе, кто-то был соседом, с которым бегали купаться в речке Терек, помогали колхозникам убирать урожай на поле или в саду. Огромный список фамилий, и за каждой – чья-то судьба,

несбывшиеся мечты. Герои отдали свои жизни за мирное небо, за каждый клочок земли родной станицы.

Вот появилась колонна школьников. У них в руках портреты людей. Лица детей торжественны. Впереди транспарант «Бессмертный полк». Что это? Вижу знакомые лица: Николай Мирошников, молодой, энергичный, хорошо его помню. Вася Бороздин – футболист. Петя Токарев и Яша Рожманов – заядлые шахматисты. Костя Горбунов и Ваня Кущенко – весельчаки-острословы. Любочка Степанова – певунья. А вот портреты людей постарше: Николай Тимофеевич Густомясов, Георгий Федорович Подкосов... Их много, фамилии мне знакомы, но лица я не узнаю.

Начинается митинг, посвящённый Великой Победе. Торжественные, волнующие слова школьников, рвущие сердце песни и минута молчания, отдающая дань памяти погибшим в Великой Отечественной войне, цветы, возложенные к памятнику, и «Бессмертный полк». Я понял! Это же мы, погибшие на войне, «идём» в этом ставшем бессмертным полку! Как это торжественно и трогательно! Семьдесят пять лет прошло, как закончилась война, но мои земляки помнят нас, павших за светлое будущее, за наших потомков.

Митинг закончился, люди расходятся со слезами на глазах. Я медленно прохожу по абрикосовой аллее в сторону школы. Деревья в цвету, нежный аромат стоит в воздухе, как розовый туман. Вот и школа. Передо мной трёхэтажное здание с большими окнами. Это новая школа, её построили в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году. На фасадной стене мемориальная доска. На ней мой портрет, надпись говорит о том, что Павлодольская школа носит моё имя, имя Героя Советского Союза Ивана Яковлевича Филько. В глазах слёзы, сердце бьётся радостно и гулко: меня, как и миллионы других погибших за Родину воинов, помнят и чтут.

А я помню мой последний неравный бой, который мы вели в течение трёх часов с превосходящими силами противника. Мы форсировали канал Одер-Шпрее. Но немцы не хотели сдавать занятые нами позиции, подбросили свежую роту пехоты и с двух сторон атаковали мой малочисленный эскадрон. Моим товарищам и мне нужно было продержаться до подхода нашего полка. «Умрём, но захваченный плацдарм не сдадим», – твёрдо решили мы. Слово своё мы сдержали.

Мне было всего тридцать лет, хотелось жить, любить, радоваться миру. Я умер от ран после трёх серьёзных ранений, полученных в этом бою. Но, умирая, я верил в Победу нашей армии.

И теперь я знаю, что я жив в сердцах потомков, которые силой памяти не допустят новой войны, будут жить в мире и согласии долгие-долгие годы.

Бирюков Максим, 6-й класс

Ставропольский край, г. Ставрополь

МБОУ Средняя общеобразовательная школа № 34

Мой номер по книге – 3209...

Здравствуйте! К вам обращаюсь я, Ботинок № 3209. Нет-нет, вам не послышалось. Это именно я с вами разговариваю. И никакой я не волшебный, не сказочный, просто не совсем обычный и говорящий. О многом говорящий и свидетельствующий...

О моём существовании знают. Многие слышали, кто-то читал, некоторые даже видели. Каждый день мимо меня проходят сотни людей, меня видят тысячи глаз. Обо мне даже написано в книгах. Это правда, я не хвастаюсь. В одном журнале мне выделили целую строку «№ 3209 – обувь детская, ношена, правый ботинок, с заплатой». Когда-то, очень давно, я был новеньким, блестящим, вкусно пахнущим кожей. Совсем недолго. Но вот уже почти 80 лет я выгляжу именно так, как записано в журнале. Удивлены? Неужели вы ничего не знаете обо мне? Это про меня написал стихотворение «Детский ботинок» Сергей Михалков. Что? Тоже не читали?

А знакомы ли вам слова «Аушвиц-Биркенау», «Майданек», «Бухенвальд», «Флоссенбург», «Треблинка», «Дахау», «Саласпилс», «Равенсбрюк», «Маутхаузен»? Никогда не слышали? Жаль, попытаюсь вам объяснить.

Что вы представите, если услышите фразу «Много обуви»? Вероятно, большой обувной магазин, ряды полок, на которых красиво расставлены мужские ботинки, лакированные женские туфли-лодочки, модные кроссовки, детские сандалии, сапоги на платформе и ещё много чего. А если я скажу: «Очень много обуви»? Наверное, огромный обувной центр, стеллажи от пола до потолка, всё плотно уставлено обувными коробками.

Я расскажу вам, где живу я. Длинный-предлинный коридор, по обеим сторонам которого – от края до края, снизу доверху, за металлической сеткой – утрамбованы башмаки, туфли, сандалии, сапоги, тапочки. Старые, поношенные, женские, мужские. И детские, много детских... Представили? Нет, это не бред. Это хранилище обуви, часть экспозиции музея-мемориала, расположенного на территории бывшего концентрационного лагеря. Так называлось место, где содержались и уничтожались миллионы людей, мирное население: старики, женщины, дети. Это обувь жертв «лагеря смерти». Сотни тысяч пар обуви из сотен лагерей. Я один из этих сотен тысяч... Я маленькая частица той войны, о которой, вы, видимо, ничего не знаете...

Майданек, Аушвиц-Биркенау, Дахау...

Конечно, о Великой Отечественной войне вы наверняка слышали. О нападении войск фашистской Германии на Советский Союз ранним

утром 22 июня 1941 года и о Победе, одержанной великим народом огромной страны, вам ещё в детстве рассказывали родители и учителя.

Война – это время, когда танки мчатся на врага, стремительно летят самолёты, орудия стреляют, бомбы рвутся, солдаты бегут в атаку. Ура-а-а! За Родину! Правда? Причём тут ботинки и почему их так долго где-то хранят?

Я из той войны, о которой вам не рассказывали, потому что не хотели вас травмировать, потому что знание о ней приносит боль и вызывает страх, потому что от этого может измениться ваше сознание. И вы уже никогда не будете прежними.

Эта война была объявлена старикам, женщинам и детям. На ней погибли миллионы ни в чём не повинных мирных людей. Были зверски убиты, задушены в газовых камерах и сожжены в печах крематориев «лагерей смерти» только потому, что были не той национальности и расы, которой надо, жили не в той стране, в которой следовало, молились иным богам. Эта война называется страшным словом «геноцид».

Так решил нацизм. Так было предусмотрено секретным планом Адольфа Гитлера «ОСТ», согласно которому некоторые нации, проживающие на захваченных территориях, необходимо было истребить полностью, некоторые – частично. Физически должны были быть уничтожены десятки миллионов людей. Для этого были построены сотни концентрационных «лагерей смерти» по всей территории Европы.

Бухенвальд, Флоссенбург, Треблинка, женский лагерь Равенсбрюк. Лагерь для детей – Саласпилс... Сюда попадали те, кто не проходил «отбор» для отправки в Германию. В лагере дети становились «объектами» чудовищных медицинских экспериментов.

Ребёнок, обутый в пару ботинок, один из которых я, остался навечно пеплом в «лагере смерти» Аушвиц. Как и миллионы других, попавших сюда. О них и их вещах есть записи в уцелевших журналах учёта. После освобождения солдатами Красной армии «лагерей смерти» все вещи бывших узников были сохранены и сейчас являются музейными экспонатами. Свидетелями преступлений нацизма против человечества и хранителями памяти.

Вам невозможно представить себе такую войну? К счастью, невозможно.

Но об этом надо знать. Приезжайте в музей, посмотрите, запомните. Прочитайте книги тех, кто был узником концлагерей. Эти книги – нечто большее, чем художественная литература или исторические исследования. Это называется словом «свидетельство». Читайте, помните. Книги Маши Рольникайте «Долгое молчание» и «Я должна рассказать», Антонины Никифоровой «Это не должно повториться». Посмотрите художественный фильм «Помни имя своё» и документальный фильм «Обыкновенный фашизм». Смотрите, помните. Выйдите из зоны комфорта, не бойтесь ужаснуться и разрыдаться. Это как прививка. Немного больно, но предотвратит развитие болезни под названием «нацизм» в будущем.

Точно знаю, что один мальчишка уже узнал обо мне, прочитал и посмотрел, это встряхнуло и перевернуло его сознание, отозвалось в его душе. И он уже никогда этого не забудет, обязательно расскажет другим, может быть, даже напишет обо мне сочинение, чтобы знали и помнили, потому что это не должно повториться никогда. Ботинки, сандалии, тапки, туфельки должны быть только на полках магазинов и на ногах детей. А не там, где лежу я и мои братья по несчастью: в Майданеке, Аушвиц-Биркенау, Дахау...

Виситаева Зара, 11-й класс

Чеченская Республика, г. Грозный

ГБОУ «Лингвистическая школа имени Ю.Д. Дешериева»

Памяти павших будем достойны

Памяти павших будьте достойны!

Р. Рождественский

Идёт 2020 год. Мне 17. Мои сверстники едва ли много знают о событиях Великой Отечественной войны. И я не исключение. Нас нетрудно понять. Кажется, что это было слишком давно, чтобы помнить, чтобы знать. Но кое-что изменилось, когда учитель на уроке литературы включила запись песни. На ней хриплым голосом пел Владимир Высоцкий:

Мне этот бой не забыть нипочём –
Смертью пропитан воздух.

Герой песни от первого лица рассказывает, что он был убит в одном из боёв. В ту ночь был звездопад, наш герой загадал:

...Выйти живым из боя!

Звезда не спасла. Он погиб в том бою, а «звёзды» на погоны «упали» другим. Это очень тяжело слушать, но по-настоящему потрясли финальные строки:

В небе висит, пропадает звезда –
Некуда падать.

Не знаю, придавал ли автор строк такое значение этой фразе, но я услышала именно упрёк. Упрёк нам, сегодняшним. Достойны ли мы того, что за наше будущее отдавали свои жизни тогдашние семнадцатилетние? Ведь многим, кто уходил на фронт Великой Отечественной, едва исполнилось семнадцать, восемнадцать...

Достойны ли мы памяти погибших, если не утруждаем себя даже напоминанием дат знаковых сражений, имён героев?

И если завтра история зло «подшутит» над современниками, так легкомысленно предлагающими: «Можем повторить», и эта страшная война повторится, неужели звезде суждено пропасть на небе, потому что ей некуда падать?

Рассказы о той войне стали какими-то хрестоматийными, где-то киношными, словно выдуманными, стёртыми, как лица на старых фотографиях.

И моему поколению трудно понять всю боль трагедии тех, кто прошёл через это. Слишком много лет прошло. Много воды утекло. Мы не обязаны знать всё на свете. Так думают мои сверстники. И я не исключение... Или исключение?.. И я могу перебороть лень, загруженность в школе, страх показаться несвоевременной и сделать что-нибудь, чтобы помнить, чтобы помнили?..

Запомнились строки из ещё одной песни, прозвучавшей на уроке литературы. На этот раз это Булат Окуджава:

И значит, нам нужна одна Победа,
Одна на всех – мы за ценой не постоим!

Какой же ценой досталась Великая Победа? 18 декабря 1940 года Адольфом Гитлером была утверждена Директива № 21. План «Барбаросса» – план военной операции по захвату европейской части СССР. Идея состояла в том, чтобы за несколько месяцев нанести сокрушительное поражение Красной армии и захватить СССР. Несколько месяцев превратились в долгие четыре года.

И первый удар в Великой Отечественной войне пришлось сдерживать защитникам Брестской крепости. Одна из надписей на стене крепости гласит: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20/VII-41». Эта надпись не вымысел киношников. За ней стоит реальный человек. Кто же он? О чём он мечтал в последние минуты? Может, о том, как он вернётся по утренней росе домой, обнимет сонного сынишку, укроет крошечную дочку.

Ленинград...

Позорным клеймом на истории человечества стал дневник Тани Савичевой, одиннадцатилетней блокадницы:

...«Савичевы умерли». «Умерли все». «Осталась одна Таня».

О чём думала маленькая девочка, лёжа в холодной постели? Способен ли мечтать ребёнок, лишившийся самого естественного на свете – детства?

Сталинградская битва – одно из важнейших сражений Второй мировой и Великой Отечественной. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль в послании правительству СССР от 1 февраля 1943 года назвал победу Советской армии под Сталинградом изумительной.

Под Сталинградом закончил свой путь доблестный рыцарь нашей Отчизны, бессмертный герой Кавказа, пулемётчик Ханпаша Нурадилов. Из своего пулемёта Нурадилов уничтожил 920 немцев, захватил 7 вражеских пулемётов.

Что видел в небе, прежде чем закрыть глаза, восемнадцатилетний парнишка? Пронеслась ли, как в замедленной съёмке, вся короткая жизнь рано осиротевшего и рано познавшего нужду и одиночество юноши?

Как много в истории Великой Отечественной войны трагичных и величественных страниц. Как много имён прославленных героев и героев

безымянных, которые своими муками неземными выстрадали Победу. Как бесконечно много тех, кто заплатил высокую цену за мирное небо над головой. Какие удручающие цифры!

Мой народ не постоял за ценой. Согласно современным данным, демографические потери СССР составили 25–27 млн человек. Сами по себе эти цифры немыслимы, а если задуматься, кто стоит за этими цифрами, то и вовсе за гранью понимания. Военные, женщины, старики, дети...

Человеческая жизнь хрупкая. Поэтому она нуждается в защите. Человечеству нужен мир. Гарантия того, что завтра ты не проснёшься от звуков пулемётных очередей.

Этот мир и защищал мой героический народ. За этот мир он заплатил высокую цену.

Могу ли я оправдать себя чем-либо, если не буду знать эту цену, помнить о ней или занижу её значение? Не думаю. Не имею морального права. Ведь если мы забудем историю, она может повториться.

Каждый из нас может сделать очень многое, чтобы сохранить и передать потомкам память о прошедшей трагедии.

Поэт Роберт Рождественский в своём пронзительном стихотворении «Баллада о маленьком человеке» писал:

...А когда он упал – некрасиво, неправильно,
в атакующем крике вывернув рот,
то на всей земле не хватило мрамора,
чтобы вырубить парня в полный рост!

Мрамора всей земли не хватит, чтобы сохранить память о павших. Но есть нечто большее, чем мрамор. Это человеческая память. Память потомков. Пусть она станет вечным памятником тем, кто отдал свои жизни на фронтах Великой Отечественной.

Кто погиб в горящем танке.

Кто остался под руинами взорванных домов.

Кто вернулся с войны в двадцать с небольшим уже поседевшим.

Кто вернулся с покалеченным телом и с покалеченной душой.

Низкий поклон вам от нас!

ФИНАЛИСТЫ

**Всероссийского конкурса сочинений
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

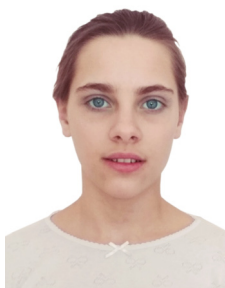
Шипицина
Дарья

Авхадиева
Екатерина

Гончаров
Павел

Ложкина
Тамара

Бардаенко
Анастасия

Клокова
Злата

Аракчаа
Болат

Иванцов
Владислав

Осипов
Владислав

Шипицина Дарья, 6-й класс

Алтайский край, г. Белокуриха

МБОУ «Белокурихинская средняя общеобразовательная школа № 2»

Братья Ждановы из Белокурихи

Четыре берёзы у хаты,
Как памятник вечной весны,
Из хаты четыре солдата
Домой не вернулись с войны...

Нина Гречнева

Уходят, стираются из памяти многие даты и события. Но будет жить в веках бессмертный подвиг лучших сынов и дочерей нашего народа, вставших на защиту Родины в годы Великой Отечественной войны. Навеки останется в памяти народной подвиг воинов-земляков.

В большой и дружной семье Ильи Митрофановича и Зиновии Ивановны Ждановых было восемь детей: четыре сына (Никита, Георгий, Александр, Николай) и четыре дочери. Дети росли, радовались солнцу, весне, голубому небу, горным вершинам. Помогали родителям. Братья не давали в обиду своих сестёр. У каждого были свои мечты и желания, надежды и планы на будущее.

Когда домишко Ждановых в Булгаковском логу Белокурихи совсем обветшал, семья решила обосноваться на улице Зелёной. Сейчас от прежней улицы ничего не осталось, кроме трёх берёз, что росли под окном у Ждановых. Теперь здесь стоят многоэтажные дома.

Незаметно пролетело детство, и ребята отправились работать. Работы они не боялись, поэтому трудились на конном дворе, в санаторной столовой, весной сплавливали лес по реке до санатория.

В 1941 году в Ново-Белокуриху пришла страшная весть: началась война. Александр в то время служил в Красной армии на Дальнем Востоке, а остальные ребята трудились на курорте. Один за другим покидали родной дом Никита, Георгий, Николай...

Письма с фронта приходили редко. Сыновья о себе писали мало, но в каждом письме была забота о своих родных и близких. Просили не беспокоиться: они живы-здоровы, всё в порядке.

«С тяжёлыми боями вышли из окружения под Житомиром...» – писал в своём письме Георгий. Это было его последнее письмо. Он погиб 19 июня 1942 года, «проявив мужество и героизм при защите Советской Родины», как было написано в похоронке.

В 1943 году новый удар обрушился на семью Ждановых: в боях за Родину погиб Александр Ильич Жданов.

А в 1944 году семья Ждановых оплакивала ещё одного сына, Николая, который, освобождая от фашистского ига народы Европы, смертью храбрых пал на поле боя.

Спустя несколько месяцев, когда до победы оставалось совсем немного, погиб последний сын Ждановых – Никита Ильич. На глазах у потрясённых горем родителей рушился мир, и погружалось в беспросветный мрак весеннее солнце. Горе и слёзы приходили в каждый дом, но с беспредельной жестокостью обрушилась беда на семью Ждановых.

Их мать поседела, как иней,
Когда в 43-м к ним в дом
О каждом родном её сыне
Нёс страшную весть почтальон.
...И мать свою горькую долю
Укрыла под сенью берёз,
Тех самых берёз, что ростками
Под звоны осенних дождей
Посажены были руками
Любимых её сыновей...

Так написала о горе матери поэт из Белокурихи Нина Гречнева.

Но вот прогремели последние залпы войны, и на истерзанной, измученной войнами земле воцарились тишина и покой. Выросли новые поколения людей, которые знают о войне только из книг, кинофильмов и рассказов старших. Выросли новые города и сёла. И лишь старожилы могут припомнить, каким было в те далёкие годы село Новая Белокуриха. Но бессмертна память о героях-земляках, отстоявших мир на земле.

В 1985 году именем братьев Ждановых названа одна из главных улиц нашего города Белокурихи. Это бывшая улица Зелёная. Та самая, на которой жила семья Ждановых и сыновья-герои. Их имена отлиты на чугунных плитах мемориала в центре города рядом с улицей Братьев Ждановых. Памятник лейтенанту Александру Ильичу Жданову установлен в одном из городов Закарпатья.

Вечная память героям, отдавшим свои жизни, защищая нашу Родину! Кажется, что они встают перед нами, спрашивая: а что делаете вы, чтобы жизнь, оплаченная такой дорогой ценой, стала лучше, чище, добрее? Мы будем стараться достойно жить! Обещаем вам!

Авхадиева Екатерина, 7-й класс

Иркутская область, Боханский район, п. Бохан

МБОУ Боханская средняя общеобразовательная школа № 2

Никто не забыт, ничто не забыто

Здравствуй, милая Анечка!

Спешу передать тебе привет от всей нашей семьи!

Хочу поделиться с тобой последними новостями. В школе прошёл праздник, посвящённый Дню Победы. Наш класс принял активное участие: читали стихи, пели военные песни; я прочитала сочинение, написанное в память о моём прапрадеде, Погодаеве Степане Борисовиче. Знаешь, милая Анечка, как трудно было сдерживать слёзы, когда в зал вошли ветераны Великой Отечественной войны (их осталось совсем мало), труженики тыла и дети войны. Сердце сжималось от боли, хотелось навзрыд вместе с ними плакать, когда слушала рассказы о тех страшных годах. А мой одноклассник Богдан плакал, не стесняясь своих чувств. Он вместе с родными бежал из Донбасса, где в мирное время идёт война.

Сегодня я хочу и тебе рассказать о моём славном прапрадеде, Погодаеве Степане Борисовиче. Поведала о его судьбе моя бабушка, Светлана Викторовна Герасимова – правнучка Героя Советского Союза. Да, да, милая Анечка, ты не ослышалась. Мой прапрадед повторил подвиг Александра Матросова. Но обо всём по порядку.

Погодаев Степан Борисович, братчанин, бывший председатель колхоза «Новая жизнь» деревни Верхний Баян Парилковского сельсовета. Боевой путь начал с первых дней войны на Юго-Западном фронте. Весной 1944 года в звании старшего сержанта он командовал отделением автоматчиков 263-й стрелковой дивизии 4-го Украинского фронта. 7 мая 1944 года дивизия начала штурм Сапун-горы. А 9 мая штурмовала высоту 178.2. Фашисты вели непрерывный огонь по нашим солдатам. Погодаев скрытно подполз к доту, бросил гранату, но огонь не прекращался, тогда он закрыл своим телом огневую амбразуру дзота. Пав смертью храбрых, открыл путь наступающей пехоте. 24 марта 1945 года прапрадеду было присвоено звание Героя Советского Союза за мужество, отвагу и героизм, проявленные при обороне г. Севастополя.

Родина не забыла о своём доблестном солдате. В г. Севастополе установлен памятник, названа его именем одна из улиц города. На малой родине, в г. Братске, также можно почтить память воина, возложив цветы к его памятнику. Имя его увековечено на мемориале «Вечный огонь» в Иркутске. А похоронен он в г. Севастополе.

В 1989 году моя мама и бабушка побывали на месте боёв. В г. Севастополе есть диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года», посвящённая героической обороне, где воспроизведён последний бой старшего сержанта Погодаева Степана Борисовича. Праздник 9 Мая для нашей семьи – особенный праздник. Наш дед – настоящая легенда. С гордостью в сердце я сжимаю в руке портрет моего славного предка и иду по улицам посёлка в рядах «Бессмертного полка».

Знаешь, милая Анечка, у меня есть заветная мечта – побывать на Сапун-горе и поклониться своему прапрадеду за моё счастливое, безоблачное детство. Мы родились под мирным небом, никогда не слышали воя сирен, разрывов бомб, грохота канонады. О войне знаем только из истории, из фильмов. И так хочется сказать: «Спасибо тебе, дедушка, за розовые рассветы, за тихие закаты, за мою бабушку, за моих близких и родных, за любовь моей мамы».

Скоро, очень скоро вновь придёт весна, зацветут яблони, будет светить яркое солнце, подаренное нам с тобой теми, кто остался на полях великих сражений.

Дорогая Анечка, напиши мне, пожалуйста, и Расскажи, а как в вашей школе прошёл этот большой светлый праздник – День Победы.

С горячим приветом, твоя подруга Катя.

Гончаров Павел, 11-й класс

Кемеровская область, г. Калтан

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 1»

Фронтowymi дорогами Карелии

15.07.2019. Сегодня отъезд на мою первую Вахту Памяти в места боевых действий. Дневник решил взять с собой, люблю писать...

19.07.2019. Вот мы и на месте. Стоять мы будем у озера Сариярви. Скоро группа разведки выходит на осмотр местности. Там только опытные поисковики, хочу отправиться с ними...

20.07.2019. Первый выход в поиск. Только в лесу понимаешь, как тяжело. Как тяжело было им на фронтовых дорогах. Как тяжело искать нам. Тяжело не копать, нет. Тяжело снимать слой дёрна, разгрести влажную песчаную почву и... не находить ничего... Андрей Николаевич, наш руководитель, рассказывал про приметы. На Вахте нельзя бриться, иначе никого не найдём. Хочется верить в эту «поисковую мистику», боец будет звать меня. Завтра мы найдём его...

21.07.2019. День прошёл безрезультатно. Да, мы знаем, что в том квадрате, где работали, вряд ли кто-то есть. Но цель – нахождение бойца.

Сегодня в первый раз держал в руках противотанковый патрон. Капсюль не пробит – патрон боеспособен. Также видел патроны от винтовки, тоже не стреляные. Была даже граната, в руки её брать страшно, механизм старый, мало ли, без руки останешься...

23.07.2019. Пятый день на Вахте. Борюсь с местной мошкаррой, мы копаем и будем копать. Некоторые ребята теряют надежду. В нашем деле нужно быть оптимистами. Сегодня с местным отрядом за 120 километров ездил мой верный товарищ – Калинин Димка. Они нашли бойца! И с ним же медаль! С номером медаль, значит, узнают, как зовут! А я продолжаю верить в бойца в этом лесу. Завтра всё получится...

24.07.2019. Сегодня мне удалось попасть в выездную группу. С местным отрядом мы отправились в Питкярантский район. Весь день бродили по лесу, находили части самолёта. Все они были по одному направлению. Самолёт? Чуть позже на одной очень топкой поляне всюду был назойливый звук металлоискателя. В квадрате примерно три на четыре метра звенело особенно сильно. Может быть, это кабина? Мы пытались там копать, но почва заболоченная. Делаешь один подкоп лопатой – ямка наливается грязной водой. Я почему-то перешёл на другой край этого квадрата. Шаг – и моя нога была в болоте почти полностью. Что это? Ведь не может быть так, что все ходили там и ничего. А я ушёл под землю на метр. А может, это

солдат меня тянул к себе? Может, он кричал: «Помоги, брат!» – а я не слышал. Много думаю об этом пилоте, надеюсь, что смогу заснуть...

25.07.2019. Двадцать пятое июля... Этот день я запомню на всю свою жизнь. Когда-нибудь я буду читать этот дневник своим детям или внукам, а может, и детям, и внукам. И даже через 70 лет я не смогу вспоминать об этом без потери ясности в глазах. Мы нашли. Когда пишу это, рука не поднимается ставить восклицание.

Это был обычный выход в поиск. Мы вновь вскрывали блиндаж, иногда меняясь, ведь «лопатить» сотни килограммов земли тяжело. Таня из «Фрегата» за пригорком нашла котелок. Он хорошо сохранился – музейный экспонат. Сюда же подошёл Андрей Николаевич. Он, как опытный поисковик, сказал, что надо копнуть глубже. К этому же шурфу – неглубокому раскопу – он приставил лопату, но не опустил её, а медленно отодвинул, потом и вовсе бросил в сторону, упав на колени. И достал оттуда комок земли. Каждого из нас тогда бросило в обжигающий холод, а потом в леденящий жар. Над этим шурфом нависла гробовая тишина. На лицах товарищей – ужас, а в глазах – победа. В его ладони, на кучке коричневой песчаной земли, лежала фаланга большого пальца ноги. После минутной паузы, в которую каждый пытался осознать, что сейчас происходит, кто-то сказал шёпотом: «Хоть бы не добор...» (Мы хотели увидеть останки бойца, а не пару костей, которую сюда принесли дикие звери, что и называют «добором».) Эта фраза привела всех в себя. Мы схватились за лопаты и начали работать, забыв об усталости. Под руководством Андрея Николаевича началось расширение раскопа. Через 5 минут здесь были все, кто вышел сегодня в поиск. Нога. Чтобы освободить вторую, пришлось убрать молодую берёзу. Силуэт бойца был почти полностью виден. Тогда руководители говорили только по делу, ничего лишнего. А все остальные молчали, потому что ком в горле, а во рту какая-то сухость. А в голове только одна мысль: перед нами – герой, отдавший жизнь. Это точно наш: нашли советские пуговицы. В тот момент одно не укладывалось в голове: в его правой руке слишком много фаланг. В два раза больше, чем у обычного человека. Каждый поисковик, сидящий там молча, понял, что это значит. И снова все принялись за работу. Там – второй. Ещё один герой. Они погибли, держась за руки. Когда раскоп был завершён, надо было доставать бойцов и перекладывать на плакат, чтобы сверить, скольких костей нет.

Я переносил останки от раскопа до плаката. Это очень тяжело. И если кто-то говорит, что для него это легко, значит, он не был на Вахте и не видел настоящего бойца! Даже самый сильный духом здесь будет в шоке. Это очень страшно. Прикоснувшись к бойцу, я словно увидел, как он крепко держал за руки товарища, давая ему понять, что врагам не победить.

С момента того маленького шурфа мне не дают покоя смешанные чувства радости и победы и одновременно с этим страха и ужаса. Я не могу ровно дышать, вспоминая об этом...

25.07.2019. Ночь. Не могу уснуть, но и вставать не хочется. Я всё думаю о сегодняшнем дне. Как они погибли? Их расстреляли? А может, их похоронили свои? Ответы на эти вопросы я вряд ли найду. Но я знаю, что они не отступили, потому что нужно защитить родной дом.

28.07.2019. Сегодня мне удалось снова поехать с местными поисковиками. На картах времён войны нашли братское захоронение. Сейчас на этом месте дачный участок. По приезде я увидел большой раскоп. Наверное, самый большой в моей практике. Работы здесь ведутся уже второй день. Запах там просто ужасный. Очень сырая почва, тяжело копать. Без сапог и устойчивой психики делать внизу нечего. Уже поднято около 30 бойцов. А сколько там ещё? Этим раскопом займутся местные и закончат до конца сезона. Все будут похоронены с почестями. Это меня успокаивает...

02.08.2019. Последний вечер в лагере. Вахта закончилась. Каждому выдали жетон с надписью «Фронтовыми дорогами Карелии». Сегодня не выходили из леса допоздна, хотели зацепиться за что-нибудь, чтобы местные подняли ещё хоть одного. Безуспешно. Но наша Вахта не прошла даром. Мы подняли 12 бойцов, а также на нашем счету 4 добора.

Здесь обрёл новую семью. Я никогда не забуду о войне и не позволю забыть своим потомкам.

25.11.2019. Сегодня узнал, что того бойца с медалью, в подняттии которого участвовал Дима, захоронили в Братске. Звали его Зуев Прокопий Васильевич. Далеко не всех, как оказывается, удаётся вернуть домой. Один за всю Вахту – это уже победа. На захоронении был внук Прокопия Васильевича. Более грустно, когда у бойца, которого нашли, нет родни...

Решил летом участвовать в следующей Вахте Памяти. Пойду по дорогам других бойцов.

Ложкина Тамара, 8-й класс

Красноярский край, Тюхтетский район, с. Тюхтет
МБОУ Тюхтетская средняя школа № 1

Письмо на фронт

Мой дорогой Ваня!

Сегодня снова на улице свирепствовала метель. Как и три недели назад, когда я впервые писала тебе письмо. Только что я вернулась из цеха. Мы с мамой закончили шить партию рубашек гораздо раньше, чем нужно, и я ходила к соседям послушать радио. Господи, Ва-ня! Как, наверное, страшно быть на фронте! Я остановилась посреди улицы и закрыла глаза. Ветер почти сразу сбил меня с ног. Но я тут же вскочила и приняла оборонительную позу. Мне хотелось хоть как-то почувствовать то, что постоянно испытываешь ты. Я хотела побороть что-то стихийное. Снег полностью залепил мне глаза, а ветер бросал из стороны в сторону. Как же я продрогла! И как мне стало горько. В груди что-то очень болело. Сегодня спрошу у мамы, в чём дело. Я с трудом добралась до нашего дома. Мама говорит, чтобы я писала тебе что-то радостное и ободряющее. Наверное, она будет перечитывать моё письмо и начнёт хмуриться. А потом попросит переписать. Не понимаю, зачем притворяться, что у нас всё хорошо. Как будто от этого тебе станет легче.

Помнишь Соню из соседней квартиры? Мы с ней вместе учимся готовить хлеб из отрубей. Каждый раз он получается всё мягче и пышнее. Тебе понравится его есть, макая в варенье из облепихи. У Сони есть младший брат, с которым они часто ссорятся. Его зовут Гриша, и у него очень много конопушек. Я крепко-крепко целую его в нос, когда прихожу в гости. Но Соня сердится на него из-за того, что он постоянно достает из её тумбочки книжки и вырезает из них картинки. Соня не понимает, что Гриша намного важнее книжек, пусть даже библиотечных. Вот я бы согласилась, чтобы ты разрисовал или разрезал все мои альбомы, лишь бы ты ужинал с нами, задёргивал на ночь занавески, а утром щекотал мои пятки. Гриша такой забавный! Ты бы его очень полюбил, Ваня! Вчера мы с Соней сидели на кухне, а Гриша мастерил пейзаж из сосновых шишек. Он хотел, чтобы его мама отправила его поделку их папе на фронт. Соня в тот вечер, как обычно, сердилась на Гришу, потому что он опрокинул наш тазик с тестом на пол. Она бубнила и бубнила. Внезапно ей что-то понадобилось, и она позвала Гришу. Мы слышали, как он спрыгнул со стола в спальне и затопал к нам. Тут в кухню вошла Сониная мама, и Соня предупредила её: «Мам, сейчас войдёт настоящее чудовище». Мама с интересом обернулась к дверному проёму, и тут – о Господи! – вошёл Сонин папа! Ваня! Я никогда не

испытывала так много боли и радости сразу! У Сониного папы была очень красивая форма офицера, но у него не было ноги. Как закричала Сониная мама! Тут же прибежал Гриша. И они все начали целоваться, обниматься и плакать, и смеяться! А я тихонько ушла. Разве это правильно – завидовать, Ваня?

Ты говорил, чтобы я всегда говорила тебе о том, что думаю. И знаешь, что я обо всей этой войне думаю? Она – зверь. Злобный. В твоих книжках я нашла второй том «Отверженных». И читала его всю ночь. Гюго написал, что прогресс сделает войну ненужной. А ведь мы действительно достигли высокой точки развития и технического совершенствования, да, Ваня? Почему же тогда люди всё ещё убивают друг друга? Когда же они поймут, что все мы – братья? Разве прогресс требует столько жертв? Разве и ты должен быть заклан из-за него? И приведёт ли эта война хоть к чему-то светлому, Ваня? Стоит ли это «светлое» такой скорби?

Я не знаю, могу ли хоть что-то изменить. Наверное, нет. Для тебя и твоих товарищей я делаю всё, что могу. Партию рубашек и новых брюк вы получите через неделю. Для тебя я вяжу свитер. Голубой с белыми звёздочками. Я так счастлива, что ты скоро наденешь его. Но, Ваня, как мне научиться засыпать по ночам? Если хотя бы прекратился снегопад, то я считала бы звёзды. Пожалуйста, посмотри ночью на небо. Может быть, именно в этот момент я тоже буду смотреть на него. Напишешь мне, где первый том Гюго, ладно? Я так люблю тебя. Мама шлёт тебе привет. Наверное, она потом ещё что-нибудь добавит к письму.

Твоя сестрёнка Тамара.

P.S. Ванюша, как твоё здоровье? Тебе хватает тёплых носков? Надеюсь, ты бережёшь себя ради всех нас. Горячо люблю и целую, твоя мама.

Бардаенко Анастасия, 11-й класс

Омская область, г. Омск

БОУ «Гимназия № 43»

Сколько бы ни минуло лет...

«Из детской памяти вернись», – эти слова я прочитала в одной из книг и подумала: а можно ли вернуть прошлое или вычеркнуть из памяти всё пережитое? Думаю, что это невозможно. Пережившие лихолетье не любят вспоминать о войне. Вот и моя прабабушка не хотела рассказывать об этом.

Мария Михайловна Анашкина пережила это страшное время. Встречаясь с ней, я ощущала нежелание вспоминать о военных годах, потому что война унесла самых родных и близких людей, да и вся их жизнь изменилась, перевернулась. Объясняет она это тем, что говорить об этом тяжело и больно. Но однажды накануне Дня Победы поделилась со мной воспоминаниями, и это был рассказ, полный горечи и слёз.

Знаю, что всё не выдуманно... Ведь сегодня среди нас пожилые люди, а когда-то, в годы войны, было им 8–12 лет. «Дети войны» – сегодня их так называют. А для меня они живая легенда самой жестокой войны XX века.

...В тот летний день 22 июня 1941 года люди занимались обычными делами. А мы строили шалаши и играли в дочки-матери, непоседливые мальчишки в нашем дворе скакали верхом на деревянных лошадках, представляя себя красноармейцами. Конечно, никто не подозревал, что и приятные хлопоты, и задорные игры, да и всю жизнь перечеркнёт одно слово – война. У целого поколения, рождённого с 1928 по 1945 год, она украла детство. Сегодня нам 70–90 лет. Нас воспитала война. Перед глазами картина: беззаботная жизнь ребят таких, как я. Каникулы. Лето. И вдруг над нашими головами – война...

Я не могу себе представить что-то более несовместимое, чем дети и война. Слушаю прабабушку, и моё сердце обжигает память огненных лет, ставших суровым испытанием для миллионов ребят, которым нынче уже за восемьдесят... Война разом оборвала звонкие песни. Чёрной молнией пронеслась она над нашей страной. Всюду солнечное утро 22 июня предвещало новый радостный день летних каникул. Но затрубили тревожно горны: «Война!»

Ушли на фронт отцы, старшие братья, знакомые и родственники. От мирных, привычных забот не осталось и следа. «Всё для фронта! Всё для победы!» – этот лозунг военного времени потребовал огромной работы, полной отдачи сил.

Я не могу даже вообразить, что дети, такие же, как я, совершили настоящий подвиг. Тяжёлой ношей легли на детские плечи заботы трудового фронта. Дети войны – родные для фронта дети... Они верили в победу и приближали её. А Родина, теряя в смертельной схватке с врагом их отцов, тоже верила в светлое, счастливое будущее своего юного поколения. Несмотря на тяжёлые условия, в которых жили дети: голод, холод, – им приходилось вставать чуть свет, идти помогать своим мамам, сёстрам, бабушкам, дедушкам. Дети понимали, что без их помощи в тылу просто не обойтись. Я просто удивляюсь, откуда у женщин брались силы работать в голод и холод, ухаживать за своими детьми, отправлять письма и посылки на фронт.

Прабабушка Мария вспоминает: «Забрали отцов наших на фронт, у кого-то они вернулись домой, а кто-то похоронку получил. Нас осталось у мамы трое. Отец смог написать только одно письмо, а потом надолго замолчал. И только через два года получили от него весточку: был в окружении, тяжело ранен, теперь в госпитале. А потом опять на фронт. Прошёл всю войну, имеет государственные награды (Баландин Михаил Иванович)».

Я слушала, затаив дыхание, её рассказ. Многие из ребят встали к станкам, заменив отцов и старших братьев, для фронта ничего не жалели. И среди них оказалась и Мария. Маленькие руки, неокрепшие пальцы, которым до этого был привычен лишь карандаш, управлялись теперь с резцами и фрезами, вытачивали боеголовки для снарядов, корпуса для мин. Ей не по росту был станок, чтобы дотянуться до суппорта, приходилось подставлять под ноги патронные ящики. Работала на заводе Ворошилова. Говорила об этом, а слёзы бежали и бежали... Жили впроголодь. Теряли сознание.

И мне трудно вновь представить эту девчонку в заводском цеху, но я понимаю: без посильной помощи солдатам на фронте было бы намного труднее воевать. Часто приходилось оставаться ночевать на заводе рядом со станком, спали по 2–3 часа, потом опять к станку. Отработав 12 часов, возвращалась домой. Ночь, темень, одна на дороге, а надо домой. Жутко, да ещё деревянные башмаки стучат по мостовой. Да так громко, что самой не по себе. Но бежишь, бежишь... Скорей домой... и спать, ведь завтра опять рано утром на работу. А весной ещё одна забота – «огородная жизнь». На дворишке копали грядки и выращивали овощи. Хоть какое-то подспорье!

Продолжая свой рассказ, она говорила, что, несмотря на все трудности, жизнь не стояла на месте. Было в ней и много радости. Юность и молодость брали своё. Бабушка очень любила слушать спектакли по радио, хорошо пела. Помогли выжить и не пасть духом и фильмы, которые удавалось посмотреть в кинотеатре «Победа». Усталые и голодные в холодном кинотеатре, но... такие счастливые.

Она была красивая, трудолюбивая, многим парням нравилась. Сама шила себе наряды из старой простыни, которую красили марганцовкой или зелёной. С какой любовью ухаживала за белыми тряпичными туфельками, чистила их мелом. Молодость, молодость... После войны вышла замуж. Муж Павел Иванович прошёл всю войну, ранен, был награждён орденом и медалями. Когда выросли дети, она в сорок лет села за парту, окончила техникум с отличием. Постоянно трудилась. За свой нелёгкий труд имеет награды. Умела многое: вышивать, вязать, заниматься хозяйством. Трудно, но в радость. Очень любила читать. Так продолжалась жизнь.

А детство слилось в памяти в одну долгую холодную осень, поэтому осень она и не любила. Странно, правда? Война и осень... А может, моя прабабушка была права, ведь осенью всё увядает, грустно, тоскливо, дождь, ветер, как на войне...

Чёрный смерч войны опалил не только тех, кто шёл на фашистов с оружием в руках, но и женщин, оставшихся в тылу, стариков, детей. Особенно детей, в их душах отпечатались сполохи сражений, и боль утрат, и груз лишений и невзгод.

Клокова Злата, 6-й класс

Республика Алтай, Турочакский район, с. Дмитриевка
МОУ «Дмитриевская средняя общеобразовательная школа»

Всё для фронта, всё для победы!

Из одного металла льют
Медаль за бой, медаль за труд...
А. Недогонов

Огонь Славы у мемориала Вечной Памяти наших земляков-алтайцев... Свет пламени отражается на лице старой женщины, которая пришла сюда вспомнить фронтовиков-односельчан. Она стоит неподвижно. Руки, которые ковали невиданной прочности тыл, сжимают цветы. Языки пламени освещают её морщины, отражаются в её чёрных глазах. О чём она думает? О чём вспоминает? Судьба её такая же, как у многих женщин того времени. Они вынесли всю тяжесть войны и мужского труда. Было невероятно тяжело на фронте, где бои шли день и ночь. Не легче было и в тылу. Фронт и тыл проходили по всей стране. Да, наши сибирские города и сёла не подвергались бомбёжкам, но они стали кузницей Победы.

А почестей мы не просили,
Не ждали наград за дела.
Г.М. Поженян

Страшный солун табыш – весть о нападении фашистской Германии на СССР – как гром прозвучал над горами, эхом прокатился по горным селениям, гневом аукнулся в сердцах моих земляков. Военнообязанные и добровольцы ушли на фронт. На плечи стариков, женщин и детей легла вся тяжесть тыла, чтобы обеспечить армию сырьём, техникой и продовольствием: «Всё для фронта! Все силы народа – на разгром врага!»

В Горном Алтае более 80% трактористов и три четверти комбайнёров составляли женщины. Они руководили 525 животноводческими фермами, многие работали бригадирами. Трудом женщин стал зарождаться Акташский рудник. С начала 1942 года он стал выдавать ртуть – столь необходимое сырьё для оборонной промышленности. С первых дней существования рудника проработала до пенсии Таисья Демьяновна Панарина. Она освоила почти все специальности горного производства. В фонд обороны горняки участка «Каяшкан» Турочакского прииска перечисляли свои сбережения, как и все жители Алтая. Труженики тыла за четыре года перевы-

полнили обязательные поставки по лошадям, крупному рогатому скоту, овцам и козам, молоку, мёду, зерну.

«Человек богат человеком!» – гласит алтайская пословица. Горячий чай гостю, пиала чегеня, добродушное приветствие «Якши ба» – таковы законы гостеприимства. По-братски встретили и разместили эвакуированных соотечественников алтайцы, проявив отеческую заботу, обеспечив обувь и всем необходимым для жизни и труда в нелёгких условиях Сибири. Наш Турочакский район предоставил переселенцам 100 квартир, а всего по Горному Алтаю выделили 925 квартир. Приютили и обогрели воспитанников трёх детских домов. С приближением зимы 1941 года по Алтаю развернулось движение по сбору тёплых вещей для фронтовиков. Всем миром проявили горячую заботу о защитниках Родины. В карманы полушубков, в носки, в валенки, в посылки вкладывались душевные записки, письма. Авторами были взрослые и дети. Например, ученики Шебалинской школы писали: «Любимые защитники нашего счастливого детства! Бейте врага без пощады. Мы будем отлично учиться, чтобы быть вашей достойной сменой».

Вклад каждого участника Великой Отечественной войны велик, ведь только общими силами наш народ смог отстоять Родину для своих детей и внуков. Победа была всенародная.

Идут годы... Время неумолимо в своём движении, но в истории каждого народа есть такие страницы, над которыми не властно время. Война... Она обязательно кончается. Для кого-то победой, а для кого-то поражением. «Ходит по земле Босая Память – маленькая женщина», которая должна передаваться в поколениях, потому что сколько будет существовать память, столько новых поколений с удивлением и гордостью будут говорить:

«Это наши отцы,
Это наши деды,
Это наши великие предки,
Чудо-богатыри,
Сотворили такое великое дело!»

Аракчаа Болат, 11-й класс

Республика Тыва, Пий-Хемский район, г. Туран
МБОУ Средняя общеобразовательная школа № 2

Память, память за собою позови...

12 октября 2019 года в нашей школе состоялось историческое событие – открытие Комнаты Памяти. Чтобы помнили свою историю, язык, культуру, чтители память предков.

Тува в годы войны была суверенным государством – Тувинской Народной Республикой. Но, несмотря на это, молодые отважные люди отправились на войну в другую страну. Мои земляки освобождали Западную Украину от фашистских захватчиков. Не все вернулись домой, многие погибли, освобождая города Ровно, Дубно, деревни Деражно, Сурмичи. Украинцы свято чтители память о тувинских добровольцах. Многие десятилетия наша школа поддерживала связь с Деражновской школой. Несколько раз наши активисты, отличники учёбы, наследники тувинских добровольцев по приглашению Войцешко Ярослава Емельяновича – великого патриота-интернационалиста, основателя школьного музея «Дружба с Тувой» – побывали на местах боевой славы земляков.

В Комнате Памяти отражены все документальные свидетельства связи дружбы тувинского и украинского народов. Мои родители, когда учились в школе в 1985 году, ездили по приглашению на Украину – в город Ровно, в село Деражно. Они вспоминают, как украинские школьники, их ровесники, встречали хлебом-солью, а когда группа пошла к могиле нашего земляка, выходили жители деревни, обнимали детей, угощали конфетами и яблоками. Они искренне были благодарны тувинцам. Казалось, что так будет всегда. Но увы...

Я хочу рассказать об одном из тувинских добровольцев, который особенно запомнился мне. Это Алдын-оол Оюн Толепович.

В 1940 году он руководил Ревсомольской организацией ТНР. Ревсомольцы были бойцами культурной революции – боролись с безграмотностью населения – и за это были награждены Орденом Республики. В этом большая заслуга вожака ревсомольцев Алдын-оола Оюна Толеповича.

С начала войны с фашистами до осени 1943 года он был заместителем председателя пункта по сбору подарков для фронта, а в сентябре в составе тувинского добровольческого эскадрона отправился на фронт, служил в разведке. В редкие минуты затишья умел организовать концерт, выпустить агитлисток.

После войны, вернувшись на Родину, он работал в комсомоле, партийных органах. Занимал ответственную должность министра внутренних дел Тувинской АССР.

Его жена, Алдын-оол Арья Араптановна, – народный учитель СССР, родоначальница династии педагогов, автор учебников для национальной школы, верная помощница, создавшая надёжный тыл мужу, заботливая мать. Сыновья Алексей и Андрей стали офицерами, а дочь Татьяна Оюновна – народный учитель Республики Тыва, кандидат педагогических наук, министр образования и науки РТ.

Каждый человек после себя оставляет какой-то след. Как говорил поэт Л. Мартынов:

Какой ты след оставишь?
След,
Чтобы вытерли паркет
И посмотрели косо вслед,
Или
Незримый прочный след
В чужой душе на много лет?

Считаю, что Оюн Толепович прожил яркую жизнь и оставил «прочный след» потомкам.

Сейчас в школе проводится Неделя тувинских добровольцев, в Комнате Памяти идут экскурсии для учащихся нашего города. Сохранение памяти является залогом того, что люди будут знать свою историю, чтить её, чтобы не допустить повторения трагических событий.

Иванцов Владислав, 11-й класс

Республика Хакасия, г. Абакан

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 11»

Пишу тебе в поздний час

Великая Отечественная война... Всё дальше уходят в историю пылавшие огнями пожарищ военные годы. Всё меньше остаётся ветеранов. А мы, современные школьники, узнаём о том страшном времени только из учебников истории, из документальных фильмов да из пожелтевших от времени писем наших предков. Вот и в нашей семье есть реликвии, которые бережно передаются из поколения в поколение: несколько писем прадедушки, а точнее, их всего шесть.

Его звали Меленёв Алексей Петрович. Он прошёл всю войну до самого Берлина. Он не был кадровым военным, был так же, как и многие, добровольцем. Когда читаешь его письма, не верится, что они с фронта, что написаны в минуты затишья, с самой передовой, оттуда, где скоро вновь будут гроыхать орудия, рваться снаряды и погибать люди. Прадедушка умудрялся писать их так, будто он не на войне вовсе, а в простом армейском походе. Очень они были простыми, лёгкими, добрыми и ласковыми, видимо, не хотелось ему пугать своих близких. Он шутил, рассказывал военные байки о себе и своих товарищах. И в каждом письме чувствовалась надежда на скорое окончание войны и вера в великую победу великого народа. Такими были пять писем. А вот шестое, последнее, совсем другое.

«Здравствуй, дорогая мамочка, пишу тебе в поздний час перед решающим сражением за освобождение целого мира от проклятых фашистов. Мы уже на подступах к Берлину, так что скоро там будут повсюду развеяться красные знамёна нашей непобедимой страны. Победа близка, все это чувствуют, все рвутся в бой. Каждый из нас мечтает лично прострелить головы Гитлеру и Геббельсу... Мамочка, дорогая, знала бы ты, какими ужасными выдались эти несколько дней, пока мы пробирались через эти проклятые высоты. Столько народу полегло, тьма просто. Половина батальона нашего полегла в этой земле поганой, но жизнь не зря они отдали, это я тебе обещаю. Только жалко их всё равно. Мальчишки ещё совсем были. Товарищ майор наш, Иван Александров, остался без ног, не уверен даже, что он жив, если честно. Треть роты моей полегла под обстрелом с пулемётов, в дзотах засели уроды эти и давай палить, на пятьдесят человек напалили. Вот, например, Петька Стратов, юнец совсем, на пять лет меня младше, только вот немцам до этого дела не было. Они ведь вместо того, чтобы сдаться, понимали же, что нас больше, решили с собой ещё как можно больше забрать. Разве это люди? Мне до сих пор мерещится, что

Стратов рядом со мной сидит, на гитаре свои казацкие песенки бряцает, да только нет его. Совсем нет. Федька тоже, Клопин, с которым мы бок о бок в атаку шли, на два метра от меня отстал всего, как тут вдруг в него снаряд прилетел откуда-то слева. Остались от Федьки только пуговицы с гимнастёрки да звезда с ремня. Васька Ушаков, бедный, до лейтенанта старшего дослужился, немцев бил нещадно, больше всех грозился до самого Берлина-то дойти, но, увы. Окружили парня, человек пять окружило, и каждый в него патронов по десять всадил, не жалея, им это только в радость. Говорили ему, подожди товарищей, немцы-то они, конечно, проигрывают, но кусать не прекратят. Горячий он был, Васька наш, так и помер горячим, не остыло его тело. Много тел безжизненных я видел в эти три дня, очень много. Больше, чем за три года. Даже не знаю отчего, но никогда не было так тяжело перед боем. Раньше отчаянно все шли, не боялись, да и сейчас никто не боится, а вот только смерть-то, смерть-то, она рядом гуляет, в затылки нам всем дышит. Немцы, они, конечно, забитые, как псы забитые, но кусать не прекратят, это точно.

Сегодня встретили союзников, странные они какие-то, все улыбаются, все грязные, не моются, видимо, а в глазах запал, страсть какая-то к убийству. Сразу видно, что люди не войну прошли, а под самый конец только прилетели, так сказать, «и мы там были, мёд-пиво пили». Эх, столько боли было за эти три дня, почему-то именно их я и запомнил, мамочка, дорогая, понимаешь. Три года немцев бил, фашистов несчастных, а сейчас уже и не хочется вовсе. Они ведь не люди, звери натурально, а я человек. Устал я от того, что новый день, а за ним новые потери. Нельзя на войне, говорят, друзей заводить. Правильно говорят, потому что неизвестно ещё, что вы вместе эту самую войну-то и пройдёте. Я вот всех друзей ещё в 42-м году потерял, но всё находил новых (как не найти-то), да и их тоже терял. Устал я терять, мамочка, понимаешь. Невмоготу уже, а впереди самые жестокие бои, самые жестокие, потому что последние. Может, повезёт, в рейхстаг попаду, посмотрю лично в глаза этим тварям, которые столько людей не побоялись самого дорогого лишить, жизни. А не повезёт – не страшно, они всё равно по заслугам получают. Ты, главное, Грише это письмо не показывай с Танечкой. Я им другое напишу, весёлое, как раньше, когда мы немцев окончательно побьём. Просто невоготу уже терпеть, понимаешь, мамочка, невоготу. Ком в горле стоит, а слёз нет. Ничего нет, никаких эмоций. Как будто душу всю взяли и наизнанку вывернули натурально. Так и сижу в землянке несчастной уже несколько часов кряду. Страшно мне, никогда не было, а вот сейчас стало. Нехорошее предчувствие меня одолевает, очень нехорошее, боюсь, как бы не случилось чего, но ты письмо всё равно не показывай. Не стоит им об этих ужасах знать.

Знаешь, мамочка, я вот сейчас перечитал письмо и понимаю, что не должно так быть, как оно всё вышло-то. Нельзя так нещадно людей уби-

вать, что в обороне, что в атаке. Не по-человечески это. Я вот сейчас подумал, что ты письмо это попридержи, я знаю, что ты их собираешь, небось, но ты именно это отложи куда-нибудь, чтобы Гриша, он ведь маленький ещё, не поймёт, но подрастёт когда, тогда осознает, что папка-то его пережил. Танюше скажи моей дорогой, что я её люблю, сильно-сильно люблю, крепко обнимаю и целую. Тебя, моя дорогая, я тоже целую. Боюсь, не дойти мне до Берлина, но и не идти не могу. Если суждено мне Ваську встретить, и Федьку, и Стратова, то так тому и быть. Умирая же, буду о вас только и думать, вас вспоминать.

*Ваш Алексей
25 апреля 1945 года».*

На следующий же день мой прадедуська Алексей Меленёв был убит. Шальная пуля попала ему в лёгкое. Умирая, он только и сказал товарищам, что письмо отправить не успел, что оно у него в кармане. Так письмо в крови и пришло моей прапрабабушке. К сожалению, прадедуська оказался прав: суждено ему было друзей своих встретить... Я потом спрашивал у дедушки Гриши, каково ему было перенести героическую гибель отца. Он ничего не говорил. Просто молчал, уставившись в одну точку, а когда я переспрашивал, отвечал что-то вроде: «Погода-то нынче какая!» Родители мне тогда рассказали о прадедуське и о его подвиге, потому что в тот год была годовщина Великой Победы, поэтому я и донимал дедушку вопросами. Всё расспрашивал, пока не нашёл случайно то самое письмо, то последнее. Прочитав впервые его в десять лет, я не особо задумался о содержании. Но чем старше становлюсь, тем всё больше понимаю, какая нестерпимая боль кроется в строчках этого письма. Боль за товарищью, за страну. Боль за всех людей.

Я перечитываю письмо прадедуськи каждый год 25 апреля, в день, когда оно и было написано. Размышляю о том, к чему никогда, ни при каких обстоятельствах люди не должны возвращаться, ни одна война не должна начаться. Сейчас мне 17, и я думаю: а будь я на месте своего прадедуськи, смог бы дойти до Берлина? Ответа, к счастью, не нахожу, и вопрос этот остаётся открытым. Ловлю себя на мысли, что никогда этого не узнаю. Однажды прочитал письмо одноклассникам в надежде найти в их глазах ответ на тот же вопрос. Спросите: что я увидел в ответ? Полное безразличие. Половина не обратила внимания, половина другой половины только делала вид, что слушает. А вот оставшиеся ребята действительно внимательно слушали, вникая в суть написанного, но, к сожалению, в их глазах не было скорби, сострадания или боли. Той боли за человека, которую выражал в своём письме прадедуська. Вспоминая об этом, я думаю: а так ли это «никогда» реально? Ведь история учит не повторять те страшные ошибки, которые уже кто-то совершил. Мир на пороге ядер-

ной катастрофы, и, конечно, это не наша вина, однако в наших силах её предотвратить.

Я обязательно прочитаю это письмо своим детям, а они своим. Так и будет! Именно так будет жить память о самом страшном времени в истории нашего государства и всего человечества. Я прочитаю – и они поймут, почему нельзя допустить, чтобы была война. Надеюсь... Верю: каждый человек, живущий на планете, поймёт это.

Осипов Владислав, 6-й класс

Томская область, Кожевниковский район, с. Кожевниково
МАОУ «Кожевниковская средняя общеобразовательная школа № 2»

О прадедах – ветеранах Великой Отечественной войны

Здравствуй, Алексей!

Прошло больше месяца, как я вернулся из «Артека». До сих пор не могу забыть тот день, когда впервые увидел тебя, куратора-наставника нашего отряда «Школы будущих командиров». Высокий, статный, ты напомнил мне моего прадеда-солдата, которого я видел лишь на пожелтевшей от старости фотографии. Ты учил нас основам военной подготовки, знакомил с историей нашей страны. В моей памяти надолго останутся твои рассказы о событиях Великой Отечественной войны, о том, что огромную роль в победе нашей страны над фашистской Германией сыграл боевой подвиг и трудовой героизм нашего народа.

Я хочу рассказать тебе о личном боевом подвиге моего прадеда Ульянова Ермолая Андреевича. Он родился 20 марта 1913 года в посёлке Изовка Кожевниковского района. Призван в армию 30 мая 1941 года, служил поваром в 14-м батальоне третьей штурмовой бригады 195-го гвардейского полка. Мой прадед проявил смелость и мужество при выполнении боевой задачи по штурму города Данцига. Под сильным огнём противника доставлял через две переправы горячую пищу личному составу роты, которая занимала оборону и вела наступление. Он получил ранение в спину и несколько месяцев находился на лечении в госпитале. За точность в работе, личную смелость красноармеец Ульянов награждён медалью «За боевые заслуги» и медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Таких солдат было много. Все они проявили храбрость, стойкость и мужество в простых человеческих поступках. Среди них прадедушки и прабабушки моих одноклассников. Например, прадед Даши Прокофьевой, старшина Денисенко Степан Петрович, в январе 1945 года вывел из строя несколько десятков вражеских солдат и офицеров, захватил вражеское орудие, лично поразил двух гитлеровцев. Награждён орденом Славы I степени.

Прадед Толи Мальцева, Мальцев Иван Никифорович, командир отделения связи, в сентябре 1942 года, несмотря на обстрел автоматчиков, оказал помощь раненому товарищу, отнёс его в укрытие и продолжал прокладывать телефонную линию. Уничтожил шесть гитлеровцев. Награждён медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу».

Младший сержант, санитарный инструктор роты автоматчиков Коломина Анастасия Никитична, прабабушка Коломина Влада, в бою на подступах к городу Черску под огнём противника, рискуя жизнью, вынесла с поля боя семнадцать раненых. Награждена орденом Отечественной войны II степени и медалью «За отвагу».

Великая Отечественная война унесла жизни миллионов людей, погубила человеческие судьбы. Военные трудности не сломили дух мужества наших прадедов. Они с честью и достоинством всё выдержали и всё преодолели. Мы должны помнить и чтить их подвиги, гордиться ими и стараться быть похожими на наших героев.

Алексей, я с нетерпением буду ждать твоего письма, твоей истории и надеяться на то, что мы с тобой будем жить под мирным небом.

С уважением, твой друг,
Осипов Влад.
С. Кожевниково, 2020 год.

ФИНАЛИСТЫ

**Всероссийского конкурса сочинений
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Шестерикова
Мария

Кухарук
Максим

Кёся
Антон

Шаимов
Михаил

Янушковская
Аделина

Шестерикова Мария, 10-й класс

Курганская область, Шатровский район, с. Барино
МКОУ «Бариновская средняя общеобразовательная школа»

Фронтальная фотография

Через неплотно прикрытые занавески пробивался тёплый луч света, в котором кружила пыль, рассыпаясь маленькими частичками. Лучик света попадал на лупу, лежавшую на столе, и она превращала его в маленького солнечного зайчика, который, будто играя, прыгал по всей комнате. Вот он со стены перепрыгнул на полочку с книгами, пробежал по тёмно-коричневому дивану, потом вдруг появился на столе и тихонько прополз по газете, осветил календарь на стене и исчез. А комнату залил яркий дневной свет.

На кухне тихо что-то вещает радио, мерно тикают висящие на стене часы. Всё вокруг создаёт приятную тишину. Атмосферу умиротворения нарушает только жужжащая муха, запутавшаяся в паутине. Ещё зимой огромный паук сплёл её над шкафом.

Но вот зайчик появился снова, теперь он неподвижно замер на полу рядом с мальчиком, который делает белый бумажный самолётик. Мальчик задумчиво крутит бумажку в руках, то так её согнёт, то эдак, но ничего не выходит. Тем временем солнечный зайчик решил поиграть с мальчиком, он остановился на рыжей макушке, но тут же передумал и замер на старинных часах.

– Дед, деда, а как дальше делать? – спросил мальчик, подняв свои голубые глаза и посмотрев на дедушку. Возле окна в старом кресле-качалке сидел пожилой мужчина лет шестидесяти пяти. Его возраст выдавали глубокие морщины на лбу, в уголках глаз, похожие на гусиные лапки, возле носа. Самым примечательным был именно нос, большой, красный, с горбинкой. И только глаза были неподвластны времени. Они, как в юности, оставались живыми и ясными. В этот послеобеденный час он, как всегда, перечитывал знакомые страницы любимой книги. Мужчина по памяти открывал нужное место и сразу попадал в царство леса.

Дедушка, отложив книгу, посмотрел на мальчика:

– Ну что там у тебя? Не получается? Эх ты, горе луковое... Иди уже, помогу...

Внук поднялся с пола, подошёл к деду и протянул помятый лист.

– Что ты его так измял? – Дедушка аккуратно развернул уголки, разгладил на столе лист бумаги и стал складывать самолётик.

– Смотри, как надо...

И вот готовый самолётик уже в руках довольного мальчика. Он радостно запустил игрушку в воздух. Самолётик легко облетел всю комнату, пересёк солнечный лучик и плавно приземлился на шкаф, сбив паутину.

– Эх ты, кто так запускает? Неси стул, будем спасать, – Дедушка тяжело поднялся с кресла, осторожно встал на стул и заглянул на шкаф. Там среди коробок и связок старых пожелтевших газет лежал самолётик. А рядом с ним тряпичный свёрток, покрытый пылью. Взяв свёрток в руки, мужчина медленно сел на стул и развернул его. На коленях лежали старые фронтовые фотографии.

Шёл январь 1945 года. В течение последней недели месяца продолжались жестокие бои в районе реки Одер. Эта река была естественной водной преградой на пути к городу-крепости Бреслау. Бреслау – последний рубеж в наступательной операции взятия Берлина. Командование 359-й стрелковой дивизии поставило сложную задачу командирам полковой разведки. Им предстояло первыми переправиться на плотках, сделанных из подручных материалов, закрепиться на вражеском берегу и обеспечить безопасную переправу основных сил. Форсирование Одера было осложнено тем, что, несмотря на мороз, река не замёрзла, только вдоль берега образовалась колючая кромка льда. В ночь на 26 января разведгруппа под командованием младшего лейтенанта Гуляева начала переправу. Они бесшумно спускали плоты на чёрную воду реки, и только предательский хруст льда разрушил ночную тишину. В ответ на это последовала автоматная очередь с противоположного берега. Разведчики расположились на плотках и, стараясь не создавать шума, двинулись вперёд. Плот не был рассчитан на такое количество человек, из-за этого казалось, что вода через мгновение поглотит его вместе с людьми. Разведчики мужественно терпели холод и, не обращая внимания на ледяные брызги, лишь сильнее кутались в шинели.

Только подплыв к берегу, они разглядели вражеские укрепления. Высадившись, разведчики небольшими группами рассредоточились по территории врага, чтобы снять охрану гитлеровцев.

Бесшумно один за другим были взяты укрепления врага. Осталось приспособить немецкие траншеи для обороны и обеспечить безопасное форсирование Одера. Лейтенант Гуляев отправился с небольшой группой к реке, чтобы дать сигнал начала переправы по всей линии берега. Они уже зажгли дымовые шашки, как вдруг из ночной мглы появились немцы. Завязался бой.

– Огонь! –скомандовал Гуляев.

Через несколько минут бой был уже рукопашный. Лейтенант сражался в первых рядах. Внезапно он почувствовал резкую боль в боку. Его будто чем-то обожгло. Повернувшись назад, он выбил винтовку из рук немца, который набросился на него. Они повалились на землю. Катаясь по земле,

каждый из них боролся за жизнь. Резкий звук выстрела оглушил лейтенанта. Он почувствовал, что по его телу разливается горячая кровь. Перед глазами пронесли мгновения мирной жизни: футбол во дворе с братом, тёплые руки матери...

И тут чьи-то сильные руки схватили Гуляева и вытащили из-под обмякшего тела немца. Это был его боевой товарищ Алексей Лыткин. А в это время полным ходом шла переправа советских войск через Одер. Разведчики свою задачу выполнили...

– Дед, деда... Что с тобой? Тебе плохо?

Младший лейтенант Гуляев поднял голову, вопросительно посмотрел на внука и крепко обнял мальчика:

– Ничего, Андрюша, сейчас уже ничего! Всё прошло, закончилось...

– А самолётик? Ты достал его? – спросил внук.

– Давай сделаем другой, ещё лучше, – ласково сказал дедушка. Он встал со стула, открыл стеклянную дверцу серванта и бережно поставил фотографию на верхнюю полку.

С тех пор прошло много лет. У Андрюши давно есть своя семья и дети. Но фотография младшего лейтенанта Гуляева с другом, спасшим ему жизнь, свято хранится в памятном альбоме его семьи. И каждый год 9 мая Андрей со своими детьми навещает могилу деда, командира разведки 1198-го стрелкового полка 359-й стрелковой дивизии младшего лейтенанта Гуляева Александра Васильевича.

Кухарук Максим, 9-й класс

Тюменская область, г. Тюмень
МАОУ Гимназия №1

Дорогой неизвестного солдата

Солдаты переднего края,
Мы станем достойными вас.
Мы помним великие беды.
Прислушайтесь к нашим словам:
– Мы каждую новой победой
Сегодня
Обязаны вам!

В. Фирсов

Далёкая сибирская деревня. В просторной избе женщина молча сидит у окна. Похоронка на мужа пришла ещё в самом начале войны. И вот больше двух лет – ни весточки от единственного сына, которого они с невесткой провожали на вокзал июньским вечером 1941-го. Ожидание и неизвестность. Смутно и тягостно на сердце. Как и многим солдатским матерям, ей не суждено было дожждаться... Скупы строки извещения: «Ваш сын., боец Красной армии, пропал без вести...» Он шагал дорогами войны, отступал и наступал, ходил в атаку и хоронил товарищей... Где и как оборвалась его жизнь?

Пройдут десятилетия. Не станет старушки-матери, лишь в следующем веке все ответы получит её внучка, чей отец так и не узнал о том, что родилась дочь...

Отправляясь в места, где с января по май 1942 года шла Демянская наступательная операция, думаешь о многом: ведь это тот самый участок фронта близ истерзанного фашистами Новгорода – точка сосредоточения войск 2-й ударной армии, к июню оказавшейся в котле. Именно здесь, среди полей и перелесков, советские солдаты гибли целыми дивизиями...

Пункт назначения нашего поискового отряда – деревня Новая Кересть. На современных картах её не найти. В 1942 году она была полностью уничтожена врагом. Пробираясь сквозь частый лес, грязь, переходя реку в высоких сапогах-болотниках, живо представляем, как себя чувствовали воины Красной армии, отчаянно пытавшиеся вырваться из котла. Это у нас в руках щупы и лопаты, а у них – оружие и боеприпасы.

Наконец мы оказываемся на небольшой равнине, там и решено разбить лагерь. Перед нами – карты боёв. Чуть поодаль от нашей стоянки когда-то проходила узкоколейная железная дорога. По ней подвозили снаряды. А всего в паре километров отсюда – массовое захоронение.

На следующий день в поисках ценных реликвий двигаемся по равнине цепью. Один из нас замечает продолговатый металлический предмет. Раскопав вокруг него чуть глубже, обнаруживаем, что это и есть та самая узкоколейка. На фрагменте рельса заводское клеймо: «Имени Сталина завод, 1941». Рядом – неиспользованные артиллерийские снаряды: в 1942 году здесь взорвался бронепоезд, участок интенсивно бомбили с воздуха...

Спустя несколько дней работы нашей поисковой экспедиции найдены первые останки погибших воинов. Порой при них бывают личные вещи. Например, в наших руках оказались ложка, кисет, гребешок-расчёска, монеты номиналом 15 копеек, датированные 1939 годом, и даже неразорвавшаяся граната «лимонка» – словом, всё то, что у историков зовётся «материальными источниками».

Солдаты переднего края... Защищавшие Отчизну до последнего вздоха, они лежат под родным небом, на родной земле – с винтовками в руках.

В один из пасмурных дней вновь долго бродили по болотистой местности. Когда было решено возвращаться, мой товарищ, напоследок воткнув в землю щуп, сначала обнаружил винтовку, затем увидел подошву от обуви, а рядом с ней и кость от ноги... Кто же ты, неизвестный солдат?

При бойцах Красной армии находились медальоны – цилиндрические капсулы размером с патрон винтовки-трёхлинейки, куда помещался крохотный бумажный рулончик с записанными фамилией и именем – персональными данными на случай гибели. Среди фронтовиков была в ходу примета, что, написав там своё имя, скоро найдёшь смерть. Однако наш солдат не был суеверным: благодаря своему медальону уроженец сибирской деревни с Алтая, павший смертью храбрых где-то под Новгородом, начал свой путь домой... Вот так 70-летняя дочь рядового узнала, где и как погиб её отец.

После завершения экспедиции найденные личные вещи могут быть переданы близким, если они отыщутся. А останки бойцов отправляют в родные сёла и города: там их с воинскими почестями предают земле. Что чувствует поисковик в такие минуты? Волнение? Трепет? Не только. Пожалуй, дух захватывает от важности происходящего: мы в ответе перед ними – солдатами переднего края – за всё.

Больно признавать, что именно в наши дни заметно стремление обесценить вечный подвиг советского народа. Нам всюду навязывают чуждые ценности и пытаются отобрать у нас правду. Но почему из-за каких-то политических разногласий дело честного советского солдата-миротворца стремятся предать забвению, очернить, оклеветать? А ведь тех, кто делает это, могло и не быть на этом свете, если бы не воин, который шёл на верную смерть «не ради славы – ради жизни на земле»! Он не воевал «за Сталина» или «за коммунизм» – он воевал за народ. Он воевал за мир. Он воевал за нас. А ведь начнётся новая война, если мы забудем о минувшей – Великой Отечественной.

В поисковые экспедиции ежегодно отправляются старшеклассники и студенты из разных уголков России, но их объединяет одна цель – найти и (по возможности) идентифицировать каждого погибшего в неравном бою с мерзким фашистским злом солдата Красной армии. Ведь войну можно считать оконченной лишь тогда, когда последний воин вернётся к себе на родину.

Принимая участие в работе поисковых отрядов, я искренне радовался тому, что в нашей стране, молодое поколение которой сегодня всецело стремится поработить самыми ужасными и коварными методами, есть подростки, осознающие значимость подвига советского солдата, понимающие простую истину: память нужна не им, кто уже никогда не вернётся, а нам – живым...

...Одежда бойцов истлела. Мы никогда не увидим их лиц. Никогда не узнаем о чувствах в тот самый последний миг... Однако для чести и доблести не существует срока давности: руки бойцов сжимают винтовки, и поэтому их подвиг бессмертен! Это благодаря им мы, «книжные дети, не знавшие битв», сегодня живём в мире.

Кёся Антон, 11-й класс

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Радужный
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 8»

Побег из немецкого плена

Основано на воспоминаниях ветерана Великой Отечественной войны Анатолия Юлиановича Кендзерского.

Шёл тревожный октябрь 1941 года. Над лагерем советских военнопленных, расположенным недалеко от Вязьмы, сгущались сумерки. Небо заволокли тяжёлые свинцовые тучи, предвещавшие скорый ливень. На землю опустился сырой и холодный воздух, а ветер раздувал реявший на вышке нацистский флаг.

Так называемый лагерь представлял собой огромную кучу живых и мёртвых тел, лежавших прямо на голой земле, обнесённой колючей проволокой. То были красноармейцы, которые за несколько дней, проведённых в плену, превратились в скелеты, обтянутые кожей, с заросшими щетиной щеками и незаживающими ранами. В лагере царила смерть, живые сидели среди мёртвых, большинство из которых скончались от дизентерии и от полученных ран. Окутанные страхом и безысходностью пленники старались не смотреть на мертвецов, разговаривали друг с другом о всякой всячине, о чём угодно, лишь бы не смотреть на смерть, поднимали глаза к небу, которое, казалось, отвернулось от них, закрывшись чёрными, хмурыми тучами.

Немцы отдыхали в тёплом сарае, стоявшем неподалёку от лагеря. Оттуда слышалось веселье, беззаботные разговоры о жизни на родине, пахло горячим ужином. Из сооружения периодически выходили солдаты вермахта, выкурив одну-другую сигарету, они заходили обратно. Рядом стояла вышка, с верхушки которой светил прожектор. Немец на вышке, чья смена подходила к концу, тщательно осматривал границы лагеря. По крыше начал стучать дождь.

Над поляной слышался негромкий разговор пленных красноармейцев. Недалеко от проволоки, с противоположной стороны от вышки, беседа шла преимущественно о пленении и попадании в лагерь.

– Я всегда мечтал оказаться на фронте, – говорил, почти шептал молодой солдат с садиной на щеке. – Добровольцем записался ещё в июне, хотел скорее в битву, в самую гущу, чтобы пострелять по немцам, думал, как только будет возможность, сразу десяток убью, и только позавчера мне довелось первый раз показать себя. Но всё случилось не так. Пока мы оборонялись, немцы, наверное, сразу половину нашей роты уложили, а когда отступить начали, они нас, как кроликов, всех перестреляли. Я со страху в лес какой-то забежал, блуждал по нему, пока меня фрицы не нашли.

Он рассказывал эту историю своим товарищам уже в пятый раз, но все слушали его, как в первый. Сидели они небольшой группой в человек семь и пересказывали друг другу свои истории пленения примерно одного содержания – хотел на фронт, защищать Родину, а пленили в первом же бою. Один лишь пленник с сержантскими погонами на плечах и сединой в волосах почти не говорил, а только слушал. Он поглядывал то на небо, откуда всё чаще и чаще капал дождь, то на рассказчика, то на одиноко сидевшего позади него солдата.

– Ах, если б мне тогда шальная пуля не угодила в лодыжку, я бы точно спасся! – рассуждал уже другой красноармеец с перебинтованной ногой. Но его перебил другой, совершенно здоровый:

– Боже мой, когда же это закончится! Мы тут все умрём!

– Да замолчи ты, Саня! Нас освободят, скоро наши немцев назад погонят, – почти закричал его сосед.

– Да мы же тут сгниём заживо через несколько дней!

– Я тебя сейчас ударю, если ты не заткнёшься!

– Угломонитесь! – шикнул сержант.

Он развернулся к одинокому солдату и мягко спросил:

– Ты откуда, сынок?

Сынками он называл всех молодых солдат, а имени ни у кого не спрашивал, ведь сейчас было уже без разницы, кого как зовут. К нему самому обычно обращались на «Алексеевич», хотя в действительности никто не знал его настоящего отчества.

Солдат будто оторвался ото сна и посмотрел в глаза сержанту.

– Как звать тебя? – повторил Алексеевич, оглядев собеседника.

– Анатолий, – грустно, но оживлённо проговорил солдат. Было видно, что он счастлив наконец с кем-нибудь поговорить.

По мановению руки сержанта он подсел в кружок и оказался между раненым в ногу и другим солдатом азиатской внешности.

– Расскажи, Толя, как ты тут оказался, – проговорил уже не полушёпотом, как раньше, а вслух сержант.

– Да тут недалеко в танкетку мою...

– Громче, пожалуйста, из-за дождя не слышно ничего! – проговорил солдат с сединой на щеке, сидевший напротив него.

– В танкетку мою снаряд попал. Я с товарищем там был. Или мина это была... Взрыв был такой, ужас! Или осколком просто... Товарища моего вообще наизнанку вывернуло. А мне в голову влетело что-то... У него все внутренности прямо на мотор!

Толя махнул рукой перед лицом. Видно было: он до сих пор в шоке от того, что пережил пять дней назад. Помолчав секунду, он продолжил:

– Смотрю, с моей стороны в щель уже фриц какой-то дуло просунул и говорит: «Рус, сдавайся!» А я не вижу почти ничего, мне от царапины

на голове кровь глаза заливает. А что делать? Встал, выбрался. Потом сюда привели.

Лаконичный рассказ его погрузил слушателей в тяжёлое раздумье. Через минуту молчания Толя продолжил:

– Меня пока везли сюда, я всё время молитвы читал и Бога благодарил за подарок такой, второй раз родился! У меня же как раз тогда день рождения был. И за немца этого тоже благодарил, как он меня не застрелил-то?

Товарищи молчали и слушали дождь. Сумерки уже сгущались, но спать никто не собирался. Прожектор всё также мотался то по поляне, то вдоль проволоки. Немец на вышке время от времени поглядывал на двери сарая, видимо, высматривал следующую смену. Внизу, где сидели солдаты, повсюду кашляли, стонали, вздыхали – всё это не мог заглушить усиливавшийся ливень.

– Сбежать бы хорошо, хоть к чёрту, – проговорил пленник с азиатской внешностью.

– Да как сбежать, Арслан! Нас всех же перестреляют! – протараторил Саня.

– Да что ты начинаешь опять! – возмутился его сосед, который хотел уже было треснуть товарища, но был остановлен сержантом.

– Подожди, Палыч. Давайте, пока там, на вышке, смена, отползём к проволоке. Сейчас дождь, ночь уже наступает вроде. Пролезем, да и все дела! – предложил Алексеевич, пробежавший глазами по лицам солдат. – Вы потихоньку только, чтоб никто вокруг не догадался, перебирайтесь. А то если всем лагерем поползём, то что это будет?

– А если... – начал было Саня, но тут же был одёрнут соседом.

Вскоре стемнело. Дождь перешёл в ливень. Измученные пленники уже окончательно смирились с грозившей им смертью. Кому-то даже казалось, что дождь шёл вместе со снегом. Немец на вышке дрожал от холода. К нему на смену бежал другой.

В это время в то место, откуда патрульные только что отошли, приползли семеро товарищей, решивших сбежать из лагеря во что бы то ни стало. Солдат с ссадиной на щеке отогнул проволоку и, подгоняемый остальными, выполз на свободу. Сержант выполз последним, бросив прощальный взгляд на вышку, на сменявших один другого немцев, на лежавших вдали красноармейцев, то ли спящих, то ли мёртвых.

– Ради Христа, только не вставайте! – шёпотом прокричал сержант. – Если нас увидят – хана!

Товарищи поползли. Толя, ещё совсем молодой, совсем недавно оказавшийся на волосок от смерти, не мог поверить в то, что он жив. Впереди лес – там спасение! Добраться бы до наших! А до леса был километр. Заветный километр, священный километр! Ещё чуть-чуть, жалкий километр, и всё, свобода! Солдаты ползли сквозь грязь, сквозь ливень, а где-то недалеко слышались оклики на немецком.

– Друг друга, похоже, потеряли, черти, – прошептал Палыч Арслану. Тот ухмыльнулся и оглянулся на Саню, который в волнении то ли молился, то ли сам с собой разговаривал.

Вдруг вдали снова послышался крик какого-то караульного, но на этот раз громче. И тут что-то щёлкнуло в головах у некоторых солдат. Вдруг увидели? Вдруг ищут уже? Хотя они и испачканы в грязи и на земле их не видно, да и ливень страшный, вдруг немцы уже бегут за ними? Тут, будто ошпаренный, Саня сорвался с земли и со всех ног побежал к лесу, еле видному вдалеке. А за ним подскочили Палыч, Арслан, а затем и все остальные.

– Вы что творите, сволочи?! – заорал Алексеевич и тоже побежал за ними.

Начался настоящий ад. Немцы, ходившие недалеко, которые, казалось, в упор не увидели бы ползущих, обернулись и засветили в спины бегущим своими фонариками. На беглецов направили и прожектор. Кто из пулемётов, кто из винтовок, кто из автоматов – немцы начали стрелять в беглецов. Солдат с простреленной ногой сразу же отстал – его пристрелили первым. Затем под градом пуль повалились ещё двое. Быстрее всех бежал Толя. Он бежал зигзагами, спотыкался о грязь и задыхался, захлёбываясь водой и кровью, хлынувшей из внезапно открывшейся раны на голове. Догнавший его Палыч поскользнулся и упал. Он не коснулся ещё земли, как в затылок ему влетели три нацистские пули.

Толя бежал не оглядываясь. Где-то внутри, в самой его душе, билось страстное желание жить. Он хотел ещё увидеть свою семью, вновь встать под ружьё, отстрелить-таки десяток немцев! Но сначала добежать этот километр.

Дождь начал стихать. Толя ракетой влетел в лес и, пробежав ещё около ста метров, споткнулся о корень дерева. Упав в грязь, он нашёл в себе силы быстро подняться и обернуться. Позади бежали ещё два солдата. Резко развернувшись, он дёрнулся вперёд и побежал дальше со всех ног. Бежал он бы так, наверное, до самой Сибири, если бы силы его окончательно не покинули и он не повалился на землю второй раз.

Он прополз на карачках ещё какое-то расстояние, пока его не догнал один из солдат.

– Живой, Толян? – будто сквозь сон послышался голос сержанта.

– Алексеевич, Вы?

– Фрицы отстали, но всех перебили.

Следом подбежал солдат с ссадиной на щеке, державшийся за плечо, куда, видимо, попала пуля. Позади него никого уже не было. Солдаты посидели немного, отдышались и побрели дальше.

Постепенно закончился дождь. Начало светать. В лесу гробовая тишина. Не пели птицы, не бегали животные. По пути не встретилось ни зверь-

ка. Трое выживших молча шли через лес. Молчание прервал солдат с ссадиной на щеке:

– Жалко Саньку! Он как подскочил, его почти тут же грохнули! Хороший был человек.

– Не уж то мы одни убежали? – проговорил сержант и поднял голову кверху.

Небо становилось всё чище. Свинцовые облака уступали место фиолетовому рассвету.

– Слава Богу!

Друзья шли ещё долго. Питались сначала тем, что попадётся, а потом наткнулись на партизан и смогли наконец нормально поесть. Долго у них не задержались: очень хотелось к своим, на фронт. От партизан также узнали, что советские войска давно уже отступили к самой Москве и неизвестно толком, взята ли столица или нет. Как добрались до армии, спасшиеся пленники расстались. Толю направили в часть, после чего он продолжил отстаивать свободу Родины. Он прошёл до конца войны, но о судьбе своих товарищей по плену так и не слышал больше.

Шаимов Михаил, 8-й класс

Челябинская область, г. Чебаркуль

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 7»

Песня без границ

Чем громче музыка атак,
Тем слаще мёд огней домашних.

Б.Ш. Окуджава

Я никак не мог понять увлечения моего деда японской поэзией. Самураи, ниндзя – вот это интересно, увлекательно, а тонкости хокку и танка для меня всегда оставались загадкой. Дед, глядя на мои попытки увильнуть от очередного прослушивания трёхстишия Басё, только посмеивался в свои седые усы и приговаривал: «Всему своё время». Наши разногласия с ним были не только в области литературы, но и в музыкальных пристрастиях. Дед всегда ворчал, когда видел меня в наушниках. «Песню надо слушать не только ушами, но и сердцем. Музыка должна наполнять тебя, затрагивать самые сокровенные струны твоей души. Тогда ты и увидишь песню». Увидеть песню? Я в ответ только пожимал плечами, а дед повторял: «Всему своё время». Несмотря на наши противоречивые взгляды на мир искусства, с дедом мы были большими друзьями. Он для меня был не просто Друг, но и Философ, Учитель. Теперь деда нет рядом с нами. Остались только книжный шкаф, фотоальбом и воспоминания...

Я люблю перелистывать книги, которые читал дед: словно в эти моменты продолжаю разговаривать с ним. Ответы на вопросы, которые я задал бы ему сейчас, теперь пытаюсь найти в его любимых произведениях. Сегодня, открыв книжный шкаф деда, я взял его любимый сборник японских трёхстиший «Роса на цветке».

– Мам, а почему дед любил эти стихи? В Японии он не был, да и не собирался туда.

Мама подошла, взяла книгу в руки, нежно провела ладонью по обложке.

– Это твой дед так выражал благодарность народу Японии за то, что он помнит, любит наши фронтовые песни и поёт до сих пор. Из них дедушка больше всего любил «Огонёк», и в Японии эту песню тоже полюбили.

– Но ведь мы с ними воевали, – напрягая память, возразил я, – в 1939 и в 1945 годах мы были не в лучших отношениях.

– Войну ведут государства, а песни не воют против людей, они их объединяют. Песню нельзя обвинить в чём-то.

Мама убрала книгу в шкаф.

– Поздно уже. Иди отдыхай.

Я выключил свет, лёг спать, не подозревая, что в скором времени мне предстоит заново открыть для себя песню «Огонёк».

По четвергам я всегда покупал для деда свежую прессу местного и федерального значения. Когда его не стало, я всё равно еженедельно продолжал заходить на почту. Вот и в этот четверг купил газеты и (сам не знаю почему) журнал «Огонёк». Дома, бросив рюкзак на пол, я стал перелистывать журнал, по привычке с последней страницы. Неожиданно наткнулся на статью о любимой песне деда «Огонёк». В редакцию журнала пришло письмо из Японии, в котором автор, президент торговой компании, литературный исследователь Бункити Китаяма, написал эссе о смысле русской песни «Огонёк». Несколько дней эта статья не выходила у меня из головы. Моё сознание поразило не столько скрупулёзное исследование Китаяма, сколько то, что песня, появившаяся 77 лет назад (19 апреля 1943 г. в газете «Правда» было напечатано стихотворение М. Исаковского «Огонёк»), до сих пор продолжает волновать людей, не оставляет равнодушными, трогает до слёз. В XXI веке мы пытаемся найти ответ на простой вопрос: «В чём сила твоя, песня?»

Вслед за японским исследователем я решил совершить своё путешествие в песню. Что скажут мне глаза, а что – чувства? Китаяма в стихотворении выделил слова-символы: «простилая» – прощальное слово женщины, «на ступеньках крыльца» – в месте, где живые провожают идущих на смерть, «за туманами» – граница между живыми и мёртвыми. Но всё гораздо сложнее и... намного проще. Мой поиск начался со славянской мифологии (миф и реальная история всегда соотносены). Древние славяне почитали огонь-стихию, дающую тепло и свет. Домашний огонь считался священным, а древний русич, отправляясь в далёкий путь, брал с собою не только горсть родной земли, но и щепоть золы из домашнего очага. Как Прометей нёс божественный огонь людям, так песня несла свой свет, свет домашнего очага, в души людей. Угольки грели сердца солдат своим живительным теплом.

В чём сила твоя, песня? В мифах, в фольклоре, в символах?

«Томособи» в переводе с японского означает «огонёк». Японцы любят петь хором не только национальные песни, но и песни других народов. Когда я услышал «Огонёк» в исполнении группы «DarkDucks» (а капелла), то почувствовал, как меня пробирает дрожь от той энергии, которая исходила от песни. Следующий исполнитель «Огонька» – Хибари Мисори: такое же проникновенное звучание, необъяснимое многогранное излучение от песни. И конечно, «Огонёк» в исполнении наших соотечественников – это просто душевная энергия.

В чём сила твоя, песня? В уникальной, неповторимой энергии?

Я настолько увлёкся своим путешествием в песню, что решил написать письмо Бункити Китаяма. Рассказать ему, что значит «Огонёк» для нас, как мы его понимаем.

Военная песня не рождается случайно, она ждёт своего часа. Апрель 1943 года – позади Сталинградская битва, самое кровопролитное сражение в истории человечества, впереди Огненная дуга, освобождение родной земли и Европы. А пока на фронте снова день, похожий на предыдущий, и снова ночь, напоминающая минувшую. Счёт времени ведут от одной атаки до другой. А солдату нужна песня... Такая родная, понятная, светлая и тёплая, лирическая и боевая...

Тыл... Повсеместное затемнение: на улицах ни фонаря, окна домов тёмные, машины не включают фары. Страна погружается в темноту. Людям нужен хотя бы лучик света. И тут рождается «Огонёк» – «и песня, и стих – это бомба и знамя» (В. Маяковский), – который не только пронзает мрак, но и превращает его в свет. «Огонёк» протягивает невидимую нить между фронтом и тылом, между передовой и родным домом. Образ становится символом, огромным и вдохновляющим: не погаснет огонёк Родины!

Только сейчас я понял слова моего деда: «Ты увидишь песню». В короткие передышки солдаты слушали, пели песни и вспоминали свои дома, думали о любимых, родных и близких. «Огонёк» вливал в них новые силы, отвагу, укреплял дух. Защищая тех, кто тебе дорог, и погибнуть не страшно.

В чём сила твоя, песня? Сила – в духе. Каждая строчка поражает насквозь, прямо в сердце, проникает в душу. Сила-то в духе! В том неведомом, бушующем, неосязаемом со времён Невского и Донского, Кутузова и Ушакова, который стихийно живёт в каждом из нас.

Необходимо сберечь и передать песню потомкам, сохранить нить, что тянется от павших к живым. Через нас. Солдат жив, пока его помнят. Песня жива, пока её поют. Когда мы исполняем военные песни, то переживаем те чувства, которые испытывали наши солдаты в те страшные годы.

Россия и Япония – две соседние страны, но география разделила нас морем, история разъединила нас войной. Песня же не признаёт границ. Она понятна всему миру. Когда люди разных национальностей и стран поют одну и ту же песню, то становятся ближе друг к другу. «Спасибо, что Вы помните и любите наши военные песни!» – так бы я написал Б. Китаяма.

К каждому человеку песня приходит своим путём. Рано или поздно, но это случится обязательно. Они нужны нам, потому что помогают стать сильнее и человечнее. «Огонёк» освещает не только самого человека, но и то, что вокруг него. Мир видится по-другому. Тёмное становится светлым, непонятное – понятным.

Вечером перед сном я, как обычно, взял книгу. Взглянул на фотографию деда, улыбнулся, подмигнул («Моё время пришло, дед!») и раскрыл томик трёхстиший «Роса на цветке».

Янушковская Аделина, 10-й класс

Ямало-Ненецкий автономный округ, Надымский район, п. Правохеттинский
МОУ «Правохеттинская средняя общеобразовательная школа»

Память жива

Отгремели давно залпы наших орудий,
А в воронке от бомбы трава-мурава...
Но войну не забыли суровые люди
И смеются сквозь слёзы,
Ведь память жива!

Зинаида Чеботарева

Весна. Яркое, весёлое, ласковое, как мама, солнце, старающееся обогреть всех людей, пробудить их душу от «зимней спячки». Мирное, невероятно чистое лазурно-голубое небо. Любимый парк в центре мегаполиса с аллеями раскидистых тополей и важных могучих дубов. Любимый город!

Гуляя по самой дорогой мне улице, вдыхаю терпкий аромат молодой листвы. Хочется жить, радоваться каждому мгновению, наслаждаться тёплым майским солнцем. «Любимый город, скоро я приеду учиться», – мечтая, подумала я.

– Бабушка, бабушка, а что это за памятник?

Звонкий, чистый детский голос прервал мои мечтания о прекрасном будущем. Я увидела приближающуюся ко мне женщину, вполне ещё молодую, ведущую за руку белокурую девочку, судя по росту – лет пяти-шести, с живым лицом и пытливым взглядом в красивом нежно-голубом платье.

– Бабушка, а что это за дядя? – не унималась любознательная девочка, глядя на высокий монумент.

– Внученька, это памятник воинам-танкистам, защищавшим наш город и всю страну от злых, жестоких людей, которые напали на нас и стали убивать людей, – объясняла женщина, показывая на памятник. – Эта война называется Великая Отечественная – самая страшная и жестокая в истории человечества...

«Папа, папа, смотри, какие красивые буквы на табличке, – в голове зазвучал далёкий детский голос. – Я сейчас прочитаю: у-ли-ца Хох-ря-ко-ва! – произнёс настойчивый радостный голос. – Улица С.В. Хохрякова. Вот что получилось!»

В памяти так ясно всплыла картинка семилетней давности: майский тёплый день, всюду порхают разноцветные бабочки, воздух наполнен удивительным, чарующим ароматом молодой зелени, который бывает только

весной. Парк в центре города. Тополиная аллея. Мы с папой гуляем в парке, я веселюсь и бегаю, стараясь поймать пролетающую красивую бабочку. Погуляв по аллее, мы пошли на параллельно расположенную улицу...

В голове снова зазвенели слова: «Улица С.В. Хохрякова».

– Папа, почему на доме написана наша фамилия?

– Дочь, эта улица носит название героя Великой Отечественной войны.

– А почему у него наша фамилия? Он, что, наш родственник? – не унималась я.

– Давай поступим так: сейчас мы ещё погуляем, покатаемся на аттракционах, – предложил папа, – а вечером я тебе расскажу историю нашей семьи, если захочешь.

Наконец-то дождавшись вечера, я подошла к отцу и сказала:

– Папа, я хочу послушать про героя войны.

– Не забыла, – улыбнулся отец, – хорошо, садись поудобней, доченька, я расскажу тебе историю нашей семьи.

Я уселась на диван рядом с отцом, удобно прижавшись к мягкой спинке дивана. И папа начал свой рассказ:

– Семён Васильевич Хохряков – мой двоюродный дедушка, герой Великой Отечественной войны. Он родился тридцать первого декабря тысяча девятьсот пятнадцатого года (это было очень давно) в посёлке Коельский, который находится недалеко от нашего города.

– Он, что, родился в Новый год? – удивилась я.

– Да, можно сказать, что в Новый год, – улыбнулся папа. – Какая ты внимательная.

– До войны Семён Хохряков служил в танковых частях, – продолжал отец, – и всю войну он был танкистом, командовал танковым батальоном (это в армии большая-большая группа людей). За проведение успешного боя и освобождение польских городов моему дедушке присвоили звание Героя Советского Союза и вручили очень дорогие награды – орден Ленина и медаль «Золотая Звезда». Несколько раз он был ранен. В тысяча девятьсот сорок пятом году участвовал в боях за освобождение польских городов. Был второй раз награждён медалью «Золотая Звезда», и ему ещё раз присвоили звание Героя Советского Союза. Много и других наград было – орденов и медалей. Мой дед – дважды Герой Советского Союза, – с нескрываемой гордостью произнёс отец.

Я сидела как замороженная, представляя в своей детской голове дедушку-героя с дорогими наградами на груди.

– Дедушка был смелым, храбрым командиром, которым гордились, которого уважали и любили бойцы, – продолжал отец. – Его слово проникало в душу каждого солдата, ободряло, вдохновляло. Он всё всегда показывал личным примером, бесстрашно шёл навстречу опасности.

Шёл последний год войны. В Германии (такая страна есть) были жестокие бои, и дед-танкист, командир батальона, в них участвовал, – отец вдруг замолчал и о чём-то задумался. – Начался самый страшный бой. В нашу сторону двигалось большое количество немецких танков. Танк комбата первым открыл огонь по противнику, – продолжил рассказ отец. – Твой прадедушка на знаменитой тридцатьчетвёрке начал громить врага. Это был жестокий бой. Рёв моторов, взрывы, грохот движущихся танков, скрежет металла. Русские танки стремительно движутся навстречу противнику.

И вдруг танк деда завертелся на месте: перебило гусеницу. Люк башни танка открылся, и комбат быстрым прыжком соскочил на землю. «За мной, ребята! Мы их опрокинем!» – в последний раз услышали голос своего бесстрашного командира бойцы танковой бригады... Мой дед погиб семнадцатого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года, совсем чуть-чуть не дожив до Дня Победы. Но его танковая бригада открыла Советской армии дорогу на Берлин, – тихо закончил рассказ мой отец, еле сдерживая слёзы.

Я подошла к отцу, села на колени и, прижавшись к нему, тихонько прошептала: «Папа, я не хочу, чтобы была война!» Папа крепко обнял меня и долго держал на руках...

Воспоминания, нахлынувшие так внезапно, заставили снова пережить грустные моменты в истории нашей семьи, связанные с Великой Отечественной войной, и слёзы невольно катились по моим щекам.

Так, увиденная несколько лет назад адресная табличка «Улица С.В. Хохрякова» стала маленькой дверцей, открывшей богатую родословную моей семьи. Каждый год 9 Мая с чувством патриотической гордости я несу портрет своего прадеда-героя, участвуя в шествии «Бессмертного полка».

Очень жаль, что мой прадед не дожил до Победы, но память о нём живёт и всегда будет жить в сердце каждого члена нашей семьи.

С того дня, как закончилась Великая Отечественная война, прошло семьдесят пять лет! Но память о той весне тысяча девятьсот сорок пятого года жива в сердце каждой русской семьи! Благодарные потомки увековечили имена героев-победителей, назвав в их честь улицы, парки, скверы городов.

«Какой удивительно нежный ветерок дует мне в лицо», – неожиданно для себя подумала я. Посмотрела на мирное голубое небо и пошла в сторону дома. А важные тополя провожали, шелестя листвой, словно шепча: «Помним! Через века, через года! Помним!...»

ФИНАЛИСТЫ

**Всероссийского конкурса сочинений
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Дереглазов
Денис

Святохина
Екатерина

Шумилина
Анастасия

Самкова
Анна

Гайфуллина
Алина

Юркевич
Анастасия

Журина
Есения

Бравина
Галина

Казначеева
Надежда

Волков
Владимир

Куницкая
Ангелина

Смыков
Михаил

Рамазанова
Сабина

Статейкина
Карина

Солмакова
Анастасия

Дереглазов Денис, 6-й класс

Владимирская область, Ковровский район, с. Клязьминский Городок
МБОУ «Клязьмогородецкая основная общеобразовательная школа»

Ветеран живёт рядом

Перед моими глазами встаёт образ убелённого сединами пожилого человека, защищавшего нашу страну от врагов в годы Великой Отечественной войны, а затем много лет проработавшего в местной школе учителем. Кто же он такой?

Когда я ещё не учился в школе, то со своими друзьями около клуба играл в войнушку. Мы стреляли друг в друга, падали и снова стреляли... И вдруг ко мне подошёл, тяжело опираясь на палочку, какой-то старичок и спросил:

– Ты чей, сынок, будешь?

– Дерезглазов я.

– А как звать-то тебя?

– Дениска.

– Вот что, сынок, есть очень много хороших игр: догонялки, прятки, футбол... Только не надо стрелять и убивать... Вырастешь – поймёшь.

Когда я пришёл домой, то у меня из головы не выходил этот дедушка, и я, рассказав всё маме, спросил у неё, кто это. Она сказала, что это почётный житель нашего Городка, фронтовик, бывший учитель школы.

Пролетело незаметно время. И вот я в школе. Однажды наша учительница сообщила, что мы идём помогать Юдину Александру Степановичу.

– Он старенький, воевал, ваших родителей учил. Мы всегда будем навещать его и помогать. Живёт он рядом, около школы.

Мы дружно подмели дорожки, сгребли листву около дома и вдруг улышались:

– Ребятки, идите сюда.

На крыльце нас встретил мой давний знакомый, позвал в дом, напоил вкусным чаем и рассказал нам о том, где он воевал.

В Клязьминском Городке ветерана войны, бывшего учителя местной школы Александра Степановича Юдина знают все. Родился он в 1922 году в небольшой деревеньке Анохино Ковровского района в многодетной крестьянской семье. Отец Степан Алексеевич работал на своём хозяйстве. С женой подняли на ноги шестерых детей. Александр Степанович вспоминает: «В семье детей воспитывали трудом, послушанием и уважением к старшим. Ели все из одной чашки, за столом полная тишина. Все дети помогали по хозяйству: кто дом прибирал, кто воду носил, кто дрова колл... Все к работе относились с уважением. В нас, детях, отец больше всего ценил ответственность и инициативу, никогда за нами не ходил и не про-

верял сделанную работу». Вот так всю жизнь и живёт Александр Степанович по совести.

Ещё учась в школе, Саша знал, что будет учителем. После школы в 1937 году поступил в Ковровское педагогическое училище, где проучился 3 года. После окончания педучилища в 1940 году проработал 3 месяца учителем географии, биологии и химии в Мелехове и был призван в армию. Паренька за его серьёзность сразу направили в школу мастеров по авиавооружению. Окончив её, Александр попал в Оршу на аэродром.

22 июня 1941 года, как обычно, прозвучала команда «Тревога!». Никто не сомневался – учебная! А то, что тревога боевая, Александр заметил первый: лётчики бежали к самолётам с пистолетами. В тот же день Александра направляют в Москву за истребителями «МиГ». В Смоленске их эшелон подвергается бомбардировке. Что тут началось?! Паника. Давка. Кто-то пытался влезть в битком набитый вагон, кто-то едва держался на ступеньках. А когда поезд стал набирать ход, кто-то закричал: «Немецкий десант!» Выстрелы. Разрывы бомб. Первые жертвы. Стоны. Слезы.

Из Москвы Александр в самолёте «дуглас» прилетает в Идрицу. Не успели зайти на посадку, как лётчик кричит: «Приготовьтесь стрелять из иллюминаторов – нам в хвост заходит «мессер».

– Мы стали стрелять из автоматов, – рассказывает Александр Степанович, – но «мессер», прошив обшивку нашего самолёта, улетел: не нас, конечно, испугался, а зениток, открывших по нему огонь. На аэродроме началась повседневная фронтовая служба. Как-то во время очередной подготовки самолёта к вылету рано утром я услышал приближающийся гул самолёта. «Фрицы», – говорю напарнику. «Наши», – отвечает тот, протирая пушку. Тут же из облаков вынырнул «юнкерс», за ним – второй, третий, да как сыпанули по нашему аэродрому! Прижался я к своему самолёту и думаю: «Всё, мамочка! Не увидишь больше сыночка!»

Вот так об этом эпизоде рассказывает Александр Степанович:

– После одного из налётов «юнкерсов» я заметил, что из масляного бака нашего истребителя идёт дым, значит, взрыв самолёта неминуем. Смекалка не подвела: догадался из пулемёта максим взять воды, но не помогло – мало. А что, если засыпать землёй? Так и сделал. Спас наш самолёт от взрыва, несмотря на то что над моей головой кружили стреляющие «юнкерсы».

За смекалку и героизм Александр получил благодарственное письмо от самого Сталина.

Из истребительного полка Северо-Западного фронта Александра Юдина переводят в 33-й штурмовой авиационный Воронежский Краснознамённый полк мастером по авиавооружению. Штурмовики – не истребители: здесь более сильное вооружение, не зря немцы звали Ил-2 «летающими

танками», а поэтому прибавилось больше не только работы, но и ответственности за подготовку самолётов к боевым полётам. Александр Степанович прошёл всю войну и встретил Победу в Берлине, дошёл до Вены. Он награждён орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы». Демобилизовался в 1945 году.

После войны Александр Степанович продолжил преподавательскую деятельность: работал в Федотовской вечерней школе, в мелеховской школе № 1. Вскоре подал заявление во Владимирский пединститут на факультет русского языка и литературы, обучался заочно и работал в школе. С 1951 года Юдин А.С. начал педагогическую деятельность в Клязьмогородской школе учителем русского языка и литературы. В 1957 году получил высшее образование, окончив Владимирский педагогический институт.

У Александра Степановича за многие годы работы сложилось своё педагогическое кредо. Главное – это уважение к педагогическому коллективу и ученикам. Никогда не делал замечание ученику при всём классе, считал, что это унижение личности. По его мнению, не каждому ученику даётся математика, физика, кто-то слаб в грамматике, далеко не все станут учёными, врачами, но добрыми, ответственными должны быть все. Ради этого стоит учить детей. На занятия в школу приходил раньше всех. Дети это знали, если кто что-то не усвоил, получал дополнительные объяснения. Зачастую уроки ветерана превращались в «уроки мужества».

К себе Александр Степанович всегда относился очень требовательно: «Водку я не пил, табак не курил, а то какой я после этого учитель». В школе дополнительно вёл краеведческий кружок. Постоянно был окружён детьми. Очень скромно говорил о себе: «Работал так, как должен работать учитель». За добросовестный труд в деле воспитания и обучения учащихся награждён многими почётными грамотами. В трудовой книжке объявлено много благодарностей, награждён знаком «Ветеран труда». В 1982 году вышел на пенсию. Но старый педагог никогда не терял связи со школой, принимал активное участие в мероприятиях, посвящённых Великой Отечественной войне.

«О войне буду рассказывать до конца своих дней. Горжусь, что воевал, защищая Родину...» Эти последние слова человека, мудрого наставника ребячьих душ останутся в моём сердце навсегда. Вот уже несколько месяцев, как нет Александра Степановича с нами. Умер, не дожив всего полгода до своего самого значимого и любимого праздника – 75-летия Победы над фашизмом. Его нет, но он по-прежнему мысленно с нами в одном строю: советует, наставляет, учит... Учит самому дорогому – любви к нашей Родине, нашему народу. Да, проходит время, меняются люди. Человечество

стремится вперёд, к сожалению, не всегда оглядываясь назад. Но каждый должен помнить, кому он обязан тем, что у него мирное небо над головой, спокойная жизнь.

Человек должен свято чтить историю своей страны, своей малой родины, должен знать имена людей, которые были участниками Великой Отечественной войны и чьи жизненные уроки стали примером для многих поколений детских душ.

Святохина Екатерина, 9-й класс

Воронежская область, г. Воронеж

МБОУ Средняя общеобразовательная школа № 38

с углубленным изучением отдельных предметов имени Е.А. Болховитинова

Взорванное лето

Каждый день я хожу в школу мимо этого памятника. На улице Театральной, названной так уже после войны, лежит камень, на нём – металлическая табличка. На памятнике изображена мёртвая птица и помещена надпись: «13 июня 1942 года в бывшем саду Пионеров от бомб, сброшенных фашистами, погибло более 300 детей».

Улица, где стоит мой дом, проходит по бывшей территории сада Пионеров, а во дворе всё ещё сохраняются развалины стены, разрушенной, видимо, в период Великой Отечественной войны. Фундамент и остатки кирпичной кладки какого-то здания «из прошлой жизни» уцелели в углу двора по чьему-то недосмотру. В стене, примыкающей к тому, что осталось от издательства «Коммуна» (вокруг каменный забор в два ряда, мотки колючей проволоки сверху), сохранились заколоченные досками окна, заглянуть в которые мы с подругой Верой давно мечтали. И вот упавший между стенами мяч заставил нас рвануть доски, державшиеся на ржавых гвоздях, и протиснуться в оконный проём.

Сначала мы не увидели ничего, кроме старого здания «Коммуны», однако, обернувшись, обнаружили себя в каком-то другом месте.

Перед нами раскинулись и сад, полный свежей летней зелени, и парк с развлечениями: где-то шумел фонтан, отовсюду доносились радостные детские голоса и весёлый смех. Я увидела танцплощадку, на которой уже готовился выступить ансамбль; все ряды скамеек перед ней были заняты, а люди то подходили, то уходили, будто не в силах усидеть на месте. Чуть в отдалении возвышался дом в три с половиной этажа, светлый, с колоннами и с башенкой, на которой гордо реял необычайно яркий в начинающем синеть вечером небе красный флаг.

Тёплый летний ветерок, неспешный шелест ветвей, разговоры наполняющих парк ребят – всё это внушало уютное чувство расслабленности; хотелось закрыть глаза на странности и просто прогуляться по этому местечку, полному играющих, поющих, танцующих детей. Видимо, это был какой-то праздник – на многих были красные галстуки; кажется, такие носили пионеры в прошлом веке.

Внезапно нас кто-то окликнул. Позади стояли две девочки, на вид им было лет по десять; одна из них, брюнетка с короткими, но толстыми косичками, улыбалась. Кажется, именно она и позвала нас.

– Привет, меня Элла Кадашевич зовут! Никогда вас раньше не видела. И я хочу познакомиться! Вы чего грустите, от друзей отбились? И галстуков у вас нет. Может, вы шпионки какие, а? – Элла засмеялась собственной шутке.

Я улыбнулась, стараясь скрыть недоумение.

– Меня зовут Катя, а это Вера. Она немного стесняется, – я незаметно ткнула подругу в бок, пытаясь направить диалог в нужное русло, – поэтому и молчит. Так уж вышло, что мы тут совсем никого не знаем. Если тебе не трудно, расскажешь нам о ком-нибудь?

– В самом деле совсем никого не знаешь? Ничего, я тут уже со многими познакомиться успела! Смотри, видишь, там мальчик? Его Олегом Дробовским зовут, я к нему недавно подходила, а там его сестра, Галя, она ещё в ансамбле танцует, гляди, вон эта красавица стоит! Вот ещё мальчишки – Юра Миронюк, Шурик, Женья, там Толька Костюков ещё! И Валька Орлов на баяне сейчас играть будет, смотри! Да тут все знакомятся, чего ж столбом стоять, праздник же, говорят, кончается война! Немцев под Москвой поббили, теперь погонят, все так говорят! И никаких паникёрских настроений! До Воронежа враг никогда не дойдёт! Ты согласна?

Говорят, кончается война...

– Элла, а это какая улица?

– Так улица 11 Мая же, вот чудная! – девочка недоумённо пожала плечами.

– А улица Театральная где? Я там живу.

– Нет такой вроде, уж не знаю насчёт всего города, но рядом точно нет! Ты, что же, не помнишь, как сюда пришла? Сюда отличников со всего Воронежа пригласили на слёт, и все, кто смог, пришли, пончики ведь продают, с сахаром! А ты отличница? Или выступаешь?

Я не знала, что ответить. Война, улица, о которой я и не слышала, проблемы с сахаром, отличники, незнакомые люди...

Как громом меня поразило страшное открытие: улица-то названа в честь 11 Мая, а сегодня какое же число? 13 июня! А ведь именно эта дата, только в сочетании с 1942 годом, стояла на том самом памятнике, посвящённом ужасным событиям в саду Пионеров. Раньше она была для меня просто числом, а вот теперь, когда и я, и моя подруга, и Элла, и эти дети – все мы можем погибнуть, она запылала в моём сознании, призывая хоть что-то сделать, хоть кого-то спасти, пока страшные бомбы не разрушили этот райский сад, полный счастливых, хоть на день забывших о войне ребят.

Может, удастся убежать, пока не началось, прихватив Эллу, мальчишек, всех, кого успеем? Но как объяснить детям, что прямо сейчас на сад упадут бомбы?

Я увидела, как Элла нахмурилась, но тотчас вновь заулыбалась. Неужели и такой весёлой, дружелюбной девочке суждено погибнуть сегодня? Неужели придётся погибнуть и мне?

– Что такое, подружку потеряла? Так она с Валею болтает, около танцплощадки стоит, гляди. А вон, смотри, скоро хор с ансамблем петь будут, пойдём к сцене! – Элла напористо потащила меня к рядам скамеек, на многих из которых уже сидели ребята, но я, заметив Веру в толпе детей, про которых мне говорила Эллочка, вывернувшись, говоря, что отойду «на секундочку».

Схватив Веру за локоть, я с ужасом зашептала ей на ухо:

– Вера, это 1942 год, идёт война, мы можем попасть под бомбы и умереть, и все эти дети могут умереть, нам надо что-то сделать, сказать, предупредить...

Но не успела я договорить, как раздался в небе тяжёлый, булькающий гул мотора фашистского самолёта. Я услышала крик, синхронный и страшный крик сотен детей, что были сейчас в саду, увидела, как, схватившись за руки, побежали к выходу мимо сцены Эллочка с подругой, как промелькнули испуганные лица мальчишек, с которыми знакомила меня Элла, и сама двинулась куда-то, стараясь увести Веру за собой. А потом раздался страшный грохот, затряслась земля, и я поняла, что лежу на траве, в десятке метров от того места, где стояла до взрыва. Голова кружилась, звенело в ушах, перед глазами плыли чёрные пятна, в спину больно упиралось что-то острое, но надо было вставать и бежать, спасаться и пытаться спасти других. Однако было уже поздно.

Повсюду осколки, взрыта земля, поломаны растения, разрушена сцена, но главное не это, а дети, мёртвые, лежащие в лужах крови везде: на траве, на дорогах; некоторых разорвало на куски, и останки разлетелись по всему парку. И ведь только что они говорили, бегали, смеялись, а теперь их нет, они убиты. Сначала кажется, что мертвы абсолютно все, и в ушах после звона лишь полная и страшная тишина. А потом закричали раненые, истекающие кровью, мучающиеся от боли люди: и малыши, и взрослые. Кто-то, кто мог, побежал, кто не мог, пополз, и всё это было страшно и дико, ведь, казалось, не могло такого случиться в реальности, которая вмиг стала хуже самого страшного сна. Я увидела Эллу и её подругу, лежавших на земле неподвижно, будто поломанные куклы. Девочки так и не расцепили рук, и я не могла поверить, что Элла, смешливая, добрая тёмноглазая Элла, лежит лицом вниз на пыльной дороге и не встанет с неё уже никогда. Вот Валя, с которой ещё десять минут назад, а кажется, будто целую жизнь назад, болтала моя подруга Вера, осев на землю, держится за распоротый осколком живот, вот красавица Галя лежит неподвижно, с открытыми глазами, пусто смотрящими в уже не мирное, а разорванное взрывом небо, а у того мальчика, её брата, кажется, его звали Олегом, из ноги фонтаном хлещет кровь. Вот мальчишки, с которыми издали знакомила меня Эллочка: у одного нет ног целиком, у другого – ступни.

Я встаю и бегу куда-то искать Веру, искать живых, пытаться помочь этим детям.

Вера, к счастью, жива и совсем легко ранена: всего лишь царапина, пусть и глубокая, на левой руке. Кто-то суетится рядом с ней, видимо, оказывая первую помощь, буркает: «Жить будешь!» – и убегает: здесь куда больше тех, кому помощь нужнее. Я стою у окна и вновь смотрю на старое здание редакции.

Оборачиваюсь уже на свой двор. Я могла бы решить, что всё это было галлюцинацией, но у Веры и правда поцарапана рука. Поцарапана и наспех кем-то перевязана лоскутом платя. Значит, было всё это, было годы назад это взорванное лето, в один миг оборвавшее и сломавшее столько жизней. Значит, правда погибла Эллочка, ранена Валя, мертва Галина... Хочется плакать, хоть и знала я их совсем недолго. Но теперь это не просто цифры потерь, а дети, весёлые, задумчивые, талантливые, отличники, баянисты, танцоры, и все они остались лежать на испещрённой осколками земле. Но может, кто-то остался в живых?

Дома я нахожу книгу «Сад Пионеров» Ф.З. Блинчевской и Т.Н. Чернобоевой, с замиранием сердца перелистываю страницы, всматриваюсь в лица знакомых и незнакомых, читаю рассказы выживших и воспоминания о погибших. Многие умерли в самом саду или скончались от ран позднее, но всё же уцелели Олег и Толя, жив мальчик Женя, которому на моих глазах оторвало ступню. Внезапно мне в голову приходит мысль: а ведь и мой дедушка в то время был ребёнком! Вдруг я видела его в тот июньский вечер среди других детей?

Я звоню ему, не зная, как объяснить причину внезапного интереса, но он охотно отвечает, как будто только и ждал моих вопросов. Оказалось, что сам он в то время был в эвакуации, а вот его будущий одноклассник Коля лишь чудом спасся, опоздав на праздник.

Я: «Сколько же было в то время таких детей, трагически погибших при бомбёжке?» Дедушка: «Этого теперь никто точно не знает, ведь это была лишь первая бомбардировка Воронежа в 1942 году. Дальше они станут регулярными, потом правобережная территория Воронежа будет захвачена фашистами, и за год оккупации город почти сровняют с землёй».

Теперь я прихожу к памятнику на моей родной Театральной улице, понимая, что стоит за надписью на камне. Сейчас вокруг – жилые дома. Дворец творчества детей и молодёжи и парк отдыха перенесены в другое место. Иду туда, смотрю на счастливые лица детей, слышу их смех и радуюсь тому, что никто из них не глядит на небо с тревогой. Но среди этих беззаботных ребят для меня нет-нет да и мелькнут тёмные косички Элочки Кадашевич.

Шумилина Анастасия, 6-й класс

Ивановская область, г. Кинешма
МБОУ школа № 19 имени 212 Томашувского Кинешемского
стрелкового полка 49-й Ивановской дивизии

Вовремя протянуть руку

Качели взлетали к небу всё выше и выше, но Марусе ни капельки не было страшно. Ей казалось, что небо совсем рядом: протянешь руку и достанешь до него. Девушка жмурилась от летнего солнца и задорно смеялась. За этот звонкий смех, за карие с огоньком глаза Лёнька и любил её. Ребята в деревне не понимали, что он нашёл в этой толстушке-хохотушке, когда кругом столько красивых девчонок. Лёнька не слушал чужих советов, он прислушивался только к своему сердцу. Позади школа, экзамены, а впереди – взрослая жизнь! Вечерами под звуки гармошки на скамейке у деревенской школы они вдвоём с Марусей мечтали о будущем. Казалось, что оно совсем рядом, стоит только протянуть руку.

На площадке у школы толпился народ. Лёнька не сразу отыскал в этой толпе Марусю. Она почему-то съежилась, казалась такой беззащитной. Он протянул руку, чтобы обнять её:

– Не надо, не плачь. Всё будет хорошо. Я скоро вернусь. Вот увидишь, быстро закончится эта война.

Война. Это слово разделило жизнь деревни на две части. Ушли на фронт мужчины. Умолкла деревенская гармошка. Опустела скамейка за школой. Остановились качели. А меньше чем через полгода эту тишину нарушили женский плач и рыдания. В дома стали приходиться похороны. Были они и у Маруси: одна на отца, другая на брата. От Лёньки вестей не было. Не было в сорок первом, сорок втором.

В сорок третьем вернулся с войны домой демобилизованный по состоянию здоровья Марусин сосед Дмитрий. После контузии он почти лишился слуха, а дома его поджидала ещё одна беда. Через год после его возвращения после тяжёлых родов умирает жена, оставив Дмитрию двух сынишек. Старшему было четыре года, а младшему и недели не было. Помогали Дмитрию всей деревней, как могли. Маруся тоже часто заходила к нему: то постирать, то полы вымыть, то с детками посидеть. И так привыкли к ней ребята и сам Дмитрий, что однажды он протянул ей руку и сказал:

– Что нам с тобой на две избы жить, перебирайся-ка ты к нам. Будешь мне женою, а детишкам моим матерью.

Сжалось сердце у Маруси. Не отболело ещё оно по пропавшему без вести Лёньке. Подбежал тут к ней старший мальчонка, прижался к юбке,

а младший на руках у отца гыкает и улыбается беззубым ртом. Не выдержала Маруся и протянула Дмитрию свою руку.

А после войны родила Маруся Дмитрию ещё одного сынишку. Мальчишка родился крепеньким, кареглазым. Посмотрела на него Маруся, и вспомнились ей почему-то качели, скамейка за школой, задушевная песня гармошки. Мальчонка смешно барахтался и протягивал к ней свои ручонки.

– Ах ты, Лёнька, счастье моё, – сказала Маруся и протянула к сыну руки.

Меня зовут Настя, мне 12 лет, я учусь в шестом классе. Эту невыдуманную историю моей семьи мне рассказала моя мама, а ей – её бабушка, Веселова Марья Ивановна. Эта история не о военных подвигах и сражениях, а о простом человеческом счастье обычного рядового Красной армии и обыкновенной девушки из деревни Михайловское Заволжского района Ивановской области. Эта деревня войну пережила, а в мирное время опустела, осиротела и исчезла с карты области. Когда я появилась на свет, моей прабабушки Марьи Ивановны и моего прадеда Веселова Дмитрия Лукича тоже не было на этой земле. Но зато теперь у меня есть самый лучший дед, Леонид Дмитриевич, и самая лучшая в мире мама, Наталья Леонидовна, и, конечно, самая лучшая семья. Когда я думаю о том, что всего этого могло и не быть, мне становится не по себе. Да, война – это страшно. Но она не только ломает жизнь людей, но и соединяет. Война как качели: то вверх, то вниз, то в горе, то в счастье. Самое главное – вовремя протянуть руку.

Самкова Анна, 11-й класс

Калужская область, г. Калуга

МБОУ ДО «Детско-юношеский центр космического образования
«Галактика»

Мы победили!

Витька нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Эх, на каток бы попасть. Да только народу там! А дед замер у Кремлёвской стены как вкопанный. И шапку снял. И хоть бы у Могилы Неизвестного Солдата остановились – нет же! Застыл возле стелы с надписями – с места не сдвинешь.

– Дед! Ну, хватит, пойдём, на каток же не попадём!

Старик медленно повернулся к внуку и укоризненно взглянул на него.

– Витька, это же твой родной город. Наша Феодосия. Вот, смотри, видишь – город воинской славы!

– Ну и что? Подумаешь! Когда она была, та война – сто лет назад.

Дед нахмурился, но ничего не сказал. Витька потянул его на Красную площадь. На катке громко играла музыка, слышался звонкий смех. Витька, отстояв огромную очередь, вбежал в палатку, где давали напрокат коньки.

– Нет свободных коньков, – вздохнул старичок в очках. – Закончились.

– А эти? – Витька с робкой надеждой указал на старые коньки, стоявшие в самом дальнем углу.

– Эти... Волшебные они. Не всем подходят.

– Что же в них такого волшебного? – заинтересовался мальчик.

– Помогают они понять важные вещи, – серьёзно ответил старичок.

Витька только отмахнулся. Натянул коньки и помчался на лёд. Эх, красота! Ветер свистит в ушах, снежинки летят в лицо, рассекают лёд коньки. Витька набрал скорость, и вдруг всё закружилось перед его глазами. Витька открыл глаза и увидел... галерею Айвазовского. Вот тебе раз, как же он в Феодосии оказался? И что это за ящики выносят из галереи?

– Сердце вырывают у нашей Феодосии, – услышал он голос старушки в чёрном платке. – Спасают картины, увозят в эвакуацию, фашисты скоро в городе будут. Да вот спасут ли? Бомбят корабли в заливе.

Женщины завсхлипывали, запричитали. Витька ошеломлённо слушал. Он, что, в прошлое попал? Ведь это же 1941 год. И немцы подходят к городу. Он помнил, как дед рассказывал ему про это. Витька подошёл к старушке в чёрном платочке и осторожно подёргал её за рукав пальто.

– Не волнуйтесь, уцелеет коллекция. В Ереван её повезут. А потом, когда Крым освободят, вернут картины в Феодосию.

Старушка вытерла слёзы и с надеждой взглянула на мальчика.

– Прогонят фашистов? Освободят Крым? Ты правда так думаешь?

– Я знаю! – гордо ответил Витька. – Это будет в...

Мир перед глазами снова закрутился в бешеном вихре, и Витька еле удержался на ногах. Он снова мчался по льду катка в своём 2020 году.

– Привидится же такое! – подумал Витька и помотал головой, набирая скорость. – Всё дед виноват со своей войной.

Не успел он так подумать, как в глазах снова взорвался яркий сноп разноцветных искр. Витька зажмурился, а когда открыл глаза, чуть не заорал от страха. Перед ним был Феодосийский залив. По свинцовым ледяным волнам быстро шли к порту корабли. Серое небо пересекали крылья фашистских самолётов. Вода в заливе вскипала от взрывов бомб. А с кораблей прыгивали в волны люди в военной форме. Взрывы сотрясали землю. Витька еле увернулся от комьев земли и раскалённых осколков, когда снаряд рванул совсем рядом.

– Это же феодосийский десант! – пронеслась мысль. – Наши. Родненькие.

Вдруг на плечо мальчика легла тяжёлая рука. Мокрый с ног до головы краснофлотец строго смотрел на Витьку.

– А ну, оголец, удирай отсюда. Не место тут тебе, сами справимся. Беги к мамке! – и повернулся, направляясь в сторону железнодорожного моста.

Витька вдруг вспомнил рассказы деда о десанте и ухватил солдата за рукав шинели.

– Дяденька, нельзя туда! Там фашисты орудия поставили. И пулемёты. Постреляют вас. Я дорогу знаю, через санатории. Показать могу.

Подоспевшие моряки из десанта окружили Витьку.

– Ох и шустрый ты оголец! – улыбнулся в усы первый краснофлотец. – Ну, веди.

Витька рысцей побежал впереди взвода, показывая знакомую дорогу.

– Ну, спасибо тебе. Подрастёшь – возьму к себе во взвод, – серьёзно сказал мальчику командир с лейтенантскими погонами. – А теперь – беги домой.

Витька не успел ответить, как перед глазами опять всё завертелось, и грохот взрывов сменился весёлой музыкой катка. Вот так коньки! И правда волшебные. Витька медленно заскользил по льду, снова набирая скорость. И опять почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Он плюхнулся лицом в кучу палой листвы, медленно поднял голову и огляделся. Вокруг был осенний лес, ярко светило солнце, и дул тёплый ветерок. Настоящая крымская осень.

– Эй, малец, ты тут откуда? – услышал Витька за спиной.

Он оглянулся и замер – перед ним стоял дед Петя, его прадед. Со всем такой, как на фотографии в семейном альбоме – молодой, весёлый, с кудрявым чубом из-под пилотки.

– Ты кто? – спросил дед Петя.

– Витька...

– Ну, пойдём, Витька, к командиру тебя отведу, – и прадед зашагал по лесу, крепко держа мальчика за руку.

– А кто у вас командир?

– Вот чудак-человек. Мокроус у нас командир. Иван Степанович. Его фашисты как огня боятся.

Отряд партизан стоял совсем недалеко. На костре варился кулеш. Партизаны собрались вокруг командира и что-то обсуждали.

– Кого привёл, Петро? – спросил командир.

– Да вот, мальчонка в лесу заблудился. Витькой звать.

– Ну, брат Витька, иди, поешь солдатской каши да расскажи про своё житьё-бытьё.

Витька ел обжигаящий кулеш и рассказывал Мокроусу всё, что помнил об оккупированной Феодосии по рассказам историка-деда. Мокроус кивал и помечал что-то в своём блокноте. А Витька смотрел на простое и добродушное лицо человека, которого фашисты боялись как огня.

– Как думаешь, Витька, победим фашистов? – спросил Мокроус у мальчика.

– Победим, Иван Степанович, обязательно. Скоро победим! – с воодушевлением ответил Витька, ловя одобрительный взгляд прадеда.

Мир ожидаемо завертелся перед глазами, и Витька шлёпнулся на лёд. Он стянул с себя коньки и бегом бросился к деду.

– Дед, мне надо к Кремлёвской стене... ну, где наша Феодосия.

Старик удивился, но не стал спорить. Витька почти бегом подбежал к стеле и сдёрнул с головы шапчонку.

– Дед Петя, Иван Степанович! – мысленно шептал он. – Мы победили. Мы победили!

Гайфуллина Алина, 8-й класс

Костромская область, г. Кострома
МБОУ «Гимназия № 15»

Вместе с дедом до Берлина

Ты не волнуйся, мой дедуля, спи спокойно
И ветеранов, сослуживцев поздравляй!
Где честь – там мир, где выгода – там войны...
Спасибо, бабушка, за мир, за честь, за май...

Ирина Самарина-Лабиринт

«...1941 год, конец ноября. Наш небольшой отряд попал в окружение. Вырвавшись из вражеского кольца, преследуемые фашистами, мы бежим в сторону реки. Холодный ветер словно подгоняет нас. Хотя нет, это не ветер – страх смерти, страх смерти и сливающееся с ним чувство невыполненного долга. Хуже этого не может быть ничего. Мы бежим, перед нами высокий обрыв, внизу – река, ближе к берегу начинающая покрываться тонкой коркой льда. Ни секунды на размышления, раздумья, мы – в воде. Чувство, будто в тело впиваются миллионы иголок и сковывают его. Намокшая одежда делает тебя неповоротливым, грузным, тянет на дно. Непрестанно повторяющиеся автоматные очереди, резкие, гавкающие выкрики немцев, пытающихся догнать нас, – всё превращает происходящее в какую-то адскую круговерть.

Когда кое-как добираемся до берега – добираемся... – оказывается, что не все добрались. И где-то в подсознании пульсируют по слогам строчки: «Тог-да счи-тать мы ста-ли ра-ны, това-ри-щей счи-тать...» Считать особо некого. Выжила только треть отряда. Кого-то застрелили, кто-то не справился с течением. И тяжёлая, сдавливающая боль от осознания, что твоих друзей, с которыми ты прошёл столько сражений, битв, больше нет. Страшное слово – нет. Словно часть тебя осталась на дне этой реки. От бесильной злобы кулак сдавливает промёрзшую землю, чувство ненависти к врагу заставляет вставать, идти, бежать, двигаться дальше, только не сдаваться, лишь бы очистить нашу землю от фашистской нечести...»

Этот рассказ я слышал от деда, когда был ещё совсем маленьким. Раз в год, накануне 9 Мая, – в другое время дед был не таким словоохотливым – мы собирались в его небольшой комнатке, и он рассказывал разные истории про войну. Я пытался всё это представить себе вживую. В моём воображении возникали страшные враги с чёрными лицами, пушки, танки. Потом, выбегая на улицу с деревянным автоматом, я собирал всех дворовых мальчишек, и мы начинали нашу самую интересную игру – войнушку.

Когда я подросток, я начал замечать, что дедушка уже не так бодро передвигается по комнате, больше сидит, реже выходит на улицу. Я понял, что рассказы о войне в одно мгновение могут прекратиться. И тогда я решил создать нечто вроде записок, набросков, которые сохранили бы всё услышанное мною для моих детей, внуков. И вот карандаш уже спешно выводит буквы на первой странице моего маленького томика под названием «Без срока давности».

1-я страница. Предисловие.

Майский полдень... Маленькая квартира в одном из сталинских домов... В небольшое распахнутое окно настойчиво проникает сладкий запах черёмухи. Он заполняет собой всё пространство и несёт какую-то живительную силу, силу свободы, мечтаний, надежды, пробуждающейся жизни. Сегодня канун великого дня – Дня Победы. Пока мой дедушка готовится к торжеству и по традиции надевает все ордена, я готовлю небольшую заметку о нём.

Иванов Павел Николаевич – герой! Он был плечистым красавцем ростом около двух метров. До войны работал на сплаве леса, куда брали только тех, кто обладал огромной силой воли и физической выносливостью. Кроме этого, он был охотником; умение быстро и бесшумно передвигаться пешком, бегом, ползком и на лыжах, а также необыкновенная закалка и привычка к зимним морозам впоследствии помогли ему выжить. В 1938 году он был призван на службу в армию Советского Союза Мантуровским военным комиссариатом в Ленинградскую область. В то время уже шли сражения, связанные с началом Второй мировой войны, поэтому часть, в которой служил мой дед, в 1939 году перебросили в советско-финскую зону военных действий. Когда началась Великая Отечественная война, воинская часть, в которой нёс службу мой прапрадед, находилась под Ленинградом. Во время блокады героически выживающего города дед воевал на Ленинградском фронте. Синявинские высоты, Красное село – места его доблестного подвига...

...Но вот я слышу неспешные шаги. При полном параде входит ко мне главный герой моих записок. Передаю слово ему.

2-я страница. Ладога. Крошки хлеба.

– Ладога, – начинает свой рассказ дед, – спасительное и в то же время страшное слово. Это Дорога жизни для блокадного Ленинграда. Город был окружён фашистскими войсками, провизии хватило всего на несколько месяцев блокады, люди голодали, и Ладожское озеро являлось единственным путём к городу и из города. Однажды немцы разбомбили один из мостов на подходе к Ладоге, но провизию надо было как-то везти, пришлось нам с бойцами восстанавливать его за два дня. Всё это время совсем не спали, продрогли, однако мост сделали. Мы знали: тысячи жителей погибают, люди умирают, прямо на улицах лежат трупы. Мы так рассуждали:

нам-то что, помёрзнем чуть-чуть, не поспим, но потом силы восстановим, а как туго приходится им, блокадникам...

Мальчонка мне один запомнился. До сих пор стоит перед глазами, сколько лет прошло... Лица нет – одни глаза, тельце – скелетик, кожей обтянутый, ручонки точно веточки. И вот тянет он ко мне такую ручку-веточку, дрожит весь то ли от страха, то ли от смертельного голода, а в глазах... Не могу описать, что это за глаза были: такая в них тоска, такая боль, такое изнеможение... И вот берёт он дрожащей-то ручкой своей кусочек хлебушка, да так берёт, словно это и не хлеб вовсе, а самая редчайшая драгоценность всего мира, всей вселенной, всех времён и народов. И так медленно, бережно к себе подносит, сначала вдыхает как будто всем своим тельцем запах этого хлеба, а потом даже не откусывает, а только губками прихватывает, и кажется, будто во рту он каждую маленькую крошечку своим язычком чувствует. Скушал он так всего треть кусочка, завернул в тряпичку. «Что ж ты, дружок, или накушался?» – недоумеваю я, а у самого комок в горле застрял. «Мамке снесу, она лежит уж с неделю, не встаёт», – пролепетал мальчонка и заковылял... Рассказывали солдаты потом, что не дошёл он до мамки, на дороге прямо в обморок и упал... А кусочек-то этот так в кулачке зажатым и остался...

3-я страница. Оккупация. Сказать, что война была страшная, – ничего не сказать.

– Друг у меня был, на Ладого мы с ним познакомились. Родом он из Пскова. Молчаливый, угрюмый, совсем седой в свои сорок лет, он почти ни с кем не общался, но во всех его движениях, действиях сквозило какое-то особое, даже агрессивное рвение, была неизмеримая ненависть к фашистам. Однажды, греясь у костра, мы начали вспоминать дом, родных, детишек. А он сидит хмурый, ни слова не говорит, и только слеза медленно катится по его скорее горем, чем усталостью и страхом, изуродованному лицу, да рука сжимает ствол так, что вот-вот, кажется, переломит его, как соломинку. И только потом мы узнали, что в его родном оккупированном немцами Пскове погиб сынишка. Когда фашисты заняли город, он стал помогать членам подпольной организации, но один из полицаев каким-то образом узнал об этом. Кара была суровая: мальчонку и ещё нескольких ребяташек расстреляли на глазах у жителей, а затем облили бензином и сожгли. Это детей-то, детушек малых... Тогда возблагодарил я Бога, что на мою родную Костромскую землю не ступила нога беспощадного врага, что ни одна бомба не разорвалась и не унесла жизнь мирных жителей, хотя на фронте, конечно, полегло немало моих земляков. Около трёхсот тысяч бойцов отправилось отражать натиск врага, а вернулось чуть больше половины, и я в их числе...

Да... Сказать, что война была страшная, – ничего не сказать.

4-я страница. Берлин. Возвращение.

Дед останавливается, глядя в даль. Отрешённо. Потерянно. Бездёжно. Будто пытаюсь увидеть сквозь давно прошедшие годы знакомые и дорогие лица.

– Самое обидное, что так и не расписался я у стен Рейхстага. Ранили меня фрицы в уличных боях. В то время, как наши солдаты праздновали победу, я лежал в госпитале, но мысленно радовался вместе с ними. Пролёжал я там несколько месяцев и в итоге вернулся домой в середине июня 1946 года. Добирался на попутках, где-то подвозили, где-то шёл пешком, словом, путь был долгим. Как сейчас помню: прихожу в нашу деревню, иду мимо домов, а сам весь прямо изнемогаю от радости, землю свою родную каждой жилкой чувствую, сердце из груди выпрыгнуть хочет. Но боязно было: вдруг детишки не узнают батьку – давно ведь я на войну эту оканную ушёл. Вижу: школьники играют. Чувствую пристальный взгляд девочки на себе, поворачиваюсь к ней, а она как закричит громко: «Папка вернулся!» Ты посмотри, стрекоза, сколько лет прошло, а узнала отца, сердцем почувствовала!

Теперь этот блокнотик, так бережно хранимый нашей семьёй и написанный моим дедом о моём прапрадеде, участнике Великой Отечественной войны, лежит у меня на столе. Каждый год я открываю его и перечитываю слово за словом, строчку за строчкой, страничку за страничкой. И неизменно в такие минуты возникают в моём воображении картины: холодный ноябрь, река; Ладога, мальчонка с дрожащей протянутой рукой, взъерошенный, тоненький, как тросточка. Его глаза всматриваются в мои, а во взгляде – боль и страдания всех детей, сожжённых в фашистских крематориях, расстрелянных нацистами, умерщвлённых в машинах-душегубках, замученных в концлагерях, – всех, по судьбам которых тяжёлыми металлическими гусеницами проехала война. И не постичь человеческому разуму всей жестокости фашистских агрессоров, совершивших преступление против самой жизни на земле. Такие преступления не имеют срока давности, они не могут быть забыты, стёрты из памяти народа. Поэтому и я не нарушу нашу традицию: этот небольшой дневник будет передаваться и дальше из поколения в поколение, чтобы люди помнили, сколько боли и страданий пришлось пережить нашему народу, чтобы ни один ребёнок на земле не услышал это страшное слово – война.

Юркевич Анастасия, 7-й класс

Курская область, Кореневский район, пгт Коренево
МКОУ «Кореневская средняя общеобразовательная школа № 1
им. В. Крохина»

Бабушкина колыбельная

Моя бабушка очень любила осень, то время, когда идут дожди, когда опадают почти все листья и деревья стоят молчаливые и трогательно беззащитные. Осенью бабушка пела над колыбелью моей маме:

Баю, баюшки-баю,
Баю деточку мою!
Гуркота, гуркота,
А доченьке дремота.
Сон да дрёма
Вдоль по улице прошли,
К моей девочке зашли,
Под головку спать легли.

Бабушка мечтала о том дне, когда споёт эту колыбельную мне, своей внучке, но не дожила до этого времени...

Драма в деревне Ручьи

Валю разбудил скрип колодезного журавля. «Мама уже проснулась и пошла за водой», – подумала она. Девочка вышла на крыльцо. Было холодно. За деревенскими огородами шумела берёзовая роща. На душе стало беспокойно. Давно уже ничего не было слышно о старшем брате Мише, ушедшем в партизанский отряд. В деревне Ручьи почти в каждом доме с тревогой ждали вестей из леса.

Вдали послышался шум моторов. С каждой минутой он становился всё отчётливее. Валя поставила вёдра на лавку в сенях и прислушалась. Грохот приближался. И вдруг тихая деревенская улица наполнилась криком людей и лаем собак. Немцы!.. Всех собрали в школьном дворе, били нагайками. Валя потеряла маму. И только тогда, когда девочку выхватили из толпы и поставили вместе с другими подростками у машины, Валя увидела мамино лицо, искажённое криком.

Страшный путь

Грузовик, битком набитый людьми, ехал по дороге. Несколько часов пришлось сидеть в одной позе, вытянуть ноги было невозможно, не хвата-

ло места. На незнакомой станции всех пересадили в товарный поезд, который шёл в Германию. На полу – грязная солома, еда – вода и хлеб.

На вокзале маленького немецкого городка Штеттин угнанных построили в колонны: одна отправилась на пригородный поезд, другая – на базарную площадь, на которой к полудню собрались фермеры и торговцы.

В маленькой каморке большого фермерского дома Валя проплакала всю ночь, а потом уснула. Ей снились родная берёзовая роща, узкая деревенская улица и мама, несущая вёдра, полные чистой прохладной воды. Измученная долгой дорогой, Валя проспала трое суток.

На чужбине

Уже второй год Валя жила на ферме. Было очень тяжело: чужая сторона, никаких известий от родных, полное незнание языка. Целыми днями Валя шила, вязала, убирала в доме, нянчила хозяйских детей, пела им русские колыбельные песни. Осенью, когда в поле много работы, возвращалась в свою каморку поздним вечером, измученная и полуголодная.

Она почти не виделась с Машей, девочкой с соседней фермы, с которой они подружились. И только тогда, когда выпал первый снег, они смогли встретиться вновь. Обычно Маша была грустная и задумчивая. В родном селе под Воронежем у неё не осталось никого, вся семья погибла. Но в этот день у Маши было хорошее настроение: она получила разрешение на возвращение домой. Девочка радовалась не за себя, а за Валю, потому что точно знала, что отдаст своё разрешение ей, ведь белорусскую подругу ждала в Ручьях семья.

Со старой фотографии в семейном альбоме на меня смотрит женщина с грустными глазами. Это моя бабушка Валя – Валентина Фёдоровна Прохорова, повидавшая много горя на своём жизненном пути. Фашистская неволя подорвала её здоровье. Она умерла рано, не увидев своих внуков, хотя так хотела спеть над моей колыбелью:

Баю, баюшки-баю,
Баю деточку мою...

Журина Есения, 7-й класс

г. Москва

ГБОУ «Школа им. Н.М. Карамзина»

Святость материнской любви и памяти. Посвящается моей прабабушке, Романовой А.В.

Война в одинаковой мере облагает данью и мужчин, и женщин, но только с одних снимает кровь, с других – слёзы.

У. Теккерей

Традиционно каждый год в день Машиных именин на даче Павловых собиралось большое количество народа: приезжали двоюродные братья, дети тёти Наташи, появлялись в этот день дальние родственники её бабушки Агафьи Петровны, наносили визит и соседи – бледные горожане, радовавшиеся глотку свежего воздуха. Война закончилась почти 8 лет назад. Было лето, 22 июня, каникулы в самом разгаре, и Маша верила, что эта пора свободы, радостного ничегонеделания и затягивающего в пучину полудрёмы сладкого сна будет бесконечной. Она не знала всех этих людей, которые пришли её поздравить, но по-детски восхищалась праздником, любовью близких и гостей, Маша восторгалась природой, такой спокойной и нетронутой, лесом, густым и сочным, источающим аромат жизни, так что его даже хотелось попробовать на вкус.

Старая тётка Авдотья, вероятно, дальняя родственница её бабушки, сухожильная и морщинистая, как будто ветер высушил её тело и лишил жизни глаза, наводила на девочку смятение и трепет, ранее несвойственные её натуре, хотя взрослые не обращали на гостью никакого внимания. «На то они и взрослые, – подумала Маша. – Не видят того, что действительно нужно видеть». Тем временем глаза Авдотьи ещё сильнее потухли, женщина смотрела вокруг, почти не мигая, и лишь движения веками время от времени напоминали присутствующим о том, что она жива.

Маша перестала обращать внимание на суету, происходившую вокруг, ей было не до этого. Девочка сосредоточенно наблюдала за Авдотьей, пыталась понять, что произошло с этой женщиной с потухшим взглядом и усталыми движениями рук и ног. Почему её волосы так серебрятся при свете солнца, а когда оно заходит, обретают мертвенный оттенок? Как она могла оказаться среди людей, восторгающихся праздником, природой, миром? Казалось, это были вопросы, на которые невозможно ответить здесь и сейчас. Но постепенно, вглядываясь всё пристальнее в лицо женщины, девочка начала понимать, что отчуждение Авдотьи от всего происходящего есть не что иное, как следствие большого горя. Может быть, думала

Маша, этой женщине уже пора бы и умереть, но она не умерла и до сих пор несёт боль в сердце за чью-то жизнь.

К вечеру гости стали расходиться, воздух постепенно остывал, и величественный жёлтый шар солнца налился багряным цветом. Сверчки завели свою песню, и Маша, заботливо укрытая пледом бабушки, вдруг задумалась о том, что недалеко от этого самого места не так давно рвались бомбы, покрывали погибших дождевые потоки, ворошил оставленные после огня угли пожарищ ветер. Неизвестно почему перед глазами девочки появился образ Авдотьи, сидящей на пепелище развалин дома, и она почувствовала, как холодок пробежал по её спине.

– Бабулечка, – обратилась Маша к Агафье Петровне, – расскажи мне об Авдотье.

Агафья Петровна странно тихим и ослабевшим голосом произнесла:

– Нечего рассказывать, Машенька. Прошлого уже не воротить, случившегося не изменишь, а будущего не предскажешь.

Маша села рядом с бабушкой, перенёсшей немало горя в той страшной войне. Она знала, что её деда расстреляли немцы, а дядю Ермолая замучили в застенках гестапо. Девочка прильнула к Агафье Петровне и почувствовала, как та в покое от близости родного человека начинает дремать, и сквозь дрему текут слова, будто говорит её тоскующая душа.

Авдотья приходилась дальней родственницей покойного деда и жила неподалёку от этих мест ещё до начала войны. Когда пришли немцы, она стала вдовой в один день: её мужа посчитали партизаном и не стали разбираться, кто из односельчан говорил правду. Добрая и религиозная, Авдотья продолжала верить в скорое окончание войны, но эта вера исчерпала себя, когда её сыновья пропали без вести на фронте, а младшую дочь на глазах убило бомбой: случился авианалёт, и дочь закрыла собой раненого солдата. Дочь, доченька, любимая девочка, нежный запах которой сопровождал Авдотью всю жизнь. Она помнила, как кормила её молоком, целовала её крошечные пальчики, глаза, полные ответной любви, помнила её задорную улыбку и соломенные кудряшки, веснушки на носу и щёчках, рождающиеся с первыми лучами весеннего солнца, её залиvistый смех, способный поднять настроение отцу и братьям. С утратой дочери горе Авдотьи стало вечным, и была она так слаба, как высохшая под жарким солнцем травинка, несомая ветром в бескрайние степи.

Немцам было странно видеть обезумевшую от горя женщину с белыми растрёпанными волосами, когда она ходила по деревне, покачиваясь из стороны в сторону, заламывая руки и издавая звериный вой. Авдотья становилась прямо перед ними, бросалась на их орудия, но они не трогали её, так как ужасались вида материнского горя. Оставшиеся в живых односельчане предлагали уехать из этого места, но она отказывалась и каждое

утро ходила в поле, где в яме от снаряда была её дочь. Там она сидела до сумрака, рыдания уже не сжимали ей горло – Авдотья стала равнодушной и чувствовала себя еле живой. Из последних сил она припадала к иссушенной мёртвой земле, чтобы быть ближе к навеки умолкшему ребёнку. Горе матери, знавшей запах своих детей и цвет их глаз – голубых, зелёных и карих, – было подобно осуждению этого мира, этого злодея, уничтожившего её будущее. Авдотья не могла нигде жить, кроме родного места, хотя здесь она утратила последнее дитя. Женщина ощущала безмерную грусть за погибших и погибающих на войне, но её сердце, ещё живое и полное любви к ушедшим, не смирялось со смертью, так как только в нём она смогла бы сберечь память о её детях.

Заря занималась на небе, первые лучи солнца пробивались сквозь завесу облаков, и сверчки умолкли так же внезапно, как и появились вечером. Маша открыла глаза – дивный мир поприветствовал её своим светом. Бабушка была рядом, девочка склонилась над ней и послушала её спокойное, ровное дыхание. Она встала, пошла по земле, над которой сейчас светило мирное солнце. Маша хотела посмотреть, как живёт трава по утрам, как просыпаются бабочки и насекомые, к которым она так привыкла. Ей не было скучно в этот безмолвный миг утра, она чувствовала необходимость жизни ради памяти тех, кто завещал победу всем живым.

Бравина Галина, 10-й класс

Московская область, г.о. Балашиха

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 30»

Невыдуманная история

Иду по улицам города и порой вижу, как дедушки гуляют со своими внуками. Катают в колясках совсем крошечных деток, играют с уже подросшими малышами в догонялки... Я не помню такого. Оба моих дедушки ушли из жизни ещё до моего рождения. О них я знаю по рассказам родных и близких, вижу их лица на старых фотографиях, бережно сохранённых в семейных альбомах, а теперь отсканированных и сберегаемых в памяти компьютера. И в нашей памяти! Мои родные постарались сделать всё возможное для этого...

Когда мне исполнилось 15 лет, я почему-то вдруг подумала: «А каким был в этом возрасте мой дедушка Женя, папин отец?» Произведя в уме несложные математические действия, вдруг поняла, что это ведь было в 1941 году! Тогда, когда началась Великая Отечественная война! Я читала книги о детях, подростках, молодёжи, кому довелось пережить все ужасы войны: «Сын полка» В. Катаева, «Четвёртая высота» Е. Ильиной, «Молодая гвардия» А. Фадеева... Смотрела фильмы. Но это книги, это кино. А тут родной дед! Вспомнила рассказы бабушки Гали, в честь которой я названа, папы и его брата, моего дяди Саши, расспрашивавших родителей о том времени, как жили тогда. Я поняла, что и книги, и фильмы о войне имеют реальную основу. Их герои – те, о ком помнят потомки, увековечившие славу предков в произведениях искусства...

Перед глазами возникла картина солнечного летнего дня в славном шахтёрском городе Луганске, тогда называвшемся Ворошиловградом. Июнь 1941-го...

15-летний Женя, рано оставшийся без матери, был вынужден одновременно работать на заводе и учиться в школе рабочей молодёжи. Мачеха Лидия, с которой отец сошёлся через несколько лет после смерти любимой жены, была женщиной властной и прижимистой, потому считала, что такой «здоровенный лоб», сидящий за партой обычной школы, – непозволительная роскошь. «Иди уже работать на завод, учеником для начала. А учёба – потом, если времени и сил хватит!» – заявила она тоном, не допускающим возражения. Потому подросток, часто клевавший носом за партой после рабочего дня, особенно радовался тому, что наступило лето и в редко выпадавшие выходные не надо сидеть за учебниками, ликвидируя пробелы в знаниях. Ребята позвали на Луганку. В этой небольшой речушке, заросшей камышом, раки водились знатные – лакомство, которое мож-

но раздобыть самостоятельно. И рыбы на уху наловить получалось. Мальчишки захватили из дома нехитрую снедь, немного картошки для ухи... Выходной удался на славу!

Уже вечерело, когда Женя пришёл домой. Увидев заплаканное лицо матери, мальчик первым делом подумал: «Опять с отцом ругались! Не из-за меня ли? Скорее всего, тут и к гадалке не ходи!» Однако через несколько мгновений Женька узнал правду: началась война. Они с друзьями были на речке, потому не слышали объявленную по радио страшную весть.

Фашисты наступали стремительно. Скоро в родной город вошли гитлеровские войска. Вот тогда Женя узнал, что такое настоящий ужас. И жизнь с мачехой, притеснявшей его, и нелёгкий труд на заводе показались райским временем. Отца, которого выдали «доброжелатели», вместе с другими евреями расстреляли фашисты. Мачехе и маленькой сестрёнке Рае удалось укрыться у родни в деревне. Женьку приютила семья друга, юноши, с кем вместе работали на заводе и учились в школе, но жили в разных районах города. Мама друга, грузинка по национальности, сказала всем про черноволосого подростка, что это её племянник с Кавказа...

Расстрела Женя избежал, но был угнан в Германию вместе с сотнями таких же юношей и девушек. На самые тяжёлые работы. Немцы предпочитали, чтобы их не выполняли представители «высшей арийской расы». Потому в шахтах и на заводах с нечеловеческими условиями труда и вредным производством трудились остарбайтеры: русские, белорусы, украинцы, поляки... К ним относились также французы и голландцы. На заводе, производившем лакокрасочные материалы, Женя подружился с французом Гийомом, юношей на пару лет старше. Разговаривая на невообразимой смеси языков – русского, немецкого, французского – ребята тем не менее хорошо понимали друг друга. Делились последним, помогали чем могли. Тогда Женя отчётливо усвоил, что у добра и зла нет национальности... Этому он впоследствии всегда учил своих детей, рассказывая им о том непростом времени.

Гийом не дожид до освобождения советскими войсками маленького немецкого городка Биттерфельда. Парень умер из-за того, что его слабые лёгкие не выдержали испарений вредных химических веществ, используемых при производстве красок. Женя плакал от бессилия, не зная, как помочь другу, угасавшему на глазах... Позже, отвечая на вопрос, почему он решил стать врачом, вспоминал этот случай. Но тогда главным было другое – нужно было не просто выжить, но и победить фашистов!

В марте 1944 года Евгению исполнилось 18. А в скором времени советские войска, разгромив гитлеровцев на своей территории, начали освобождение Европы. Советские юноши, спасённые из фашистского рабства, часто вливались в ряды своей родной армии. Женя был из их числа. Став бойцом Советской армии, он дошёл до Берлина. Стреляя по гитлеровцам,

тихо повторял: «Это вам за отца! За деда Эммануила! А это – за Гийома!» Хотя и не очень много времени довелось ему повоевать, но боевые награды получил: медали «За отвагу», «За боевые заслуги».

Война закончилась, но возвращаться Евгению в родной город было не к кому. Решил остаться на сверхсрочную службу в Вооружённых Силах. Однако тянуло в родные места. Потому сокращение численности войск пришлось кстати, он вернулся на родину, окончил сначала медицинское училище, затем и мединститут. Стал хорошим врачом, много лет работал терапевтом-кардиологом. Работал практически до последнего, а прожил Евгений Абрамович 77 лет. К медалям за воинскую доблесть добавились награды за труд. И для всех соседей, знакомых он всегда был своей «скорой помощью»...

Такая вот невыдуманная история, эпизоды которой, словно фильм, прошли у меня перед глазами, стоило только подумать, каким был дедушка Женя в мои годы. А почему это стало возможным? Потому, я думаю, что мои родители помнят своё прошлое, своих предков. И рассказывают нам о них. Чтобы помнили. Чтобы гордились. Потому что есть чем гордиться. Чтобы памяти отцов и дедов достойны были...

Сверхсрочную службу мой дедушка проходил в городе Наро-Фоминске Московской области. Интересно порой получается: в тех местах потом служил и его сын, мой папа. А в апреле 2003 года в Наро-Фоминске родилась я. Но дедушки Жени уже не было на свете...

Я хочу стать врачом, как мой дедушка Женя. Я продолжу семейную династию в память о нём. Буду рассказывать о дедушке детям, которые у меня когда-нибудь будут. Чтобы помнили. Чтобы гордились. Человек жив, пока живёт память о нём.

Казначеева Надежда, 8-й класс

Орловская область, г. Орёл

МБОУ Средняя общеобразовательная школа № 27 им. Н.С. Лескова
с углублённым изучением английского языка

Выполнил долг

*Светлой памяти моего прапрадедушки
Павла Ивановича Измайлова*

Утром 31 августа 1945 года старшина Измайлов проснулся от пронизывающей боли в плече. Он дёрнулся во сне и, застонав, открыл глаза. Лицо покрывал холодный пот, а больная рука совсем онемела и теперь ныла. Он лежал в госпитале на грязно-серой простыне среди других раненых. Молоденькая медсестра неизвестной национальности молча наложила на рану старшине чистую повязку. Надежды на выздоровление не было. Старшина чувствовал жгучую досаду. Конец войны в Маньчжурии, нужен был последний сильный удар по японским войскам. А он лежал здесь и ничего не мог сделать...

Воспоминания яркими вспышками замелькали в его воспалённом воображении. Вот он познакомился с красивой девушкой в летнем платье. Её зовут Клава. Девушка жизнерадостно улыбается ему... Вот она зовёт его по имени... Павел... И старшина вспомнил сейчас своё настоящее имя. Ещё в сорок втором, когда его мобилизовали, он слился с негодующей громадной волной людей, готовых защищать свою родину, свои семьи... Воспоминания нахлынули с новой силой. Солнечный день... Он гуляет с Клавой... Сжимает в своей руке её маленькую холодную руку... Слышит, как она поёт тоненьким голоском:

Голубые глаза,
Вы пленили меня,
Средь ночной тишины
Ярким блеском маня.
Голубые глаза!
Сколько страсти, огня!
Вы влечёте к себе,
Голубые глаза,
Страсть и нежность тая.

Павел так давно не слышал, как любимая произносит его имя! Как давно не смотрел он в эти большие бездонные глаза...

...И вот они снова держатся за руки. Только на свадьбе. Оба улыбаются, счастливы... Вот сам Павел с нежностью смотрит на своего новорождённого сына. «Давай назовём его Геннадий», – слышит он голос Клавы...

От этих счастливых воспоминаний старшина едва не сошёл с ума. Он лежал на жёсткой койке и глупо улыбался, а по впалым щекам катились слёзы. Водоворот воспоминаний закружил его, голова, казалось, сейчас взорвётся.

Вдруг по лицу пробежала тень. Пришла очередь тяжёлых воспоминаний. Они пахли порохом и кровью. Павел мысленно перенёсся в сорок второй год, когда уходил на фронт... Клава судорожно обнимает его, плачет. Двенадцатилетний сын спит тревожным сном, он не знает, что утром уже не увидит отца... Смена действия. Вот он уже отдыхает после боя со своими товарищами-пулемётчиками...

И опять волна воспоминаний обрушилась на старшину. Мысли переполняли голову, давили на череп. Их было так много, что единственным выходом для них стали усталые воспалённые глаза. Они смотрели прямо перед собой и вместо потрескавшегося, отсыревшего потолка видели ужасы жестокой войны. Всё смешалось: 1229-й полк, 371-я стрелковая дивизия, взрывы, короткие ответы на письма Клавы, пейзажи Прибалтики, старый пулемёт, горящие деревни, бои в Восточной Пруссии, товарищи-солдаты, ордена, командир, сопки Маньчжурии... Снова большие глаза Клавы...

Его отправили сюда, в Маньчжурию, заканчивать Вторую мировую. Он выполнял свой долг, хотя мог вернуться. Старшина Измайлов прошёл всю войну и думал, что это конец. Павел уже мечтал о том, как вернётся домой, как они снова станут семьёй, как он поцелует жену, обнимет исхудавшего, но повзрослевшего сына... И снова бездонные глаза... Она ждёт его. Ждёт... А где он? В Маньчжурии...

Чувство несправедливости обожгло сердце, отозвалось адской болью в плече. Павел, собрав последние силы, пытался успокоить себя: он советский солдат, воевать – это его долг... В глазах то мутнело, то вдруг что-то вспыхивало. Боец Измайлов видел какие-то лица, к нему кто-то бежал...

Очнувшись, он снова увидел молоденькую медсестру, которая смотрела на него с испугом.

– Какое сегодня число? – коротко поинтересовался Павел.

– Первое. У Вас был жар, Вы пролежали так целый день, – молоденькая санитарка, казалось, хотела вложить в эти слова как можно больше сочувствия.

Старшина полежал, подумал и попросил сидевшего рядом бойца помочь написать письмо любимой жене. В каждую строчку, в каждую букву Павел старался вложить столько любви, сколько не смог дать Клавдии и Гене за годы войны. Старшина диктовал, а сосед писал о том, что война

скоро закончится и всё будет хорошо, о том, чтобы они не переживали за него, что в Маньчжурии довольно красиво. Затем Павел уговорил медсестру разрешить ему написать строчку самому, ведь правая рука у него была не так плоха, как левая. И он написал. На грязно-жёлтую бумагу легли корявые строчки. Павел очень старался вывести буквы как можно ровнее, чтобы было понятно, как он любит свою семью. Затем старшина попросил отправить письмо. Он лежал, думая о хорошем, глупо улыбался, и снова по впалым щекам катились слёзы. Павел даже не обращал внимания на то, что плечо уже не просто сильно болело, его как будто разъедало изнутри. Боль доходила до головы, невозможно было глубоко вдохнуть...

Так старшина пролежал целый день. Медсестра старательно меняла бинты, давала лекарства. Всю ночь он был в каком-то бреде, видя перед собой самых дорогих людей: жену и сына. Павел почти ничего не осознавал, чувства угасали. Вскоре кто-то сообщил ему, что война закончилась. «Так и должно быть! Наши японцев всё-таки добились! – радостно подумал Павел. – Жаль, что без меня». Говорить он уже не мог. Впервые за последние дни старшина спокойно заснул. Его наполнило удивительное чувство безмятежности, он увидел родной городок Орёл, знакомый двор, девушку в летнем платье...

Утром 3 сентября 1945 года письмо старшины было уже на полпути к адресату... Утром 3 сентября Павел уже не проснулся...

Волков Владимир, 1-й курс

Рязанская область, г. Рязань

Областное государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Рязанский политехнический колледж»

Не пустили к Москве

Родному городу посвящаю...

Михайлов. Родной мой город. Неспешно катит свои изумрудные воды речка Проня, полощут в ней косы плакучие ивушки... Стою на мосту, вдыхаю грудью напоённый солнцем воздух... Здесь небо – самое высокое, трава – самая зелёная, хлеб – самый вкусный, вода – самая чистая. Всё здесь неспешно и покойно, в небольшом районном центре Рязанской области. Охраняет мой город архангел Михаил – покровитель небесных воинов. Расположена его скульптура на холме, далеко видны окрестности Хранителю, зорко смотрит он вдаль, крылья за спиной готовы к полёту, в руке архангел сжимает копье... Михайлов – город воинской славы, город-легенда, частица славной истории родной страны. Бились здесь русские богатыри с полчищами степняков. Мчались по Михайловской земле на Куликово поле отважные воины Дмитрия Донского. Здесь повелел Иван Грозный построить крепость засечной черты. Помнит земля моя и Смуту, и десятидневную осаду польских интервентов. В Михайловском районе нашли свою гибель отдельные отряды армии Наполеона. А в 1941 году погнали с Михайловской земли немецких захватчиков. Не пустили к Москве!

Тихо как... Весенний майский ветерок треплет волосы, я закрываю глаза...

Взрыв! Воздух над головой вдруг зазвенел, потом где-то оглушительно ухнуло, рассыпалось со стеклянным звуком и утробно завывало. 9 октября 1941 года. Немцы бомбят железнодорожную станцию. В уши ударил детский плач. Взрывная волна обрушилась на роддом. Дети засыпаны землёй, осколками стекла, между кроватями мечутся обезумевшие матери... Взрыв! Приседаю, потом падаю на землю, в ужасе закрываю уши руками, рот открывается в беззвучном крике: «Не надо!» Мимо меня, прямо перед глазами, бегут люди, я вижу только ноги. Много, много ног. Сильная рука хватается за ворот куртки, слышится треск разрываемой материи... Я бегу вместе со всеми. Здание вокзала и теплушки дымятся. Разворочены две цистерны, из них тонкими струйками стекает на землю жёлтая прозрачная жидкость. Подставляю руку, пробую на вкус. Подсолнечное масло! Вокруг уже толпятся женщины и дети, подставляют под ручейки кружки, кастрюли, миски. Вижу маму. Она стоит и испуганно смотрит на искорёженную

станцию, в руках держит старый алюминиевый бидончик. Черпаю масло прямо ладонями, осторожно переливаю в мамину посудинку. Подношу руки к лицу: масло тёплое и пахнет войной. Мама плачет. Все говорят, что фронт совсем близко.

В городе организован истребительный отряд. Михайлов входит в зону обороны Москвы. А столицу врагу не взять! Командир батальона Сазонов так и говорит: «Не по зубам немцу!» Я ему верю.

Октябрь и начало ноября прошли в тревожном ожидании: будут ли бои в городе... 23 ноября прервалась связь с Богородицком, Ефремовом, Епифанью. Значит, немцы уже близко. И вот донесение разведчиков: враг на подходе к городу. Михайловский истребительный отряд отошёл к посёлку Данковка, было принято решение встретить неприятеля здесь. Фашисты окружают посёлок с трёх сторон. Завязалась перестрелка. Именно это сопротивление михайловцев замедлило продвижение немцев и дало возможность перебазироваться авиационному подразделению с Чёрной горы и от Лобано-Выселок, некоторым организациям удалось выехать из города. Наши войска отходили разрозненными группами и поодиночке. Во второй половине дня 23 ноября враги заняли Михайлов.

Мой город, ошетилившийся ежами и колючей проволокой, замер. Жизнь остановилась: нет света, хлеба, тепла. На улицах ни души, зловещая, страшная, давящая тишина. Холодно. Весь мир для меня стал чёрно-белым. Немцы! Сначала появился, лязгая гусеницами, сыто урчащий танк, а затем Михайлов заполнил треск мотоциклов с колясками! Немцы! Серые злые лица, колючие глаза, грязно-зелёная форма с хищной жирной свастикой, кованые сапоги, гортанная, грубая, лающая речь... Фашисты расквартировались в центре города. Оккупация – само это слово оставляет железный привкус во рту. Было приказано сдать имеющееся оружие, ценности, радиоточки. За неисполнение – расстрел. Немецкие солдаты ходили по домам и грабили: отбирали тёплые вещи, угоняли скотину. В нашей квартире поселился офицер, мы перебрались к соседям. Прокатилась волна расстрелов: погиб мой ровесник Гриша Рябов, у него оккупанты нашли комсомольский билет, убиты директора школ, застрелены школьники Миша Мытарев и Витя Панов. На Пронской улице возводили виселицы, ожидали подхода эсэсовцев. В списках людей, приговорённых к смертной казни, была и моя семья.

Взрыв! Мы, бойцы 330-й стрелковой дивизии, уже находясь близ Михайлова, вжимаемся в мёрзлую землю, готовимся к атаке. В горле пересохло, хочется пить. Хватаю горсть серого снега, пахнущего гарью. Скорее бы утро! Фашисты подожгли стога соломы, стало светло, как днём, враги ведут по нам прицельный огонь. Медлить нельзя, наше командование принимает решение брать Михайлов ночью, не дожидаясь подкрепления. Не поднимать головы. Немцы палят без остановки. И вдруг рядом со мной во

весь рост встаёт боец! Майор Воеводин! Наш комполка! «За Родину! Ура!» – утопая в снегу, поливая врага короткими очередями, устремился в атаку. «Ура-а-а!» – гроыхнуло сразу со всех сторон. Поднялись солдаты и бросились вперёд. Я тоже бегу, подчиняясь этому яростному вдохновенному порыву, на ходу стреляя в темноту. Врываемся на окраину города, тесним противника. В час ночи узнаём, что Воеводин убит. Клянёмся отомстить! Мы уже в городе, бьёмся за мост через Проню, фашисты в панике бросают технику, но продолжают стрелять. Бросаюсь в самый водоворот, слепая ярость ведёт меня. Вместе со старшим лейтенантом Якушевым и помкомвзвода Куликовым громим фашистский штаб. В ночь с 6 на 7 декабря частями 328-й и 330-й стрелковых дивизий при поддержке артиллерии Михайлов освобождён.

Майский ветерок ласково треплет волосы... 9 мая 2020 года. 75 лет со Дня Великой Победы. Я родился 9 мая в городе Михайлове. Сегодня мне 17 лет. Я знаю, с каким трепетом михайловцы хранят воспоминания о событиях Великой Отечественной войны, с какой трогательной нежностью они заботятся о памятниках воинам, освободившим Родину. Каждого гостя города встречает монументальная стела-штук, напоминая, что именно с этой земли началось наступление Советской армии. Бессменны почётные караулы Юнармии у обелиска, посвящённого бойцам 10-й армии Голикова, освободившим Михайлов, и у Вечного огня на Соборной горе. Здесь же на постаменте стоит танк Т-34, будто предупреждая врагов, что древний наш город всегда стоял и будет стоять на защите нашей страны. Нескончаем поток благодарных жителей к братским могилам. Именами героев названы улицы Михайлова.

Каждый год в свой день рождения я прихожу на Чёрную гору, к братской могиле тех, кто даровал жизнь мне, кто не пустил к Москве захватчиков. Говорят, что существует память, которую называют генетической. Я помню!

Куницкая Ангелина, 9-й класс

Смоленская область, г. Смоленск

Смоленское областное государственное общеобразовательное учреждение «Педагогический лицей-интернат имени Кирилла и Мефодия»

Сокровище детей Дора-Миттельбау

Моим родным посвящается...

Поздний вечер. Сумрак. Сгорбленная фигура старушки медленно плелась по пустынной улице. Это Татьяна... Снова ноги её привели к немецкому музею. Как будто здесь было что-то родное, тёплое. Татьяна вошла в здание. В сотый раз она видит эти экспонаты, но всё равно каждый вечер она приходит сюда. Татьяна опять останавливается возле выставки, посвящённой Второй мировой войне, и рассматривает её, словно ребёнок. Но вдруг она замечает что-то новое. Неужели новый экспонат?

Татьяна аккуратно подошла к нему и тронула сморщенной рукой заржавевшую надпись, выцарапанную на железной кружке: «Дора- Миттельбау». Кольнуло в сердце, рука дрогнула, и кружка со звоном упала на пол. Женщина, кряхтя, наклонилась и сжала в руке экспонат. Она, почему-то с опаской, заглянула внутрь. На дне ржавой кружки под слоем грязи что-то блеснуло. Татьяна засунула туда руку и, поковырявшись в земле, достала небольшую металлическую цепочку. Она вскрикнула и с грохотом упала на пол. По её лицу покатились слёзы...

20 маленьких детских глазёнок, наполненных слезами, осторожно наблюдали сквозь щёлку в кузове за разговором двух командиров. Страшный дядя, руководивший концлагерем (да, это слово было хорошо знакомо еврейским детям), постоянно повторял: «Ауштиц! Ауштиц! Бухенвальд!» Места для них там ещё не освободились, поэтому их привезли сюда, здесь умирают не дети, здесь погибают их родители под тяжёлыми завалами подземной шахты. Малыши здесь были никому не нужны, немцы не знали, что с ними делать. Но факт остаётся фактом: они здесь, назад дороги нет. Следующий этап – это Ауштиц... Страшно поверить, что дети, которым не было и 8 лет, осознавали всё это и знали, что будет дальше...

Детей вывели из фургона. Они босиком стояли на холодной плитке и заворожённо смотрели на лагерь и измученные лица рабочих. За остальными детьми стояла маленькая смугленькая девочка – Таня, она с ненавистью смотрела на фрицев и сжимала в руке какую-то цепочку. Как только она услышала название концлагеря, побледнела и что-то внутри её ёкну-

ло. «Лагерь смерти», – прошептала она, проглатывая слезу. Именно здесь были убиты её родители...

Малышей отправили в подвал и заперли их там. Дора-Миттельбау – это их новая жизнь.

Прошёл час, может, больше, этого никто не знал. Дети сели в один большой кружок. Теперь это их семья. Таня показала свою цепочку и поведала тайну. «Я родилась в Польше. Потом, после разделения страны, родители уехали вместе со мной и незаконно пересекли границу, разделявшую Польшу на Восточную и Западную. Из-за этого всю семью отправили в ссылку. Бабушка умерла по дороге... Когда началась война, дядю отправили в Америку, а моего отца вместе со мной и мамой – в Белоруссию. Чтобы прокормить семью, папа сменил имя, но остаться незамеченными нам не удалось. Родителей связали и отправили в концлагерь Дора-Миттельбау, где они строили шахты и вскоре погибли при обвале, а меня воспитывала няня, которая спрятала меня во время взятия отца и матери в плен. Но вскоре старушка умерла, и я осталась одна...» – рассказала девочка. Чёрные волосы, тёмные глаза – еврейской внешности малышка сразу привлекла внимание немцев. Ночами она пробиралась к детским лагерям смерти, находившимся в Белоруссии, и приносила узникам картошку, куски хлеба по праздникам. Однажды она и попалась. Так Таня оказалась здесь. А цепочка... на день рождения её подарили мама и папа... за час до того, как нагрянули фрицы...

Дети переглянулись. Самая старшая из них встала. «Давайте будем хранить эту цепочку, как что-то родное и близкое для каждого из нас...» – расплакалась Лена и прижала маленькую Танечку к своей груди. Трудно поверить, что эти слова раздавались из уст десятилетней девочки. Но ведь ради чего-то стоит жить, в жизни должен быть смысл. Эта железка и стала неким «сокровищем» детей Дора-Миттельбау. Она хранила в себе воспоминания каждого о семье, о мире, о свободе...

Дверь подвала с глухим скрипом открылась, и в камеру ввалился охранник. Он построил детей и, толкая их в спину, прокричал: «Gehenraus!» Ребят ввели в следующую камеру и накололи им номера. Вскоре дети оказались в самой шахте, ребят быстро распределили по местам. В их обязанность входило возить уголь в шахты и помогать взрослым их строить. Таня вместе с мальчишкой, которого она взяла под своё крыло, начала работать. Они вдвоём возили тяжёлые тачки с углём и камнями. Женщина, которой они должны были помогать, кричала на них за малейшую оплошность: «Аккуратнее везите, смотрите, сколько вы угля потеряли!»

Только лишь к полуночи малышей снова отвели в их «родную комнату». Но спать никому не хотелось, лишь Серёженьку уложили спать в уголке, а остальные тихонько беседовали. Цепочка весь день переходила из рук в руки, чтобы она не попала на глаза надзирателю.

Так прошло несколько дней. И вот в один из вечеров... Таня вошла в камеру и попросила отдать ей цепочку, ребята переглядывались. Раздавались возгласы: «Я тебе отдавала!», «А я ему!», «А я тебе...» И тут дети поняли: сокровище осталось в шахте. Ребята начали спорить, что делать.

– А если на обед не пойдёт, допустим, половина... Дети в столовой есть, пересчитывать нас никто не будет... надеюсь... Таня отметит всех нас как присутствующих, заберёт наши порции. А потом вы все вместе прибежите к нам. Мы постараемся найти цепочку. В целом у нас есть 10 минут, чтобы всё это проверить. Должны успеть.

На том и порешили, но дети не учли одного: сразу после звонка на обед шахта закрывается. И получилось так, что ребята оказались по разные стороны ворот: половина внутри, половина снаружи.

Вот уже слышатся шаги смотрителя, Ваня отдаёт цепочку Тане сквозь ворота, а сам вместе с Сашей, Светой и Леной убегает.. Теперь самое главное – не попасться. Не удалось. Буквально в тот же миг, как смотритель вошёл в подземелье, он за шкирку, ругаясь какими-то непонятными немецкими словами, вышвырнул всех четверых. Детей повели в пыточную. Ваню, Свету, Сашу и Лену поставили возле стенки. Таню и остальных поставили напротив, чтобы смотрели, что бывает с теми, кто нарушает порядок. Серёжа заплакал, остальные закрыли ему рот рукой и попытались успокоить. Палач подошёл к нарушителям, взяв плётку. Раздались звонкие удары хлыста. Дети сжали зубы и не издавали ни звука. Удары становились всё чаще и чаще. Таня не выдержала и вышла вперёд: «Это я во всём виновата, я обманула их и оставила там...»

В эту ночь Таня не вернулась. Она лишь успела передать цепочку Серёже, перед тем как остальных выгнали из пыточной.

В эту ночь не спал никто из ребят. Они ждали. Дверь отворилась. В камеру вошла Таня... вернее, это была не совсем она. Девочка смотрела на ребят и молчала, она подошла... Вся её одежда была в крови. На спине её был выведен знак Красной армии. Часть волос была просто выдрана и торчала клочками... Серёжа побежал, надел на неё цепочку и взял Таню за руки, но испугался и отпрянул: на одной из рук не было ногтей...

Раздались крики: «Берегись! Обвал! Обвал!» Рабочие ринулись прочь из шахты. Началась переключка. Но Таня... Где же Таня?.. Девочка шептала: «Обвал... смерть... папа... мама-а-а!!!» – и заливалась слезами. Женщина взяла ребёнка на руки и вынесла из подземелья. Женщина, которая всегда ворчала на девочку и жаловалась командиру на малейший проступок своей подопечной, спасла ей жизнь.

Так прошёл месяц, и сегодня – последний день детей в Дора-Миттельбау, последний день их жизни... Надзиратель двинулся в сторону детей как раз в тот момент, когда после услышанной новости ребята прощались и смотрели на цепочку... символ их дружбы, надежды... и символ мира. Таня

быстро кинула цепочку в чашку с водой, чтобы охранник ничего не заподозрил. Он подтолкнул детей к выходу, сообщив о том, что за ними прибыли... Таня шла последней, сжимая руку трёхлетнего Серёжки. Детей впихнули в какой-то грузовик. И вдруг на переднем сиденье она увидела под шляпой глаза женщины, которая спасла её из завала. Спустя несколько минут к детям пришло некое осознание того, что с ними происходит. Не едут они ни в какой Ауштиц, ни в какой Бухенвальд. Таня обняла «свою женщину», та улыбнулась, но всё ещё была настороже. Таня тронула свою шею... цепочка осталась в кружке...

Детей сегодня действительно должны были забрать настоящие немцы... Вскоре командир понял, что его провели. Начался обстрел грузовика. Дети прижались друг к другу. Они молчали. Молчали и взрослые, ведь они так давно планировали этот побег... всё пошло не по плану. Кузов загорелся. Дети прижались друг к дружке ещё сильнее...

Дети тащили взрослых как можно дальше. Взрыв. Дети припали к земле, закрыв уши. Серёжка заплакал... И снова темнота... снова...

Некоторых взрослых вытащить не получилось, «Танину женщину» в том числе. Таня поднесла свою руку к костру. Аккуратно выведенный номер на её руке нагрелся и стал расплываться вместе с кожей. Дети переглянулись и поняли друг друга без слов. Они засунули свои руки в пламя. Таня, захлёбываясь слезами, закричала: «Боже, как я хочу всё это забыть!»

И она забыла...

Татьяна очнулась на полу, прижимая к себе ржавую цепочку, вокруг неё столпились люди. Женщина вскочила на ноги и с небывалой для её возраста скоростью понеслась к выходу. Она выбежала на площадь и, обезумев, кричала: «Дора-Миттельбау! Дора-Миттельбау!» Её слова раздавались эхом по узким улочкам города. Татьяна видела силуэты своих друзей – детей Дора-Миттельбау. Она уселась на площади, вокруг неё в кружок встали старые друзья: «Мы – дети Дора-Миттельбау!» Татьяна улыбнулась и издала свой последний вздох... Её тело беззвучно опустилось на землю...

Похоронили её на местном кладбище в лесу, рядом с Иваном, Светланой, Еленой, Александром... и Сергеем...

Смыков Михаил, 9-й класс

Тамбовская область, г. Мичуринск

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №1»

Крымская весна

Мы хотим сохранить от наших
предшественников не пепел, а огонь.
Ж. Жорес

«Дедунь, расскажи про свою весну!» – не унимался Андрейка, крепко обнимая за шею своего прадеда Игната Петровича. За окном мелькал зимний пейзаж, а колёса пассажирского поезда «Санкт-Петербург – Севастополь» весело отстукивали километры, убегающие в бескрайнюю даль. В такт колёсам прыгало от радости сердце мальчугана. Это ж надо, какое событие! Фирменный состав «Таврия» первым в истории проедет по железнодорожной части Крымского моста и прибудет в Севастополь! А в нём – он, Андрейка, с папой и прадедом мчит в далёкое прошлое...

Мальчик был рад встрече со своим «старым дедуней». Виделись они редко, потому что жили в разных городах, но их встречи всегда тёплым комочком западали в душу Андрейки. Дедушка был великолепным рассказчиком. Его истории про советское время нравились Андрейке: для мальчика они звучали почти невероятно. «Выдумывает он их, что ли?» – рассуждал про себя внук, но, поразмыслив, понимал, что сочиняла эти истории сама жизнь. Ведь прожил прадед девяносто четыре года. Это же почти целый век! Больше всего Андрейка любил слушать про детство и молодость Игната Петровича, потому что это были хроники героических лет. От этих рассказов у Андрейки перехватывало горло, глаза начинало нещадно щипать от подступающих слёз, но он незаметно вытирал их ладошкой и просил деда продолжать. И дед продолжал...

– Дедунь, давай с самого начала.

– Как это? – лукаво улыбаясь, спросил Игнат Петрович.

– Расскажи про своё детство, – Андрейка уютно устроился напротив и приготовился слушать.

– Эх, миленький, какое там детство! Родился я в небольшом селе под Херсоном. Семья большая была, семь ребятишек да мать с отцом. Родители в колхозе работали, жили бедно. А когда мне восьмой годок пошёл, начался страшный голод. Ух и тяжело было, внучок, пережить такое испытание. Много детей схоронили тогда в нашем селе. Но отец смог нас сберечь, выжили все, кроме одного...

Игнат Петрович горько вздохнул, опустил голову и замолчал. Глаза его часто-часто заморгали, и на секунду Андрейке показалось, что перед ним сидит не его дедушка, а напуганный и беззащитный семилетний мальчонка. Андрейка не решился прервать его нелёгкие воспоминания и дождался, когда дед продолжит сам.

– Я ведь и в школу пошёл позже своих ровесников на целый год, потому что дюже слабенький был, еле на ногах стоял. В школе мне нравилось, но поучиться пришлось недолго, всего четыре класса.

– А почему так мало, дедунь?

– Потому что работать надо было, помогать семье. Я был чуть старше тебя, когда отправился на фабрично-заводское обучение. Учились мы в Каховке, это километров шестьдесят от родной деревни будет. Вставали утром рано, делали зарядку, завтракали, шли на уроки, а потом каждый свою профессию да военное дело осваивал.

– Зачем военному делу вас учили, ведь войны-то не было ещё?

– О войне, внучек, вслух никто не говорил, но все её ждали. И когда однажды утром объявили, что нас распускают по домам, потому что началась война, удивления не было. Мы вещички похватили и домой бросились – добирались, кто как может. Войска наши отступали по Днепру и повернули правее, на Крым, а наша деревня оказалась как раз посередине. И потянулись долгие месяцы оккупации.

– Немцы жили прямо в вашем доме? – у мальчугана от удивления округлились глаза.

– Да, и в нашем, и в соседних домах. Они чувствовали себя привольно. Забирали практически все продукты, подушки, одеяла, резали кур, домашний скот и постоянно пили водку. А я старался им вредить, как только предоставлялась такая возможность. Мамка мне не раз говорила: «Не зря я тебя Игнатом назвала, это значит «огненный». Осторожнее будь, огонёк». Это она, мамка, меня так звала. Рыжий я был, как огонь... То овёс у лошадей в колодец сброшу, то бутылку со спиртным разолью, а однажды украд губную гармошку у немецкого коменданта. Он, конечно, догадался, кто виновник, и, не раздумывая, поставил меня к стенке – под расстрел. Мать, как это увидела, подбежала, бросилась в ноги фрицу, плакала и кричала, чтобы он пощадил меня. Благодаря ей я и остался жив...

Дед ласково потрепал Андрейку по непослушным волосам цвета спелой ржи и продолжал:

– А как только советские войска начали наступать от Сталинграда да гнать немца, мы с другими ребятами призывного возраста отправились в Чаплинский военкомат, а оттуда – на Перекопский вал. Подходя к валу, я увидел мёртвое поле: люди лежали на земле вроде снопов. Жуть, Андрейка! Нас определили в воинскую часть, учебный полк. А рано утром приезжает капитан морской пехоты и отбирает трёх человек, среди них

и меня. Так я стал морским пехотинцем и разведчиком. И позывной мне дали – «огонёк».

– Как мамка тебя называла... А в разведку ты ходил?

– Случалось, – ухмыльнулся дед, – бывало, что и в одиночку. Однажды подкрался к позициям противника, недалеко от посадок, да решил немного отдохнуть. Присел, чтобы вытереть вспотевшее лицо, а из-за деревьев фашистский унтер: «Рус! Сдавайся!» Немец был хилый, я бы запросто сбил его с ног, но у него за спиной десять солдат стояли. Поднял я руки вверх: одна – пустая, а в другой – граната. Правило такое у меня – граната всегда рядом! Чуть зазевался фриц – я швырнул гранату ему под ноги, а сам плашмя на землю. Взрыв. Унтер и один солдат упали замертво, а остальные сами руки вверх подняли, побросав оружие. Построил я их цепочкой и привёл в полк. Корреспонденты ко мне потом приезжали и выспрашивали, как я подвиг совершил. Подвиг? Не знаю, сделал то, что нужно было сделать.

Андрейка слушал затаив дыхание:

– Какой ты смелый, дед! Ты настоящий герой! – и тихо добавил, – я бы, наверное, не смог так...

– Только тогда, внучек, корреспондентам я не сказал, а тебе скажу. Очень тяжело мне было на войне. Иду в поиск – а сердце часто-часто бьётся; пить хочу – нельзя, терплю; ноги затекли – ползу по земле, становлюсь совсем плоским; слепни кусают – шевельнуться не могу, а в страшную минуту опасности слышу шум собственной крови. Слух такой у разведчиков, тонкий... Вот товарищи мои, светлая им память, настоящие герои...

Игнат Петрович трясущейся рукой вынул портсигар из пиджака и вышел из купе. Он почти избавился от этой вредной привычки и давал себе слабину только в минуты особого волнения.

– А что же было дальше? – тихо спросил Андрейка, когда прадед вернулся.

– А дальше настал час, когда мы получили приказ начать решительную ликвидацию немцев в Крыму. Вместе с моими боевыми товарищами форсировали Сиваш. Ух, как мы радовались тогда, что враг дрогнул и стал отступать по всем направлениям! А перед нами уже новая цель – освобождение Севастополя. К его штурму все готовились основательно: до каждого солдата довели замысел наступательного боя. Основной целью был штурм Сапун-горы. Там, Андрейка, фашисты держали мощную оборону. Но артиллеристы и лётчики славно помогали нам, пехотинцам. И вот в самый разгар боя из-за повреждения кабеля пропала связь с группой прорыва. По приказу командира я отправился выполнять задание – найти обрыв. Шёл, одной рукой держал кабель, другой – автомат. Обнаружил порванные концы и соединил их. А тут термитный снаряд попал в куст рядом со мной, и его осколком ранило мне правое плечо. Боль была нестерпимая... Слышу слова своего командира: «Не трогать его. Контузия в сырой земле всегда

отходит». И всё, больше ничего не помню. Почти сутки я там лежал, меня осмотрели, ранения сильного не было. Контузия прошла, только остался глухой на одно ухо, а сейчас и второе никуда не годится. Так что, Андрейка, вылечила меня земля, не дала сгнить, сберегла. Родная крымская земля...

– За выполнение боевого задания на Сапун-горе был я награждён орденом Отечественной войны II степени, а за бои у Сиваша – орденом Красной Звезды, – сказал ветеран и протянул награды внуку. – А было это весной 1944 года. Тёплая была такая, ласковая... моя весна... крымская...

9 мая 1944 года... Оперативная сводка Советского информбюро: «Словив сопротивление противника, наши войска ночью... штурмом овладели крепостью и важнейшей военно-морской базой на Чёрном море». И вновь реял над Севастополем советский флаг...

Ночь, мерно стучат колёса, но пассажирам поезда № 7/8 «Таврия» не до сна. Не спит Андрейка, не спит «старый дедуня» Игнат Петрович, не спит его внук и полный тёзка, отец Андрейки, – Игнат Петрович Антоненко. В два часа ночи состав, следующий по маршруту Петербург – Севастополь, пройдёт по Крымскому мосту. Об историческом событии машинист предупредил за десять минут и замедлил ход. Пассажиры прильнули к окнам полюбоваться красавцем-мостом: его автодорожная арка подсвечена синим, железнодорожная – красным, а фарватерный участок моста подсветили в цвета российского флага. «Дедунь, смотри, какие огоньки!» – восхищённо кричит Андрейка.

Радость, восторг, гордость за страну! «Ура-а-а!» – протяжно раздаётся по всему вагону. Девятнадцать километров по мосту, девятнадцать километров по мечте, ставшей реальностью...

Счастливо засыпают пассажиры поезда «Таврия» – свидетели грандиозного события. Тихо в купе, где расположилась семья Антоненко. Лишь «младший Игнат», отец Андрейки, не сомкнёт глаз этой ночью. Ему не спится, он вспоминает свою весну – крымскую весну 2014 года. Ведь деду, с его слабым сердцем, так и не решились рассказать о том, участником каких событий стал его внук. Да и операция была секретная... Тревога. Подъём. На сборы пару часов. В Крым летели на Ил-76. В голове звучал приказ – не поддаваться на провокации, простых людей не пугать, стараться со всеми быть «вежливыми». Вспоминает Игнат, что поначалу местные жители боялись военных в камуфляжной форме без опознавательных знаков, так как не понимали, свои это или чужие, даже устраивали проверку. Вспоминает, как подошла к нему женщина и встревоженно заговорила по-украински. Он долго слушал, а потом сказал: «Сестра, я не понимаю». Её лицо озарилось улыбкой, и она облегчённо выдохнула: «Свои». Вспоминает, как тяжело складывались отношения с ребятами из отряда самообороны, которые требовали от военных жёстких действий, а перед ними стояла другая задача – «мирно и бескровно». Вспоминает, как за один день

выучил гимн «Легендарный Севастополь», который звучал повсюду: «Ты лети, крылатый ветер, // Над морями, над землёй, // Расскажи ты всем на свете // Про любимый город мой. // Всем на свете ты поведай, // Как на крымских берегах // Воевали наши деды и прославили в боях // Легендарный Севастополь...» Вспоминает, как взметнулся в голубое небо Севастополя российский флаг.

За годы военной службы у «младшего Игната» немало наград. Но самая дорогая – «За возвращение Крыма» – лежит прямо у сердца, во внутреннем кармане пиджака. И уже совсем скоро, через несколько часов, как только поезд прибудет в Севастополь, он протянет медаль деду – «старшему Игнату» – и скажет просто: «Знаешь, дед, а у нас с тобой теперь есть общая весна – крымская».

Рамазанова Сабина, 11-й класс

Тверская область, г. Торжок

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 6»

В то холодное утро октября 41-го...

Посвящается Инне Буниной – родственнице
великого русского писателя Ивана Алексеевича Бунина

Она остановилась у холодного мраморного постамента, зябко кутаясь в тёплое драповое пальто. Стояла поздняя осень, и, хотя пожухлая трава и свалившаяся листва уже подёрнулись свежим инеем, наступающие морозы уже несколько не трогали пожилую женщину. Её сердце холодело от горьких воспоминаний страшных ужасов пережитого прошлого. Здесь, у границ жизни и смерти, в обществе молчаливого гранита, лаконичной чёрной таблички и громкого, такого сильного и героического слова «РУБЕЖ», её охватывали мысли о тех ужасных днях, когда даже надежда казалась непростительной роскошью. Перед глазами стоят большие чёрные цифры – 1941. В голове возникают обрывки ярких воспоминаний тех лет...

– Инночка, вставай! Уже давно рассвело... Господи, ну какая же ты соня!

Немного ворчливый, но ласковый голос матери наконец затих, и Инна уже готова была снова погрузиться в царство грёз, как вдруг в глаза ударил резкий, освежающий своей яркостью свет октябрьского солнца.

– Эй, Маша, так совсем нечестно! – возмутилась девочка, недовольно морща лицо, однако тут же проснулась и села на кровати. Из приоткрытого окна доносились испуганные и взволнованные голоса. Инна спрыгнула на пол и шустро подбежала к окну, громко шлёпая босыми ножками. Её детским глазам предстала страшная картина: огромные толпы, длинные, нескончаемые вереницы людей шли пешком из Калинина, прихватив с собой всё своё скудное имущество. На их фоне особенно выделялись автомашины начальства, нагруженные мебелью, одеждой и прочими ненужными вещами. Они быстро проезжали мимо бедных, беспомощных стариков, уставших женщин с голодными детьми на руках, раненых и окровавленных солдат, устремляясь вперёд, дальше от родного города... Во всём этом было что-то ужасное, нечеловеческое, и Инна в страхе отвернулась от окна, поспешив на кухню, к матери. Уже подходя к двери, она услышала её тихий, но уверенный голос:

– Нет, Люда, мы не можем эвакуироваться. Да и куда мы пойдём? А главное – как? У меня на руках трое детей, муж на фронте, да и папа с мамой уже пожилые люди... Нет, это совершенно невозможно, – устало вздохнула она и медленно опустилась на стул. – Решено, мы останемся здесь, на Вагжанке.

Тётя Люда, мамина соседка, ещё что-то проворчала в ответ и, покачив головой, вышла из кухни, подмигнув на прощание заспанной Инне. Едва дверь за женщиной захлопнулась, девочка подбежала к маме и спросила у неё, взволнованно заглядывая в такие родные глаза:

– Мамочка, мамочка, мы, что, правда останемся под немцами?

– Да, милая, правда, – серьёзно ответила та и, заметив испуганный взгляд дочери, поспешила добавить: – Обещай мне, что будешь сильной, как твой отец, и ничего не бойся, хорошо?

– Как папа... – девочка задумалась. Отец ещё летом ушёл на фронт, где теперь работает хирургом и лечит солдат. Инна очень любила папу и всегда хотела быть похожей на него – сильного и отважного военного врача. Внезапно перед глазами возникли толпы измождённых, загнанных войной людей... Маленькие ручки непроизвольно сжались от злобы, детской, бессильной злобы на тех, кто заставляет её папу жить на фронте, тех, кто выгоняет людей из собственных домов и мучает, убивает без тени сожаления, без капли сострадания.

– Я... я буду... – голос Инны дрожал. Но она преодолела себя и твёрдо произнесла: – Буду.

– Ты просто молодец, ты моя умница! – улыбалась мама. В её больших карих глазах стояли слёзы. – Вместе мы справимся.

Минуты, дни, ночи – всё стянулось в одну нескончаемую, унылую и страшную массу. Повсюду то и дело взрывались снаряды. Гибли люди. Везде, в каждом доме, в каждой комнате, царили голод и страх загнанных фашистами жителей.

Семья Инны жила в одной комнате и спасалась от холода маленькой печкой-буржуйкой. Сама девочка стойко держалась и старалась подавить свой страх – страх перед пугающей неизвестностью, страх перед смертью. Главным примером для девочки стала мама – человек, способный из нежной и хрупкой девушки стать сильной, волевой женщиной, готовой на любые испытания и тяжкий труд, чтобы прокормить семью. Она ходила на поле, где можно было найти мороженую капусту, на элеватор за горелым зерном. Инна смотрела на свою маму, голодную, измождённую, запуганную и невероятно уставшую, и томилась в мучительном ожидании конца этого ужаса.

Шестьдесят три. Инна считала каждый день. Ровно столько продлилась оккупация её родного города, когда советские войска освободили Калинин. Девочке казалось, что всё самое страшное уже позади, когда вскоре после освобождения маму обвинили в пособничестве оккупантам и арестовали, поместив в одну из городских тюрем. Совсем маленькие брат и сестра, близняшки, плакали от голода, поэтому бабушка возила их в тюрьму на саночках к маме. Ей разрешали их кормить. Инне было очень больно и одиноко без родителей, однако почти сразу после маминого ареста с фрон-

та приехал отец. Это было утром, когда, проснувшись, девочка заметила солдатские сапоги в прихожей. Сердце радостно запрыгало в груди.

– Папа! Папа! – кричала Инна, заглядывая во все комнаты. Военный врач сидел на кухне, за столом, уставший после долгой дороги. Услышав до боли знакомый крик, он встал, опрокинув от волнения чай.

– Инночка, доченька, – прошептал отец, и его лицо расцвело тёплой улыбкой той самой сильной любви, что оживляет даже безнадежно искалеченную душу, любви родителя к своему ребёнку. Он крепко обнял дочь и прижал её к своей груди.

– Папа, скажи, ты приехал спасти маму? – наивно сказала Инна, подняв вопросительно глаза.

Отец грустно улыбнулся в ответ.

С приездом главы семейства дела значительно наладились. Маму освободили и даже приняли на прежнюю работу, где она долгие годы заведовала химической лабораторией. Позже семью Буниных снова ждало пополнение. Снова близнецы. Наконец, спустя столько месяцев ужаса и лишений, страха и голода жизнь медленно и болезненно возвращалась в прежнее русло.

Неожиданная крупная слеза медленно скатилась по морщинистой щеке. Уже стемнело. Время всегда летит так быстро и незаметно, даже слишком, слишком стремительно. Дни составляют месяцы, месяцы складываются в годы... Сколько лет, сколько десятилетий прошло с того утра, когда маленькая девятилетняя Инна Бунина впервые увидела людей, бегущих от войны? Картины ужаса, смерти так живо и ясно встают в памяти, что кажется, будто это было только вчера. Такое невозможно, нельзя забыть. Такое не замолчать, не усыпить. Память о войне всегда будет в сердцах людей гореть вечным огнём Победы, за которую заплатили слишком высокую цену. И даже холодная гладь гранита смягчится от слёз тех, кто уже ребёнком столкнулся лицом к лицу со смертью. И имя ей – война.

Статейкина Карина, 5-й класс

Тульская область, г. Тула

МБОУ «Центр образования – гимназия № 11
имени Александра и Олега Трояновских»

241 ступенька памяти (Один день моего путешествия)

Шёл пятый день нашего путешествия. Утром мама сказала, что сегодня у нас будет очень важная и особенная экскурсия. Я с нетерпением стала ожидать, когда же мы прибудем на место. В окно автомобиля я видела быстро сменяющиеся друг друга картинки летней природы: тщательно причёсанные поля, аккуратные и чуть озорные лужайки, маленькие деревушки и лесные островки, как будто стоящие на страже этих солнечных и радостных пейзажей. Мы подъезжали к Минску.

У нас с Беларусью родственная связь. Мама родом из Минска. Мои бабушка и дедушка – белорусы. Поэтому мы часто бываем в этих краях. Мама много рассказывала мне о Беларуси. И сейчас я решила узнать подробнее, что сегодня смогу увидеть.

– Мама, что у нас сегодня по маршруту? Расскажи, пожалуйста, – попросила я.

– В истории нашей страны, – начала мама, – было немало тяжёлых моментов, но самыми страшными и ужасными стали годы Великой Отечественной войны. 9 мая 2020 года мы будем праздновать 75-летие со Дня Победы. Да, прошло уже 75 лет... Но мы не должны забывать, какой ценой была завоёвана эта победа, а значит, наша жизнь и счастье. Эта война оставила много страшных следов, часть из которых люди превратили в мемориалы, чтобы сохранить память и не допустить повторения трагедии всего человечества. В ходе войны было несколько десятков крупных сражений, одним из которых стала блестяще проведённая операция «Багратион». Это было переломное событие, вошедшее в историю под названием «Минский котёл». Теперь на месте этого сражения вырос Курган Славы Советской Армии – освободительницы. Это и есть цель нашей сегодняшней поездки.

– Чем была так значима операция «Багратион»? – поинтересовалась я.

– В конце июня 1944 года, – продолжила мама, – под Минском в окружение попала более чем стотысячная группировка гитлеровских войск. Отсюда и название – «Минский котёл». Когда «Минский котёл» был ликвидирован, в плен взяли 57 тысяч гитлеровских солдат. Можно сказать, что Курган Славы символизирует мощь нашего оружия, силу и героизм солдат и офицеров Советской армии, которая к началу операции «Багратион» уже разгромила гитлеровские войска под Москвой и Сталинградом,

под Ленинградом и на Курской дуге. Это значимое место для всех народов бывшего Советского Союза.

За рассказом быстро пролетело время. И вот мы уже и на месте. Перед нами мемориальный комплекс «Курган Славы Советской Армии – освободительницы». Его строгий и выразительный силуэт органично вписался в ландшафт местности. Даже кажется, что всё, что находится рядом: пруд, берёзовая роща, поля, – появилось здесь именно благодаря мемориалу. Вид его торжественный, притягивающий взгляд. Просто так проехать мимо не получится. Возникает непреодолимое желание остановиться, подойти, посмотреть, подумать...

Мемориальный комплекс состоит из насыпного кургана, с обеих сторон которого серпантинном расположены две лестницы без перил. Они, подобно праздничным лентам, обвивают зелёный холм памятника, пересекаясь с тыльной стороны. Вершину кургана венчает обелиск из четырёх стилизованных штыков. Их опоясывает венок-кольцо, на внешней стороне которого расположен барельеф с изображением лиц советских воинов. Общая высота мемориала составляет 70,6 метра, высота зелёного холма – 35 метров, а его диаметр у основания – 100 метров. Грандиозное сооружение! Вокруг разбит парк с озёрами, клумбами и цветущими деревьями. На аллеях парка – стенды. Часть озаглавлена «Победное лето» и посвящена операции «Багратион». Есть стенды с историей создания самого мемориала. Неподалёку под открытым небом находятся экспонаты музея боевой техники.

Мы подошли к подножию Кургана. Там, в центре лестничных сводов, расположена мемориальная плита, на которой увековечена надпись:

«Горсть за горстью легла земля из городов-героев и других мест жестоких боёв, из городов и сёл, которые навеки прославили себя ратными и трудовыми подвигами во имя свободы и независимости Советской Родины».

Когда я прочитала эти строки, я вспомнила, что мне рассказывала мама о строительстве Кургана. Курган Славы строили по старинной славянской традиции: всем миром по горстке земли. Сюда присылали землю из всех уголков СССР. На митинг, посвящённый началу строительства Кургана, приехали представители Минска, Бреста, Волгограда, Москвы, Ленинграда, Одессы, Севастополя. Был подготовлен наказ потомкам: быть патриотами Родины, хранить дружбу народов, чтить память тех, кто победил.

Первая горсть земли здесь легла осенью 1966-го. Сооружение Кургана действительно стало делом всенародным. К месту возведения памятника съезжались люди. Около ещё невысокой горки они выстраивались в очередь, чтобы высыпать принесённую с собой в мешочках и газетках землю. Поток из людей не прекращался полтора года. Среди них была и моя прабабушка. Она рассказывала своей внучке, моей маме, что это было настоящее паломничество желающих почтить память тех, кто не вернулся с войны.

Мама говорила, что её бабушка, Анастасия Кирилловна, часто об этом рассказывала. И плакала. Много-много плакала. А вот о том, как жила

в оккупированном фашистами Минске, о том, как её угнали на работу в Германию, не хотела и не могла рассказывать. Тоже плакала. Беззвучно. Слезинки просто катились из её глаз. В такие моменты она всегда повторяла: «Только б не было войны...»

Я стояла, читала надпись и тоже плакала. От сожаления. От благодарности. От тоски и боли. Мама спросила: «Подниматься будем?»

241 ступенька. Я считала. 241 шаг памяти. Мы поднимались, как мне показалось, долго. Молчали. Подъём был не тяжёлым, но страшноватым. И не от того, что высоко. От осознания, в каком месте ты находишься, от прочитанного в аллее текста, рассказывающего, что при строительстве мемориала находили останки погибших, солдатские каски, снаряды. От тех пробоин, которые виднеются на стоящих рядом с Курганом танках. Здесь с каждой минутой всё отчётливее понимаешь, что всё это было по-настоящему. Ужас. Кровь. Смерть. В О Й Н А. И в ушах звучат слова моей прабабушки: «Только б не было войны...» Только б никогда больше не было войны!

Мы поднялись на вершину Кургана, на смотровую площадку. Здесь было очень красиво. Открывался прекрасный вид. Пространство мирных и свободных земель. «Армии Советской, Армии-победительнице – слава!» – гласит надпись на внутреннем кольце обелиска. Смотришь вокруг, читаешь надпись и понимаешь, в чём сила Советского Солдата. Она в неистребимом желании уберечь от врага-варвара эту красоту, эту ширь, эту свободу. И начинаешь чувствовать гордость за тех, кто победил фашизм.

Когда мы спускались вниз – 241 ступенька, – я с каждым шагом про себя повторяла: «Армии Советской, Армии-освободительнице – слава!»

Торжественное открытие мемориала состоялось 5 июля 1969 г. К этому событию был приурочен военный парад, в котором участвовал мой дедушка, тогда молодой лейтенант. Это были его шаги памяти у Кургана Славы.

Над постройкой мемориального комплекса трудилось множество рабочих, скульпторов, архитекторов, инженеров. Курган Славы Советской Армии – освободительницы стал первым подобным сооружением, посвящённым памяти воинов, освободивших свою Родину. Такие памятники как мосты от войны к миру, от страшных страниц прошлого к светлому будущему, от одного поколения к другому. Мы, люди, не знающие войны, идём по ним, мысленно произнося обещание помнить павших героев и хранить мир на земле.

Я и мама вернулись к машине. Обратную дорогу проделали молча. Я думала о том, что нельзя допустить повторения подобного. Теперь наш мир в наших руках, мы должны учиться на ошибках прошлого. Надеюсь, что люди будущего будут добрее, разумнее, мудрее. Должно же человечество наконец понять: никогда не будет счастья от того, что было достигнуто насильем. И война 1941–1945 годов – неопровержимое тому подтверждение.

Солмакова Анастасия, 9-й класс

Ярославская область, Некрасовский район, р.п. Бурмакино
МБОУ Бурмакинская средняя общеобразовательная школа № 1

Ты же выжил, солдат...

Пасмурно и неуютно было тем мартовским утром девяносто первого года, когда немногочисленные соседи собрались у дома Клавдии Силушкиной. Стояли молча и ждали: сегодня она хоронила мужа, и все, кто знал их семью, пришли проводить в последний путь героя войны, отдать дань человеку с нелёгкой, трагической судьбой. О том, что он герой, знали, конечно, но Александр Васильевич мало что рассказывал: про плен в те годы говорили осторожно, очень осторожно – время было такое.

Всё вспомнила Клавдия Петровна, всю жизнь свою пропустила через сердце, которое разрывалось от боли, а воспоминания были нелёгкие.

Семья Силушкиных приехала в Бурмакино перед самой войной, переехали из Гаврилов-Ямского района, из деревни Кадищи. Клавдия сама на саночках перевозила и детей, и нехитрый скарб, что нажили с Александром с февраля тридцать первого года, когда их расписали в Осеневском сельсовете. Зажили неплохо: детки, дом, но война разом изменила жизнь всех. Александра Васильевича призвали на фронт пятого февраля сорок второго года. Муж Клавдии в составе семьдесят первого стрелкового полка с февраля участвовал в боевых действиях на Донском фронте, был пулемётчиком. Писал редко, и Клавдия ждала, ждала, ждала хоть какой весточки. Тридцать первого августа сорок третьего года при выходе из окружения под Таганрогом был ранен в стопу правой ноги и левую часть груди. Ранение было тяжёлое, передвигаться не мог, поэтому был взят в плен.

Ничего не знала Клавдия о судьбе мужа, только спустя полгода пришло извещение о том, что пропал без вести. Сколько слёз было пролито, сколько боли пережито, сколько молитв прочитано! Вспомнилось, как ходила с соседкой к знахарке, чтобы узнать что-нибудь о муже. Странное что-то говорила: вроде живой, но наполовину простынёй укутанный. Как понять её слова? Потом, рассказывая об этом своим дочерям, поняла, что был её Александр между жизнью и смертью, что цеплялся за жизнь слабыми пальцами, но цеплялся, цеплялся, цеплялся. Подлечили его фрицы и угнали в концлагерь в Польшу. Сначала был офлаг 73, это был лагерь для офицеров, поэтому его перевели в другой лагерь – в местечке Бялобжеги. Если бы знала она, что муж в плену, если бы знала! Нет, её сердце не выдержало бы, разорвалось бы на куски. Никогда потом не рассказывал про плен, только вспоминал постоянный голод, голод и работу. Благодарил польку,

что сунула ему через ограждение мёрзлую картофелину. Однажды бежали с товарищами – били прикладами... В учётной карточке концлагеря всё записали дотошные немцы: и место рождения, и веру его, и фамилию матери, и его лагерный номер – 75430. Временами казалось, что и закопают их здесь, в чужой земле.

Освободили пленных третьего мая сорок пятого года, накормили американской тушёнкой (какой же вкусной она казалась!), а потом отправили в другой лагерь – наш. С сорок пятого по сорок седьмой год находился он в лагере советском в Калинин. Где шли проверки, допросы: где, когда, при каких обстоятельствах попал в плен, что знал, что сказал.

Домой пришёл в сорок седьмом. Живой! Живой, родной, целый! Теперь, думалось Клавдии, жизнь пойдёт другая, но радостное настроение быстро прошло: бывшего заключённого нигде не брали на работу. Перебивался тем, что клал печи, колол дрова, копал огороды. Много позднее взяли истопником в Бурмакинскую восьмилетнюю школу. В октябре 1957 года наградили орденом Славы (третьей степени), но никогда не приходили пионеры, не приглашали в школы, видимо, такая правда о войне была не нужна. И каждый год 9 Мая за праздничным столом все видели слёзы на глазах Александра Васильевича.

На хорошую работу по-прежнему не брали: был сторожем в «Заготзерно», клал печи. Жили просто и скромно, дождались внучек, что приезжали каждые выходные и тоненькими голосами выводили для деда его любимую песню: «У незнакомого посёлка, на безымянной высоте...»

Для истории семьдесят пять лет не срок, это время, когда события можно оценить полно и объективно. Мы многое узнали о самой страшной войне двадцатого века. Сломанные, исковерканные судьбы, оборванные жизни. Эхо тех лет доносится до нас сквозь годы, ведь нет семьи, где не было бы своих счётов с войной. Трагичны судьбы погибших на полях сражений, но не менее драматичны судьбы тех, кто пережил плен. Что давало им силы жить и верить в жизнь? Что помогало остаться людьми и сохранить честное имя и гордое звание Солдата? В рассказе Алексея Толстого «Русский характер» есть такие слова: «Да, вот они, русские характеры! Кажется, прост человек, а придёт суровая беда, в большом или малом, и поднимается в нём великая сила – человеческая красота!» Наш народ победил фашизм, мы сохранили в душе доброту, сострадание, искренность. Мы – великий народ, и величие нации складывается из самоотверженного подвига простых людей, таких как Силушкин Александр Васильевич, и миллионов простых солдат, оставшихся навечно в сырой земле или сумевших вернуться домой через боль и раны.

Клавдия Петровна пережила своего мужа на десять лет. Перед смертью передала детям Владимирскую икону Божией Матери, в которой за окладом хранились письма с фронта и документы на награждение её Солдата.

ФИНАЛИСТЫ

**Всероссийского конкурса сочинений
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Мартынова
Любовь

Анищенко
Михаил

Абаева
Мария

Закинова
Юлия

Абибуллаева
Эльмаз

Ходосок
Ангелина

Москаленко
Анастасия

Мартынова Любовь, 6-й класс

Астраханская область, г. Знаменск

МКОУ МО «Закрытое административно-территориальное образование Знаменск Астраханской области «Гимназия № 231»

Память о героях Великой Отечественной войны – духовная реликвия нашей семьи

2020 год Указом Президента России Владимира Путина объявлен Годом памяти и славы в целях сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

В этот год пройдёт много памятных мероприятий, посвящённых этой славной дате. Моё участие в региональном этапе Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности» – это лишь малый вклад в общее большое дело: сохранение памяти о событиях Великой Отечественной войны и поддержание преемственности поколений.

Близится 75-я годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Это дата, которую мы все торжественно готовимся отметить! В ходе войны было много сражений, очень важных и значимых. Одно из них – сражение под Сталинградом. Защитники Сталинграда (ныне – Волгоград) проявили героизм, мужество и стойкость в битвах против фашистских захватчиков. Это они, командиры Советской армии и простые рядовые, стояли насмерть, выполняя приказ Сталина «Ни шагу назад», в кровопролитных боях смогли остановить противника, положили начало переломному ходу Великой Отечественной войны, развеяли миф о несокрушимости немецкой армии, приближали Победу в мае 1945 года. Но в общей истории страны в годы Великой Отечественной войны сокрыты тысячи историй семей нашей огромной Родины, об одной из которых я и хочу рассказать...

На Мамаевом кургане – тишина,
За Мамаевым курганом – тишина,
В том Кургане – похоронена война,
В мирный берег тихо плещется волна.

В. Боков

Ещё нестарая женщина в сопровождении двух сыновей медленно идёт вдоль стен пантеона Славы мемориального комплекса, памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане. На стенах этого комплекса мозаичные знамёна, на которых запечатлены имена

тех, кто в огненные годы войны сражался и погиб за Сталинград. Таких имён более двухсот тысяч...

Глаза этой женщины, потерявшие блеск от слёз и страданий, ищут в этом скорбном потоке имён и фамилий имя родного человека – любимого мужа и отца двух её сыновей. На мгновение она замирает, из её груди вырывается приглушённый крик, в котором слились боль потери любимого, горечь утраты отца сыновей, немеркнущая надежда найти его имя в пантеоне Славы. Она падает на колени и начинает целовать холодные мозаичные стены пантеона, словно через них хочет передать неугасающую любовь и трепет души своему любимому, отдавшему жизнь в годы Великой Отечественной войны в боях за Сталинград... Сыновья бережно поднимают мать и вместе с ней склоняются в скорбном молчании...

Это событие произошло в далёком 1967 году, когда в Волгограде в честь Победы советского народа в Великой Отечественной войне над фашистской Германией и Победы наших воинов в Сталинградской битве на Мамаевом кургане был открыт памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы».

Эту историю из уст в уста передают в нашей семье из поколения в поколение.

История о великом патриотизме простого солдата, о его вере в Победу над фашистскими захватчиками, история о любви, верности, надежде тех, кто ею жил, история о потомках, свято почитающих память своих предков, самоотверженно работавших и сражавшихся во имя Победы над врагом.

История моих родных в годы Великой Отечественной войны похожа на истории сотен тысяч советских семей. Но для нашей семьи эта история стала священной и духовной реликвией.

В первые дни начала Великой Отечественной войны село Капустин Яр Владимирского района Астраханской области замерло в тревожном ожидании: каждый мужчина стремился побыстрее попасть на фронт. В их числе каждое утро к сельскому совету в надежде быть призванным ходил и мой прапрадедушка – Соловьёв Илья Лукьянович. Его жена, моя прапрабабушка – Соловьёва Ольга Егоровна, позже рассказывала родным, что её «Илюша просто рвался на фронт», считая своим первостепенным долгом встать на защиту родной страны от немецких захватчиков! Он свято верил, что война ненадолго, поэтому нужно успеть сразиться с коварным врагом. Первые месяцы войны, горечь поражений наших войск при наступлении гитлеровцев только усилили желание моего прапрадеда побыстрее попасть на фронт.

17 июля 1942 года передовые части фашистской группы армий «Б» в большой излучине Дона встретились с войсками Сталинградского фронта. Началась битва за Сталинград. Илья Лукьянович попал на Сталинград-

ский фронт в самый разгар боевых действий. 23 августа 1942 года город Сталинград подвергся массированным авианалётам, в начале сентября в городе завязались тяжёлые уличные бои.

Сталинград! Сталинград!
Бой и ночью, и днём!
Всюду дым, всюду гарь,
Полыхает огнём...
Владимир Марахин

Горело всё вокруг. Горела Волга, но наши бойцы героически сражались с непоколебимой верой в Победу. Об этом были простые слова моего прапрадеда, которые он смог передать своей жене через раненого односельчанина, которого увозили в тыл: «Воюем за Родину, за Сталина, за вас, мои дорогие! А потому мы победим!» С этой святой верой в Победу отдал свою жизнь в боях за Сталинград мой прапрадед, Соловьёв Илья Лукьянович.

Подвиг командиров, подвиг простых рядовых солдат, таких как мой прапрадед, позволил одержать Победу советским войскам в Сталинградской битве, что имело большое влияние на дальнейший ход Великой Отечественной войны. В результате этой победы немецкие войска перестали доминировать. Да, он, мой прапрадед, как и тысячи других бойцов, был простым смертным, и мало кто уцелел из них, но они выполнили долг перед Родиной, приблизив час Великой Победы в мае 1945 года.

Именно о таких бойцах, а значит и о моём прапрадеде, увековечена запись на стене памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане:

«Железный ветер бил им в лицо, а они всё шли вперёд,
и снова чувство суеверного страха охватывало противника:
люди ли шли в атаку, смертны ли они?..» *(В. Гроссман)*

Мне хочется продолжить эту фразу: «Люди эти бессмертны, бессмертны их души, потому что память о подвиге «своего» бойца в годы Великой Отечественной войны живёт в каждой российской семье!»

Память о подвиге моего прапрадеда, Соловьёва Ильи Лукьяновича, пусть не отмеченном орденами и медалями, живёт в каждом из пяти поколений нашей большой семьи. Жена Ильи Лукьяновича, Соловьёва Ольга Егоровна, долгое время после окончания войны верила, что муж вернётся с фронта. Во время войны она с двумя малыми детьми на руках работала на строительстве железной дороги. Своим трудовым подвигом она тоже внесла свой посильный вклад в общее дело Победы!

В пантеоне Славы на Мамаевом кургане в далёком 1967 году она нашла имя «своего Илюши» в числе погибших защитников Сталинграда и произнесла фразу: «Для меня ты – живой! Просто где-то далеко».

Мы же, внуки и правнуки своих родных, живших в годы великих испытаний, преклоняемся перед их подвигом, чтим их память, передаём эту семейную историю военной и послевоенной поры из поколения в поколение!

Ежегодно в канун 9 Мая мы посещаем воинский мемориал в селе Капустин Яр, где на памятных плитах высечены имена всех сельчан, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны. Среди них есть и имя нашего прапрадеда, Соловьёва Ильи Лукьяновича, и других родственников. Мы возлагаем цветы. Отдаём дань подвигу всех солдат Великой Отечественной войны минутой молчания. После традиционно собираемся всей большой семьёй за обеденным столом, дети готовят концертные номера (стихи и песни на военно-патриотическую тему), взрослые под гитару исполняют песни военной поры и песни, рождённые сегодняшним днём, такие как «Бессмертный полк». В завершение звучит песня «День Победы».

Это есть не просто связь поколений. Это – духовная реликвия нашей семьи! Память священна!

9 Мая вся наша большая семья (всех возрастов и поколений) идёт в едином строю «Бессмертного полка». Эта патриотическая акция объединила поколения всех россиян, и именно о ней у меня родились такие строки:

Шагает по стране Победный Май!..
И память о Войне ты внукам передай!
Деды и прадеды! Гордимся вами мы!
Коли б не вы, то не было б страны!
«Бессмертный полк» по улицам – рекой,
И каждый на портрете для всех для нас – герой!
Портреты дедов у меня в руках,
И праздник, правда, «со слезами на глазах»!
Родные души живы, коль помним мы о вас,
Пред вашим подвигом великим склоняем головы сейчас!
75! С Дня Победного Мая,
Но вновь поимённо солдат вспоминаем...
И трепетно сердце наше стучит:
«Ничто – не забыто! Никто – не забыт!..»

Любовь Мартынова, 2020 г.

18 января 2020 года состоялась встреча Президента Российской Федерации Владимира Путина с ветеранами Великой Отечественной войны

и представителями общественности. На встрече широко обсуждалась тема сохранения исторической памяти всех поколений нашей страны о событиях Великой Отечественной войны, о главенствующей роли советского народа в разгроме фашистской Германии и освобождении стран Европы от нацизма. На встрече было много представителей волонтерских организаций, участвующих в сохранении и поддержании памяти об исторической победе нашего народа. Поэтому я уверена, что наша молодёжь и последующие поколения всегда будут помнить и чтить героев нашей Великой Победы!

Анищенко Михаил, 11-й класс

Волгоградская область, г. Волгоград

МОУ «Лицей № 2 Краснооктябрьского района Волгограда»

Адрес под подкладкой

Собирая Женьку, мама Катя не плакала. Не хотела Женьку пугать. А Женька боялась. Война, мама на заводе работает, а её, Женьку, решили подальше от войны отправить, в Дубовку к знакомым. К чужим, в общем-то, людям... Мать всё напоминала: вот тут у тебя, в подкладке пальто, адрес бабушки зашит. Если что случится, пиши письмо. Эта бумажка с адресом была и слабым успокоением, и смутной надеждой. Дойдёт ли письмо в дальнюю глухую деревеньку? Да и бабушка Стеша старенькая, что она сможет, случись беда? А Женька на всякий случай повторяла адрес: Сталинградская область, Лемешкинский район, село Новая Бахметьевка, Петуховой Степаниде...

У знакомых в Дубовке Женьке жилось тревожно: про мамку с папкой ничего неизвестно. Дубовка – город прифронтовой, раненых везут из Сталинграда. У маминых знакомых дети, Женька – лишний рот, а кормить нечем. Вот и порешили Женьку в детдом сдать. Мамке про свою беду нет возможности сообщить. Чего делать-то? И стала Женька подкладку на пальто пороть, письмо на деревню бабушке писать. Нацарапала: заberi, мол, меня, бабушка, а то отправят в детдом, проживаю в Дубовке, у таких-то людей, про маму с папой ничего не знаю, должно быть, в Сталинграде на заводе. Если живы, конечно...

Отправляя письмо, Женька надеялась, что оно дойдёт. Письмо дошло. Чудом каким-то получила его бабушка Стеша. Стала собираться. Закрывает свою старенькую хатку, узелок взяла, палочку и пошла. Пешком, по военным дорогам, в дальнюю даль за внучкой. Так и добралась до самой Дубовки. Видно, есть какая-то сила, которая старенькой Стеше и малолетней Женьке помогала! Баба Стеша успела до того, как Женьку в детдом отправили. И пошли они домой, опять пешком. Вдвоём веселее и не страшно совсем, ну и что, что война. Им даже повезло: подобрали старушку с девочкой солдаты, на грузовике последнюю часть пути до Красного Яра проехали, а там до деревни рукой подать. Так и добрались, а потом всю войну в деревне бедовали.

Баба Стеша спасла Женьку. Никто из доверенных ей в войну детей не умер от голода или болезней. Оберегая детей войны, баба Стеша спасала и будущих внуков, и правнуков. На старых пожелтевших фотографиях в их семейных альбомах – маленькая старушка, худенькая, с узловатыми натруженными руками. Это и есть она, баба Стеша, в окружении тех, ради

кого прожила свою долгую, трудную жизнь. Спокойно лежат на коленях её потемневшие от работы крестьянские руки, смешливо и лукаво смотрят с фотографии её глаза. Годы и горести оставили глубокие морщины на лице, и каждая морщинка – след забот и тревог женщины, так много вынесшей на своих плечах.

Абаева Мария, 9-й класс

Республика Адыгея, Гиагинский район, станица Гиагинская
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 1 им. А.Г. Сапрунова»

Один вечер моего детства

Одним осенним вечером мы с бабушкой решили пересмотреть старые фотографии. Погода стояла ненастная: за окном бушевал ветер, ломал макушки деревьев, тоненькие стволы вишен и абрикосов, срывал пёстрые листья, унося за собой тёплые осенние деньки.

Мне всегда было интересно рассматривать старые снимки, ведь у каждого человека есть своя история. Но одна фотография заинтересовала меня больше остальных. На ней была изображена большая счастливая семья: в центре стояла улыбающаяся женщина, но, несмотря на это, взгляд её казался тяжёлым и даже печальным, справа и слева от неё расположились дети, среди которых была моя бабушка. От неё я и узнала историю своей прабабушки, Бидаевой Антонида Егоровны, труженицы тыла во время Великой Отечественной войны.

Родилась прабабушка 22 апреля 1925 года в деревне Сизнер, в Республике Татарстан. Всего в семье было семеро детей, она была четвёртым ребёнком.

«Внимание, говорит Москва! Передаём важное правительственное сообщение. Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня в 4 часа утра без всякого объявления войны германские вооружённые силы атаковали границы Советского Союза. Началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков...» – эти слова чёрной тучей заволочли мирное небо. Антонида Егоровна часто вспоминала горькое время войны:

«Когда началась война, мне было всего шестнадцать лет, в голове ещё витал ветер. Но всё резко изменилось. 22 июня всё было, как обычно: палило жаркое солнце, с раннего утра мы с сестрой пасли коров, соседская ребятня гоняла мяч, мать занималась делами по дому, а братья помогали отцу. О том, что немецкие захватчики вторглись в Советский Союз, я узнала только вечером. Слово «война» эхом отзывалось в голове.

Наутро вся жизнь в деревне перевернулась. Ночью получили повестки мужчины и молодёжь. Плач женщин и детей, провожавших родных, разносился по всей деревне. Спустя полнедели и я отправилась на фронт медсестрой, но из-за ранения меня направили заготавливать лес примерно в пятидесяти километрах от родной деревни.

С дисциплиной было строго: опаздывать категорически запрещалось, а причиной, по которой можно не являться на рубку или посадку, была

только смерть. Работали там в основном женщины, но были и мальчики, грузившие лес на сани. Сами его сгружали, разделявали и складывали в штабеля. Летом сеяли для лошадей овёс и пшеницу. Солнце палило с раннего утра до позднего вечера. Некоторые теряли сознание посреди работы, настолько было жарко. Помню, всё лето было много пауков и комаров. Спасением от них был только дёготь, которым мы обмазывали руки и лицо.

Еды не хватало. Голодали. Все продукты шли на фронт, отчего мы часто ели лебеду. Зимой тёрли картошку, смешивали с отходами и пекли «хлеб». Обедали у костра, ели мороженный хлеб со снеговой водой. Потом научились хранить хлеб за пазухой, это мешало работать, но зато он не замерзал.

Зимы у нас в Татарии холодные. Помню, до минус сорока доходило, а мы всё равно весь день по пояс в снегу, вымокшие, голодные. Остановиться нельзя – замёрзнешь, можешь не можешь, двигайся, иначе околешь. Погреться негде, в лютые морозы грелись только у костра, в котором жгли порубочные отходы. Руки были в кровавых мозолях, которые подолгу не заживали. Думалось, что ноги останутся прямо в ледяном сугробе. После выгрузки спина не разгибалась. Но все мы старались изо всех сил, ведь нужно было помогать нашим солдатам. Казалось, что остановится сердце и душа покинет тело, когда всего в паре десятков метров разрывался снаряд. А после этого наступала гробовая тишина, в такие моменты время будто останавливалось. Было страшно всем.

Раз в несколько месяцев давали отпуск на неделю. Помню, в одну из таких недель, незадолго до Нового года, я поехала в родную деревню. Тощая кобыла, на которой я ехала, вот-вот должна была ожеребиться. Мой путь лежал через лес. Полдень. Солнце закрывали свинцовые облака, смешанные с дымом. Пышные ветви елей тянулись к земле под тяжестью пушистого снега. Снег устилал дорогу, хрустел под копытами лошади. Стояла тишина, лишь изредка нарушаемая выстрелами. Уже и не помню, сколько ехала. Тело постепенно замерзло. Портянки совсем не грели, а единственные на всю семью валенки, которые носили по очереди, были дома. Засмотревшись на безмолвный лес, я потеряла счёт времени и забыла о холоде. Из-за стволов деревьев уже проглядывали поля, укутанные снегом, а где-то вдалеке мелькали очертания хаток, как вдруг внезапно лошадь замертво упала. До деревни было километров девять-десять, а вокруг ни единой души. Я не знала, что мне делать, просто села на лошадь и заплакала.

На запах добычи собралась целая стая голодных волков, которая была не прочь полакомиться и скотиной, и мной. Умирать было страшно. А волки подходили всё ближе и ближе. Слезы снова подступили к горлу, как вдруг откуда-то донеслось ржание лошадей и частый хруст снега. Приближались люди!

Я смутно помню, что было потом, но никогда не забуду, как мама сдирала с меня портянки вместе с кожей – настолько сильно обмёрзли ноги.

Через пару дней наступил Новый год. На каких-то пару часов мы забыли про ужасы войны. Мы мечтали, делились планами на будущее, верили в победу».

Я замороженно слушала рассказ бабушки и чувствовала небывалый прилив сил. Как важна память, благодаря которой народ учится быть стойким перед любыми препятствиями!

Закинова Юлия, 7-й класс

Республика Калмыкия, г. Элиста

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 12»

История одного колодца

Тёмное небо, усыпанное россыпью маленьких мигающих огоньков, постепенно отступало, небосклон медленно светлел, приобретая серые оттенки. Белые мерцающие звёзды начинали бледнеть, словно растворяясь в бескрайнем пространстве. Лучи солнца ещё не показались, но уже чувствовалось их приближение.

Лёнька проснулся раньше всех и просто лежал в окопе, наблюдая за тем, как неспешно изменялись небеса. Всё покрывала туманная дымка, повисшая над бескрайней степью и создающая атмосферу покоя и умиротворения. На душе у парня становилось легко, ему хотелось просто закрыть глаза, вдохнуть свежий, чистый утренний воздух и наслаждаться прохладным нежным ветерком. Эти короткие мгновения, наполненные прохладой, были бесценны, ведь впереди – неимоверная жара и палящие лучи солнца, которые будут прожигать всё на своём пути.

Вот уже как месяц я служу новобранцем в 28-й армии, которая совсем недавно была сформирована, чтобы усилить положение наших войск на восточном фланге Сталинградского фронта, защитить подступы к Волге. Вот и сейчас наши войска окопались у небольшого калмыцкого посёлка Хулхута. Дальше отступить нельзя, за ним Астрахань, а там Волга, Каспий. Наш командир сказал, что если мы не устоим у Хулхуты, то немцы отрежут морской и железнодорожные пути, по которым наши войска получают горючее из Баку...

Назад пути нет. В этой битве выживут немногие. А мне всего лишь девятнадцать лет, даже жениться не успел. Вот и закончится моя жизнь в этой прожжённой солнцем степи, и никто не узнает, что какой-то, никому не известный Лёнька здесь, среди барханов, сложил свою голову. Каждый день молюсь я Богу, как учила бабушка, и прошу у Него выжить, выстоять в этой жестокой войне, победить врага, который пришёл к нам вероломно, не предупредив нас, не по нашей воле.

Закрыв глаза, мечтаю вернуться в мирную жизнь, в родной и любимый Смоленск. А была ли она, эта жизнь? Да, была. Была мама, были её тёплые и нежные руки, которые с любовью ласкали меня, был отец, со своим твёрдым, но любящим взглядом, были сестрички, весёлые и беззаботные. Но всё заволкло туманом из слёз, который застлал мои глаза. Плакал я тихо и беззвучно, слёзы сами текли маленькими солёными ручейками, находившими свой путь по тёмному от пыли и грязи лицу...

Перед боем все молчали, курили, мало кто пытался отвлечься разговорами от мрачных мыслей. Кто-то писал письмо, которое, возможно, будет последним...

– Евтеев, к командиру взвода! – раздался резкий голос сержанта.

– Есть! – коротко ответил я.

Быстро отряхнувшись от пыли, я направился в землянку. Старший лейтенант Романюк был невысокого роста, коренастый, с совершенно седой головой. Его пронизывающий взгляд с какой-то бесконечной усталостью устремился на меня...

Вот уже несколько дней идут жестокие бои. Немцы бомбят нас со всех сторон, вчера была вражеская танковая атака, когда чуть не погибла целая рота, переброшенная к нам на подмогу. Они шли по изнурительной жаре через знойную полупустыню и барханы. В дороге люди очень устали, от изнеможения не могли стоять на ногах. Командиры приказали рыть окопы, но обессиленные солдаты смогли вырыть лишь неглубокие траншеи. А на следующий день немецкие танки атаковали их слабо укрепленные позиции. Они в буквальном смысле начали утюжить наших бойцов, укрывшихся в наспех вырытых окопах. Всё случилось стремительно и казалось чем-то невероятным. И лишь тогда, когда на помощь пришли наши истребители, немцы отступили.

Этот день у меня до сих пор стоит перед глазами. Я понял одно: на войне любая ошибка приводит к большим потерям и неминуемой смерти...

Командир усадил меня за стол, похлопал по плечу и сказал:

– Завтра будет тяжёлый бой, воды катастрофически не хватает, немцы захватили единственный уцелевший колодец в округе. Мы должны его отбить. Сам понимаешь, задание очень серьёзное, для тебя оно первое.

– Я понял, товарищ старший лейтенант, – меня переполняло чувство радости, что именно меня выбрали для столь ответственного задания. – Когда и с кем мы выступаем? – быстро спросил я.

– Сейчас подойдёт сержант Берестнёв, и мы обсудим все детали...

Ночное небо было укутано мрачными тёмными тучами так, что свет луны совсем не пробивался на землю. Словно сама природа была на нашей стороне. Сержант, я и мои товарищи ползли к колодцу, путь был неблизкий. Передвигаться по степи было нелегко, на пути попадались маленькие норки, наверное, здесь жили суслики или, может, змеи, которых было очень много в калмыцких степях.

Но постепенно, приближаясь к цели, я стал испытывать страх, сердце начало колотиться в груди, как будто искало выход наружу. Что там ждёт нас впереди? Такие трусливые мысли начинали одолевать меня. Я тут же успокаивал себя. Всё будет хорошо, со мной старшие товарищи, надёжные и сильные. Мы не должны подвести командира, свою армию. Как завтра пойдём в бой без воды? Она здесь для нас порою дороже жизни. Сестричка

из медсанбата, Наташа Качуевская, с которой я недавно познакомился, говорила, что раненых много и воды на всех не хватает.

Вот и конец пути, «журавль», печально склонившийся над колодцем, уже был нам виден. По короткому кивку головы и слегка поднятой руке сержанта мы приготовились к нападению. Обезвредить небольшую группу солдат, оставшуюся для охраны колодца, нужно было без лишнего шума.

Сердце так бешено колотилось в груди, что я не мог сосредоточиться, мысли начали путаться, взгляд помутнел. Но короткий свист командира нашей группы привёл меня в чувство, кто-то сзади меня подтолкнул, и я быстро, не раздумывая уже ни о чём, прыгнул во вражеский окоп.

Они спали, сложив своё оружие рядом. Постового тихо и бесшумно убрал сержант. Мне под руку попало чьё-то тело, я замахнулся ножом, чтобы поразить своего врага, но он сгруппировался и отскочил в сторону. Я растерялся, при этом мне были слышны страшные крики и возня рядом со мной, предсмертные хрипы, немецкая и русская речь. Не знаю, что произносили немцы в последние минуты своей жизни, но наши бойцы не стеснялись в выражениях.

Мой противник тоже что-то прокричал на своём языке и с остервенением бросился на меня. По счастливой случайности, я поскользнулся и непроизвольно увернулся от крепких рук фашиста. Я уже мог разглядеть его, это был молодой парень с взлохмаченными волосами и обезумевшими, как и у меня, от ужаса и отчаяния глазами. Мы с ним вдвоём понимали, что кто-то из нас сейчас должен умереть. Как было страшно видеть вот так близко от себя врага, который был, оказывается, таким же, как и ты, молодым и полным сил, и который совсем не хотел умирать.

Господи, я должен решиться убить его – вот такого живого человека, со своей душой, мыслями, радостями и бедами. Я ненавижу эту войну! Почему я должен убивать? Потому что тебя убивают, и ты сам, твоя семья, товарищи, Родина, твой народ тоже страдают и плачут.

Немец как будто тоже о чём-то думал. В эти секунды мне показалось, что время словно замедлилось и тянулось бесконечно долго. Но оно прервалось также неожиданно, как будто отрезали какую-то невидимую пружину. Звук рукопашного боя опять стали доноситься до меня, я словно проснулся. И именно в этот момент немец с сумасшедшим криком набросился на меня. Мы катались в окопе, вставали и падали снова, кровь хлестала мне в лицо и заливала глаза, но я не отступал и продолжал бороться. Неожиданно немец замер, и в следующий момент я уже держал обмякшее тело. Фашист был мёртв, а я всё не мог разжать руки, чтобы отбросить его от себя. Передо мной стоял сержант Берестнёв, мой старший товарищ, с сапёрной лопаткой в руках, а в голове у меня была одна только мысль: я жив, враг мой мёртв...

Колодец мы отбили, поставленную задачу выполнили. К нам уже подползали наши солдаты, чтобы набрать живительную влагу, так необхо-

димую для жизни. Сержант обыскал убитого немца, нашёл документы, фотографию жены и сына, а также письмо, которое он хотел отправить в Германию. Немец писал, что за захваченный колодец в степи был награждён орденом. Это была его последняя победа в калмыцких степях, на советской земле.

Мы выехали из Элисты в Хулхуту рано утром, пока солнце ещё не встало, день обещал быть жарким. Эта многодневная изнурительная пятидесятиградусная жара нас не удивляла, мы привыкли, а вот наши гости, отец с сыном, которые ехали с нами в машине, не знали о том, что места, в которые мы направляемся, являются самыми жаркими в Калмыкии и России. Но их, кажется, это совсем не волновало. Лица моих попутчиков были напряжёнными и в какой-то степени растерянными. Они ехали молча, иногда я слышал обрывки коротких фраз. С жадным интересом они вглядывались в выжженную калмыцкую степь. Солнце уже встало и огромным светящимся шаром надвигалось прямо на нас... или мы на него. Вот если бы гости приехали весной, когда вся степь покрыта ковром из разноцветных тюльпанов, но, по-видимому, для них это было совсем неважно.

Это я понял уже потом. Мой друг Бадма попросил меня отвезти приезжих на места боевой славы 28-й армии во время Великой Отечественной войны. Он в свободное время помогает поисковым отрядам в захоронении останков воинов, погибших под Хулхутой. К сожалению, не все погибшие солдаты до сих пор найдены и похоронены с почестью.

Уже за Яшкулем я начал вести машину более спокойно и осторожно. Чем ближе мы подъезжали к Хулхуте, тем сильнее нас одолевало напряжение, повисшее в воздухе. Казалось, его чувствовали все.

В Хулхуте нас ждали, это были местные жители, которые знали, зачем мы приехали. Гости всё время оглядывались по сторонам, рассматривая окружающую нас сухую жёлтую степь. Солнце уже нещадно палило, укрыться было негде. Бескрайняя степь расстилалась перед нами, вдалеке на сопках виднелись едва заметные воронки от разорвавшихся много лет назад мин. Природа сделала уже своё дело, она надёжно спрятала под своим покровом из седого ковыля следы боёв под Хулхутой. А на возвышении, согреваясь в лучах солнца, стоял, сверкая своим мрачным великолепием, мемориальный комплекс, посвящённый воинам 28-й армии.

Отпив горячего калмыцкого чая, мы все направились напрямик в степь по едва заметным тропкам. Шли молча, в небе нас сопровождали парящие степные орлы. За нами увязалась какая-то собачка, откуда она взялась, никто не знал. Мы шли осторожно, смотря под ноги, очень часто нам попадались обнажённые ветром места, где мы могли даже увидеть белеющие кости, не знаю, кому они принадлежали: животным, а может, людям. Вся земля под нашими ногами была сплошной могилой советских и немецких солдат.

Вот мы и пришли. Перед нами стоял колодец, небольшой, едва заметный среди степи, но в нём по-прежнему была вода, терпкая и солёная на вкус, это была вода, без которой в степи невозможна жизнь.

Отец упал на колени и заплакал, сын подошёл к нему и приобнял, затем что-то сказал на немецком языке...

Этот колодец в калмыцких степях по-прежнему называют немецким в честь немецкого лейтенанта Кулота, который когда-то на короткое, но жизненно важное время захватил его. Об этом молодой лейтенант писал в своём письме жене и маленькому сыну...

А мы стояли и думали, как волею судьбы в те далёкие военные годы оказались сплетены жизни разных людей, разных национальностей, возрастов, профессий, но их всех объединяло одно – желание жить, несмотря ни на что.

Абибуллаева Эльмаз, 8-й класс

Республика Крым, Черноморский район, п. Черноморское
МБОУ «Черноморская средняя школа № 1 имени Николая Кудри»

Память о войне нам письма оставляют

Письмо прадеда. Одно-единственное. Жёлтый треугольник с истончившимися от времени мягкими краями. Второй раз в жизни беру его в руки, и сердце моё от волнения так сильно бьётся, что, кажется, готово выскочить из груди...

Сколько прошло лет со дня его написания? Семьдесят пять. Начинаю обратный отсчёт. На нём нет штампа с названием города, но я точно знаю из рассказов бабушки, что это Штоккерау, Австрия.

«Милая моя, дорогая Урие! Мы уже в Холлабрунне. Одерживаем победу над фашистами и освобождаем Европу. Очень скучаю по тебе и дочурке. Надеюсь, скоро встретимся...

Здесь весна, всё цветёт, и если бы не танки на улицах, то можно было бы подумать, что война закончилась. Все очень устали, но за эти четыре года мы так сблизились, что стали одной семьёй. Знаешь, это ощущение дружеского плеча всегда даёт надежду на жизнь, ибо самое страшное на войне – терять дорогих людей...

Продолжаю писать четыре дня спустя. Мы уже в Штоккерау. Холлабрунн освобождён, и мы на пути к Вене. Хочу рассказать тебе историю, произошедшую здесь вчера. Я, выполняя приказ, находился на командном пункте нашего стрелкового корпуса, когда разведчики привели к полковнику белобрысого голубоглазого парнишку в грязной форме. В руках он держал автомат.

– Книжки бы тебе читать да в футбол играть, – сказал с горечью полковник. И вдруг спросил резко, будто нож к горлу приставил: – Стрелял в наших?

– Никак нет, товарищ полковник, – отчеканил разведчик. – Не успел или не сумел воспользоваться оружием, мы проверили его автомат.

Вскоре пришёл переводчик, и на допросе пленный мальчишка, с огромными, в пол-лица глазами, рассказал, что всех старших гимназистов фашисты отправили рыть окопы, а потом выдали автоматы и приказали стрелять в русских.

Я находился за дверью, но сквозь широкие щели между досками хорошо просматривались лица и был слышен весь разговор. Парнишка сбивчиво отвечал на вопросы, но переводчик очень складно передавал полковнику суть разговора. Мальчишка говорил, что ненавидит немцев, что фашисты – убийцы и грабители. Его трясло мелкой дрожью, и он всё время спраши-

вал, что теперь с ним будет, ведь их командир предупреждал, что русские всех расстреливают...

Наш полковник обратился к переводчику:

– Скажите ему, что мы с детьми не воюем и убеждены в том, что он больше никогда не возьмёт в руки оружие, чтобы воевать против нас. Ну а если возьмёт (тут глаза полковника сверкнули огнём) или его заставят – пусть не обижается!..

Полковник вышел из комнаты, а мальчишка заплакал, упал на колени, шепча слова благодарности. Офицеры велели ему подняться, и один из них спросил:

– У тебя есть мать?

Тот кивнул.

– Она, наверное, волнуется за тебя. Где твой дом?

Мальчишка назвал улицу. Это было совсем рядом. Офицер велел мне проводить парня и, обратившись к нему на прощание, сказал:

– Мы просим тебя взять с собой обращение Красной армии к народу Австрии, в котором вся правда о нас. Мы хотим, чтобы ты прочитал сам и раздал друзьям.

Парнишка с радостью прижал к груди листы и обещал всё исполнить...

Тебе наверняка интересно, о чём говорилось в обращении? О том, что наша цель – не захват территории Австрии, а разгром фашистских войск и освобождение австрийцев от немецкой зависимости. Это был также призыв к населению не эвакуироваться, а организовать работу по борьбе с врагом, чтобы сохранить продовольствие, ценное оборудование и многое другое...

Я не знаю, прочтёшь ли ты это письмо, но очень хочу, чтобы ты тоже знала правду.

Сегодня мы – участники важных исторических событий, осмысление которых будет происходить долгие десятки лет... Многие отдали свои жизни за Родину, их миллионы, но война продолжается уже вдали от родных просторов... Ты не думай, милая, что мы упали духом. Нет! Мы просто чертовски устали от этой проклятой войны... Всё скоро закончится, победа за нами, и мы обязательно вернёмся домой. К семье. К цветущим весенним садам. К мирной жизни.

До встречи, родная. Почтальон торопит. Поцелуй наших деток, передай им привет.

Твой Ягъя».

Мой прадед был демобилизован из рядов Советской армии только в 1947 году. За отличные успехи и мужество, проявленные в боях за освобождение городов Чехословакии Яромержице и Зноймо, а также на территории Австрии, в городах Холлабрунн и Штоккерау, Приказом Верховного главнокомандующего ему была объявлена благодарность № 367 от 8 мая 1945 года.

По возвращении домой мой прадед многое рассказывал своей дочери, моей бабушке Асибе, а эти истории она позже поведала мне. Помню, как потрясла меня одна из них, связанная с освобождением города Зноймо в Чехословакии.

В течение шести лет угнетаемый фашистами чехословацкий народ питал огромную ненависть к врагу и был преисполнен жажды мести. За четыре дня до прихода Красной армии в Зноймо фашисты учинили массовые расстрелы мирных жителей, а маленьких детей вешали на специальные крючки на глазах у родителей. Ненависть к врагу была настолько огромна, что нашим бойцам часто приходилось сдерживать население города от расправ над немцами. Так мой прадед спас немецкую девушку от разъярённых горожан, которые заставили её лечь под гусеницы. Яггя вместе с другими стрелками вырвал немку из рук обезумевших от горя людей, не допустив самосуда над ни в чём не повинным человеком.

«Зло порождает ещё большее зло, умей оставаться человеком в любой ситуации», – говорил мой прадед, воспитывая своих детей и внуков в духе доброты, взаимопомощи, человеколюбия. Моя бабушка Асибе – достойный тому пример. «Ни хищникам, ни травоядным не уподобься – ты не зверь. Но если зло творишь – от зверя чем отличаешься теперь?» – часто цитирует она Насира Хусрава...

Чем дальше уходят от нас события той страшной в истории человечества войны, в чёрный смерч которой было втянуто полмира, тем ценнее воспоминания очевидцев, видевших её своими глазами. И потому именно сегодня, когда предпринимаются попытки переписать историю и умалить результаты Великой Победы, доставшейся нашей стране такой дорогой ценой, когда переносятся за город стоявшие на центральных улицах памятники (или уничтожаются совсем!), установленные в честь советских воинов, очень важно беречь эту живую нить поколений, ту правду, что хранят пожелтевшие от времени письма и фотографии, живые рассказы ветеранов, документальные фильмы...

Я бережно складываю по линиям сгиба неотправленное письмо моего прадеда, которое он принёс в нагрудном кармане гимнастёрки с войны, и кладу его в надёжное место, ведь эту реликвию нашей семьи обязательно должны прочитать мои дети и внуки!

Ходосок Ангелина, 6-й класс

Ростовская область, г. Сальск
МБОУ Лицей № 9

Письмо в Москву праправнуку героя

Здравствуй, Илья! Спасибо за твоё письмо. Рада, что ваш самолёт благополучно приземлился в Москве. Ты уехал, а в классе ещё долго не утихали разговоры о вашем посещении нашего города. Эта встреча была удивительной. Не скрою, меня очень впечатлило твоё выступление на нашем Уроке мужества. Какой ты молодец, что изучил историю жизни и подвига своего прапрадедушки, легендарного лётчика Семёнова Бориса Николаевича. Знаешь, Илья, когда ты рассказывал её нам, ученикам, я живо представила все события жизни Бориса Николаевича.

Вот он, выпускник Борисоглебской школы военных лётчиков, мечтает о полётах на лучших самолётах, о встречах с любимой девушкой (спасибо тебе за уникальную фотографию. Они, действительно, были очень красивой парой: молодой лейтенант и девушка Зина – картограф воинской части). А на пороге – 1941 год.

Война меняет всё в судьбе сильного духом человека. Фронт. Боевые задания. С января 1942 года – 130 боевых вылетов на штурмовку наземных войск противника, его аэродромов, на разведку и патрулирование. Уничтожать, уничтожать врага! Вот цель этого мужественного человека.

Илья, когда ты рассказывал про бой в районе станицы Аграфеновка, у меня были слёзы на глазах. Выдержать атаки семи немецких самолётов и вернуться невредимым! Это уникальная боеспособность 23-летнего пилота!

А теперь хочу сообщить тебе самое главное. На сайте «Память народа» я отыскала то, что переполнило меня чувством гордости. Смотри сам. Твой дед, действительно, был представлен к званию Героя Советского Союза. Вот только получить свою награду он не успел. Его самолёт был подбит над нашим городом Сальском. Раненый, истекающий кровью, он сумел посадить горящую машину на краю города. От тяжёлого ранения он скончался и был захоронен на площади Свободы. А через два дня на несколько месяцев в Сальск вошли немцы. Представляешь, каким яростным был последний бой твоего героического деда! Он ни за что не хотел пускать врагов в наш степной городок, который, наверное, очень полюбил. Воюя в наших местах, поднимая машину в воздух, он проявлял чудеса храбрости. Отважного сокола знали на соседнем фронте.

Илья, ты говорил, что Борис Николаевич не раз был представлен к наградам: два ордена Красной Звезды и орден Ленина. Задумайся только: это в те дни, когда наши войска отступали и когда почти никого не награждали!

О чём он думал, когда его машина горела и мотор самолёта почти не слушался руля? Знал ли он, что вырастет его сын, что у него будут внуки и ты, его праправнук?

Как всё интересно и трагично! Знаешь, Илья, мы с ребятами и нашей учительницей написали письмо в прошлое. Прочти его, пожалуйста, и сохрани на память о нашей встрече на Уроке мужества.

**Не вернувшемуся с Великой Отечественной войны
легендарному лётчику Семёнову Борису Николаевичу**

Низкий Вам поклон от всех жителей города Сальска, не познавших горя и лишений военного времени, не видевших последствий артиллерийского налёта и разрывов авиационных бомб, не спасавшихся от смерти в бомбоубежищах, не испытывавших многолетней зверской оккупации фашистов, голода, холода и постоянного страха потерять навсегда родных тебе людей. Вы мужественно и честно выполнили свой долг перед командирами, семьёй, Родиной. Вы думали в первую очередь не о себе, а о нас, своих потомках. Спасибо Вам за подаренную свободу и независимость, за возможность просыпаться каждое утро под щебетание птиц, за возможность радоваться жизни, мирному небу, аромату лесных ягод и шелесту осенних листьев, журчанию ручья и первому снегу, весеннему солнцу и летнему зною с освежающим дождём. Спасибо Вам за добытое ценой огромных потерь счастье жить в окружении тепла и заботы родителей, бабушек и дедушек, счастье любить и беречь свою Родину. Мы стараемся, став взрослыми, не предать Ваши идеалы, постараемся не забыть, какой ценой досталась нашему народу эта Великая Победа.

Ученики 6 «А» класса МБОУ лицея № 9 г. Сальска

Илья, сверни это письмо, пожалуйста, солдатским треугольником и храни его вместе с капсулой, где частица сальской земли, которую 78 лет назад защищал твой дед.

Мой друг, я не забуду, как мы с тобой шли под дождём в колонне «Бессмертного полка». Я видела людей, которые здоровались и спрашивали, где воевали прадеды, откуда они, не земляки ли. Видела, как люди плакали и улыбались одновременно. Но больше всего мне запомнилось чувство гордости за своих предков, фотографии которых мы несли в руках. В этом году и твоему прадеду, и моим прадедусшке и прабабушке, которые воевали на Дальнем Востоке и в блокадном Ленинграде, исполнилось 100 лет со дня рождения. Вечная память защитникам Родины!

С нетерпением буду ждать от тебя ответ. Передай, пожалуйста, привет Елене Валерьевне. Приезжайте в гости, когда в Сальске будут отмечать 75-летие Великой Победы. Мы с тобой возложим цветы на могилы наших прадедов. Посылаю тебе фотографии на память о нашей встрече.

До свидания. Пиши.

Ангелина.

3.01.2020 года

Москаленко Анастасия, 7-й класс

г. Севастополь

ГБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 49»

Война, какой её увидела моя девятилетняя прабабушка, или Не хочу, чтобы это повторилось

Они шли, и нижние ветки юных липок, посаженных вдоль дороги перед войной, оставались голыми: пленные срывали молодые листочки и жевали. Фашисты вели наших солдат через деревню. А деревня бежала, неслась вперёд: старики, дети, мужики, бабы, опережая колонну, бросали на землю кусок хлеба или бульбину. Наши изголодавшиеся солдатики поднимали еду и судорожно жевали, опасаясь, чтобы фашист не дал прикладом оружия по рукам. Подать хлеб в руки было нельзя. В 1941-м в деревне ещё был хлеб и была своя бульба, были свои коровы, было молоко.

Где это было? Кто это видел? Это было в белорусской деревне с романтическим названием Княгинин, что в Минской области, тогда ещё Кривичском, а ныне Мядельском районе. Всё это видела своими глазами моя прабабушка Галина Александровна Антонович, в те времена её звали Галя, Галочка.

В 1944-м, когда советские воины пришли в Белоруссию, чтобы освободить её от фашистов, в деревне уже не было ни хлеба, ни молока, ни масла. Не было ничего. И какое же счастье испытал Игорь Антонович, младший брат прабабушки, когда один из наших солдат, увидев худого глазастого подростка со впалыми щеками, сказал: «Мальчик, возьми хлеб, покушай, ты совсем худой» – и протянул пацанёнку горбушку не очень вкусного по нынешним меркам, но всё-таки настоящего, из муки, хлеба.

Так чем же жили в оккупации? Сажали картошку. Скот фашисты забрали, единственную козу, которую прятали от немцев по сараям и погребам и ещё где придётся, съели волки: они в войну подходили близко к огородам, ничего не боялись.

Однажды ночью в избу Антоновичей зашёл партизан. По всему было видно, что из Москвы: по выговору, по деликатности обращения с хозяевами. Он вдруг спросил у вихрастой русоволосой Гали: «Девочка, а ты о чём мечтаешь?» Галя, не задумываясь, ответила: «Хочу найти буханку хлеба и поделить на всю семью». В ту же ночь пришли ещё партизаны. Вежливо попросили у хозяйки, Антонович Ольги Фоминичны, носки и портянки. Один из них заметил гитару на стене и сказал: «Командир! Давай возьмём гитару!» Командир, тот самый, что задумался о судьбе девчонки, помедлил мгновение и ответил: «Нет, пусть девочка играет. Не переживайте, хозяйка, скоро наши придут!»

Поистине, война в хороших людях проявляла всё хорошее и доброе, а в плохих... Такие в 1941-м говорили односельчанам: «Вот теперь при Гитлере мы заживём!» Не зажили... Те, кто надеялся на милость нового порядка, либо были вывезены в Германию, либо расстреляны фашистами, либо бежали в 1944-м, когда пришли наши. И что удивительно, в том же 1944-м, когда немцы отступали, уходили из Белоруссии, княгининцы не преследовали, не добивали фрицев, от которых натерпелись за годы оккупации, а давали воду и даже чистые тряпицы – раны перевязать.

Галочка, кстати, выучилась нескольким аккордам. А когда в деревню вошли советские войска, дети бросились на улицы и увидели грузовые машины: советские солдаты сидели в них рядами и пели «Катюшу». С тех пор это любимая песня нашей прабабушки. Нынче она не подбирает аккорды, но поёт «Катюшу», а мы, правнучки, подпеваем. И ещё прабабушка цитирует, переделав на свой лад, Твардовского: «Дети пели русскую «Катюшу», // ту, что Исаковский написал».

В войну детей семейства Антоновичей: Лиду, Галю, Игоря – хранил какой-то добрый ангел. Когда все деревенские ребяташки, да и взрослые, стали болеть болезнью Боткина, а проще говоря, желтухой, родители накопали ведро глины, залили кипятком, чуть остудили и посадили детишек в огромный цебар (деревянную, скреплённую железными обручами бочку) с этой смесью прямо по шею. Через час вынули и уложили спать. Желтизна прошла. Однако вскоре пришлось прятаться в болоте от полицаев, и дети опять чем-то заболели. И болели долго и страшно. Но выжили. Мама, Антонович Ольга Фоминична, проявляла чудеса самоотверженности, спасая ребяташек.

Галя всё-таки заразилась тифом. О лекарствах и речи не было. Диагноз никто не ставил: тиф не тиф, так и не поняли, но у терпеливой Галочки так болела голова, что она плакала сутками. Повезли на санях в Долгиново, за двадцать семь километров: здесь работала какая-никакая, но больничка, вся забитая детворой. Больным давали стакан кипятка и кусок хлеба в день. Через неделю Галю папа тайком вывез домой. К отцу Гали, известному в районе старому учителю, подошёл поляк и шепнул: «Пан Антонович, фашисты будут делать чистку – забирайте дочку и тикайте!» Кого успели, спасли. А Галю папа полдороги вёз – полдороги нёс на руках.

Собирали жёлуди, сушили, толкли в ступе, варили и пили желудёвый кофе. Лечились клюквой. За ней и за дровами подростки ходили в лес, а за диким щавелем – в поле. И в лесу, и в поле было опасно. Фашисты построили близ деревни бункер и ввиду отсутствия партизан в шутку обстреляли детей, которые копошились в траве, искали щавелевые листочки.

Немцы забирали всё. Последнее яйцо, снесённое оставшейся по счастливой случайности курицей, куски полотна, часы, сахар, мыло – всё! Правда, в конце войны денщики ходили по хатам и выменивали продукты на

предметы первой необходимости: иголки, нитки. Однажды в дом Антоновичей зашёл эсэсовец: прабабушка запомнила бляху на шее и то, что он весь был какой-то чёрный и страшный. Переводчик попросил Лидочку, старшую сестру, зашить перчатку эсэсовца. Лида, к счастью, была мастерицей и, заштопав перчатку гладко и ловко, получила гнусавое: «Гу-ут!» Семья вздохнула с облегчением.

Наивная Галочка в начале войны думала, что фашисты отнимут её любимые книги. Дети Антоновичей вырыли в саду яму, обернули книги и схоронили их под этой «клумбой», обложив её камнями. Галя особенно дорожила «Детством» М. Горького и боялась потерять именно эту книгу. Книги бы, разумеется, тоже забрали – на растопку.

Ровесники Гали, Лиды и Игоря подрывались на минах, умирали от истощения. У друзей Игоря не было пальцев на руках – оторвало взрывом. Старшая сестра, Лида, на всю жизнь запомнила силуэты пяти повешенных фашистами в городке Вилейка подростков, которых казнили для устрашения жителей: не водись с партизанами! Галочка прекрасно помнит, что во время обстрелов дети валились на пол в избе или прятались на печке, как будто это могло спасти.

Между прочим, в Кривичах работала школа. Хотя и недолго. И восемь княгининцев ходили в школу через поле и лес. Школа в самом Княгинине была сожжена. Путь же до Кривичей составлял десять километров. По крайней мере три километра из десяти дети бежали: особенно страшно было возвращаться в сумерках – или волки подойдут к дороге, или полицаи захотят пошалить и пострелять в вечернее небо, а то и в какую-нибудь движущуюся в темноте цель. «Хотите верьте – хотите нет, – говорит прабабушка, – но нам, голодным, холодным, так хотелось учиться!» Писали на обрывках старых газет, тетрадей не было.

И вот прабабушка подходит к самому страшному:

«Ох, деточки, как горели деревни! Если бы вы знали, как это было жутко! Коники, что в двух километрах от Княгинина, сожгли. И людей хотели спалить, да будто бы эстонец, командир подразделения, выпустил сельчан, за что его чуть не расстреляли фашисты. А вот деревня Желтки сгорела с людьми. Партизаны отвечали фашистам «рельсовой войной». В нашем районе партизаны подорвали 40 километров рельсов. От Будслава до Вилейки немецкие эшелоны не могли доставлять снаряжение на фронт. Фашисты расвирепели: стали молодых людей расстреливать, заминировали дороги. Подорвалась на mine моя подруга Ира. В то время часто погибала молодёжь в Княгинине».

Я прерываю прабабушку. Я не могу слушать про горящие деревни, не могу! Мне страшно, мне жалко прабабушку, всех людей. И я прошу: «Бабушка, расскажи про овечку». Овечка – это тёплое, нежное, умиротворяющее.

«Шли погорельцы, – продолжает прабабушка. – Дым, гарь. Рёв скотины. Нас, детей, не выпускали из дома, но мы с Игорем всё-таки вылезли через

забор к дороге. Мужчина, которого заставили подгонять скот, поманил нас пальцем и прошептал: «Детки, возьмите овечку» – и вытащил из-за пазухи мокрого маленького ягнёнка, недавно появившегося на свет. Игорь схватил свёрток, и мы помчались домой. Дома мама сказала: «Хоть и трудно будет – выкормим. Видите, дети, человек сам пропадает, но ягнёнка спасает». Овечка выросла и ходила след в след за детьми, как верная собачка. Долго жила в семье и принесла много радости.

На этом и закончу: нет времени рассказать про то, как княгининцы строили перед церковью арку для встречи советских солдат и обвивали её цветами; как сельские девчата, пообносившиеся за годы войны, намазали густым мелом босые ступни, чтобы лихо отплясывать в этих «туфлях» на вечеринке с нашими солдатами, авось при тусклом освещении не заметят; про то, как моя прабабушка любит повторять: «Всё я немцам простила – одного не могу понять, почему они так издевались над нашими пленными, почему были такими жестокими».

И хочу сказать: «Война не должна повториться! Слава народу, победившему фашизм!»

ФИНАЛИСТЫ

**Всероссийского конкурса сочинений
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

ПОСОЛЬСТВА

Лапутина
Юлия

Самарина
Мария

Лапутина Юлия, 9-й класс

ОУ, находящиеся за пределами РФ, г. Гавана

Общеобразовательная школа при Посольстве России на Кубе

Ах, война, что ж ты, подлая, сделала...

Вечер. Сидя за письменным столом, я думала об истории моей семьи, по которой жестоко прошла кровавыми жерновами страшная война.

Неожиданно сильная тоска больно сдавила грудь. Погода будто почувствовала моё настроение и передала его окружающему миру: деревья стал окутывать плотный туман, подул холодный ветер, от которого никуда нельзя было спрятаться, как и от мыслей, наполняющих меня. Я пристально смотрела в тёмное окно. В отражениях передо мной, как наяву, возникали образы прошлого, а слова сами складывались в строчки.

...Хороша была Марья, краше всех жён и невест в посёлке. Глаза яркие, насмешливые, косы чёрные, как венец, в три ряда оплели голову. Спина что струна натянутая, стан гибкий, тонкий, чуть коснись – и, кажется, запоёт, зазвенит. Шаги лёгкие, движения плавные, не идёт – плывёт, словно Царевна Лебедь сказочная. Так и звали её все односельчане Марья-царица.

Ах, как сладко пахнет в мае черёмуха! Аромат цветов пьянит, окутывает. Обнимает нежно плечи Марии платок расписной, мужем любимым подаренный. Бережнее платка обнимают руки крепкие, надёжные. Как не может птица лететь с одним крылом, так не могут Мария с Сергеем друг без друга жить. Для царицы своей построил Серёжа просторный дом. Для неё посадил у резного окошка черёмуху.

Дом у Марьи с Сергеем – полная чаша, дети крепкие, здоровые: трое сыновей и дочь-красавица. Так светло на душе, так спокойно. Такой тихой радостью наполнена жизнь, кажется, сердце не стучит – поёт. И Мария тихонько, чтобы не спугнуть чуткий сон мужа, напевает.

Начинал Сергей работать в шахте подрывником. А теперь дослужился до руководителя, но не забыл, как хрупка и коротка бывает жизнь шахтёра. Бережёт Серёжа людей, заботится. И народ уважает и ценит начальника. Даже сыну среднему, Васятке, шалости из уважения к отцу прощают односельчане. А тот, пострелёнок, хоть и 15 лет уже ему исполнилось, всё как маленький Володя озорничает. Зато как поёт и танцует Василий! Взмахнёт чёрными кудрями, сверкнёт задорными глазами и несётся в лихой пляске, только каблук постукивают. Все девчата соседские влюблены в Василька.

Как не похож Василёк на старшего брата Сашу. Сашенька умный да рассудительный, комсомолец, отличник, к поступлению в институт готовится. Все к Александру за советом и помощью идут, он никому не отказывает. Маме и по хозяйству помогает, и за сестрёнкой Клавой присматривает.

Так жила семья крепкая и дружная, пока подлая война не грянула. Саша, старший сын, не пошёл в институт, поступил в училище танковое, чтоб прогнать врага с родной земли, вернуть жизнь мирную, счастливую.

Добровольцем в июне ушёл на фронт Сергей. Не удерживала его Марья, не плакала, только петь перестала и улыбаться не могла. Каждый день на дорогу бегала, мужа любимого высматривала. Там в октябре сорок первого почтальона встретила, глаз не поднимающего, похоронку на Серёжу протянувшего.

Только отгоревала, отплакала, старший сын Александр на фронте погиб. Снова май бушует на улице, но не радуется солнцу тёплое, не пьянит аромат черёмухи.

Василёк, средний сын, к партизанам ушёл и в 16 лет стал разведчиком. А когда и Володя на фронт убежать решил, на пороге дома легла, не пустила. Двух любимых мужчин забрала война, сына младшего уберечь старалась.

Нет, не место несмышлёным птенцам на поле сражения, не должны дети видеть страдания и боль. И не должен командир склонять голову, матери погибшего героя-разведчика в ноги кланяться. Вот и Василька отняла война.

Крепко сердце материнское, но не выдержало, на куски от горя разбилось.

Ах, как горько пахнет в мае черёмуха! Ещё горше жизнь детская, сиротская. Была семья крепкая, дружная. Только Марья-царица под черёмухой сном вечным спит, Сергей и Саша в братских могилах лежат. А у Васи-разведчика и могилки нет. Остались в живых только двое детей: прадед мой и сестра его маленькая.

Сколько жизней с собой забрала война, сколько гнёзд разорила, разрушила, сколько судеб сломала, сколько боли и слёз принесла!

И когда цветёт в мае черёмуха, я гордо несу портреты моих предков, чтобы видели люди, чтобы помнили. Чтоб война никогда в наш дом не пришла, чтобы матери по детям не плакали. Я горжусь, что живу в самой лучшей стране, где за Родину каждый готов жизнь отдать...

Так я думала, сидя за письменным столом. И только один вопрос не давал мне покоя: «Как сложилась бы судьба моих родных, если бы не война? Кем бы стали мои прадеды?» Перед ними открывалась широкая дорога жизни, столько возможностей и столько желаний! Но ни одной мечте не суждено было исполниться: всё перечеркнула, разрушила подлая война!

Самарина Мария, 7-й класс

г. Москва, г. Прага

Общеобразовательная школа при Посольстве России в Чехии

Спасибо за мир, в котором живу

Дорогой солдат! Защитник! Победитель!
Меня зовут Маша Самарина.

Шлю привет тебе из 2020 года. Если бы ты знал, в каком прекрасном мире мы живём! В нём столько ярких красок и событий!

Спасибо тебе!

Взрослые учат нас никогда не забывать о Великой Отечественной войне и о тех, кто подарил всем радость свободной и мирной жизни.

И мы, дети, чтим память героев!

Я живу в Москве, недалеко от Ленинградского шоссе, по которому часто с родителями добираемся на дачу. Через 70 километров от МКАД наш поворот – деревня Головково. Вот дом у колодца, старенький, покосившийся. Пожилая хозяйка рассказывала маме, как немцы в дом пришли, все комнаты заняли, спали на полу и на кроватях. А жильцов в сарай выгнали. Неприятно как: ходили тут, хозяйничали... А может, это ты прогнал этих фашистов из моей любимой деревни?

Спасибо тебе!

Если мы возвращаемся в Москву, то проезжаем станцию Крюково, и мама поет: «У деревни Крюково погибает взвод. Все патроны кончились, больше нет гранат. Их в живых осталось только семеро молодых солдат...» А папа говорит, что речь идёт о другой деревне, которая находится на Волоколамском шоссе. И там, у деревни Дубосеково, погибал взвод под командованием героя Панфилова. О них так и говорят «герои-панфиловцы». Но мама не соглашается с этой точкой зрения, потому что такие ожесточённые бои шли везде, а значит, слова песни посвящены погибшим по всей русской земле. И ты, солдат-защитник, мог погибнуть в боях за наше Крюково, которое превратилось в город под названием Зеленоград.

Спасибо тебе!

А чуть дальше, на холме, на выезде из города, устремляются в небо каменные штыки. Мемориал так и называется «Штыки». А ты знаешь, ведь именно из этой братской могилы был взят прах для захоронения в Александровском саду, в Могиле Неизвестного Солдата.

Мы помним о тебе, дорогой солдат!

Много потерь было! Не удалось около деревни Крюково остановить врага! Вот уже в Химках немецкие танки. До Москвы рукой подать. Папа рассказывал, что уже и форму сшили фрицы для парада. И в бинокль

Кремль рассматривали... Ишь они какие! Да не на тех напали! Наш солдат, советский, русский, он в огне не горит и в воде не тонет! Тут он начал силой инженерной мысли действовать, пока сибирские дивизии подтягивались. Создал солдат нехитрую конструкцию из трёх стальных балок – противотанковые ежи. А сейчас это один из самых необычных памятников, посвящённых войне. Мы около него часто останавливаемся. Посмотришь на них и сразу поймёшь: «Не пройдут танки!» Так и случилось: наталкивались танки на ежей и движение своё приостанавливали, а тут и наша артиллерия огонь открывала прямо в цель. Враг сразу назад и поворачивал! Ошиблись фашисты: не им идти по Красной площади на параде, а нашим русским солдатам-героям!

Не справиться тебе, германская армия, с нашим солдатом!

И каждый раз, проезжая мимо этих священных мест, я буду говорить тебе, дорогой солдат: «Спасибо за освобождённые родные деревни, дороги, города. За всю мою любимую Родину. За весь мир, в котором я живу!»

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаева М., 274
Абибуллаева Э., 282
Авхадиева Е., 175
Анищенко М., 272
Аракчаа Б., 187
- Бардаенко А., 182
Бартинова Е., 123
Берденникова Д., 121
Бирюков М., 165
Богатырёв А., 94
Бравина Г., 239
Буданова Д., 60
- Васильев С., 117
Васильчук А., 145
Виситаева З., 168
Волков В., 245
Ворончихина М., 79
- Гайфуллина А., 230
Гараева А., 147
Гезер Л., 74
Головачёва С., 70
Гончаров П., 177
Гурина М., 105
- Данилова А., 97
Дерезглазов Д., 217
- Журина Е., 236
- Закинова Ю., 277
Зошук Т., 55
Зубкова Д., 53
- Иванцов В., 189
- Казначеева Н., 242
Кёся А., 203
Климентьев К., 57
Клокова З., 185
Кожина Л., 136
Кононова Я., 111
Коршанова В., 138
Костенко А., 150
Крупнова Д., 113
Куницкая А., 248
Курто Т., 158
Кухарук М., 200
- Лапутина Ю., 293
Ложкина Т., 180
- Максимова Т., 142
Мартынова Л., 267
Матвеева К., 34
Мингазова А., 69
Можаев Б., 46
Москаленко А., 287
- Осипов В., 193
- Павлова В., 29
Пазников А., 64
Петухов Е., 99
Поварницына В., 107
- Рамазанова С., 257
Рыжкова Д., 22
- Савкина А., 133
Самарина М., 295
Самкова А., 227
Санжиев Б., 58
- Святохина Е., 221
Сипович С., 163
Смирнова С., 88
Смыков М., 252
Соколова Е., 16
Солмакова А., 263
Статейкина К., 260
Суфиев М., 129
Сырокваша Д., 26
Сыромятников К., 41
- Табачков В., 123
Томаровская Е., 9
- Ужахова Ф., 161
Устинова В., 66
- Хашхожева Д., 155
Ходосок А., 285
- Чигаева И., 101
- Шаимов М., 208
Шаповалова П., 109
Шестерикова М., 197
Шипицина Д., 173
Шульга Р., 12
Шумилина А., 225
- Щенов П., 90
- Эмирбеков Р., 37
- Юркевич А., 234
- Янушковская А., 212

СОДЕРЖАНИЕ

Министр просвещения Кравцов С. С.	3
О конкурсе	4
Предисловие	5

ПОБЕДИТЕЛИ

Белгородская область: Томаровская Екатерина А был ли мальчик?	9
Брянская область: Шульга Рувим Совесь заржавела	12
Краснодарский край: Соколова Елена Все они живы	16
Липецкая область: Рыжкова Дарья Искусство слова – самая честная народная исповедь о войне.....	22
Мурманская область: Сырокваша Даниил Несгибаемый цветок Ленинграда	26
Новосибирская область: Павлова Виктория Не забывается такое никогда	29
Пензенская область: Матвеева Ксения О чём поют курские соловьи	34
Республика Дагестан: Эмирбеков Расул Живая память	37
Республика Саха (Якутия): Сыромятников Константин Гвардии рядовой Гаврил Сыромятников – мой герой.....	41
Свердловская область: Можяев Борис Два времени в узел свяжу.....	46

**ФИНАЛИСТЫ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

Амурская область: Зубкова Диана Неизвестный герой.....	53
Еврейская автономная область: Зоцук Тимофей Шоколадка.....	55
Забайкальский край: Климентьев Кирилл Пятьдесят восемь дней.....	57
Камчатский край: Санжиев Бата Я помню, я горжусь!.....	58
Магаданская область: Буданова Дарья Тимофеевна.....	60
Приморский край: Пазников Александр На крыше.....	64
Республика Бурятия: Устинова Виктория Письмо миссис Грин.....	66
Сахалинская область: Мингазова Анастасия В вечность.....	69
Хабаровский край: Головачёва Светлана История моей прабабушки.....	70
Чукотский автономный округ: Гезер Лана Миша.....	74

**ФИНАЛИСТЫ
ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

Кировская область: Ворончихина Марина Жди меня, и я вернусь.....	79
Нижегородская область: Смирнова София Беречь мечту – и жить.....	88

Оренбургская область: Щенов Пётр	
Мой прадед.....	90
Пермский край: Богатырёв Алексей	
Город – труженик, город – герой!.....	94
Республика Башкортостан: Данилова Арина	
Музыкой смерть поправ.....	97
Республика Марий Эл: Петухов Егор	
Кружится жизнь в альбоме старом.....	99
Республика Мордовия: Чигаева Ирина	
Не оборачивается тот, кто устремлён к звёздам.....	101
Республика Татарстан: Гурина Мария	
Боевой путь моего прадеда.....	105
Самарская область: Поварницына Валерия	
И это всё о них.....	107
Саратовская область: Шаповалова Полина	
Дети Сталинграда.....	109
Удмуртская Республика: Кононова Яна	
Ночь перед боем.....	111
Ульяновская область: Крупнова Дарья	
Строки, опалённые войной.....	113
Чувашская Республика: Васильев Станислав	
Живой памятник моему прадеду!.....	117

ФИНАЛИСТЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Архангельская область: Берденникова Дария	
Письмо в прошлое.....	121
Вологодская область: Бартинова Екатерина, Табаков Вячеслав	
Письма из прошлого.....	123

Калининградская область: Суфиев Марсель	
Шаг в прошлое.....	129
Ленинградская область: Савкина Александра	
Правнук того самого Пушкина.....	133
Ненецкий автономный округ: Кожина Людмила	
Память прошлых лет.....	136
Новгородская область: Коршанова Валерия	
Память сильнее времени.....	138
Псковская область: Максимова Татьяна	
Детство, опалённое войной.....	142
Республика Карелия: Васильчук Арина	
Другая история.....	145
Республика Коми: Гараева Анна	
Спасибо деду за Победу!.....	147
г. Санкт-Петербург: Костенко Алина	
Эх, тачанка-ростовчанка.....	150

ФИНАЛИСТЫ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Кабардино-Балкарская Республика: Хашхожева Дарина	
Наши мёртвые нас не оставят в беде, Наши павшие – как часовые.....	155
Карачаево-Черкесская Республика: Курто Татьяна	
Невыдуманная история бойца.....	158
Республика Ингушетия: Ужахова Фатима	
Творчество писателей и поэтов-фронтовиков Великой Отечественной войны.....	161
Республика Северная Осетия – Алания: Сипович София	
Я знаю, что я жив спустя 75 лет.....	163

Ставропольский край: Бирюков Максим
Мой номер по книге – 3209..... 165

Чеченская Республика: Виситаева Зара
Памяти павших будем достойны..... 168

ФИНАЛИСТЫ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Алтайский край: Шипицина Дарья
Братья Ждановы из Белокурихи..... 173

Иркутская область: Авхадиева Екатерина
Никто не забыт, ничто не забыто 175

Кемеровская область: Гончаров Павел
Фронтowymi дорогами Карелии 177

Красноярский край: Ложкина Тамара
Письмо на фронт 180

Омская область: Бардаенко Анастасия
Сколько бы ни минуло лет..... 182

Республика Алтай: Клокова Злата
Всё для фронта, всё для победы!..... 185

Республика Тыва: Аракчаа Болат
Память, память за собою позови..... 187

Республика Хакасия: Иванцов Владислав
Пишу тебе в поздний час..... 189

Томская область: Осипов Владислав
О прадедах – ветеранах Великой Отечественной войны 193

**ФИНАЛИСТЫ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

Курганская область: Шестерикова Мария Фронтальная фотография.....	197
Тюменская область: Кухарук Максим Дорогой неизвестного солдата.....	200
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра: Кёся Антон Побег из немецкого плена	203
Челябинская область: Шаимов Михаил Песня без границ.....	208
Ямало-Ненецкий автономный округ: Янушковская Аделина Память жива	212

**ФИНАЛИСТЫ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

Владимирская область: Дерезглазов Денис Ветеран живёт рядом.....	217
Воронежская область: Святохина Екатерина Взорванное лето	221
Ивановская область: Шумилина Анастасия Вовремя протянуть руку.....	225
Калужская область: Самкова Анна Мы победили!.....	227
Костромская область: Гайфуллина Алина Вместе с дедом до Берлина.....	230
Курская область: Юркевич Анастасия Бабушкина колыбельная	234

г. Москва: Журина Есения Святость материнской любви и памяти. Посвящается моей прабабушке, Романовой А.В.	236
Московская область: Бравина Галина Невыдуманная история	239
Орловская область: Казначеева Надежда Выполнил долг.....	242
Рязанская область: Волков Владимир Не пустили к Москве	245
Смоленская область: Куницкая Ангелина Сокровище детей Дора-Миттельбау	248
Тамбовская область: Смыков Михаил Крымская весна	252
Тверская область: Рамазанова Сабина В то холодное утро октября 41-го.....	257
Тульская область: Статейкина Карина 241 ступенька памяти (Один день моего путешествия)	260
Ярославская область: Солмакова Анастасия Ты же выжил, солдат.....	263

ФИНАЛИСТЫ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Астраханская область: Мартынова Любовь Память о героях Великой Отечественной войны – духовная реликвия нашей семьи.....	267
Волгоградская область: Анищенко Михаил Адрес под подкладкой	272
Республика Адыгея: Абаева Мария Один вечер моего детства	274

Республика Калмыкия: Закинова Юлия	
История одного колодца	277
Республика Крым: Абибуллаева Эльмаз	
Память о войне нам письма оставляют	282
Ростовская область: Ходосок Ангелина	
Письмо в Москву праправнуку героя	285
г. Севастополь: Москаленко Анастасия	
Война, какой её увидела моя девятилетняя прабабушка, или Не хочу, чтобы это повторилось	287

ФИНАЛИСТЫ ПОСОЛЬСТВ

Куба: Лапутина Юлия	
Ах, война, что ж ты, подлая, сделала.....	293
Чехия: Самарина Мария	
Спасибо за мир, в котором живу.....	295
Именной указатель	297

**СБОРНИК РАБОТ ФИНАЛИСТОВ
ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

Корректор
Е.Б. Кулаева

Дизайн обложки
О.А. Плужник

Компьютерная вёрстка
Е.Н. Сиротиной

Подписано в печать 31.03.2020. Формат 60x90/8.
Бумага офсетная. Гарнитура «Cambria».
Объем 56,25 усл. печ. л. Тираж 1 000 экз.

Отпечатано в отделе малотиражных изданий
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
дополнительного профессионального образования
«Центр реализации государственной образовательной политики
и информационных технологий»
(ФГАОУ ДПО ЦРГОП и ИТ)